K83
185
T. 1.

185

К83
185

Л. А. Шалландъ
профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Иммунитетъ Народныхъ Представителей.

Юридическое изслѣдованіе.

Томъ I.

Часть историческая.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1911.

К83
185

Л. А. Шалландъ
профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Иммунитетъ Народныхъ Представителей.

Юридическое изслѣдованіе.

Томъ I.

Часть историческая.

166/7

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1911.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“ 1911 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
1088104

Памяти матери.

Предисловіе.

Настоящее изслѣдованіе посвящено одному изъ наиболѣе жизненныхъ и практически важныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе разработанныхъ вопросовъ публичнаго права.

Одновременно съ зарожденіемъ конституціоннаго строя повсюду на сцену появляется и т. наз. парламентскій иммунитетъ; повсюду народные представители надѣляются особыми привилегіями, изъ коихъ главное мѣсто занимаютъ безотвѣтственность и неприкосновенность. Но, по бо́льшей части, воспріятіе института совершается полусознательно, путемъ механической рецепціи нормъ англійскаго или французскаго права, — ибо доктрина конституціонализма до самаго послѣдняго времени вопросомъ была мало склонна заниматься и какъ бы всецѣло отодвигала его въ область практической политики. Благодаря этому, теорія значительно отстала отъ жизни, предлагающей все новые и новые запросы. И это особенно ярко сказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда обострившіяся отношенія между правительствомъ и законодательными палатами ставятъ ребромъ вопросъ объ юридическомъ положеніи депутатовъ. Достаточно вспомнить о томъ, сколько нашей молодой Государственной Думѣ уже пришлось потратить силъ и времени на толкованіе соотвѣтственныхъ статей своего Учрежденія, и какое разнообразіе мнѣній и сужденій относительно юридической природы и политическаго значенія депутатскихъ привилегій было высказано какъ въ самой палатѣ, такъ и въ повременной печати.

Какъ и всѣ институты публичнаго права, иммунитетъ можно понять и оцѣнить, лишь выяснивъ его генезисъ и постепенное усвоеніе положительнымъ правомъ отдѣльныхъ государствъ. Ибо безотвѣтственность — англо-французскаго, неприкосновенность — чисто-французскаго происхожденія. Импульсъ, такимъ образомъ, былъ данъ Англіей и Франціей; прочіе же народы никакого, почти, самостоятельнаго твор-

чества въ данномъ отношеніи не проявили. Этимъ предрѣшались рамки моего труда: прежде всего необходимо было выяснить условія возникновенія иммунитета на его родинѣ, обстановку, при которой онъ здѣсь постепенно развивался, а затѣмъ прослѣдить отдѣльные фазисы рецепціи его въ другихъ странахъ. Лишь на почвѣ добытаго историческаго матеріала возможно было перейти къ технически-юридическому анализу и соціально-политической оцѣнкѣ института.

Выпускаемый нынѣ первый томъ посвященъ исторіи депутатскихъ привилегій; второй, имѣющій выйти въ свѣтъ въ близкомъ будущемъ, дастъ догматическую разработку вопроса — юридическую конструкцію иммунитета и анализъ политической стороны его.

Само собою разумѣется, что изслѣдованіе мое отнюдь не претендуетъ на исчерпывающую полноту. Свое главное вниманіе я удѣлилъ законодательству Англіи, Франціи и Германіи, т. е. тѣхъ странъ, которыя при установленіи конституціоннаго строя въ культурномъ мірѣ имѣли руководящее значеніе. Но и въ этихъ предѣлахъ я далеко не могъ использовать всего наличнаго матеріала. Виной этому, въ значительной степени, является то обстоятельство, что работа писалась въ Россіи, при помощи однихъ только русскихъ книжныхъ богатствъ: слишкомъ часто, къ сожалѣнію, мнѣ приходилось довольствоваться тѣмъ, что имѣется въ нашихъ книгохранилищахъ, оставляя въ сторонѣ быть можетъ болѣе надежные, но для меня недоступные источники.

Главы II и V—VIII представляютъ собой перепечатку, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, появившихся въ прошломъ году статей моихъ „Свобода слова въ Англійскомъ парламентѣ“ и „Безотвѣтственность и неприкосновенность депутатовъ во Франціи“.

Въ заключеніе, считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность Библіотекарю Юрьевской Университетской Библіотеки А. Т. Расторгуеву и его помощнику М. Г. Ганзену за ту помощь, которую они съ величайшей любезностью неизмѣнно мнѣ оказывали при отысканіи источниковъ и литературы по занимавшимъ меня вопросамъ.

Юрьевъ, 23 августа 1911 г.

Оглавленіе.

	Страница.
Предисловіе	V—VI
Оглавленіе	VII—XIII
Введеніе	1—28
§ 1. Постановка вопроса	3
§ 2. Уголовно-процессуальныя привилегіи членовъ сословныхъ сеймовъ	7
§ 3. Свобода слова въ сословныхъ сеймахъ	18
Раздѣлъ первый. Историческое развитіе парламентскихъ привилегій въ Англіи и Сѣверо-американскихъ Штатахъ	29—160
Глава первая. Привилегіи англійскаго парламента. Общая характеристика	31—37
§ 4. Magnum consilium	31
§ 5. Начало парламента	33
§ 6. Привилегіи парламента	36
Глава вторая. Свобода слова	38—117
I. Плантагенеты и Ланкастерская династія	38—53
§ 7. Начало парламента и свобода слова	38
§ 8. Продолженіе	42
§ 9. Первые прецеденты. Дѣла Peter de la Mare и Henry Haxey	45
§ 10. Свобода слова при Ланкастерской династіи	49
II. Правленіе Тюдоровъ. Генрихъ VIII	53—58
§ 11. Положеніе парламента при Генрихѣ VII и Генрихѣ VIII	53
§ 12. Дѣло Strode	56
III. Правленіе Тюдоровъ. Елизавета	58—68
§ 13. Отношеніе между парламентомъ и короной во второй половинѣ XVI в.	58

Страница.

§ 14. Итоги царствованія Тюдоровъ 64
IV. Стюарты . . . . . 68—82
§ 15. Яковъ I 68
§ 16. Карлъ I. Дѣло Эліота 72
§ 17. Гражданская война. Республика и протекторатъ 78
§ 18. Реставрація Стюартовъ 80
V. Новѣйшее время . . . . . 82—89
§ 18а. Билль о правахъ 82
§ 19. Парламентскія привилегіи въ XVIII в. . 87
VI. Юридическая природа привилегіи . 89—106
§ 20. Содержаніе свободы слова 89
§ 21. Юридическая структура ея 93
§ 22. Карательная власть парламента . . . 95
§ 23. Объемъ привилегіи 103
VII. Посторонніе лица, отчеты о засѣданіяхъ и парламентскіе документы . . 106—117
§ 24. Посторонніе посѣтители 106
§ 25. Отчеты о засѣданіяхъ 109
§ 26. Parliamenty papers 115
Глава третья. Свобода отъ ареста . . . . 118—152
I. Общее понятіе о привилегіи . . . . 118—119
§ 27. Отдѣльные виды freedom from arrest . 118
II. Immunity from personal molestation . 120—124
§ 28. Начало привилегіи. Первые прецеденты 120
§ 29. Дальнѣйшая судьба привилегіи . . . 122
III. Freedom from arrest . . . . . 124—138
§ 30. Возникновеніе привилегіи 124
§ 31. Цѣль института. Положеніе должниковъ въ англійскомъ правѣ 126
§ 32. Содержаніе привилегіи 128
§ 33. Дѣло Ferrers 131
§ 34. Дѣло Thomas Shirley 132
§ 35. Freedom from arrest въ XVIII в. . . . 133
§ 36. Привилегія пэровъ 135
§ 37. Freedom from arrest въ XIX ст. . . . 136
§ 38. Поручительство членовъ палатъ; арестъ, послѣдовавшій до избранія депутатомъ 137
IV. Freedom from subpoena and jury . . . 138—141
§ 38. Вызовъ депутатовъ въ судъ въ каче-

Страница.

ствѣ свидѣтелей по гражданскимъ дѣламъ 138
§ 40. Участіе въ джюри. 140
V. Распространеніе привилегіи на слугъ членовъ парламента . . . . . 141—143
§ 41. Первые прецеденты и развитіе привилегіи 141
§ 42. Постепенное съуженіе привилегіи и ея отмѣна въ XVIII в. 142
VI. Уголовныя правонарушенія . . . . 144—150
§ 43. Первые вѣка существованія парламента. Treason, felony и breach of peace . . 144
§ 44. Дѣло John'a Wilkes 147
§ 45. Indictable offences и современное положеніе вопроса 149
VII. Срокъ дѣйствія привилегіи . . . . 150—152
§ 46. Легальный срокъ прежде и теперь . . 150
Глава четвертая. Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты . . . . . 153—160
§ 47. Англійскія колоніи и ихъ строй . . . 153
§ 48. Конституціи отдѣльныхъ штатовъ . . 154
§ 49. Союзная конституція 1787 г. 156
§ 50. Публичность засѣданій конгресса и опубликованіе отчетовъ 159
Раздѣлъ Второй. Законодательство Франціи и Бельгіи. . . . . 161—251
Глава пятая. Начало революціи и конституція 1791 г. . . . . 163—188
I. Политическая доктрина революціи . . 163—172
§ 51. Ученія Руссо и Монтескье 163
§ 52. Воззрѣнія Мабли и Сійеса 166
§ 53. Свобода слова въ предреволюціонной литературѣ 168
§ 54. Неприкосновенность въ той же литературѣ 170
II. Наказы 1789 г. . . . . 172—176
§ 55. Классификація наказовъ съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ иммунитету . . 172
§ 56. Взглядъ ихъ на депутатскія привилегіи 174
III. Конституція 1791 г. . . . . 176—188

Страница.

§ 57. Декларація 23 іюня 1789 г. 176
§ 58. Дѣло Тулузъ-Лотрека и воззрѣнія Робеспьера 178
§ 59. Конституція 1791 г. и неприкосновенность 185
§ 60. Конституція 1791 г. и безотвѣтственность 187

Глава шестая. Эпоха Конвента . . . . . 189—212
I. Конституція 1793 г. . . . . 189—196
§ 61. Жирондистскій проектъ и декретъ 1 апрѣля 1793 г. 189
§ 62. Ст. 43 и 44 конституціи 1793 г. . . 191
§ 63. Декларація правъ 1793 г. 195
II. Законъ 22 преріаля и декретъ 8 брюмера II г. . . . . 196—202
§ 64. Терроръ. Революціонный трибуналъ и законъ 22 преріаля 196
§ 65. Паденіе Робеспьера. Декретъ 8 брюмера 198
III. Конституція III г. . . . . 202—212
§ 66. Выработка новой конституціи 202
§ 67. Постановленія ея относительно иммунитета. Директорія 206

Глава седьмая. Законодательство Наполеона I и эпохи реставраціи . . . . . 213—227
I. Консульство и Имперія . . . . . 213—216
§ 68. Конституція VIII г. 213
§ 69. „Дополнительный Актъ“ 1815 г. . . 216
II. Реставрація . . . . . 217—227
§ 70. Сенаторіальная конституція. Хартія 1814 г. и монархическій принципъ . . 217
§ 71. Хартія и неприкосновенность 219
§ 72. Хартія и свобода слова 219
§ 73. Законъ о печати 1819 г. 221
§ 74. Законъ 1822 г. 224
§ 75. Литература эпохи реставраціи и иммунитетъ. 226

Глава восьмая. Бельгійская конституція и новѣйшее французское законодательство . 228—251
I. Конституція 7 февраля 1831 г. . . . 228—234

Страница.

§ 76. Ст. 44 и 45 конституціи 228
§ 77. Выработка этихъ статей Національнымъ Конгрессомъ 229
§ 78. Юридическая природа иммунитета по бельгійскому праву. Свобода слова . 231
§ 79. Продолженіе. Неприкосновенность . . 234
II. Новѣйшее французское законодательство . . . . . 234—251
§ 80. Конституція 1848 г. 234
§ 81. Конституція 1852 г. 236
§ 82. Законъ 16 іюля 1875 г. 237
§ 83. Юридическая природа безотвѣтственности 240
§ 84. Юридическая природа неприкосновенности 245
§ 85. Публичность и гласность засѣданій палатъ 248
Раздѣлъ третій. Рецепція французскаго права прочими государствами европейской культуры 252
Глава девятая. Введеніе конституціоннаго строя въ Германіи 254
I. Политическая доктрина начала XIX в. . 254—263
§ 86. Германія ко времени созыва Вѣнскаго конгресса 254
§ 87. Литературныя теченія первой трети XIX в. Школа Роттека 256
§ 88. Продолженіе. Дальманъ 258
§ 89. Монархическій принципъ и раздѣленіе властей 260
§ 90. Отношеніе къ иммунитету 262
II. Первыя германскія конституціи. Теоретическое обоснованіе иммунитета 264
§ 91. Воззрѣнія Клюбера, Роттека, Моля и Бюлау 264
§ 92. Ученіе К. С. Цахаріэ 268
§ 93. Воззрѣнія Герау 273
III. Первыя конституціи и парламентскія привилегіи. Неприкосновенность . 276—281

Страница.

§ 94. Саксенъ-Веймарская конституція 1816 г. 276
§ 95. Конституціи Нассау, Баваріи и Вюртемберга 277
§ 96. Ганноверское законодательство . . . 280
§ 97. Саксенъ - Мейнингенская конституція 1829 г. 281
IV. Первыя конституціи и парламентскія привилегіи. Безотвѣтственность 281—287
§ 98. Четыре формулировки принципа безотвѣтственности 281
§ 99. Вѣнскій Заключительный Актъ . . . 285
Глава десятая. 1848-ой годъ въ Германіи . . 288—302
§ 100. Конституціонные проекты Штейна и Гарденберга 288
§ 101. Прусская конституція 290
§ 102. Франкфуртское Національное Собраніе 296
Глава одиннадцатая. Дѣйствующее право Германіи 303
I. Безотвѣтственность . . . . . 303—309
§ 103. Конституціи, изданныя непосредственно послѣ 1848-го года. 303
§ 104. Дѣло Твестена 304
§ 105. Конституція 1871 г. 308
II. Неприкосновенность . . . . . 309—316
§ 106. Новѣйшія конституціи 309
§ 107. Постановленія партикулярныхъ законодательствъ и обще-имперское право . 311
§ 108. Продолженіе 313
§ 109. Арестъ по гражданскимъ дѣламъ . . 316
III. Постановка вопроса въ литературѣ . 316—324
§ 110. Воззрѣнія Германа 316
§ 111. Послѣдующая литература 323
Глава двѣнадцатая. Гласность засѣданій и парламентскіе отчеты въ Германіи. . . 325—332
§ 112. Положеніе вопроса до 1830 г. . . . 325
§ 113. Позднѣйшій періодъ 328
§ 114. Юридическое положеніе отчетовъ . . 329
Глава тринадцатая. Законодательство прочихъ странъ 333
§ 115. Австрія 333

Страница.

§ 116. Продолженіе 335
§ 117. Нидерланды 336
§ 118. Швейцарія 339
§ 119. Продолженіе 341
§ 120. Продолженіе 342
§ 121. Испанія 345
§ 122. Продолженіе 347
§ 123. Португалія 348
§ 124. Италія 350
§ 125. Продолженіе 351
§ 126. Государства Балканскаго полуострова 352
§ 127. Продолженіе 354
§ 128. Продолженіе 355
§ 129. Государства Америки 358
§ 130. Азіатскія государства 360

Corrigenda.

Стр.	Строка					
17	1	сверху	напечатано:	давнѣйшее	читай:	дальнѣйшее
18	1	снизу	прибавить S. 110 ff.			
25	19	сверху	напечатано:	часно	„	часто
26	15	снизу	„	слѣлалось	„	сдѣлалось
27	19	„	„	точки	„	точкѣ
37	12	„	„	but	„	put
82	14	„	„	§ 18	„	§ 18a
150	16	сверху	„	VI	„	VII
150	17	„	„	привилегій	„	привилегіи

Введеніе.

§ 1. Въ значительномъ большинствѣ государствъ современной европейской культуры неизбѣжными спутниками конституціоннаго строя являются двѣ привилегіи, предоставляемыя членамъ законодательныхъ палатъ, а именно т. наз. безотвѣтственность и неприкосновенность [1]).

Существо первой изъ нихъ заключается въ томъ, что депутатъ не подлежитъ привлеченію къ отвѣтственности ни со стороны органовъ государственной власти, ни со стороны частныхъ лицъ за все сказанное имъ въ парламентѣ при исполненіи имъ своихъ обязанностей народнаго представителя, хотя бы въ его поведеніи заключались всѣ элементы правонарушенія, а именно — словеснаго деликта. Единственная допускаемая современными законодательствами реакція въ этихъ случаяхъ — это примѣненіе той или другой изъ установленныхъ наказомъ палаты дисциплинарныхъ мѣръ. Такимъ образомъ, гарантируемая депутатамъ свобода слова носитъ абсолютный характеръ, а сама привилегія относится къ области права матеріальнаго.

Въ иной плоскости лежитъ другая привилегія — неприкосновенность. Она представляетъ собой институтъ процессуальнаго права и заключается въ томъ, что во время

1) Объ привилегіи также весьма часто обозначаются общимъ терминомъ „парламентскаго иммунитета“, immunité parlementaire, parlamentarische Immunität. Въ современной французской литературѣ безотвѣтственность носитъ техническое названіе irresponsabilité, неприкосновенность — inviolabilité; германскіе писатели обыкновенно различаютъ Redefreiheit, Unverantwortlichkeit или berufliche Immunität съ одной стороны и ausserberufliche Immunität — съ другой.

сессіи парламента уголовное преслѣдованіе противъ депутата можетъ послѣдовать лишь съ разрѣшенія той палаты, въ составъ которой онъ входитъ. Дѣяніе народнаго представителя, такимъ образомъ, не иммунизируется, не теряетъ своего преступнаго характера; виновникъ не избавляется отъ наказанія, но производство дѣла отсрочивается до окончанія сессіи, если только палата не согласится на немедленное преслѣдованіе своего сочлена.

Таковы общіе правовые контуры иммунитета. Въ указанныхъ предѣлахъ, однако, каждая изъ привилегій, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій данной страны, имѣетъ свои особые оттѣнки, свои специфическія особенности. Сама юридическая конструкція далеко не повсюду одинакова, и подъ внѣшней тождественностью законодательныхъ текстовъ часто скрываются глубокія различія по существу. Само собою разумѣется, что судебная и парламентская практика, слѣдуя общему духу національнаго законодательства, отличается также бо́льшей или меньшей эластичностью. Эта пестрота и разнообразіе, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, находятъ себѣ объясненіе въ историческомъ происхожденіи привилегій и въ своеобразности процесса усвоенія ихъ отдѣльными государствами европейской культуры.

По своему историческому происхожденію, безотвѣтственность глубоко отличается отъ неприкосновенности. На самомъ дѣлѣ, первая привилегія англійскаго происхожденія и является результатомъ продолжительной и постепенной эволюціи. Вторая же, наоборотъ, создана была сразу, въ разгаръ революціонной смуты конца XVIII в., и потому не была воспринята тѣми конституціями, которыя создались внѣ сферы вліянія идеологіи великой французской революціи.

Оба института, однако, исторически тѣсно связаны съ введеніемъ конституціоннаго строя. Мы говоримъ исторически, такъ какъ съ формально-логической точки зрѣнія нѣтъ никакой возможности вывести необходимость этихъ институтовъ изъ какой-либо предпосылки представительнаго строя [1]). Нельзя утверждать, что иммунитетъ есть conditio sine qua non

1) Какъ мы впослѣдствіи увидимъ, всѣ попытки въ этомъ направленіи потерпѣли полное крушеніе.

существованія представительной системы: примѣръ цѣлаго ряда современныхъ конституціонныхъ государствъ, достигшихъ высшей ступени культуры, показываетъ, что законодательныя палаты могутъ функціонировать вполнѣ правильно и не пользуясь благами иммунитета. Такъ, ни Англія, ни Америка, ни Швеція, ни Нидерланды не знаютъ до сихъ поръ уголовной неприкосновенности; безъ свободы слова, въ смыслѣ полной безотвѣтственности, обходятся Швеція, Норвегія, Финляндія и нѣкоторые швейцарскіе кантоны. Отсюда естественно вытекаетъ предположеніе, что иммунитетъ, въ той или другой формѣ, есть не абсолютная, а относительная правовая цѣнность, отвѣчающая извѣстнымъ конкретнымъ потребностямъ политической жизни и призванная къ осуществленію опредѣленной соціальной функціи, въ зависимости отъ условій времени и мѣста. Сходства въ структурѣ привилегіи въ отдѣльныхъ государствахъ объясняются аналогичностью общественныхъ условій на извѣстныхъ ступеняхъ культуры, различія — историческими условіями развитія правосознанія въ отдѣльныхъ политическихъ формаціяхъ: одни и тѣ же сѣмена даютъ различные всходы въ зависимости отъ той почвы, на которую они падаютъ.

Въ отношеніи условій своего политическаго роста, современныя западно-европейскія государства представляютъ собой двѣ группы: въ одной изъ нихъ, къ коей относятся Англія и Швеція [1]), переходъ отъ стараго режима къ новому совершился постепенно, безъ особыхъ потрясеній, безъ идейнаго разрыва съ прошлымъ. Зданіе государственности обновлялось и перестраивалось по мѣрѣ надобности, безъ коренной ломки, путемъ частичнаго ремонта. Конституціи этихъ государствъ поэтому представляютъ собой результатъ медленной, но непрерывной эволюціи. Современные англій-

1) Какъ замѣчаетъ P. Fahlbeck, La constitution suédoise et le parlementarisme moderne, Par. 1905, p. 5, конституціи Англіи и Швеціи отличаются тѣмъ, что „on ne trouve derrière elles ni théories d'aucune sorte, ni modèles importés du dehors. Elles sont d'un bout à l'autre, les produits d'une expérience nationale recueillie au cours de plusieurs siècles. Pour ce qui est de l'Angleterre, c'est là un fait généralement connu et qui n'a pas besoin d'être exposé ici. Mais que le cas soit le même pour la Suède, c'est ce qu'on ignore complètement au delà des frontières de ce pays".

скій парламентъ и шведскій риксдагъ — послѣднія стадіи въ развитіи представительныхъ учрежденій, возникшихъ въ XIII ст. Политическое и соціальное ихъ значеніе измѣнилось; изъ представителей отдѣльныхъ сословій они сдѣлались представителями всей націи, органомъ государства какъ такового: но превращеніе это совершилось постепенно, безъ скачковъ, въ силу внутренней необходимости, а не во имя тѣхъ или другихъ отвлеченныхъ началъ[1]).

Иной характеръ носитъ развитіе представительства въ прочихъ европейскихъ государствахъ. Исходные моменты тѣже, что и въ Англіи: повсюду въ XIII, XIV ст., рядомъ съ королевской властью выростаютъ сословные сеймы, ограничивающіе монарха и конкурирующіе съ нимъ въ дѣлѣ государственнаго управленія. Но тогда какъ въ Англіи лорды и общины постепенно завоевываютъ себѣ все бо́льшую и бо́льшую власть, и парламентъ, отстоявъ свою самостоятельность отъ покушеній Стюартовъ, провозглашаетъ догматъ своего всемогущества, на континентѣ сословные чины, послѣ кратковременнаго расцвѣта, мало по малу утрачиваютъ свое значеніе и либо исчезаютъ вовсе, какъ во Франціи и нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, либо влачатъ жалкое существованіе, не будучи въ состояніи дать сколько-нибудь серьезный отпоръ абсолютистическимъ стремленіямъ королей. Введеніе конституціоннаго строя здѣсь оказалось не преобразованіемъ государства, а созданіемъ новой государственности по иностранному образу, соотвѣтственно опредѣленной, заранѣе выработанной идеологіи.

Различія въ историческихъ условіяхъ развитія представительныхъ учрежденій не могли не отразиться и на юридическомъ положеніи самихъ представителей. Средневѣковые сословные сеймы, въ общемъ, имѣли довольно однородную организацію, и члены ихъ пользовались извѣстнымъ комплексомъ правъ и привилегій, имѣвшихъ, однако, лишь отдаленное отношеніе къ современнымъ безотвѣтственности и неприкосновенности. Въ противоположность Англіи, на континентѣ эти привилегіи дальнѣйшаго развитія не получили: онѣ какъ бы застыли и къ XVIII в. свелись почти

1) Ср. Löning, Die Repräsentativverfassung im XIX. Jahrhundert, Halle 1899, S. 4.

къ нулю. Но тѣмъ не менѣе, при рецепціи конституціоннаго строя, въ особенности въ государствахъ германской культуры, воспоминаніе о нихъ оказало извѣстное вліяніе на выработку новаго права. Принципы полной свободы слова и уголовной неприкосновенности внѣдряются не сразу, а лишь послѣ довольно продолжительной и упорной борьбы; съ ними не мирилась традиція, ибо все же народное правосознаніе склонно было въ новыхъ законодательныхъ палатахъ видѣть правопреемницъ старыхъ сословныхъ чиновъ. Это приводитъ насъ къ необходимости вкратцѣ разсмотрѣть вопросъ о юридическомъ положеніи членовъ прежнихъ представительныхъ учрежденій[1]).

Рѣчь здѣсь, конечно, можетъ итти только о тѣхъ правахъ и привилегіяхъ депутатовъ, которыя, нося чисто-личный характеръ, представляютъ хоть нѣкоторое сходство съ современными безотвѣтственностью и неприкосновенностью. Лишь эти привилегіи могутъ разсматриваться какъ предшественницы парламентскаго иммунитета и стоятъ въ какой-либо исторической съ ними связи. Поэтому мы остановимся только на вопросѣ о свободѣ слова на сословныхъ сеймахъ и объ уголовно-процессуальныхъ гарантіяхъ, которыя въ большей или меньшей степени предоставлялись депутатамъ во всѣхъ государствахъ, знавшихъ представительную систему вообще.

§ 2. Что касается привилегій съ уголовно-процессуальнымъ характеромъ, то исходнымъ моментомъ является древнегерманскій институтъ вѣчевого мира (Ding- или Thingfriede)[2]). У германцевъ, во время народныхъ собраній, пре-

---

1) Предлагаемый нами краткій обзоръ привилегій членовъ сословныхъ сеймовъ не претендуетъ ни на полноту, ни на оригинальность. Вопросъ какъ въ юридической, такъ и исторической литературѣ, обходится почти полнымъ молчаніемъ, и сколько-нибудь обстоятельное изслѣдованіе его потребовало бы углубленнаго изученія первоисточниковъ. Со временемъ, мы надѣемся вернуться къ этой интересной темѣ и дать болѣе полную картину юридическаго положенія сословныхъ представителей. Теперь же мы вынуждены ограничиться лишь немногими замѣчаніями, цѣль коихъ — дать суммарное представленіе о постановкѣ вопроса въ сословномъ государствѣ и показать все принципіальное различіе, существующее между современнымъ иммунитетомъ и средневѣковыми депутатскими привилегіями.

2) См. Wilda, Das Strafrecht der Germanen, Halle 1842, S. 233 ff.

кращались всѣ распри, всѣ споры, и всякаго рода столкновенія и нарушенія мира составляли тяжкія преступленія[1]). Миромъ пользовались всѣ участники собранія и не только въ то время, когда они были на лицо и занимались государственными дѣлами, но и во время пути туда и обратно. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ мѣстъ изъ источниковъ. Такъ, напр., lex Frisionum содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: „homo faidosus pacem habeat in ecclesia, in domo sua, ad ecclesiam eundo, de ecclesia redeundo, ad placitum eundo, de placito redeundo, qui hanc pacem effregerit, et hominem, novies 30 solidos componat; si vulneraverit, 12 solidos componat ad partem regis“[2]).

Какъ видно изъ этого постановленія, члены собранія пользовались спеціальной охраной также и „eundo et redeundo“[3]).

Особенно тщательно регламентированъ былъ вопросъ въ старо-исландскомъ правѣ[4]). Здѣсь гарантія мира распространялась не только на участниковъ вѣча[5]), но и на ихъ

---

1) „Laeti tunc dies, говоритъ Тацитъ (Germania, cap. 40), festa quoque loca, quaecunque adventu, hospitioque dignatur; non bella ineunt, non arma sumunt, clausum omne ferrum, pax et quies tunc tantum nota, tunc tantum amata“.

2) Additio sapientium, tit. I, c. 1. См. Monum. Germ., leg. III, 662 (ed. v. Richthofen).

3) О религіозной основѣ вѣчеваго и судебнаго мира см. Wilda, op. cit., 233, 234: „Die gebotenen Dinge fielen freilich nicht in solche heilige Zeiten, allein auch ihnen hat wohl die Weihe der Religion nicht gefehlt. Wo das Volk als solches versammelt war, war die Gottheit näher... Der Gottesfrieden waltete im ganzen Lande, der Dingfrieden im engern Sinne umschloss wohl die zusammenkommenden Dinggenossen“. Ср. Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, 5 Aufl., 1880, I, 349.

4) Подробное описаніе исландскаго вѣча см. у K. Maurer, Das Staatsrecht des isländischen Freistaates (Vorlesungen über altnordische Rechtsgeschichte, B. IV, Lpz. 1909), S. 280 ff.

5) Въ сборникъ Grágás (Graugans) мы находимъ слѣдующее постановленіе: „Alle Godar, welche zu dem Dinge gehören, sollen zum (Frühjahrs-) Ding kommen, sowie es beginnt. Der Godi, der den Dingfrieden zu hüten hat, soll den Dingfrieden setzen den ersten Abend ihrer Zusammenkunft. Dann soll aller Leute Busse verdoppelt werden, was ihnen auch geschehen mag an Worten und allen bösen Werken. Der Godi soll bestimmen, wie weit des Dinges Macht gehen soll“. Wilda, loc. cit., 235. О значеніи термина Godi см. Maurer, loc. cit., p. 213 seq.

свиту и даже лошадей[1]). Аналогичныя нормы встрѣчаются въ старо-норвежскомъ правѣ[2]).

Одной изъ важнѣйшихъ функцій средневѣкового государства, наряду съ защитой отъ внѣшнихъ враговъ, является отправленіе правосудія. Древне-германское представленіе о свѣтской власти было тѣсно связано съ понятіемъ юрисдикціи. Забота о духовномъ и матеріальномъ благосостояніи отдѣльныхъ лицъ, входившихъ въ составъ общественнаго союза, лежало въ тѣ времена почти исключительно на церкви и общинахъ. Въ управленіе, въ тѣсномъ смыслѣ слова, государство мало вмѣшивалось, законодательная же функція почти отсутствовала вовсе, такъ какъ право развивалось почти исключительно путемъ обычая и судебной практики. На судахъ, такимъ образомъ, лежала не только обязанность примѣнять существующія нормы, но также и правотворческая функція. При этомъ отправленіе правосудія составляло главную задачу всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ органовъ. Лишь постепенно, по мѣрѣ увеличенія общественныхъ потребностей и усложненія политической жизни, органы государства призываются къ осуществленію иныхъ задачъ. Рамки государственной дѣятельности, однако, расширяются лишь крайне медленно, причемъ увеличеніе функцій тѣхъ или иныхъ органовъ носитъ характеръ постепенныхъ наслоеній, не способныхъ стереть первоначальный обликъ даннаго учрежденія. На всѣхъ средневѣковыхъ государственныхъ органахъ ярко виденъ отпечатокъ ихъ отправнаго назначенія — служить цѣлямъ правосудія. Благодаря этому, на ряду съ понятіемъ вѣчевого мира выростаетъ почти совпадающее съ нимъ понятіе мира судебнаго. Усиленной уголовной охраной пользуются всѣ участники судебнаго

1) „Wiederum, говоритъ Maurer, loc. cit., 287, waren die Pferde der auf der Dingfahrt begriffenen Leute durch besonders schwere Strafandrohungen gegen Verstümmelung und sonstige Beschädigungen geschützt". О наказаніяхъ за нарушеніе вѣчевого мира см. ibid., 303, 304.

2) Maurer, Altnorwegisches Staatsrecht und Gerichtswesen, Lpz. 1907, Abt. II, S. 26 ff.

3) См. интересныя замѣчанія Ernst Mayer'a, Deutsche und französische Verfassungsgeschichte vom 9. bis 14. Jahrhundert, Lpz. 1899, I, 138. Ср. Akòs v. Timon, Ungarische Verfassungs- und Rechtsgeschichte, übers. von Schiller, 2. Aufl., Berl. 1909, S. 171.

процесса — какъ судьи, такъ и стороны. Послѣднія находятся подъ особой защитой также и во время пути къ мѣсту засѣданія суда и возвращенія своего домой. Такъ, въ одной изъ редакцій салическаго закона мы читаемъ слѣдующее: „si quis hominem, qui alicubi migrare disponit et dirigere habet praeceptum Regis et si aliunde ierit in mallum publicum extra ordinationem restare eum facit aut adsalire praesumpserit 200 sol. culp. jud.“ [1]). Аналогичныя постановленія въ большомъ изобиліи встрѣчаются также въ памятникахъ скандинавскаго права [2]).

Съ теченіемъ времени, вѣче теряетъ свое значеніе или даже исчезаетъ вовсе, какъ, напр., у франковъ, баварцевъ, вестготовъ, ломбардцевъ и алемановъ [3]). Все сильнѣе и сильнѣе становится власть короля, который превращается въ главенствующій органъ новыхъ политическихъ образованій. Соотвѣтственно этому вѣчевой или народный миръ претворяется въ миръ королевскій: особой охраной пользуется не только особа монарха, но и всѣ тѣ, которые идутъ къ нему или отъ него возвращаются [4]). Такъ, напр., по саксонской правдѣ за нанесеніе вреда лицу, направляющемуся ко дворцу или возвращающемуся оттуда, полагалась тройная композиція [5]). Аналогичное постановленіе встрѣчается въ

1) См. текстъ, опубликованный Herold'омъ, XVI, 4, у Pardessus, Loi salique, Par. 1843, p. 235; также Wilda, op. cit., 235, n. 1.

2) См. Wilda, op. cit., 235; Maurer, Altnorwegisches Staatsrecht, loc. cit.

3) См. Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. La Monarchie Franque, Par. 1888, p. 63 et suiv.; Viollet, Histoire des institutions politiques et administratives de la France, t. I., Par. 1890, p. 205 et suiv. Вопросъ, впрочемъ, не вполнѣ еще выясненъ.

4) Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 4. Aufl., Lpz. 1902, S. 117, 118: „der besondere Friede unter dem die Person des Königs stand, und der jeden Angriff auf diesen als todeswürdigen Hochverrat erscheinen liess, gestaltete sich für den Ort, an dem der König dauernd oder vorübergehend weilte, zum Burgfrieden, der in abgeschwächtem Masse den königlichen Pfalzen auch bei Abwesenheit des Königs zukam, und zum Strassenfrieden für alle, die sich auf dem Wege zum Könige befanden oder von dort zurückkehrten. Die Uebertragung des Dingfriedens auf den König liegt hier auf der Hand“. Cp. Wilda, op. cit., 253.

5) § 37 (Mon. Germ., leg. V, ed. v. Richthofen, p. 68): „qui homini in hoste vel de hoste, ad palatium vel de palatio pergenti malum aliquod fuerit, in triplo componat“. Cp. Capitula de partibus Saxoniae, c. 24 (ibid.,

капитуляріи Карла Великаго 779 г.[1]), въ алеманской правдѣ[2]), въ эдиктѣ Ротарія[3]), а также въ старомъ шведскомъ правѣ[4]).

Наконецъ, подъ дѣйствіе королевскаго мира подпадали также и тѣ, которые посылались королемъ куда нибудь для выполненія того или другого порученія. Такъ, у франковъ[5]), алемановъ[6]), фризовъ[7]) и др. насиліе, учиненное надъ королевскимъ чиновникомъ, влекло за собой увеличеніе виры. Какъ говоритъ Wilda[8]), основаніемъ мира въ данномъ случаѣ служили особыя отношенія, которыя существовали между королемъ и лицами, коимъ онъ поручалъ то или другое дѣло.

Начиная съ XIII в., повсюду мало по малу начинаютъ появляться сословныя представительныя учрежденія. Какъ по составу, такъ и по организаціи, сеймы эти представляли

44): „ut nulli hominem contradicere viam ad nos veniendo pro justicia reclamanda aliquis praesumat; et si aliquis hoc facere conaverit, nostrum bannum persolvat“.

1) Mon. Germ., loc. cit., p. 68, n. 98.

2) Ibid., leg. III, ed. Merkel, p. 54: „de his qui in curte duci hominem occiderit aut ibi ambulantem aut inde revertentem, triplicem widrigildum eum solvat pro hoc, quod praeceptum duci transgressus, ut uniusquisque homo pacem habeat ad dominum suum veniendo et de illo revertendo“ (c. 29).

3) Wilda, op. cit., 259.

4) Говоря о „violatum juramentum Regium“ Joh. O. Stiernhöök, De jure sueonum et gothorum vetusto libri duo, Holmiae 1682, указываетъ, что время совершенія преступленія можетъ служить основаніемъ для увеличенія наказанія. „Tempore quoque sationis et messis vis facta alicui in fundo proprio, duplicatione poenae ordinariae vindicata fuit, perinde etiam si facta in expeditione, et vel praesente vel etiam adventanto Rege aut Senatoribus Regni, ut modo dictum. Jus Wesmannicum determinat sacram hanc pacem ad septendium, publicato Regis adventu, ante adventum totidem et totidem post abitum eius: extenditur vero haec pax et securitas ad 14 dies convo cato Regni Senatu“. p. 341.

5) Lex Sal. emendata, XV. 4: „Si quis hominem, praeceptum regis habentem, contra ordinationem regis, adsallire, vel viae laciniam ei facere praesumpserit, VIIIM dinariis, qni faciunt solidos CC, culpabilis judicetur“. Pardessus, op. cit., 287. Ср. Sohm, Die fränkische Reichs- und Gerichtsverfassung, Weimar 1871, S. 39.

6) Les Alam. XXX.

7) Lex. Fris. XVII. 2.

8) Op. cit., 291.

большое сходство между собой: одинаковыя условія политической жизни породили и одинаковыя послѣдствія. Съ теченіемъ времени, въ зависимости отъ пройденнаго историческаго пути, какъ внѣшній обликъ, такъ и внутренняя структура этихъ учрежденій въ различныхъ государствахъ принимаетъ и различный видъ. Въ однихъ, какъ напр. въ Швеціи и Венгріи, сословные чины занимаютъ твердую позицію и вплоть до новѣйшаго времени стойко борются за свою независимость и самостоятельность. Въ другихъ, какъ во Франціи и нѣкоторыхъ государствахъ Германіи, они сравнительно рано утрачиваютъ свое значеніе, мало по малу становятся послушнымъ орудіемъ правительства и, наконецъ, перестаютъ и вовсе созываться.

На членовъ этихъ сословныхъ собраній съ самаго начала переносятся полностью или отчасти тѣ нормы, которыя въ прежнее время выработались относительно судебнаго и королевскаго мира. Оно было и вполнѣ понятно. Условія средневѣковой жизни были таковы, что исполненіе обязанностей депутатовъ было отнюдь не изъ легкихъ. Поэтому мы повсюду встрѣчаемся съ постановленіями, стремящимися оградить членовъ сеймовъ отъ возможныхъ на нихъ покушеній и гарантировать имъ наибольшую безопасность. Въ разное время эти постановленія получаютъ и разное содержаніе, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, но происхожденіе и цѣль ихъ одинаковы.

Въ Испаніи уже Siete Partidas, изданныя въ XIII в.[1]), гарантировали безопасность для всѣхъ лицъ, являвшихся ко двору.

Однако, говоритъ проф. Пискорскій[2]), „пребываніе въ кортесахъ для депутатовъ не всегда являлось безопаснымъ, точно такъ же какъ и путешествіе туда и возвращеніе домой. Просьба о предоставленіи имъ безопасности въ теченіи всего этого времени повторяется въ рядѣ петицій кортесовъ, начиная съ 1302 г. Въ 1313 г., когда предстояло избрать опекуна для Альфонса XI, въ Валенсійскихъ кортесахъ явились претенденты на это званіе съ вооруженной си-

1) См. Brauchitsch, Geschichte des spanischen Rechts, Berl. 1852, S. 87 ff.

2) Кастильскіе Кортесы. Кіевъ 1897, стр. 47, 48.

лой. Въ 1328 г. Альфонсъ XI издалъ законъ, обезпечивающій безопасность лицъ, явившихся въ кортесы. Однако, частое повтореніе петицій депутатовъ о предоставленіи имъ безопасности въ кортесахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что гарантіи неприкосновенности не соблюдались. Въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1351 г. представители общинъ жалуются на то, что въ теченіи сессіи кортесовъ многіе злоумышляютъ противъ нихъ, возбуждая процессы и стараясь лишить ихъ свободы. Въ виду этого они просили короля сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы дворцовые алькады не принимали исковъ, предъявляемыхъ противъ нихъ, не заключали ихъ въ тюрьмы и вообще не стѣсняли ихъ свободы до тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ не водворится на мѣсто жительства. На эту петицію король отвѣчалъ согласіемъ съ оговоркой, что исключенію изъ общаго правила подлежатъ лица, обвиняемыя въ неисправномъ платежѣ королевскихъ повинностей или въ присвоеніи королевскихъ рентъ, въ преступленіяхъ, совершенныхъ во время пребыванія при дворѣ, или вообще обвиняемыя въ уголовномъ порядкѣ. Въ кортесахъ 1401 г. представлена была ими петиція о соблюденіи неприкосновенности личности и имущества депутата до тѣхъ поръ, пока онъ, вернувшись домой, не освободится отъ лежащихъ на немъ полномочій. На эту просьбу король отвѣчалъ согласіемъ, дѣлая исключеніе лишь для тѣхъ депутатовъ, которые являются неисправными должниками, и рекомендовалъ избрать въ депутаты тѣхъ лицъ, у которыхъ не было бы долговъ, за долги же избирателей депутаты признаны были неотвѣтственными. Но, несмотря на рядъ постановленій, охранявшихъ, хотя и съ извѣстными ограниченіями неприкосновенность личности и собственности депутатовъ, послѣдніе въ Толед. кортесахъ 1462 г. указывали на то, что отсутствіе безопасности побуждаетъ депутатовъ иногда воздерживаться отъ появленія при дворѣ".

Приведенное описаніе юридическаго положенія депутатовъ на испанскихъ кортесахъ представляется чрезвычайно характернымъ. Обезпеченіе безопасности понимается въ самомъ широкомъ смыслѣ: требуются гарантіи не только отъ насилія въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и отъ всѣхъ такихъ дѣйствій со стороны частныхъ лицъ, которыя способны оказаться помѣхой для депутата при исполненіи имъ своихъ

обязанностей. Здѣсь мы имѣемъ передъ собой генезисъ того института, который въ Англіи получилъ дальнѣйшее развитіе и, до извѣстной степени, сохранился и понынѣ. Мы говоримъ о т. наз. freedom from arrest, т. е. о свободѣ депутатовъ отъ задержанія и преслѣдованія по исковымъ требованіямъ частныхъ лицъ (см. гл. III).

Весьма любопытную постановку вопросъ получилъ въ венгерскомъ правѣ. Члены имперскаго сейма или рейхстага находились подъ охраной (salvus conductus) короля; въ случаѣ нарушенія королемъ данной гарантіи, онъ подлежалъ excommunicatio или отлученію со стороны прелатовъ. Далѣе, согласно декрету 1507 г., всякій, кто нападетъ на возвращающагося съ сейма или идущаго туда депутата, виновенъ въ измѣнѣ. Наконецъ, во время засѣданій сейма, всѣ суды пріостанавливали свои дѣйствія, причемъ этотъ обычай (т. наз. Comitial-juristitium) продержался до 1848 г.[1]).

Въ нидерландскихъ палатахъ, точно также, депутаты были надѣлены привилегіями, исходившими, въ общемъ, изъ идеи особой охраны отъ внѣшнихъ посягательствъ[2]), и та же мысль руководила французскими генеральными штатами, когда они въ 1357 г. постановили, что депутаты могутъ быть сопровождаемы, буде того пожелаютъ, эскортомъ

1) См. Akòs v. Timon, op. cit., 629; cp. v. Virozsil, Das Staatsrecht des kön. Ungarn, Pest 1866, B. III, S. 16.

2) „Les membres des états, говоритъ Faider, Études sur les constitutions nationales, Brux. 1842, p. 161, dans toutes les provinces, jouissaient du privilège de sauf-conduit ou d'immunité d'arrêt, ainsi que de la liberté d'exprimer ses opinions. Ces prérogatives étaient communes aux députés des états, des conseils et des villes envoyés vers le gouvernement pour affaires de service". Несомнѣнно слишкомъ далеко идетъ Orban, Le droit constitutionnel de la Belgique, Par. 1906, I, 51, утверждая, что „les membres des états jouissaient d'immunités analogues à celles que la constitution garantit à nos députés et sénateurs". „Неприкосновенность" сеймовыхъ депутатовъ носила совершенно иной характеръ, чѣмъ современная: на уголовныя дѣла она не распространялась вовсе и заключалась, главнымъ образомъ, въ гарантированіи внѣшней безопасности. Точно также средневѣковая свобода слова ничего не имѣла общаго съ теперешней безотвѣтственностью. Слѣдуетъ также замѣтить, что нынѣ дѣйствующая нидерландская конституція совершенно не знаетъ института неприкосновенности. См. Fuld, въ Archiv f. öffentliches Recht, 1889, B. IV, 507.

изъ 6 человѣкъ, а также что они находятся подъ покровительствомъ народа и королевскихъ судей [1]).

Мы не имѣемъ возможности подробно остановиться на отдѣльныхъ постановленіяхъ, встрѣчающихся въ публичномъ правѣ отдѣльныхъ государствъ континента [2]). Для этого потребовалось бы особое изслѣдованіе. Для насъ важно было установить лишь основную мысль и исходные

1) Ст. 52 мартовскаго ордоннанса 1357 г., см. Picot, Histoire des États Généraux, 2 éd., Par. 1883, t. I, p. 99.

2) Вопросъ о положеніи членовъ германскихъ Landstände я оставляю совершенно въ сторонѣ за отсутствіемъ соотвѣтственнаго матеріала. Современные писатели обходятъ вопросъ полнымъ молчаніемъ, изъ старыхъ я только у Vitriarius'a нашелъ слѣдующее краткое указаніе (Institutiones juris publici, ed. Pfeffinger, t. III, p. 1195): „hi status provinciales plerumque dividuntur in tres ordines: abbates, nobiles, civitates . . . Hi deputati, pro aliquo debito arrestari non possunt, quia Reip. gratia, peregre proficiscuntur, et sic jus revocandi domum habent. Ruland. de Commiss. part. 1 l. 1 c. 10". Трактатъ Rulant'a, полное заглавіе коего „Tractatus de commissariis et commissionibus camerae imperialis quadripartitus, Francofurti 1617", касается, однако, не депутатовъ на сеймахъ, а коммисаровъ судовъ вообще и имперскихъ въ частности. „Commissarius, говоритъ R., p. I, l. 1, cap. 3, est persona qualificata, judice impedito, ad recipiendas rei dubiae probationes, ab utraque, vel alterutra parte nominata, et ad hoc ab ipso cum instructione ordinata". Ср. Schröder, Lehrbuch, S. 552, 832. Имперскіе коммисары пользовались привилегіей неподсудности мѣстнымъ судамъ и, въ общемъ, были по своему положенію приравнены къ дипломатическимъ представителямъ, Rulant, p. I, l. VII, c. 10, de judice et quibus de causis conveniatur commissarius. Трактата J. J. Moser'a, Von der landschaftlichen Personen Sicherheit und den ihnen Schuld gegebenen Amtsverbrechen, въ его Abhandlungen verschiedener Rechtsmaterien, V Stück, 1775, мнѣ достать не удалось. Повидимому и у Мозера вопросъ оставленъ безъ разсмотрѣнія, см. приводимое Seidler'омъ, Die Immunität der Mitglieder der Vertretungskörper nach oesterreichischem Rechte, Lpz. 1891, S. 54, 55, резюме его изслѣдованія. Самъ Зейдлеръ не сомнѣвается въ томъ, что члены ландтаговъ никакими уголовно-процессуальными привилегіями не пользовались. „Die Mitglieder der älteren Landstände, говоритъ онъ, waren trotz der weit verbreiteten Auffassung, dass sie die Repräsentanten des Volkes gegenüber den Landesherren seien, soweit davon entfernt, eine privilegierte Stellung hinsichtlich ihrer Berufsübung in Anspruch zu nehmen, dass dieselben vielmehr sich unausgesetzt der Uebergriffe der Landesherren in der Richtung zu erwehren hatten, dass sie mit Ausserachtlassung des ordentlichen Rechtsweges von denselben verfolgt und ihrer Freiheit beraubt wurden. Wiederholt wurde das Einschreiten von Kaiser und Reichsgericht nothwendig". Loc. cit.

моменты всѣхъ соотвѣтственныхъ нормъ, писаныхъ и неписаныхъ. Общая цѣль ихъ — огражденіе депутатовъ отъ всякаго рода насилія, предоставленіе имъ квалифицированной безопасности. Условія средневѣковой жизни дѣлаютъ это стремленіе вполнѣ понятнымъ и естественнымъ. И по мѣрѣ измѣненія этихъ условій, замиренія общественной и политической жизни, raison d'être привилегій теряется, и мало по малу онѣ утрачиваютъ свое значеніе. Съ введеніемъ конституціоннаго строя онѣ, подъ вліяніемъ французскаго законодательства, въ большинствѣ государствъ замѣняются новой привилегіей, а именно т. наз. неприкосновенностью, ставящую депутата въ совершенно особое сравнительно съ остальными гражданами положеніе. Въ дальнѣйшемъ мы подробно ознакомимся съ исторіей возникновенія неприкосновенности и съ тѣми соціально-политическими моментами, которые вызвали ея появленіе. Здѣсь же мы должны ограничиться констатированіемъ того факта, что органической связи между прежнимъ и новымъ иммунитетомъ не существуетъ. Возникшая на совершенно иной почвѣ, современная неприкосновенность какъ съ формально-юридической точки зрѣнія, такъ и по существу, глубоко разнится отъ тѣхъ гарантій безопасности, которыя въ прежнее время предоставлялись членамъ сословно-представительныхъ учрежденій.

Не повсюду, однако, введеніе конституціоннаго строя сопряжено было съ дарованіемъ народнымъ представителямъ неприкосновенности. Нѣкоторыя законодательства остались вовсе чужды этого института. Сюда относятся, напр. Нидерланды и нѣсколько мелкихъ германскихъ государствъ [1]). Въ скандинавскихъ же державахъ, несмотря на произошедшій переворотъ въ области политической жизни сохранились и понынѣ постановленія, стоящія на прежней, средневѣковой точкѣ зрѣнія. Такъ, еще шведская „Форма Правленія“ 1772 г. содержала въ себѣ статью (51), согласно которой всякій, посягнувшій на члена сейма во время засѣданій послѣдняго или во время пути туда и обратно, объявлялся государственнымъ преступникомъ [2]). Нынѣ дѣйствующая кон-

1) См. ниже.

2) Текстъ см. у Pölitz, Die europäischen Verfassungen, 2. Ausg., B. III, Lpz. 1833, S. 68.

ституція 1809 г., представляющая собой давнѣйшее развитіе и укрѣпленіе исконныхъ началъ шведскаго права[1]), точно также по данному вопросу стоитъ на старой, традиціонной точкѣ зрѣнія. На основаніи ст. 110[2]) „никакой членъ риксдага не можетъ быть высланъ изъ мѣста, гдѣ засѣдаетъ риксдагъ. Если какое либо частное лицо или учрежденіе, военное или гражданское, или какое-нибудь общество любого наименованія, по собственной иниціативѣ или приказу другихъ, попытается совершить насильственныя дѣйствія противъ риксдага, палатъ или комитетовъ, или отдѣльныхъ членовъ его, или помѣшать свободѣ дебатовъ и рѣшеній, то такія попытки признаются государственной измѣной, и виновные въ нихъ преслѣдуются риксдагомъ въ законномъ порядкѣ. Если свобода слова и дѣйствій члена риксдага кѣмъ либо нарушается во время сессіи или въ пути на засѣданія и изъ засѣданій риксдага, то, буде это обстоятельство извѣстно виновному[3]), примѣняются статьи кодекса, относящіяся къ насильственнымъ дѣйствіямъ и оскорбленіямъ, направленнымъ противъ должностныхъ лицъ". Приведенное постановленіе, какъ видно, по духу своему вполнѣ соотвѣтствуетъ средневѣковой концепціи: оно узаконяетъ повышенную гарантію безопасности, обезпечиваетъ королевскій миръ всякому члену риксдага; какихъ либо процессуальныхъ привилегій, напоминающихъ современную неприкосновенность, она въ себѣ отнюдь не содержитъ[4]).

---

1) См. v. Nordenflycht, Die schwedische Staatsverfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung, Berl. 1861, S. 339 ff; Дымша, Государственное право Швеціи, I, Спб. 1901, стр. 303 и слѣд.

2) Статья эта подверглась измѣненіямъ въ 1856, 1858 и 1866 гг. Нынѣ дѣйствующій текстъ см. у Гессена и Нольде, Современныя конституціи, Спб. 1905, т. I, стр. 560, первоначальный у Pölitz, loc. cit., 91.

3) Переводъ гг. Гессена и Нольде въ данномъ мѣстѣ не точенъ.

4) Ст. 111, по теперешней редакціи, заключаетъ въ себѣ постановленіе, согласно которому „если членъ риксдага обвиняется въ тяжкомъ преступленіи, то, за исключеніемъ задержанія на мѣстѣ преступленія, онъ не можетъ быть арестованъ раньше, чѣмъ судья, закончивъ слѣдствіе, не признаетъ его арестъ необходимымъ; однако, если онъ не явится въ судъ по требованію судьи, то съ нимъ должно поступить согласно общему закону". Арестъ, такимъ образомъ, не ставится въ зависимость отъ согласія палаты; онъ лишь отсрочивается до окончанія предварительнаго слѣдствія.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Любопытную смѣсь старыхъ представленій съ новыми заключаетъ въ себѣ сеймовый уставъ для Великаго Княжества Финляндскаго 20 іюля 1906 г. По § 13, если сеймовый депутатъ во время слѣдованія на сеймъ или обратно или во время сейма оскорбленъ будетъ словомъ или дѣйствіемъ, и нанесшему оскорбленіе извѣстно, что онъ сеймовый депутатъ, или если противъ него учинено насиліе послѣ сейма, за дѣйствія его по званію сеймоваго депутата, то учиненіе такого преступленія противъ сеймоваго депутата считается особенно увеличивающимъ вину обстоятельствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по § 12, во время сейма сеймовый депутатъ не можетъ быть безъ согласія сейма заключенъ подъ стражу за преступное дѣяніе, кромѣ случаевъ, когда о задержаніи его состоялось опредѣленіе суда или онъ застигнутъ при совершеніи преступленія, влекущаго за собой наказаніе тюремнымъ заключеніемъ на срокъ не менѣе шести мѣсяцевъ. При этомъ депутатъ, арестованный во время слѣдованія на сеймъ, на иномъ основаніи, кромѣ упомянутаго въ пунктѣ первомъ, долженъ быть освобожденъ, буде о томъ состоится постановленіе сейма.

Такимъ образомъ, арестъ депутата зависитъ отъ усмотрѣнія сейма только въ томъ случаѣ, когда онъ не захваченъ in flagrante или когда не состоялось постановленія суда. Привилегія имѣетъ, стало быть, въ виду лишь арестованіе депутата, исходящее отъ административныхъ властей — когда же задержаніе исходитъ отъ судьи, то депутатъ поставленъ въ одинаковыя условія съ прочими гражданами.

§ 3. Представленіе о полной свободѣ слова депутатовъ, въ смыслѣ недопущенія преслѣдованія со стороны государственныхъ органовъ за совершенные словесные деликты, было совершенно чуждо средневѣковому правосознанію. Какъ замѣчаетъ Hubrich, въ то время, когда самъ монархъ не признавался безотвѣтственнымъ[1]), не могло быть и рѣчи о безотвѣтсвенности членовъ сословныхъ представительныхъ учрежденіи. Тѣмъ не менѣе, положеніе ихъ все же въ значительной степени отличалось отъ положенія частныхъ лицъ: сравнительно съ послѣдними они пользо-

1) Op. cit., 142. Ср. v. Frisch, Verantwortlichkeit der Monarchen und höchsten Magistrate, Berl. 1904.

вались **большею долей свободы**, хотя объемъ таковой нигдѣ не былъ разъ навсегда опредѣленъ, а всецѣло зависѣлъ отъ конкретной реальной обстановки и, въ частности, отъ отношеній между монархомъ и сословіями.

Два момента въ данномъ вопросѣ играютъ рѣшающую роль: непубличность засѣданій сеймовъ, съ одной стороны, и зависимость королей отъ сословій — съ другой. На самомъ дѣлѣ, тайна совѣщаній составляла повсюду, гдѣ вообще существовало сословное представительство, общее правило. Такъ было дѣло въ Англіи, гдѣ самый принципъ сохранилъ силу и понынѣ[1]); такъ было въ Германіи, гдѣ члены нѣкоторыхъ ландтаговъ приносили даже формальное juramentum taciturnitatis и недопускались къ засѣданіямъ въ случаѣ нарушенія клятвы[2]); съ тѣмъ же явленіемъ мы встрѣчаемся во Франціи: отъ депутатовъ отбиралось обѣщаніе не разглашать того, что говорилось въ собраніи, постороннія же лица допускались только на торжественныя засѣданія[3]). Словомъ, это было общее правило[4]). Изъ него вытекало одно весьма важное послѣдствіе, а именно, что, оффиціально, содержаніе дебатовъ никому не могло стать извѣстнымъ безъ и помимо желанія самихъ палатъ. О происходившемъ на сеймѣ частныя лица не были освѣдомляемы вовсе; жаловаться и заявлять претензіи они поэтому фактически были лишены возможности. Что же касается монарха, то онъ, по бо́льшей части, знакомился лишь съ результатами совѣщаній, но не съ самими преніями и дѣлопроизводствомъ палатъ.

Такимъ образомъ, незаконномѣрность дѣйствій чиновъ могла обнаруживаться только изъ представляемаго монарху матеріала. Естественно, что судьей законности постановле-

1) См. ниже, § 24 и слѣд.

2) G. v. **Below**, Territorium und Stadt, Münch. 1900, S. 241. Ср. **Wilda** въ Rechtslexicon **Weiske**, s. v. Landstände (B. VI, S. 827 ff.). Въ болѣе раннее время, однако, ландтаги иногда засѣдали подъ открытымъ небомъ, см. v. **Seckendorff**, Teutscher Fürsten-Staat, Jena 1754 (первое изд. 1720), S. 66.

3) См. **Латкинъ**, Земскіе соборы древней Руси, Спб. 1885. стр. 329.

4) Исключеніе представляютъ собой **Венгрія**, гдѣ всѣ засѣданія рейхстага были публичны, см. v. **Virozsil**, op. cit., III, 19, и **Польша**, см. **Wł. Grabieński**, Dzieje narodu polskiego, 2 изд., Краковъ 1906, стр. 156.

ній и предложеній являлся, прежде всего, самъ монархъ. Благодаря этому мѣра свободы чиновъ находилась въ тѣсной зависимости отъ политической обстановки и, въ частности, отъ отношеній, установившихся въ данный моментъ между королемъ и сословіями.

Повсюду, гдѣ существовалъ сословный строй, монархъ и государственные чины представляли двѣ борющіяся между собой соціальныя силы. Перевѣсъ былъ то на одной, то на другой сторонѣ, и побѣдитель обыкновенно пользовался моментомъ для того, чтобы принудить противника къ тѣмъ или инымъ уступкамъ[1]).

При такомъ положеніи вещей, въ отношеніяхъ между королемъ и сословіями юридическій элементъ отступалъ на второй планъ и рѣшающимъ являлся моментъ соціально-политическій.

Отправнымъ пунктомъ служило то общее положеніе, что члены сословныхъ представительныхъ учрежденій подчинены дѣйствію уголовныхъ законовъ и потому за совершаемые ими словесные деликты отвѣчаютъ въ общемъ порядкѣ. Въ германской политической литературѣ XVIII в. эта точка зрѣнія находитъ себѣ разработку въ трудахъ учителей публичнаго права, — J. J. Moser'a, Häberlin'a и др. Теоретическимъ обоснованіемъ ея при этомъ выставляется подданическая связь между ландесгерромъ и сословіями: послѣднія какъ въ совокупности, такъ и въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, обязаны монарху вѣрностью и послушаніемъ, также какъ и остальное населеніе территоріи[2]). Поскольку, поэтому, депутатъ нарушалъ свой вѣрно-

1) „Der Inhalt der Konzessionen, говоритъ Tezner, Technik und Geist des ständisch-monarchischen Staatsrechts, Lpz. 1901, S. 4, fliesst regelmässig nicht aus objektiven staatlichen Rücksichten in der modernen Bedeutung des Wortes, sondern entspricht dem Grade der politischen oder ökonomischen Notlage des Konzedierenden, unter deren Drucke sie gewährt werden. Die Stände heischen an Rechtsmacht so viel, als sie für sich nötig erachten, wobei sie entweder nur das ihrem Interessenstandpunkte Nächstliegende ins Auge fassen oder zu masslosen Beschränkungen der monarchischen Gewalt schreiten, weil sie augenblicklich durchzusetzen sind".

2) J. J. Moser, Von der Teutschen Reichs-Stände Landen, Frankf. 1769, S. 389. „So halte ich in meinem Theil den Saz für ausgemacht: Land-Stände seynd nicht Cor-oder Mit-Regenten ihres Landes-Herrns, noch auch

подданническій долгъ, призывалъ къ бунту, измѣнѣ, вносилъ противогосударственныя или противоправительственныя предложенія или голосовалъ за таковыя, постольку онъ подлежалъ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ.

Но это была лишь одна сторона вопроса. Депутатъ, хотя и оставался подданнымъ, все же привлекался къ отправленію публичной функціи, неся при этомъ представительный характеръ[1]). Это обстоятельство по необходимости должно было обезпечивать ему извѣстную мѣру свободы и независимости — ту мѣру, безъ которой ему невозможно было бы исполнять лежавшую на немъ обязанность защищать интересы своихъ избирателей. Въ предѣлахъ предоставленной имъ компетенціи, поэтому, сословные сеймы повсюду требуютъ для себя права безнаказанно высказываться по всѣмъ вопросамъ государственнаго управленія, повинуясь только голосу своей совѣсти и полученнымъ отъ избирателей инструкціямъ. Соотвѣтствуютъ ли ихъ рѣчи и предложенія видамъ и намѣреніямъ правительства, угодны ли они монарху или нѣтъ — юридически безразлично: если въ нихъ нѣтъ преступленія, какъ бы они ни были рѣзки, какая бы въ нихъ ни содержалась критика, какъ бы непріятны они ни были для отдѣльныхъ лицъ или учрежденій — основаніемъ для привлеченія къ отвѣтственности они служить не могутъ.

Такова была общая схема и таково было содержаніе того понятія, которое въ германской литературѣ носитъ названіе „Freiheit der landständischen Stimme“[2]).

—

demselbigen (wie es andere auszudrücken pflegen) in Regierungs-Sachen an die Seite gesetzt. Das Natur- und allgemeine Staats-Recht, nebst der Erfahrung aller Zeiten und Völcker, wissen eigentlich und ordentlicher Weise nur von Regenten und Unterthanen, oder Untergebenen... Kurz: Die Land-Stände seynd und bleiben a) in corpore und b) einzeln Unterthanen.“ Ср. S. 845.

1) См. интересныя замѣчанія v. Below, op. cit., 246—248.

2) Какъ говоритъ Hubrich, op. cit., 147 „Ihr Inhalt (der Freiheit der landständischen Stimme) bestand darin, dass das einzelne landständische Mitglied seine ständische Tätigkeit nicht nach dem persönlichen Belieben des Landesherrn oder der jeweiligen Regierung einzurichten habe, dass es vielmehr sofern nicht eine bestimmte Weisung eines, das landständische Recht erst verleihenden, Machtgebers vorliege — bei Führung der landständischen Stimme allein den Geboten der eigenen redlichen Ueberzeugung

Центръ тяжести всего вопроса, фактически, лежалъ въ моментѣ компетенціи. Что въ точности, входило въ компетенцію сословныхъ чиновъ? Это вопросъ, который нигдѣ и никогда не былъ разрѣшенъ сколько нибудь опредѣленно. Во Франціи[1]), генеральные штаты XIV ст. захватываютъ въ свои руки всю полноту власти, при Карлѣ V, напротивъ того, они покорно исполняютъ волю правительства, не проявляя никакой иниціативы[2]). То же явленіе мы встрѣчаемъ въ Германіи, Испаніи, Португаліи, Венгріи и др. странахъ: повсюду неопредѣленность отношеній, повсюду неясность грани, отдѣляющей власть королевскую отъ власти сословнаго представительства. Одинъ и тотъ же вопросъ въ одномъ государствѣ входитъ въ компетенцію сейма, въ другомъ нѣтъ, одно и то же постановленіе, одна и та же петиція сегодня законны, а завтра нѣтъ. Такъ, напр., въ 1557 г. англійскій парламентъ сдѣлалъ Елизаветѣ представленіе о необходимости назначить наслѣдника и вступить въ бракъ; королева отнеслась къ этому довольно равнодушно. Но когда, нѣсколько лѣтъ спустя, ей было сдѣлано аналогичное

und Ueberlegung, insbesondere in Anbetracht des allgemeinen Besten des Landes, folgen dürfe". Интересную попытку точнѣе опредѣлить границы свободы слова, а также содержанія вѣрноподданническаго долга, представляютъ собой объясненія, представленныя Каленбергскими чинами Ганноверскому правительству 10 февр. 1796 г. по поводу вотума одного изъ ихъ членовъ — ландрата v. Berlepsch. Чины стали на ту точку зрѣнія „что депутатъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности только въ томъ случаѣ, если онъ внесетъ предложенія, носящія характеръ государственной измѣны по отношенію къ монарху, или клонящіяся къ нарушенію спокойствія и безопасности государства („Der einzige Fall, da ein landständisches Mitglied hochverräterische, entweder die höchste Person des Regenten angreifende, oder sonst auf Störung der Ruhe und Sicherheit des Staats abzweckende Anträge und Vota bei seinen Mitständen anbrächte, möchte hier eine rechtliche Ausnahme machen, etc.", т. е. вызвать соотвѣтственную реакцію со стороны государственныхъ властей). См. всю переписку въ Staats-Archiv (von Häberlin), II, 1796, S. 81—107. Также Hubrich, op. cit., 148—151.

1) Il est très difficile, говоритъ Esmein, Cours élémentaire d'histoire du droit français, 3 éd., Par. 1893, p. 503, de définir d'une façon précise les pouvoirs des états-généraux. En fait, ils n'ont pas toujours été les mêmes, ayant varié selon les circonstances; en droit, ils ont toujours été vagues et mal déterminés". Cp. Picot, op. cit., V, 137 et suiv.

2) Picot, op. cit., I, 63 et suiv.; 188 et suiv.

представленіе, она въ этомъ усмотрѣла нарушеніе своей прерогативы, и на этой почвѣ между нею и парламентомъ вспыхнулъ весьма острый конфликтъ [1]). Между тѣмъ предложеніе, само по себѣ, ничего необычайнаго для того времени не представляло: — въ другихъ государствахъ сословія неоднократно обращались къ монарху съ просьбой озаботиться назначеніемъ наслѣдника, вступить въ бракъ и т. п. [2]).

Такимъ образомъ, грань, отдѣлявшая дозволенное отъ недозволеннаго, законныя постановленія отъ незаконныхъ была далеко не ясна. Естественно, что сеймы стремились отодвинуть ее какъ можно дальше, короли же старались какъ можно болѣе съузить сферу компетеніи сословій. На этой почвѣ происходитъ безпрестанная борьба, которая ведется съ перемѣннымъ успѣхомъ: верхъ одерживаетъ то одна, то другая сторона.

Борьба за власть, за политическое преобладаніе составляла сущность вопроса. Съ внѣшней стороны, эта борьба выражалась въ юридическомъ спорѣ о границахъ свободы слова и о предѣлахъ вѣрноподданическаго долга. Само собою разумѣется, что эти границы и предѣлы были точно также крайне неопредѣленны и шатки. Законодательныхъ опредѣленій по данному вопросу не существовало вовсе [3]). Въ рѣдкихъ случаяхъ имѣлись соглашенія съ князьями, устанавливавшія извѣстный modus vivendi на почвѣ реальныхъ, конкретныхъ отношеній [4]). Но твердыхъ и опредѣлен-

---

1) См. ниже, § 13.

2) Такъ, напр. въ 1395 г., тотчасъ послѣ вступленія на престолъ Іоанна I, въ Коимбрѣ собрались кортесы, которые, обсудивъ положеніе дѣлъ въ государствѣ, сдѣлали королю рядъ представленій, въ томъ числѣ, чтобы онъ не вступилъ въ бракъ безъ ихъ, кортесовъ, согласія. Король на большинство ходатайствъ отвѣтилъ утвердительно, по послѣднему же пункту заявилъ, что хотя онъ оставляетъ за собой право выбора невѣсты, однако о своемъ вступленіи въ бракъ не преминетъ извѣстить сословія. Schäfer, Geschichte von Portugal, Hamb. 1839, B. II, S. 209.

3) Въ венгерскомъ правѣ, впрочемъ, мы встрѣчаемся съ постановленіемъ слѣдующаго содержанія: „Qui se evidenter erigit contra statum publicum Regis et Coronae, temeraria nempe licentia, non justa defensione, notam infidelitatis incurrit“. О полной неопредѣленности этой формулы см. Virozsil, op. cit., III, 47.

4) Такъ, напр., въ 1770 г. герцогъ Карлъ Вюртембергскій въ Erb-

ныхъ нормъ все же не было. Отсюда постоянные конфликты, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ поддававшіеся улаженію на правовой почвѣ. Дѣло усложнялось тѣмъ, что по отношенію къ неугоднымъ имъ депутатамъ правители, весьма часто, не стѣснялись въ средствахъ. Въ случаѣ совершенія словеснаго эксцесса и нарушенія вѣрноподданническаго долга виновному грозило не только судебное преслѣдованіе, съ соблюденіемъ нормальныхъ формъ, но и всевозможныя экстраординарныя взысканія, вродѣ личнаго ареста, тюремнаго заключенія, конфискаціи имущества и т. п., налагаемыя единолично монархами или особыми коммисіями. Исторія всѣхъ странъ изобилуетъ примѣрами подобной расправы съ неугодными правительству представителями. Особо богата ими Англія въ эпоху борьбы Стюартовъ съ парламентомъ[1]). Не рѣдки были случаи произвольныхъ арестовъ и конфискаціи въ Германіи. Выше мы упомянули уже о дѣлѣ ландрата ф.-Берлепша; извѣстна судьба публициста и „ландшафтсъ-консулента“ І. Я. Мозера[2]), проведшаго долгіе годы въ тюремномъ заключеніи по распоряженію герцога Вюртембергскаго. Особенно много подобныхъ примѣровъ даетъ исторія мекленбургскихъ и вюртембергскихъ чиновъ за XVII и XVIII в.[3]).

vergleich'ѣ, заключенномъ съ сословіями, обѣщалъ: „so dann sollen und werden auch denen zur Landschaft gehörigen und andern in officio publico stehenden Personen ihre Amts-Verrichtungen und die Pflichten halber machende Vorstellungen, wann sie in geziemendem unterthänigsten Respect verfasset sind, nicht zum Verbrechen angerechnet werden, und wann auch einiger Excess ihnen dabey zu Schulden käme, gegen sie jedoch dieserhalb nicht (wann durch sie, oder die Ihrige, oder die Landschaft Caution geleistet wird) mit personal Arrest verfahren, noch dieselbe unter diesem Vorwand so gleich an Leib, Ehre, Haab oder Gut angegriffen, sondern legali modo . . . wider sie verfahren werden; wie dann auch S. Herzogliche Durchlaucht zu werckthätiger Bezeugung aller Unpartheylichkeit in diesem Fall gnädigst gestatten wollen, dass die Acta auf Begehren des Beklagten an eine unpartheyische Facultät zum Spruch verschickt und das von dar eingeholte Urtheil publiciret und vollstrecket werden solle“. Hubrich, op. cit., 154. У него же см. другіе аналогичные договоры и соглашенія.

1) См. ниже, §§ 15 и 16.

2) См. его Lebens-Geschichte, 1768.

3) См. Hubrich, op. cit., 151.

Точно также и во Франціи, когда отношенія между генеральными штатами и королемъ обострялись, послѣдній не отступалъ и передъ крайними мѣрами. Такъ, напр., въ 1588 г., во время засѣданія штатовъ въ Блоа, четыре депутата — La Chapelle, Neuilly, Compans, Orléans и Le Roy — были арестованы manu militari по приказанію Генриха III, какъ подозрѣваемые въ измѣнѣ и въ заговорѣ противъ короны [1]).

Юридическихъ средствъ борьбы съ подобными проявленіями произвола въ громадномъ большинствѣ случаевъ не было никакихъ. Въ Германіи, сословія для огражденія себя отъ подобныхъ случайностей прибѣгали къ соглашеніямъ, въ которыхъ они помимо болѣе точнаго опредѣленія границъ свободы слова, стремились связать князей обѣщаніями не прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ расправы, а ограничиваться, въ случаѣ совершенія депутатомъ словеснаго преступленія, привлеченіемъ его къ отвѣтственности на общемъ основаніи [2]).

Но и это не всегда помогало. Ландесгерры часно не стѣснялись данными обѣщаніями, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ придерживались взгляда на депутатовъ не какъ на представителей страны или отдѣльныхъ сословій, а какъ на „прирожденныхъ совѣтниковъ короля“, обязанныхъ ему повиноваться также, какъ и всѣ чиновники и должностныя лица въ государствѣ [3]).

Въ этихъ случаяхъ оставалось только одно средство:

1) Picot, op. cit., III, 420.

2) Такъ, напр., т. наз. Гандерсгеймскій ландтагсъ-абшидъ 1601 г. заключаетъ въ себѣ слѣдующую клаузулю: „hat mehr hochgedachter Fürst, Herzog Heinrich Julius etc. sich ferner in Gnaden erbotten, dass S. F. G. ex causa civili vel ob leve aliquod delictum die Landstände oder derselben Diener inaudita causa nicht überfallen, noch bestricken, viel weniger rechtlicher Ordnung, wohl hergebrachten Privilegiis, und Gebrauch zuwider prägraviren lassen, derentwegen aber zu ihnen sich versehen wollen, es werde es ein Jeder also anstellen, dass S. T. G. in zulässigen Fällen, wann die kundbar oder S. F. G. sich der vorher sattsam erkundiget, zu solchen Mitteln zu schreiten nicht vonnöthen haben mögen“. Hubrich, op. cit., 153. Ср. вюртембергскій Erbvergleich 1770 г., выше стр. 24. Другіе примѣры у J. J. Moser, Landeshoheit in Justizsachen, 1773, S. 11 ff.

3) Объ этой точкѣ зрѣнія нѣкоторыхъ изъ германскихъ правителей см. Moser, Von der Teutschen Reichs-stände Landen, S. 840 ff.

обратиться съ жалобой къ имперскому гофрату или съ искомъ въ имперскій судъ. И дѣйствительно, исторія знаетъ цѣлый рядъ примѣровъ, когда сословія, терпя притѣсненія отъ князей, обращались къ этому средству[1]). Но и оно далеко не всегда было надежнымъ. Какъ замѣчаетъ умудренный государственнымъ опытомъ І. Я. Мозеръ, „государь всегда остается государемъ, и если онъ или его министерство злы, то они на тысячу ладовъ могутъ отомстить странѣ и отравить существованіе какъ сословіямъ, такъ и другимъ подданнымъ, причемъ нѣтъ никакой возможности прибѣгать по каждому дѣлу къ защитѣ рейхсгерихта“[2]). Въ тѣхъ же странахъ, которыя не входили въ составъ Священно-Римской Имперіи, у государственныхъ чиновъ не было и этого призрачнаго средства защиты въ случаѣ попранія ихъ правъ со стороны правительственной власти.

Такимъ образомъ, принципъ полной свободы слова и отвѣтственности депутата только передъ форумомъ самой палаты, въ составъ которой онъ входитъ, остался совершенно чуждымъ сословнымъ сеймамъ. И тогда какъ въ Англіи относительная свобода стала, по мѣрѣ превращенія парламента въ представителя всей націи, претворятся въ абсолютную, на континентѣ институтъ дальнѣйшаго развитія не получилъ. Нужны были революціонныя бури конца XVIII и первой половины XIX в., чтобы новое начало слѣлалось составною частью европейскаго публичнаго права.

1) См. Herrmann, Ueber strafrechtliche Verantwortlichkeit der Mitglieder der Ständeversammlungen въ Archiv f. Criminalrecht, 1853, S. 344.

2) „Land-Stände und Unterthanen aber haben zu bedencken: Der Herr bleibt doch Herr; ist nun Er, oder sein Ministerium, bös, können sie es das Land auf tausenderlei Weise entgelten lassen, und denen Land-Ständen, auch anderen Unterthanen, das Leben auf unzählige Arten sauer machen, ohne dass man um eines jeden Umstandes willen wieder an ein Reichs-Gericht lauffen kan. Wir leben in keinem Platonischen Staat, darinn sich keine Missbräuche oder Unordnungen finden etc.“. Von der Teutschen Reichs-Stände Landen, 1323. Слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ территоріяхъ ландесгерръ пользовался privilegium de non appellando, ibid. 1326. См. тамъ же процедуру принесенія жалобы въ гофратъ и рейхсгерихтъ.

Старая точка зрѣнія, однако, сохранилась и по сіе время въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ актахъ. Такъ, на основаніи ст. 110 шведской Формы Правленія 1809 г., ни одинъ членъ риксдага не можетъ быть ни обвиненъ, ни лишенъ свободы за свои дѣйствія и слова, въ качествѣ депутата, если только палата, къ составу которой онъ принадлежитъ, не выразитъ своего категорическаго согласія путемъ резолюціи, принятой, по крайней мѣрѣ, $^5/_7$ общаго числа вотирующихъ[1]). Равнымъ образомъ, сеймовый уставъ для Великаго Княжества Финляндскаго отъ 20 іюля 1906 г. узаконяетъ въ своемъ § 11 правило, согласно коему сеймовый депутатъ не можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности или лишенъ свободы за выраженныя имъ мнѣнія или вообще за его поведеніе во время преній, если сеймъ не изъявилъ на то согласіе постановленіемъ, принятымъ большинствомъ $^5/_6$ присутствующихъ членовъ.

Эти постановленія, какъ видно, стоятъ на рубежѣ стараго и новаго права. Привлеченіе депутата къ отвѣтственности въ принципѣ допустимо; въ этомъ отношеніи оба акта остались вѣрными старой точки зрѣнія. Но духъ времени взялъ свое, и возбужденіе преслѣдованія поставлено въ зависимость отъ согласія самой палаты.

Особое положеніе занимаетъ также Норвегія. Конституція 1814 г., хотя и восприняла въ себѣ многія изъ чертъ французской конституціи 1791 г., однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ осталась вѣрной старинѣ. Согласно § 66, члены стортинга не могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности внѣ его за высказанныя здѣсь мнѣнія[2]). Смыслъ этого постановленія, однако, далеко не безспоренъ. По мнѣнію наиболѣе авторитетныхъ толкователей Норвежскаго государственнаго нрава, провинившемуся депутату грозятъ либо дисциплинарныя мѣры, принимаемыя самой палатой, либо преслѣдованіе на основаніи § 12 и 13 закона объ отвѣтственности высшихъ должностныхъ лицъ 1828 г.,

---

1) Гессенъ и Нольде, наз. соч., I, 560.

2) См. Posener, Die Statsverfassungen des Erdballs, Charlottenburg 1909, S. 730. Статья эта не точно переведена у гг. Гессена и Нольде, назв. соч., I, 340.

причемъ компетентной инстанціей является въ послѣднемъ случаѣ верховный судъ (ст. 86 конст. [1]).

1) Подробности см. у Aschehoug, Das Staatsrecht der vereinigten Königreiche Schweden und Norwegen, Freib. i. B. 1886, S. 139, 201; ср. Morgenstierne, Das Staatsrecht des Königreichs Norwegen, Tüb. 1911, S. 68: „es herrscht ein bedeutender Meinungsunterschied bezüglich der Tragweite dieser Bestimmung. Allgemein nimmt man an, dass dieselbe die Mortifikation einer injuriierenden Äusserung nicht ausschliesst und ebensowenig vor einer Reichsgerichtsanklage oder Disziplinarstrafe laut Reglement des Storthings schützt".

Раздѣлъ первый.

Историческое развитіе парламентскихъ привилегій

въ Англіи

и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Глава первая.

Привилегіи англійскаго парламента. Общая характеристика.

§ 4. Общій характеръ, юридическая структура и содержаніе привилегій англійскаго парламента предопредѣляются историческимъ происхожденіемъ этого учрежденія и постепенной эволюціей его правового и соціальнаго положенія.

Какъ извѣстно, англійскій парламентъ явился результатомъ сліянія представительства отъ графствъ и городовъ съ тѣмъ учрежденіемъ, которое при нормандскихъ короляхъ играло роль высшаго совѣщательнаго органа при монархѣ. Мы говоримъ о magnum consilium procerum et nobilium, образовавшемся, въ свою очередь, изъ curia regis. Королевскій совѣтъ (King's court), состоявшій изъ главнѣйшихъ сановниковъ королевства, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, имѣлъ довольно сложную компетенцію [1]); важнѣйшей же его функціей было отправленіе правосудія. Curia представляла собою, прежде всего, высшее судебное мѣсто королевства, дѣйствовавшее какъ въ качествѣ аппеляціоннаго суда, такъ и въ видѣ первой инстанціи по дѣламъ, подвѣдомственнымъ королю. Въ ней сосредоточивалась вся та дѣятельность, которая впослѣдствіи была распредѣлена между отдѣльными судами [2]).

1) См. Гнейстъ, Исторія государственныхъ учрежденій Англіи (Englische Verfassungsgeschichte), М. 1885, стр. 219 и слѣд.

2) См. L. O. Pike, A constitutional history of the House of Lords, Lond. 1894, ch. IV. Ср. Cox, Die Staatseinrichtungen Englands, übers. v. Kühne, Lond. 1867, S. 265 ff.

Однако, сколь нормандскіе короли ни стремились къ абсолютизму, все же они вынуждены были считаться съ домогательствами бароновъ и ленниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ, нежелавшихъ отказываться отъ активнаго участія въ государственномъ управленіи. Въ трудные моменты короли оказываются вынужденными обращаться за помощью и совѣтомъ къ прелатамъ и нотаблямъ; при Эдуардѣ I эти обращенія происходятъ особенно часто, и самыя собранія принимаютъ періодическій характеръ. Устанавливается правило, что всякое важное измѣненіе существующаго права должно быть санкціонировано такимъ consilium или расширеннымъ совѣтомъ короля. Это вполнѣ соотвѣтствовало исторической традиціи: въ англонормансномъ государствѣ идеѣ монархическаго самодержавія противостояло исконное представленіе о правѣ, какъ о нормахъ, могущихъ быть измѣняемыми только волею народа. На самомъ дѣлѣ, Вильгельмомъ Завоевателемъ утверждены были законы Эдуарда Исповѣдника[1]): тѣмъ самымъ онъ, какъ говоритъ Редлихъ, призналъ тотъ основной правопорядокъ, который былъ до него[2]).

Національное право, „common law“, такимъ образомъ явилось съ самаго начала границей королевской власти. Измѣненіе его допускается лишь съ вѣдома и согласія, если не самого народа — ибо онъ въ отправленіи государственныхъ дѣлъ уже не участвуетъ — то собранія нотаблей — magnum consilium. Таково народное правосознаніе, такова и точка зрѣнія ученыхъ юристовъ этой эпохи[1]).

Однако, участіе вассаловъ въ политической жизни страны все еще оставалось дѣломъ факта, не претворяясь

1) О томъ, что называется „leges Edwardi regis“, см. Bémont, Chartes des libertés anglaises, Par. 1892, introd. p. X et suiv.

2) Англійское мѣстное самоуправленіе, пер. подъ ред. Ельяшевича, т. II, Спб. 1908, стр. 284.

1) Bracton (Tractatus de legibus et consuetudinibus regni angliae) категорически заявляетъ, что „leges namque anglicanas, licet non scriptas, appellari non videtur absurdum, cum hoc ipsum lex sit quod principi placet et legis habet vigorem, eas scilicet quas super dubiis in consilio definiendis, procerum quidem consilio et principis accedente auctoritate, constat esse promulgatas“. Цит. у Esmein, Eléments de droit constitutionnel, 4 éd., Par. 1906, p. 55 et suiv.

въ субъективное право отдѣльныхъ сословій. Magnum consilium имѣло случайный составъ и не представляло замкнутой корпораціи съ опредѣленной компетенціей и организаціей. Каждый членъ его дѣйствовалъ за свой страхъ и рискъ, никого не представляя и выступая лишь отъ своего собственнаго имени [1]).

Сословія къ этому времени не успѣли еще сформироваться и не представляли собой организаціи, могущей противопоставлять свою волю волѣ короля. Въ одномъ только случаѣ мнѣніе бароновъ и прелатовъ являлось обязательнымъ для монарха: это тогда, когда рѣчь шла о податяхъ. Взиманіе ихъ безъ согласія magnum consilium издавна считалось неправомѣрнымъ и неоднократно вызывало со стороны феодаловъ рѣзкіе протесты, переходившіе иногда даже въ вооруженное сопротивленіе [2]).

§ 5. Въ составъ совѣта входили, однако, только нѣкоторые изъ королевскихъ вассаловъ, не облеченные при этомъ, какъ мы видѣли, никакимъ представительнымъ характеромъ. Какимъ образомъ, спрашивается, могли рѣшенія совѣта связывать остальное населеніе — городскихъ жителей, рыцарей, нисшее духовенство?

До царствованія Іоанна Безземельнаго (1199—1216) правительство, заручившись согласіемъ нотаблей относительно того или другого налога, входило въ соглашеніе съ отдѣльными разрядами населенія — съ городами, шерифами графствъ, духовенствомъ и пр. [3]).

Съ теченіемъ времени, однако, этотъ способъ оказывается недостаточнымъ. Число лицъ, которыхъ, фактически, нельзя было опросить, становится все больше и больше; между тѣмъ было необходимо такъ или иначе знать ихъ мнѣнія и желанія. Поэтому въ XIII ст. правительство отказывается отъ прежней системы и начинаетъ прибѣгать къ

1) См. Plehn, Der politische Charakter von Matheus Parisiensis, Lpz. 1897, S. 1 ff.

2) Мы по данному вопросу слѣдуемъ Plehn'у, op. cit., опровергающему ходячее въ литературѣ мнѣніе, будто согласіе commune или magnum consilium сдѣлалось обязательнымъ для королей лишь со времени Великой Хартіи.

3) Hatschek, Englisches Staatsrecht, Tüb. 1905, I, 235.

слѣдующему способу для полученія согласія населенія на взиманіе податей [1]).

На мѣстахъ издавна уже имѣлись учрежденія съ представительнымъ характеромъ, а именно джюри и суды графствъ. На самомъ дѣлѣ, присяжные являлись носителями общественнаго мнѣнія и вполнѣ могли разсматриваться, какъ представители мѣстнаго населенія [2]). На нихъ возложена была обязанность распредѣленія назначаемаго оклада между плательщиками, чѣмъ, косвенно, достигалось одобреніе самого налога и согласіе населенія на его взиманіе [3]).

Со вступленіемъ на престолъ Эдуарда I (1272—1307) правительственнымъ лозунгомъ становится правило: „quod omnes tangit, ab omnibus approbetur“. Слѣдуетъ замѣтить, что уже при Генрихѣ III (1216—1272), подъ давленіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ составъ magnum consilium призывались также и представители общинъ. При Эдуардѣ I подобное обращеніе къ communitates становится общимъ правиломъ. Къ тому же времени конституированіе сословій можетъ считаться совершившимся фактомъ.

Каждое изъ нихъ представляетъ уже корпорацію, посылающую въ парламентъ своихъ представителей. Въ 1282 г., послѣ завоеванія Уэльса, приглашаются отъ каждаго графства по четыре рыцаря и по два депутата „для выслушанія и исполненія тѣхъ дѣлъ, которыя будутъ предложены имъ королемъ“. Въ 1290 г. шерифамъ предписывается прислать по два или по три рыцаря изъ каждаго графства „ad consulendum et consentiendum his quae comitis barones et proceres tum duxerint concordanda“. Особенное же значеніе имѣетъ парламентъ, созванный въ 1295 г. (model parliament); въ его составъ вошли по два рыцаря отъ каждаго графства и по два депутата отъ каждаго города [4]). Съ этого времени начи-

1) Процессъ постепеннаго перехода къ представительному строю съ юридической точки зрѣнія превосходно изложенъ у Hatschek'a, loc. cit.

2) Stubbs, The constitutional history of England, 6-th ed., Oxf. 1903, I, 652: „the institution of the jury was itself based on a representative idea: the jurors, to whatever fact or in whatever capacity they swore, declared the report of the community as to the fact in question“.

3) См. Stubbs, op. cit., I, 627.

4) Гнейстъ, назв. соч., 400.

нается періодическій созывъ чиновъ, и Эдуардъ II (1307–1327) въ пятый годъ своего царствованія издаетъ даже особый статутъ, предписывающій созывать парламентъ не рѣже одного раза въ годъ [1]).

Англійскій государственный строй окончательно становится представительнымъ: наряду съ королевской властью выдвигается новая политическая сила — парламентъ, въ качествѣ выразителя нуждъ и стремленій всего населенія королевства. По существу, парламентъ являлся, несомнѣнно, новымъ учрежденіемъ. Однако, для объясненія его юридической структуры и его положенія въ государствѣ прибѣгли къ старымъ понятіямъ, издавна жившимъ въ народномъ правосознаніи. Парламентъ сталъ мыслиться какъ высшій судъ, въ которомъ были представлены всѣ англійскіе граждане, также какъ свободное населеніе communitates было представлено въ мѣстномъ судѣ. Этотъ характеръ сохранился за нимъ и въ позднѣйшее время. Вплоть до революціи 1688 г. на парламентъ смотрятъ какъ на высшую судебную инстанцію, на „великое обвинительное джюри королевства“ — the general inquisitor of the Realm — такъ характеризуетъ его еще въ XVII в. знаменитый толкователь англійскаго права, sir Edward Coke.

Этимъ предопредѣлилось какъ положеніе его членовъ, такъ, въ частности, и ихъ привилегіи. На членовъ парламента съ самаго начала распространяются общегерманскія постановленія о судебномъ и вѣчевомъ мирѣ; съ первыхъ же дней своего существованія, парламентъ оказывается подъ особой защитой и особой охраной. Какъ совершенно вѣрно было указано недавно Гатчекомъ, взглядъ на парламентъ какъ на высшій судъ обусловилъ собою перенесеніе на его членовъ тѣхъ правъ, которыя издавна были присвоены чинамъ судебныхъ инстанцій. Это вполнѣ ясно сознавалось прежними англійскими юристами, какъ Dyer, Prynne и др., которые привилегіи парламента совершенно приравниваютъ къ судейскимъ прерогати-

1) „Pur ceo que... auxint mulz des gens grevez par les ministres le roi encontre dreitur, des quels grevances hom ne purra avoir recoverir remedies sans commun parlement, nous ordenons que le Roy tiegne parlement une foitz par an ou deux foitz si meistre“. Statutes of the Realm, I, 165.

вамъ[1]). Особыхъ основаній для оправданія парламентскаго иммунитета они не приводятъ вовсе; для нихъ вполнѣ достаточными являются тѣ мотивы которые издавна побуждали народное правосознаніе, выразившееся въ common law, надѣлять членовъ судебныхъ инстанцій извѣстными гарантіями. Англійское право, въ данномъ отношеніи, не отличается отъ континентальнаго: — источникомъ привилегій, какъ здѣсь, такъ и тамъ. является обще-германское представленіе объ особомъ мирѣ, покрывающемъ собой какъ участниковъ вѣча, такъ и королевскихъ чиновниковъ, а впослѣдствіи и членовъ представительныхъ учрежденій. Раціонализація привилегій и теоретическое оправданіе ихъ наступаетъ лишь гораздо позднѣе, когда забыты были ихъ историческія основы. Съ теченіемъ времени и самыя привилегіи мѣняютъ свой обликъ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ соціально-политическихъ условій, причемъ одни изъ нихъ исчезаютъ вовсе (какъ, напр., иммунитетъ слугъ членовъ парламента), а другія совершенно утрачиваютъ свой первоначальный характеръ.

§ 6. Въ настоящее время парламентскія привилегіи англійскими писателями обыкновенно дѣлятся на двѣ большія группы, а именно на испрашиваемыя спикеромъ и имъ не испрашиваемыя[2]). Послѣднія, всецѣло основанныя на обычаѣ, заключаются:

---

1) Особенно характерно слѣдующее мѣсто изъ Prynne, Brief register, calendar and survey of the several kinds, forms of parliamentary writs, Lond. 1664 (приведено у Hatschet, op. cit., I, 421): „As it is an essential part of the constitution of every court of judicature and absolutely necessary for the due execution of its power, that persons resorting to such courts, whether as judges or as parties should be entitled to certain privileges to secure them from molestation during attendance; it is more peculiarly essential to the Court of Parliament, the first and highest court in this Kingdom, that the Members, who compose it should not be prevented by trifling interruptions from their attendance on this important duty, but should, for a certain time, be excused from obeying any other call not so immediately necessary for the great services of the nation; it has been therefore, upon these principles, always claimed and allowed, that the Members of both Houses should be during attendance in Parliament, exempted from several duties, and not considered as liable to some legal processes, to which other citizens not intrusted with this most valuable franchise ore by law obliged to pay obedience".

2) См., напр., Энсонъ, Англійскій парламентъ, его конституціонные законы и обычаи, пер. Захарова, СПБ. 1908, стр. 141 и слѣд.;

1) въ правѣ палатъ заботиться о внутреннемъ своемъ устройствѣ;

2) въ правѣ ихъ на исключительное вѣдѣніе возникающихъ въ ихъ стѣнахъ дѣлъ, за исключеніемъ уголовныхъ правонарушеній [1]), и

3) въ правѣ наказывать какъ своихъ членовъ, такъ и постороннихъ лицъ sa contempt of court [2]).

Что же касается другой категоріи, то, въ началѣ каждой легислатуры, спикеръ въ рѣчи, обращенной къ лорду-канцлеру, проситъ корону признать древнія и неоспоримыя права и привилегіи палаты („their ancient and undoubted rights and privileges"), на что король отвѣчаетъ черезъ канцлера, что онъ эти права охотно даруетъ и утверждаетъ. Къ числу этихъ правъ относятся:

а) Право свободнаго доступа къ королю (free access to Her Majesty when occasion shall require). Эта привилегія принадлежитъ палатѣ общинъ въ цѣломъ; отдѣльные ея члены пользуются доступомъ къ королю лишь въ тѣхъ случаяхъ когда они имѣютъ званіе члена тайнаго совѣта. Лорды, напротивъ того, могутъ въ любое время имѣть аудіенцію у короля.

б) Право на благопріятное для палаты истолкованіе ея дебатовъ (the most favourable construction should be but upon all their proceedings).

в) Право на свободу слова (freedom of speech in debates) и

г) Право на свободу отъ ареста (freedom from arrest and personal molestation).

Ближайшее изученіе этихъ двухъ послѣднихъ привилегій и составляетъ предметъ дальнѣйшаго изложенія.

Thomas Erskine May, Traité des lois, privilèges, procédures et usages du parlement, trad. sur Ia 11-me éd. par Delpech, Par. 1909, t. I, ch. III.

1) Right to exclusive cognisance of matters arising the house.

2) Объ этомъ понятіи см. гл. II.

Глава вторая.

Свобода слова.

I.

Плантагенеты и Ланкастерская династія.

§ 7. Привилегія свободы слова имѣетъ въ Англіи весьма длинную и сложную исторію. По мѣрѣ того какъ измѣнялся характеръ политическаго строя, а парламентъ изъ представителя сословій превращался въ общегосударственный органъ, видоизмѣнялось и положеніе его членовъ, въ смыслѣ упроченія ихъ самостоятельности и обезпеченія ихъ зависимости отъ давленій извнѣ. Поэтому то, что въ настоящее время носитъ названіе freedom of debates, какъ по существу, такъ и по формѣ весьма далеко отъ той относительной свободы рѣчи, которою пользовались парламенты при Плантагенетахъ и Ланкастерской или Іоркской династіяхъ. Дѣйствующее нынѣ право есть продуктъ продолжительной и упорной борьбы — борьбы, въ которой съ необычайной ясностью отразились всѣ перипетіи того спора, который на протяженіи пяти вѣковъ велся между короной и народнымъ представительствомъ.

Въ литературѣ, однако, и понынѣ господствуетъ противоположная точка зрѣнія. Начиная съ Elsynge, писавшаго во второй половинѣ XVII ст.[1]), твердо держится

1) Книга его „The manner of holding Parliaments in England“ появилась въ 1660 г. (мы пользовались лондонскимъ изданіемъ 1768 г.). Elsynge утверждаетъ, что уже при Эдуардѣ III общины часто обсуждали такія дѣла, которыя касались королевской прерогативы и при-

мнѣніе, будто англійскій парламентъ съ самаго начала пользовался полной свободой сужденій, причемъ члены его за сдѣланныя заявленія или предложенія не подлежали преслѣдованію, — ни со стороны короля, ни со стороны судовъ. Съ этой точки зрѣнія иммунитетъ не пережилъ никакой эволюціи: онъ съ первыхъ годовъ существованія парламента явился въ вполнѣ законченномъ видѣ, и содержаніе его не подверглось никакимъ измѣненіямъ [1]).

Подобный взглядъ, однако, не находитъ себѣ оправданія ни въ соображеніяхъ общаго характера, ни въ дошедшемъ до насъ историческомъ матеріалѣ. Прежде всего какъ мы видѣли, ни одинъ сословный сеймъ не зналъ полной безотвѣтственности своихъ членовъ за произнесенныя рѣчи и высказанныя мнѣнія. Трудно думать, чтобы англійскій

ходили къ соглашенію относительно петицій, имѣвшихъ цѣлью изданіе законовъ, прямо противоположныхъ этой прерогативѣ, какъ явствуетъ изъ нѣкоторыхъ петицій; однако, ихъ совѣщанія никогда не прерывались, и препятствій имъ не чинилось, какъ это видно изъ отвѣтовъ на эти петиціи (loc. cit., 177). Нечего говорить о томъ, что доказательная сила этого passus'a очень невелика. Эдуардъ могъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, не вмѣшиваться въ совѣщанія коммонеровъ; изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы послѣдніе обладали правомъ на такое невмѣшательство. Мнѣніе Elsynge, однако, приводится рѣшительно всѣми писателями въ качествѣ неопровержимаго доказательства существованія привилегіи свободы слова съ самыхъ первыхъ дней существованія парламента.

1) См., напр., Seidler, Die Immunität der Mitglieder der Vertretungskörper nach österreichischem Rechte, Lpz. 1891, S. 3: „Es giebt (in England) eine geschichtliche Entwickelung der Immunität parlamentarischer Berufsübung im Sinne einer fortschreitenden Ausbildung des Rechtsinstitutes nicht, es kann höchstens von einer Geschichte der Rechtsübung und der Codification des seit jeher geltenden Rechtes gesprochen werden". Ср. Reynaert, Histoire de la discipline parlementaire, Par. 1884, t. I, p. 7; Redlich, Recht und Technik des Englischen Parlamentarismus, Lpz. 1905, S. 591; Weigel, Die Lehre von der parlamentarischen Disciplin in rechtsvergleichender Darstellung, Lpz. 1909, S. 4 ff. У англійскихъ писателей приведенная точка зрѣнія составляетъ communis opinio, см. напр. Th. Erskine May, op. cit., I, 101. Едва ли не единственные писатели, стоящіе на иной точкѣ зрѣнія — Riess, Geschichte des Wahlrechts zum englischen Parlament im Mittelalter, Lpz. 1885, S. 67 ff., и Hubrich, Die parlamentarische Redefreiheit und Disciplin, Berl. 1899, S. 12—37. Однако, оба они ограничиваются бѣглыми замѣчаніями, недостаточно обосновывая свои взгляды наличнымъ историческимъ матеріаломъ.

парламентъ въ первую пору своей дѣятельности составлялъ, въ данномъ отношеніи, исключеніе. Для такого предположенія нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. На самомъ дѣлѣ, откуда было появиться самой привилегіи? Парламентъ, какъ выше упомянуто выросъ изъ королевскаго совѣта. Между тѣмъ послѣдній, представляя собой чисто-совѣщательное учрежденіе, рѣшеній, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не выносилъ. Совѣтъ не разсматривался какъ корпорація, и принципъ большинства въ немъ не примѣнялся: каждый членъ совѣта могъ отказаться отъ исполненія сдѣланныхъ постановленій, причемъ послѣднія, юридически, мыслились какъ единоличная воля короля [1]).

У монарха была весьма обширная дисциплинарная власть [2]) надъ баронами, засѣдавшими въ совѣтѣ, и неугодныя ему рѣчи вызывали, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе рѣзкій отпоръ съ его стороны [3]). При такихъ ус-

1) См. Plehn, op. cit., 3: „Ihre (der Baronen) Zustimmung zu dem Willen der Krone war nicht korporativ, sondern nur kollektiv, und geschah wohl in der primitiven Form der Akklamation, wenn auch die vornehmsten Mitglieder persönlich um ihre Meinung befragt wurden".

2) Вотъ какъ Fortescue, On the governance of England (вышло въ свѣтъ, вѣроятно, въ первые годы царствованія Эдуарда IV), описываетъ господствовавшіе въ совѣтѣ порядки (цит. по нѣмецкому пер. Parow'a, Ueber die Regierung Englands, Lpz. 1897, S. 43): „Der Rat des Königs pflegte aus Prinzen und den grössten Lords des Landes, geistlichen und weltlichen, und andern Männern in hohen Aemtern und Stellungen zusammengesetzt zu sein ... Und welcher Mann von niederem Range, der im Rate sass, wagte es da wohl der Meinung eines der grossen Herrn entgegenzutreten? Wie leicht konnte jemand durch Bestechung der Diener und Ratgeber jene Herren zur Parteinahme veranlassen, in dem Sinne, wie es die Diener oder diejenigen, die diese Diener bestachen, wünschen mochten. Ferner war es unmöglich, die Verhandlungen im Rate geheim zu halten. Denn die Herren sagten oft ihren Vertrauten und Dienern, von denen sie angegangen worden waren, wie es mit ihren Angelegenheiten stände, und wer gegen sie wäre". Cp. James F. Baldwin, Antiquities of the King's council, въ English historical review, XXI (1906), p. 1 fol. Интересна формула присяги, приносившаяся членами совѣта королю: „item quod nemini revelabunt consilium domini regis cui non et unde credant damnum posse venire" (редакція 1257 г.) и „e que bien e loiaument son conseil celerez" (ред. 1307 г.).

3) Слѣдующій документъ, относящійся къ 1323 году, даетъ наглядное представленіе о томъ, какъ англійскіе монархи смотрѣли на оппозиціонныя рѣчи своихъ совѣтниковъ. Король созвалъ совѣтъ для обсу-

ловіяхъ о „безотвѣтственности“, въ современномъ значеніи слова, и рѣчи быть не могло. Безотвѣтственность, въ качествѣ правового института, предполагаетъ наличность самостоятельной корпораціи, облеченной извѣстными правами власти, члены же commune и magnum consilium были лишь совѣтниками короны и, юридически, всецѣло отъ нея зависѣли.

Положеніе парламента, на первыхъ порахъ, мало чѣмъ отличалось отъ положенія королевскаго совѣта: представители городовъ и графствъ, также какъ и лорды, разсматривались какъ совѣтники короны. Монархъ и парламентъ составляли одно цѣлое[1]); король предполагался присутствующимъ на всѣхъ засѣданіяхъ[2]); онъ открывалъ и закрывалъ собраніе. Но такъ было лишь въ самомъ началѣ. Вскорѣ старыя правовыя рамки оказались слишкомъ тѣсными, и молодое представительное учрежденіе, порвавъ съ прежнимъ совѣтомъ, зажило самостоятельною жизнью. Уже въ 1332 году лорды и рыцари совѣщаются отдѣльно, а со

жденія вопроса о перемиріи съ Робертомъ Брюсомъ; въ числѣ присутствовавшихъ былъ нѣкто Henricus de Bello Monte, который „quodam motu excessivo, et animo quasi irreverenti, dicto Domino Regi respondit saepius quod sibi consulere noluit in hac parte“. Тогда король „praecepit dicto Henrico quod Consilium suum exiret“. Однако Генрихъ „exeundo Consilium, dixit modo quo prius, et quod plus sibi placeret a dicto Consilio absentari, quam eidem interesse“. Подобное поведеніе не прошло Генриху даромъ: „super quibus idem Dominus Rex praefatis Magnatibus et aliis de Consilio suo, ibidem existentibus, praecepit quod consulerent de judicio faciendo de dicto Henrico in hac parte; desicut idem Henricus, Homo suus ligeus et Baro, ac de Consilio suo secreto juratus fuit, et requisitus de consulendo dicto Domino Regi, super tanto et tam arduo negotio, ipsum Dominum Regem et Regnum suum ita specialiter tangente, eidem sic respondet, quod eidem Domino Regi consulere noluit, et alia opprobria dixit, sicut praedictum est, et quod Judicum illud facerent. Et habito inde per dictos Magnates et alios, de Consilio Domini Regis, ibidem existentes, tractatu et deliberatione diligenti, praefato Henrico coram dicto Domino Rege, Magnatibus et aliis supradictis ibidem, eodem die, postmodum revocato, consideratum est per alios de Consilio supradicto, quod dictus Henricus committatur prisonae pro contemptu et inobedientia supradictis“. Rymer, Foedera, ed. Hagae Comitis 1739, t. II, p. 73.

1) Modus tenendi parliamentum, ed. Hardy, 1846: „rex est caput, principium et finis parliamenti“.

2) Ibid.: „rex tenetur omnimodo personaliter interesse parliamento, nisi per corporalem aegritudinem deteneatur.

второй половины XIV в. раздѣленіе парламента на двѣ палаты является совершившимся фактомъ [1]).

§ 8. Раздѣленіе парламента на верхнюю и нижнюю палаты имѣло весьма крупныя соціальныя и политическія послѣдствія. Палата общинъ сразу получила значеніе силы, противостоящей королевской власти: въ этомъ сказалось столь характерное для всѣхъ средневѣковыхъ политическихъ формацій противоположеніе rex и regnum.

Отнынѣ мы имѣемъ дѣло съ корпораціей, облеченной самостоятельными правами власти. Вся исторія ея въ теченіе четырехъ послѣдующихъ вѣковъ есть сплошная борьба за свои права, за свою компетенцію, за свою политическую роль. И однимъ изъ наиболѣе важныхъ орудій въ этой борьбѣ оказывается свобода слова ея членовъ, ихъ безотвѣтственность за все сказанное и предложенное ими въ качествѣ народныхъ представителей. Но эта свобода появляется далеко не сразу и всего менѣе въ формѣ какого либо субъективнаго права, порожденнаго оффиціальной правовой нормой. Она выработывается постепенно, на почвѣ тѣхъ порядковъ, которые весьма скоро установились въ молодомъ парламентѣ.

На самомъ дѣлѣ, съ первыхъ же годовъ существованія палаты общинъ, въ основу ея дѣятельности были положены два начала, въ значительной степени предопредѣлившія собой характеръ ея дѣлопроизводства. Эти начала заключались, во первыхъ, въ томъ, что всѣ засѣданія парламента должны были происходить не публично, причемъ содержаніе дебатовъ составляло государственную тайну [2]), и, во вторыхъ,

1) См. Stubbs, III, 444, 445. Ср. Hatschek, op. cit., I, 238: „So war der alten Ständeversammlung, des Magnum Concilium, die neue repräsentative „communitas communitatum“, das Haus der Gemeinen, angebaut, und ein neues Staatsorgan entstanden: das Parlament. Aber dieser Zusammenschluss war nur ein äusserlicher und die Geschichte von der Trennung der beiden Häuser in der Regierungszeit Richard II ist nur eine formelle Lösung zweier verschiedener juristischer Bestandtheile, die innerlich nie geeinigt und gleich waren“.

2) Это правило было унаслѣдовано отъ королевскаго совѣта, см. выше. Оно вполнѣ оправдывалось той обстановкой, при которой происходили засѣданія, ср. May, Die Verfassungsgeschichte Englands seit der Thronbesteigung Georg III, übers. von Oppenheim, Lpz. 1862, B. I, S. 338: „Die Mitglieder kamen nicht sowohl zum Debattieren, als zum Berathen

въ томъ, что король не былъ вправѣ вмѣшиваться въ пренія и вліять на направленіе и рѣшеніе дѣлъ[1]: на его утвержденіе должны были представляться лишь вынесенныя резолюціи, матеріалъ же, легшій въ ихъ основаніе, представлялъ собой res interna палатъ.

Съ другой стороны, тогдашнее дѣлопроизводство было довольно мало похоже на современное. Прежде всего, весьма сомнительно, чтобы дѣла рѣшались по большинству голосовъ[2]. Далѣе, представители городовъ и графствъ, какъ во всѣхъ сословныхъ сеймахъ, были связаны императивными мандатами; въ парламентѣ, поэтому, они высказывали не собственныя мнѣнія и сужденія, а тѣ, которыя они своимъ избирателямъ обѣщали защищать. Наконецъ, — и это самое важное — участіе общинъ въ законодательствѣ выражалось въ то время исключительно въ разсмотрѣніи петицій. Какъ извѣстно, въ Англіи издавна каждый свободный человѣкъ пользовался правомъ обращаться къ „королю въ совѣтѣ“ (The King in the council) съ жалобами, ходатайствами и т. п. Начиная съ XIV ст., эти петиціи направляются въ парламентъ, и разсмотрѣніе ихъ становится важнѣйшей функціей общинъ[3]; на этой почвѣ и развивается право законодательной иниціативы нижней палаты.

На основаніи сказаннаго, нетрудно представить себѣ характеръ тѣхъ отношеній, которыя установились между короной и молодымъ народнымъ представительствомъ. Эти

---

zusammen; man lud sie zur Erledigung einiger bestimmter Angelegenheiten ein, die kurz abgethan wurden. Da man nur die geladenen erwartete, waren die Versammlungs-Räume einfach zu deren Gebrauch hergerichtet. Die gelegentliche Anwesenheit eines Fremden war daher eine Unbequemlichkeit und verursachte Störung“. Что же касается присутствія короля, то оно очень скоро обратилось въ легальную фикцію.

1) Формально, это признано было въ 1407 г., т. наз. декларацией „Indemnity of Lords and Commons“. Но не подлежитъ сомнѣнію, что принципъ декларации былъ усвоенъ уже гораздо раньше, см. Parry, The Parliaments and Councils of England, Lond. 1839, p. 167: „The declaration seems to have placed the King and the two Houses, each in the separate and independent situation in wich they now stand; not as a novelty, but as a solemn declaration of what has been accustomed, whatewer proceeding of a contrary tendency might have taken place“.

2) См. Fischel, Die Verfassung Englands, Berl. 1862, S. 357.

3) Redlich, op. cit., 23.

отношенія покоились всецѣло на принципѣ соглашенія: всякая вновь установляемая норма, всякое принятое рѣшеніе являлись результатомъ договора между короной и представленными въ парламентѣ корпораціями. При этомъ то, что происходило въ палатахъ, было ихъ частнымъ дѣломъ, о которомъ никто — по крайней мѣрѣ оффиціально — освѣдомленъ не былъ. Наружу всплывали лишь результаты совѣщаній. Если результаты эти были неправомѣрны, если парламентъ выходилъ изъ предѣловъ своей компетенціи, то въ отвѣтѣ были, прежде всего, палаты въ ихъ цѣломъ. Отдѣльные же члены пользовались безотвѣтственностью лишь косвеннымъ образомъ — по стольку, по скольку высказанныя мнѣнія и сужденія были покрыты служебной тайной и не подлежали ни критикѣ, ни оцѣнкѣ со стороны правительственныхъ мѣстъ и лицъ [1]).

Король, однако, отъ контроля надъ дѣятельностью общинъ отказываться и не думалъ. На членовъ парламента онъ продолжалъ смотрѣть какъ на своихъ совѣтниковъ и, само собою разумѣется, требовалъ, чтобы они подчинялись его дисциплинарной власти. Къ тому же, въ системѣ государственныхъ учрежденій парламентъ занималъ мѣсто высшаго судебнаго установленія. Отсюда вполнѣ понятно, что тайна засѣданій парламента могла гарантировать его отъ вмѣшательства судебныхъ и иныхъ учрежденій во внутреннія его дѣла, но не отъ воздѣйствія со стороны короля въ случаѣ принятія незаконныхъ рѣшеній. И на самомъ дѣлѣ, въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ существованія парламента мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ такихъ воздѣйствій, которыя обыкновенно разсматриваются какъ нарушеніе привилегіи свободы слова, но которыя, на самомъ дѣлѣ, суть ни что иное, какъ болѣе или менѣе удачное осуществленіе короной ея права контроля надъ дѣятельностью народныхъ представителей.

1) Ср. Гнейстъ, назв. соч. 431: „Какъ и слѣдовало ожидать, общины съ самаго начала добивались свободы рѣчи въ парламентѣ, — другими словами отстаивали свое право вносить предложенія и высказывать свои взгляды во время преній, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности передъ слугами короля. Такое право само собою вытекало изъ того положенія, которое они занимали въ качествѣ членовъ высшаго совѣта въ своихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ не публично“.

Остановимся нѣсколько внимательнѣе на этихъ знаменитыхъ прецедентахъ.

§ 9. Первый изъ нихъ касается нѣкоего Henry Keighley и относится къ 1301 г., т. е. къ году созыва Линкольнскаго парламента. Отношенія между королемъ и парламентомъ были довольно натянуты. Бароны относились съ недовѣріемъ къ политикѣ Эдуарда I и требовали торжественнаго подтвержденія хартіи 1214 г.[1]). Поэтому, когда собрался парламентъ, сразу установились враждебныя отношенія между обѣими сторонами[2]). Бароны стали требовать удаленія отъ должности казначея Landon'a и черезъ депутата Keighley представили билль изъ 12 статей, въ которомъ королю предлагалось подтвердить хартію и приступить къ цѣлому ряду реформъ. Эдуардъ отвѣтилъ на это приказомъ объ арестѣ Keighley[3]). Вскорѣ, однако, послѣдній былъ освобожденъ. Какой-либо особой реакціи со стороны парламента, сколько извѣстно, не послѣдовало.

Въ 1376 г., въ царствованіе Эдуарда III (1327—1377), произошелъ аналогичный случай. „Добрый" парламентъ, собравшійся въ этомъ году, сразу вступилъ въ конфликтъ съ короной или, вѣрнѣе сказать, съ Джономъ Гаунтомъ, четвертымъ сыномъ Эдуарда, фактически управлявшимъ королевствомъ вслѣдствіе болѣзни отца. Черезъ посредство своего спикера Peter de la Mare общины представили 160 петицій, изобличавшихъ злоупотребленія правительства и вмѣшательство любовницы короля Alice Perers въ государственныя дѣла[4]). Подъ напоромъ общественнаго негодованія королю пришлось уступить. Perers была изгнана, многіе королевскіе приближенные заключены въ

---

1) Гринъ, Исторія англійскаго народа, М. 1891, т. I, стр. 290; T. F. Tout, The history of England from the accession of Henry III to the death of Edward III, Lond. 1905, p. 219.

2) Stubbs, op. cit., II, 156.

3) Въ письмѣ къ казначею, коему поручалось посадить К. въ Тоуэръ, Эдуардъ, между прочимъ, писалъ: „quil est celi qui nous porta la bille de par l'ercevesqe de Cantebiris et de par les autres qui nous presserent outraiousement au parlement de Nichole et lequel nous avons taunt fait serchier". Stubbs, op. cit., II, 158, n. 1.

4) Текстъ петицій приведенъ въ Rotuli Parliamentorum, t. II, p. 325 seq.

тюрьму, а число лордовъ, засѣдавшихъ въ совѣтѣ, увеличено было на девять человѣкъ. Не успѣлъ, однако, парламентъ разойтись, какъ Джонъ Гаунтъ снова очутился у власти. Объявивъ, что „добрый“ парламентъ вовсе не былъ парламентомъ, онъ отмѣнилъ его рѣшенія, запретилъ занести представленныя имъ петиціи въ реестръ и посадилъ de la Mare въ тюрьму, гдѣ послѣдній просидѣлъ до смерти Эдуарда III, т. е. почти два года. Въ 1377 г. собрался новый парламентъ, состоявшій, преимущественно, изъ сторонниковъ Гаунта; все сдѣланное „добрымъ“ парламентомъ было уничтожено и прежніе фавориты возстановлены въ правахъ. Правда, нѣкоторыми депутатами былъ возбужденъ вопросъ объ освобожденіи de la Mare, но большинство признало это ходатайство несвоевременнымъ, и узнику пришлось дождаться воцаренія Ричарда II (1377—1399), который sua sponte немедленно выпустилъ его на свободу [1]).

Конецъ царствованія этого монарха былъ ознаменованъ новымъ конфликтомъ короны съ парламентомъ. Властолюбивый по природѣ, Ричардъ плохо мирился съ притязаніями народныхъ представителей. Онъ мечталъ о неограниченной власти и послѣ брака своего съ Изабеллой, дочерью Карла VI французскаго (1396 г.), вступилъ въ рѣшительную борьбу съ общинами. Поводомъ послужила одна петиція, поданная палатой въ 1397 г. [2]). Дѣло въ томъ, что, обезпечивъ себѣ миръ съ Франціей, Ричардъ сталъ вести крайне расточительный образъ жизни; издержки по содержанію его двора достигли громадныхъ размѣровъ, что и побудило парламентъ провести билль о сокращеніи этихъ расходовъ. Король крайне разгнѣвался и усмотрѣлъ въ этомъ предложеніи посягательство на свою

1) См. Pauli, Geschichte von England, B. IV, Gotha 1855, S. 489 ff.; Гринъ, назв. соч., I, 365 и слѣд.; Stubbs, op. cit., II, 450 fol.; Tout, op. cit., p. 426 fol.

2) Объ этомъ дѣлѣ см. Гринъ, назв. соч., I, 401; Stubbs, op. cit., II, 516 fol., 624; III, 23; Th. Pitt Taswell-Langmead, English constitutional history, 3-d ed., Lond. 1886, p. 305 fol.; p. 324; Hannis Taylor, The origin and growth of the english constitution, Lond. 1890, p. 510 fol.; C. Oman, The history of England from the accession of Richard II to the death of Richard III, Lond. 1906, p. 132.

прерогативу[1]). Билль былъ препровожденъ въ верхнюю палату, которая согласилась съ королемъ. Тогда общинамъ предложено было выдать иниціатора предложенія. Палата безъ всякаго колебанія указала на Thomas Haxey[2]), униженно прося короля простить ея за дерзость и признавая, что, дѣйствительно, прерогатива была нарушена. Лорды, однако, вынесли резолюцію, утвержденную затѣмъ королемъ, согласно которой всякое лицо, побудившее общины или другое лицо „ad faciendum remedium, sive reformationem alicuius rei quae tangit nostram (i. e. Regis) personam, vel nostrum regimen, aut regalitatem nostram", должно считаться измѣнникомъ[3]). На основаніи этой резолюціи, Haxey былъ приговоренъ къ смертной казни. Его спасло лишь заступничество Кантерберійскаго архіепископа Арунделя и нѣкоторыхъ прелатовъ.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Генриха IV (1399—1413) Haxey подалъ петицію, въ которой онъ, жалуясь на то, что былъ осужденъ „encontre droit et la curse quel avoit este devant en Parlement", ходатайствовалъ объ отмѣнѣ рѣшенія лордовъ[4]). Общины, разсмотрѣвъ дѣло, признали, что упомянутое рѣшеніе состоялось „en anientisment des Custumes de lez Communes" и представили петицію на усмотрѣніе короля[5]). Генрихъ удовлетворилъ ходатайство Haxey, но въ своей резолюціи мотивировки палаты не повторилъ. „Le Roy voet, читаемъ мы въ „Responsio",

1) Item al quart article, touchant le charge de l'hostiel le Roy, et la demuree d'Evesques et Dames en sa compaignie, Le Roy prist grandement a grief et offense, de que les communes qui sont ses lieges deussent mesprendre ou presumer sur eux ascune ordenance ou governance de la person de Roy, ou de son Hostiel, ou d'ascuns persones d'Estat qu'il plerroit avoir en sa compaignie. Et sembloit a Roy, que les communes firent en ce grant offence et encontre sa Regalie, et sa Roiale Mageste, et la Liberte de lui et de ses honorables progenitours, queles il est tenuz et voet manitenir et sustenier por l'eide de Dieu". Rot. Parl., III, 339.

2) Кто былъ Haxey, въ точности не установлено. Неизвѣстно даже, былъ ли онъ членомъ парламента. См. подробную справку о немъ въ примѣчаніяхъ Christian къ Blackstone, Commentaires sur les lois anglaises, trad. par Chompré, Par. 1822, t. I, p. 317, 321, 321.

3) Rot. Parl., III, 408.

4) Ibid., 430.

5) Ibid., 434.

que le jugement soit de tout cassez, reversez, repellez et annulez et tenu de nul force n'effect."

Таковы прецеденты, относящіеся къ XIV в. Изъ нихъ можно слѣлать лишь тотъ выводъ, что въ разсматриваемую эпоху англійскіе короли считали себя вполнѣ вправѣ контролировать дѣятельность народнаго представительства и прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ въ тѣхъ случаяхъ, гогда парламентъ выходилъ изъ рамокъ предоставленной ему компетенціи. Такъ, въ дѣлахъ Keighley и Peter de la Mare требованія общинъ, до извѣстной степени, носили революціонный характеръ; они были предъявлены въ разгаръ политической борьбы и, несомнѣнно, затрагивали королевскую прерогативу. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о дѣлѣ Haxey: незаконность притязаній палаты признана была впослѣдствіи самими общинами. Поэтому акты освобожденія de la Mare и Haxey отъ наказанія носили гораздо болѣе характеръ помилованія, чѣмъ возстановленія въ правахъ [1]).

Такимъ образомъ, во всѣхъ разсмотрѣнныхъ дѣлахъ вопросъ о свободѣ слова не возбуждался вовсе. Рѣчь шла о разграниченіи компетенцій парламента и короны. И вся дальнѣйшая борьба народнаго представительства за свою привилегію есть ни что иное, какъ неуклонное стремленіе парламента расширить свою сферу дѣятельности и забрать въ свои руки всю область законодательства. Въ томъ, что король имѣлъ право реагировать на незаконномѣрныя дѣйствія парламента, никто не сомнѣвался. Спорнымъ могъ являться лишь вопросъ, кто долженъ былъ быть въ отвѣтѣ за незаконныя постановленія палаты. И въ этомъ отношеніи мы видимъ, что опредѣленной практики не выработалось: кара постигаетъ то спикера, то иниціатора пред-

1) Генрихъ IV недаромъ не привелъ никакихъ мотивовъ въ своемъ отвѣтѣ на петицію Haxey. Слѣдуетъ также замѣтить, что вышеупомянутой резолюціи палаты лордовъ придана была обратная сила, ср. Taswell-Langmead, op. cit., 306; Taylor, op. cit. 511, n. 1. По существу своему резолюція была ничѣмъ инымъ, какъ своеобразнымъ легальнымъ толкованіемъ акта 1352 г., установившаго процедуру impeachment'a за измѣну (treason). Текстъ этого акта, въ основныхъ чертахъ дѣйствующаго и нынѣ, см. въ The Statutes, second revised ed., Lond. 1888, v. I, p. 109 fol.

ложенія. Лишь значительно позднѣе пришли къ убѣжденію, что единственной законной реакціей на неправильныя дѣйствія парламента является его роспускъ.

§ 10. Вступленіе на престолъ Ланкастерскаго дома ознаменовало собой новую эру въ отношеніяхъ между королемъ и парламентомъ. Правда, въ теченіи XV ст. палаты новыхъ правъ не пріобрѣли; но зато какъ дѣлопроизводство, такъ и парламентскія привилегіи получили опредѣленную правовую структуру. Основаніемъ всей дѣловой процедуры становится билль, вводится система трехъ чтеній, за нижней палатой признается право первоначальнаго разсмотрѣнія финансовыхъ законопроектовъ и т. п.[1]).

Что касается привилегій, то тотчасъ по вступленіи Генриха IV на престолъ вопросъ о свободѣ слова былъ возбужденъ самимъ парламентомъ. Въ 1401 г. общины обратились къ королю съ петиціей слѣдующаго содержанія. Можетъ случиться, говорили коммонеры, что нѣкоторые изъ членовъ парламента, дабы понравиться монарху и получить повышеніе по службѣ („pur faire plaisance au Roy et pur avancer soy mesmes“) будутъ ему доносить о томъ, что въ палатѣ происходили дебаты, способные возбудить его неудовольствіе. Такихъ лицъ общины просили короля не выслушивать вовсе. На это ходатайство Генрихъ отвѣтилъ, что онъ, желая, чтобы палата обсуждала всѣ дѣла по своему разумѣнію на пользу всего королевства, не станетъ слушать доносчиковъ, а будетъ считаться только съ тѣмъ, что окажется представленнымъ ему „par advis et assent des toutz les communes“[2]).

Какъ видно изъ этого ходатайства, общины вовсе не требуютъ свободы слова, какъ таковой, т. е. права касаться любыхъ предметовъ въ любой формѣ; онѣ претендуютъ лишь на тайну своихъ совѣщаній: никому, не исключая короля, нѣтъ дѣла до того, что на нихъ происходитъ. Лишь результаты дебатовъ, принятыя резолюціи, имѣютъ быть представляемы на усмотрѣніе короля.

Къ тому же времени относится и другое мѣропріятіе, оказавшее съ теченіемъ времени громадное вліяніе на отно-

1) Подробности см. у Redlich, op. cit., S. 31 ff.
2) Rot. Parl., III, 456.

шенія между палатами и правительствомъ. Генрихъ, которому досаждалъ своими безконечными витіеватыми рѣчами спикеръ общинъ Savage, потребовалъ, чтобы впредь палата представляла ему проекты резолюціи въ письменной формѣ [1]). Тѣмъ самымъ корона получила возможность задерживать утвержденіе биллей до представленія финансоваго закона [2]).

Въ 1407 г. вопросъ о финансовыхъ правахъ общинъ былъ поднятъ въ связи съ вопросомъ о свободѣ преній Поводомъ послужило столкновеніе между верхней и нижней палатами. Нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, Генрихъ обратился за субсидіей къ лордамъ, причемъ коммонерамъ было предложено прислать нѣсколько представителей для присутствованія на совѣщаніи. Палата отрядила двѣнадцать своихъ членовъ, которые, по окончаніи засѣданій, представили ей соотвѣтственный докладъ. Вся процедура, однако, была признана коммонерами незаконной и состоявшейся „en grant prejudice et derogation de lour libertees“ [3]). При такихъ обстоятельствахъ королю и лордамъ пришлось уступить; было принято рѣшеніе, что „отнынѣ будетъ законно для „лордовъ совѣщаться въ отсутствіи короля о дѣлахъ го„сударства и о средствахъ для устраненія возникающихъ „затрудненій. А также для общинъ будетъ законно совѣ„щаться съ своей стороны между собой объ упомянутыхъ „дѣлахъ и средствахъ. При этомъ лорды не должны брать „на себя извѣщеніе короля о резолюціяхъ, принятыхъ общи„нами и одобренныхъ ими, лордами, по дѣламъ, касающимся „разрѣшенія субсидій, и равно не должны дѣлать подобныя „извѣщенія прежде, чѣмъ вопросъ не будетъ обсужденъ „какъ лордами, такъ и общинами, и между тѣми и другими „не состоится соглашенія; послѣ этого о принятомъ рѣше„ніи король имѣетъ быть извѣщенъ въ обычаемъ установ„вленной формѣ, т. е. черезъ спикера палаты общинъ“ [4]).

---

1) Ibid.

2) Stubbs, op. cit., III, 29 fol.

3) Rot. Parl., III, 611. Объ этомъ инцидентѣ см. Hallam, Geschichtliche Darstellung des Zustandes Europa im Mittelalter, übers. von Halem, Lpz. 1820, B. II, S. 377 ff.

4) Rot. Parl., ibid.

Одновременно съ этимъ было признано, что отпускъ субсидій зависитъ отъ нижней палаты, верхняя же даетъ лишь свое согласіе на это. Какъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу Redlich, привилегированное положеніе общинъ относительно т. наз. money-bills было возведено въ основное положеніе англійскаго государственнаго права, причемъ нижняя палата изъ представительницы одного сословія превратилась въ представительницу всей націи [1]).

Въ 1411 г. снова заходитъ рѣчь о парламентской свободѣ слова. При открытіи сессіи спикеръ обратился къ королю съ ходатайствомъ о предоставленіи ему свободы докладовъ. Генрихъ отвѣтилъ, что онъ будетъ, по отношенію къ данному парламенту, поступать такъ, какъ поступали его предшественники и онъ самъ до сихъ поръ и что новшествъ онъ никакихъ не желаетъ — привилегіи и свобода парламента должны быть сохранены въ полной неприкосновенности [2]).

Черезъ три дня общины представили письменный отвѣтъ на рѣчь короля. Въ этомъ отвѣтѣ палата указала на то, что она не стремится къ бо́льшимъ, чѣмъ прежде, привилегіямъ; поэтому, если спикеръ скажетъ что-либо противное регаліи и прерогативѣ короля, то пусть послѣдній взглянетъ на это какъ на недосмотръ или небрежность, но не какъ на проявленіе злой воли, и потому проститъ палату. Король на это выразилъ свое согласіе [3]).

Такимъ образомъ, въ царствованіе перваго представителя Ланкастерскаго дома, согласіе между королемъ и

1) Op. cit., 34; Гнейстъ, назв. соч., 430.

2) Rot. Parl., III, 648: „A quoi le Roy grounta qu'il parleroit dessoutz tiele Protestation come autres Parlours avoient fait devaunt luy en temps de ses nobles progenitours et auncestres, et en son temps demesme, mais nemye autrement. Qar il ne vorroit aucunement avoir nulle manere de Novellerie en cest Parlement, mais q'il vovrait estre et esteer en ses libertee et fraunchise auxi entierment et a large come aucunes de ses ditz progenitours ou auncestres avoient estee en aucun temps passe".

3) Ibid.: „Et si riens seroit parlez par le dit Parlour qe serroit en desplesance du Roy notre Sire, ou encontre ses Regalie et Prerogatif, qe Dieu defende, qe pleust a Roy de l'accepter come chose faite de negligence, et pur defant de seen et escience, et pur nule autre malvoise volontee n'entention, et d'ent avoir le dit Parloure et les Communes pur exensez. A quoy le Roy s'agrea bien".

парламентомъ было полное, по крайней мѣрѣ по вопросу о свободѣ рѣчи. Лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что когда въ 1411 г. вотированъ былъ одинъ билль, задѣвшій, по мнѣнію Генриха, его прерогативу, общины, узнавъ о неудовольствіи короля, поспѣшили взять билль обратно и обратились къ нему съ просьбой объявить ихъ „pour voz foialx et loialx liges et soubges“ [1]).

Палаты соблюдали во время преній возможную корректность, король въ нихъ не вмѣшивался и считался только съ представляемыми ему законопроектами [2]). Предметомъ сужденій парламента были всѣ дѣла, имѣвшія государственное значеніе, причемъ палаты строго слѣдили за тѣмъ, чтобы не происходило вторженій въ область королевской прерогативы.

Такъ обстояло дѣло и при двухъ другихъ представителяхъ Ланкастерскаго дома. Впрочемъ, во время царствованія Генриха VI (1422—1461) со стороны короны разъ приняты были репрессивныя мѣры противъ провинившагося члена парламента. Случай этотъ имѣлъ мѣсто въ 1451 г. Нѣкій Thomas Yonge или Young, представитель Бристоля, внесъ въ нижнюю палату предложеніе объявить герцога Іоркскаго наслѣдникомъ престола. Въ наказаніе за это онъ правительствомъ былъ посаженъ въ Тоуэръ. Черезъ 4 года Young подалъ парламенту петицію, въ которой онъ, указывая на неправильно понесенное имъ наказаніе, благодаря невѣрному докладу его дѣла королю, просилъ общины исходатайствовать ему у короля и лордовъ какую нибудь „компенсацію“ (compensation). Коммонеры переслали петицію въ верхнюю палату, а король приказалъ лордамъ своего совѣта удовлетворить просителя по ихъ усмотрѣнію [3]). Ближайшія обстоятельства этого дѣла неизвѣстны [4]).

---

1) Ibid., 658.

2) Какъ замѣчаетъ Stubbs, op. cit., III, 508, „the debates were certainly respectful to the King; of their freedom we can judge by results rather than by details“. При открытіи каждой сессіи спикеръ считалъ своимъ долгомъ напередъ извиниться передъ королемъ на тотъ случай, если постановленія парламента ему покажутся сколько-нибудь обидными или неумѣстными.

3) Rot. Parl., V, 337.

4) Stubbs, op. cit., III, 511.

Что же касается кратковременнаго правленія Іоркскаго дома, то оно ознаменовало собою небывалое паденіе власти парламента и почти деспотическій способъ управленія страной со стороны короны. При Эдуардѣ IV (1461—1483) общины почти не созываются [1]), а при Ричардѣ III (1483—1485) дѣятельность ихъ проявляется исключительно въ уголовныхъ преслѣдованіяхъ и въ обсужденіи петицій частныхъ лицъ.

II.

Правленіе Тюдоровъ. Генрихъ VIII.

§ 11. Царствованіе перваго изъ Тюдоровъ — Генриха VII (1485—1509) — было посвящено возстановленію порядка и спокойствія въ странѣ, не успѣвшей еще оправиться отъ войны бѣлой и алой розъ. Междоусобица отразилась, прежде всего, на положеніи парламента, утратившаго всякую самостоятельность. Цвѣтъ англійскаго рыцарства погибъ на поляхъ сраженія, и, лишенныя лучшихъ своихъ представителей, общины вступаютъ на путь покорности и уступокъ [2]). При такихъ обстоятельствахъ первымъ Тюдорамъ не трудно было продолжать политику своихъ непосредственныхъ предшественниковъ и предписывать парламенту свою волю. Но сколь короли ни стремились къ абсолютизму, все же они преклонялись передъ національнымъ правомъ страны и передъ выработавшимися въ продолженіи предыдущихъ вѣковъ политическими устоями; буква закона ими свято соблюдалась [3]), и формальныя нарушенія конституціи тщательно избѣгались. Вообще говоря, эпоха правленія дома Тюдоровъ представляетъ собой любопытную картину кричащаго противорѣчія между теоріей и практикой. На дѣлѣ, значеніе

1) См. перечень парламентовъ у Parry, op. cit., 189 fol.

2) Glasson, Histoire du droit et des institutions de l'Angleterre, t. V, Par. 1873, p. 71 et suiv.; H. A. L. Fisher, The history of England from the accession of Henry VII to the death of Henry VIII, Lond. 1906, p. 7.

3) Какъ замѣчаетъ Taswell-Langmead, op. cit., 368, „tyrant as he (Henry VIII) was, he was yet animated by a scrupulous regard for the letter of the law". Ср. Freeman, The growth of the englisch constitution (Tauchnitz's ed., Lond. 1872), p. 142, 143.

парламента временами сводится къ нулю: Генрихъ VIII и Елизавета управляютъ государствомъ почти какъ неограниченные монархи. Теоретически же, они признаютъ власть народнаго представительства во всей ея полнотѣ. Но эта власть не должна ихъ стѣснять, служить имъ помѣхой: въ противномъ случаѣ они праву безъ всякаго колебанія противопоставляютъ силу [1]).

Тѣмъ не менѣе, положеніе парламента, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ оно было два вѣка тому назадъ, значительно измѣнилось, по крайней мѣрѣ съ юридической точки зрѣнія. Изъ королевскаго совѣта, имѣющаго совѣщательный характеръ и вѣдающаго лишь разрѣшеніе субсидій, да разборъ подаваемыхъ петицій, парламентъ превращается въ государственный органъ, творящій право. Конституціонный строй пріобрѣтаетъ твердый фундаментъ и находитъ себѣ выдающихся апологетовъ. Такъ, уже Fortescue учитъ, что Англія не представляетъ собою dominium regale, гдѣ дѣйствуетъ правило „quid principi placuit legis habet vigorem", a dominium regale et politicum (т. е. монархію ограниченную), гдѣ статуты издаются съ согласія всего королевства, представленнаго въ парламентѣ [2]). Аналогичныя доктрины уже проповѣдывались Gower'омъ [3]) и Thomas Occlev'омъ [4]) въ первой половинѣ XIV в. [5]). Ко времени вступленія дома Тюдоровъ на престолъ, научная мысль, освободившись отъ оковъ абсолютизма, уже умѣла проложить себѣ новые пути и выработать новые политическіе идеалы, подготовляя этимъ то великое движеніе, которое бурей разразилось въ половинѣ XVII в.

1) Къ этому ихъ поощряло раболѣпствующее поведеніе самого парламента. Какъ говоритъ Taswell-Langmead, op. cit., 369: „The Parliament was indeed so disgracefully subservient and sycophantic that where was little temptation for the King to endeavour to destroy an institution wich served to cover his most outrageous proceedings with a convenient and plausible appearance of popular approbation".

2) De laudibus legum Angliae. Ср. его-же On the governance of England, c. 1. О Fortescue см. интересный этюдъ М. М. Ковалевскаго, Отъ прямого народоправства къ представительному и т. д., т. I., М. 1906, стр. 247 и слѣд.

3) Confessio amantis.

4) De regimine principum.

5) Объ нихъ см. М. Ковалевскій, наз. соч., I, стр. 240 и слѣд.

Упомянутая выше двойственность особенно ярко сказалась въ вопросѣ о парламентскихъ привилегіяхъ. Въ принципѣ, онѣ Тюдорами безусловно признаются. Въ царствованіе Генриха VIII (1509—1547)[1]) въ палатѣ общинъ, по свидѣтельству Froude[2]), теоретически, господствовали неограниченная свобода слова и ничѣмъ не стѣсняемое право каждаго члена вносить любыя предложенія. Самъ Генрихъ это торжественно заявилъ въ 1529 г. въ письмѣ къ папѣ Клименту VII[3]). Чтобы отдать себѣ отчетъ въ смыслѣ и значеніи этого заявленія, необходимо воспроизвести ту обстановку, при которой оно было сдѣлано.

На 20-омъ году своего царствованія Генрихъ очутился въ весьма затруднительномъ финансовомъ положеніи. Для полученія необходимыхъ денежныхъ средствъ ему необходима была помощь парламента. Съ другой стороны, его намѣреніе развестись съ женой (Екатериной Арагонской) и вступить въ бракъ съ Анной Болейнъ встрѣчало сильное противодѣйствіе со стороны папскаго престола, а также громко осуждалось общественнымъ мнѣніемъ въ самой Англіи. Поддержка парламента и въ данномъ отношеніи была крайне желательна. При этомъ, само собою разумѣется, весьма важно было придать рѣшеніямъ палатъ по крайней мѣрѣ видимость самостоятельности. Какъ извѣстно, парламентъ 1529 г. оказался на высотѣ положенія и его „свободныя“ рѣчи вполнѣ совпали съ желаніями короля[4]).

И дѣйствительно, пока между короной и народнымъ представительствомъ царило довѣріе, все обстояло благополучно: министры подготовляли дѣла, и, обыкновенно, настроеніе палатъ было настолько хорошо извѣстно, что, за

1) При Генрихѣ VII парламентъ созывался всего два раза и вопросъ о привилегіяхъ не возбуждался вовсе.

2) History of England from the fall of Wolsey to the death of Elizabeth, v. I, Lpz. 1861, p. 127

3) „The discussions in the Englisch Parliament, писалъ король, are free and unrestricted; the crown has no power to limit their debates or to controul the votes of the members. They determine everyting for themselves, as the interest of the commonwealth require“. Froude, ibid.

4) См. Froude, op. cit., I, 126; Гринъ, наз. соч., II, стр. 115 и слѣд.; Fisher, op. cit., p. 289 fol.

исключеніемъ денежныхъ требованій, рѣдко предлагались мѣры, принятіе которыхъ могло быть сомнительнымъ или которыя могли бы вызвать дебаты [1]). Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что, въ общемъ, народные представители въ разсматриваемую эпоху относились довольно безразлично къ своимъ обязанностямъ, и въ 1515 г. пришлось имъ запретить, подъ страхомъ наказанія, отлучаться до окончанія сессіи изъ того мѣста, гдѣ засѣдалъ парламентъ [2]).

Къ послѣднимъ годамъ царствованія Генриха VIII относится возникновеніе обычая испрашивать у короля, въ началѣ каждой сессіи, подтвержденіе привилегій парламента. Въ прежнее время спикеръ ходатайствовалъ о гарантіи лишь для себя лично. Въ 1542 г. спикеръ Moyle впервые проситъ о предоставленіи freedom of speech для всѣхъ вообще членовъ нижней палаты [3]). Протоколы этой послѣдней за 1562 г. въ первый разъ даютъ текстъ той рѣчи спикера, съ которой онъ обратился къ коронѣ съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ [4]). Съ тѣхъ поръ испрошеніе передъ открытіемъ парламента свободы слова, свободы отъ ареста (freedom from arrest) и наиболѣе благопріятнаго истолкованія дебатовъ становится обычнымъ явленіемъ [5]).

§ 12. Въ 1512 г. возникло знаменитое дѣло Strode. Этотъ послѣдній — членъ палаты общинъ — былъ приговоренъ однимъ изъ мѣстныхъ судовъ — т. наз. Stannary Court [6]) — къ денежному штрафу и тюремному заключенію за то, что имъ внесены были билли, касавшіеся корнуэльскихъ рудокоповъ. Парламентъ, усмотрѣвъ здѣсь нарушеніе своихъ правъ и привилегій, вмѣшался въ дѣло и издалъ особый

1) Froude, loc. cit., 127.

2) 6 Hen. VIII c. 16, Statutes, 2-d ed., I, 244.

3) Prothero, Select statutes and other constitutional documents illustrative of the reigns of Elizabeth and James I, 3-d ed., Oxf. 1906, p. LXXXVII.

4) Вотъ то мѣсто, которое относится къ свободѣ рѣчи: „Thirdly, that the assembly of the Lower House may have frank and free liberties to speak their minds without any controlment, blame, grudge, menaces or displeasure, according to the old ancient order". Prothero, op. cit., 117.

5) См. May, Traité des lois, privilèges, etc., I, 62.

6) Этому суду подсудны были, до 1896 г., дѣла объ оловянныхъ рудникахъ и рудокопахъ въ Корнуэльсѣ. См. Taswell-Langmead, op. cit., 325, n. 2.

актъ (4 Hen. VIII c. 8), согласно которому, во-первыхъ, производство суда было признано юридически ничтожнымъ, и, во-вторыхъ, установлено было, что всякое судебное преслѣдованіе или процессъ противъ Strode, или вообще, всякаго лица, входящаго въ составъ настоящаго или будущихъ парламентовъ по поводу внесенныхъ биллей, сдѣланныхъ заявленій или произнесенныхъ рѣчей, ничтожны и недѣйствительны, разъ таковыя касались дѣлъ, подвѣдомственныхъ парламенту [1]).

Приведенный актъ, несомнѣнно, представлялъ крупный шагъ впередъ въ дѣлѣ развитія иммунитета. Его значеніе не исчерпывается, какъ думаетъ May, тѣмъ, что онъ служитъ косвеннымъ доказательствомъ существованія привилегіи и до этого времени [2]); самое важное то, что здѣсь впервые привилегія получила опредѣленную и точную законодательную формулировку. До того времени, свобода слова, какъ мы видѣли, являлась какъ бы рефлексомъ непубличности засѣданій парламента; теперь она становится субъективнымъ правомъ этого послѣдняго. Но этого мало: привилегія, согласно акту 1512 г., носитъ абсолютный характеръ; она распространяется на „any bill, speaking, reasoning or declaring" т. е. на всѣ, рѣчи и сужденія, высказываемыя въ парламентѣ, независимо отъ ихъ содержанія.

При этомъ статутъ обставляетъ иммунитетъ цѣлой сѣтью гарантій, запрещая всякаго рода воздѣйствія на членовъ парламентовъ какъ со стороны судовъ, такъ и со стороны правительства. Этимъ самымъ законъ признаетъ, что единственнымъ компетентнымъ судьей надъ народными представителями является сама палата. И дѣйствительно, на-

1) „And... that all suits, condemnations, executions, fines, amerciaments, punishments, corrections, grevrances, charges and imposicions put or had or hereafter to be put or had upon the said Richard Strode and to every other person or persons that now be of the present Parliament or that of any Parliament thereafter shall be, for any bill, speaking, reasoning or declaring of any matter or matters concerning the Parliament, to be communed and treated of, be utterly void and of none effect". Statutes, 2-d ed., I, 240—243.

2) Op. cit., I, 103: „Étant donné que les procédures déjà entamées contre Strode avaient été déclarées nulles, il est évident que la liberté de la parole était déjà admise comme un privilège du parlement; qu'elle ne fut point alors promulguée comme telle pour la première fois".

чало развитія т. наз. парламентской дисциплины въ Англіи относится какъ разъ къ XVI ст. Издавна принадлежавшая лордамъ уголовная юрисдикція надъ всѣми лицами, виновными въ нарушеніи ихъ привилегій (breach of privilege), присвояется нижней палатѣ. Первый случай примѣненія ею карательной власти относится къ 1543 г.: Лондонскіе шерифы, отказавшіеся выпустить на свободу, по ея требованію, депутата Ferrers, арестованнаго по распоряженію суда королевской скамьи, были сами взяты подъ стражу и посажены въ тюрьму. Въ 1548 г. коммонеры налагаютъ наказаніе на одного изъ своихъ сочленовъ: по ихъ приказу арестовывается депутатъ John Storie за оскорбительныя для палаты рѣчи. Десять лѣтъ спустя та-же мѣра примѣняется по отношенію къ Thomas Copley, позволившему себѣ непочтительно отозваться о королевѣ (Маріи Кровавой)[1]). Съ тѣхъ поръ принятіе палатой дисциплинарныхъ и карательныхъ мѣръ по отношенію къ ея членамъ становится нормальнымъ явленіемъ.

Такимъ образомъ, свобода парламентскихъ преній съ первыхъ же дней ея легальнаго признанія получаетъ характеръ не безнаказанности за преступленія совершенныя словомъ съ парламентской трибуны, а исключительной подсудности этихъ дѣяній самому парламенту. Этотъ характеръ, какъ мы увидимъ ниже, сохранился за привилегіей и понынѣ.

III.

Правленіе Тюдоровъ. Елизавета.

§ 13. Вторая половина XVI ст. изобилуетъ столкновеніями между правительствомъ и парламентомъ по вопросу о содержаніи иммунитета. Какъ и прежде, принципъ никѣмъ не отрицается. Но проведеніе его на практикѣ встрѣчаетъ рѣзкій отпоръ со стороны властолюбивой королевы. Первый конфликтъ произошелъ вскорѣ послѣ вступленія Елизаветы (1558—1603) на престолъ, а именно въ 1563 г.

1) Taswell-Langmead, op. cit., 485, 486.

Общины и лорды представили ей о необходимости назначить наслѣдника короны и вступить въ бракъ[1]). Королева сочла такое ходатайство неумѣстнымъ и отвѣтила довольно рѣзко[2]). Три года спустя, парламентъ рѣшилъ снова поднять этотъ вопросъ, и на этотъ разъ въ связи съ разрѣшеніемъ субсидій. Подобное поведеніе общинъ показалось Елизаветѣ неслыханной дерзостью и совершенно непозволительнымъ вмѣшательствомъ въ сферу ея прерогативы. Но такъ какъ лорды присоединились къ коммонерамъ и также просили королеву вступить въ бракъ, то она по данному вопросу рѣшила уступить и дала соотвѣтственное обѣщаніе. Иначе отнеслась она къ ходатайству о назначеніи наслѣдника. Прежде всего, она запретила палатамъ продолжать обсужденіе этого вопроса. Это вызвало большое волненіе въ нижней палатѣ, и одинъ изъ ея членовъ (Wentworth) даже поднялъ вопросъ о томъ, не является ли предписаніе королевы нарушеніемъ парламентской свободы. Начались весьма жаркіе дебаты, которые продолжались съ 9 ч. утра до 2 ч. пополудни. На слѣдующій день поступило вторичное посланіе королевы, подтвердившее запрещеніе обсуждать вопросъ о престолонаслѣдіи. Палата отвѣтила на это требованіемъ свободы дебатовъ, а затѣмъ перешла къ разсмотрѣнію притязаній шотландской королевы, причемъ одинъ изъ коммонеровъ — Dalton — произнесъ весьма рѣзкую рѣчь. Елизавета немедленно велѣла его арестовать и предать суду Звѣздной Палаты. Черезъ нѣсколько дней, однако, онъ былъ выпущенъ на свободу, и палатѣ было объявлено, что королева вовсе не имѣла въ виду нарушить ея привилегіи, такъ какъ она предполагала испросить разрѣшеніе общинъ на преслѣдованіе Dalton'a. Общины, которыя нисколько не стремились къ обостренію конфликта, очень обрадовались такому отвѣту и поспѣшили вотировать субсидіи[3]).

Изложенный инцидентъ, несомнѣнно, весьма характе-

1) Въ 1558 г. общины уже обращались къ королевѣ съ аналогичнымъ ходатайствомъ. Отвѣтъ тогда былъ данъ уклончивый. См. Cobbett, Parliamentary History of England, I, 661.

2) Parl. Hist., I, 699; Froude, op. cit., VII, 488.

3) Parl. Hist., I, 708—716; Froude, op. cit., VIII, 312—324.

ренъ. Въ общемъ покорный и низкопоклонный, парламентъ поднимаетъ голову какъ только рѣчь заходитъ о его привилегіяхъ[1]). При этомъ онъ отлично сознаетъ, что въ его рукахъ есть сильное средство борьбы съ короной: не даромъ, какъ передаютъ историки, во время преній билль о субсидіяхъ демонстративно лежалъ на столѣ передъ спикеромъ.

Въ 1571 г. чуть не дошло до новаго столкновенія[2]). Одинъ изъ депутатовъ — Strickland — внесъ предложеніе объ исправленіи англиканской молитвенной книги (Common Prayer Book). Королева воспретила ему участіе въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ парламента. До коммонеровъ, однако, извѣстіе объ этомъ инцидентѣ дошло въ искаженномъ видѣ: распространился слухъ, будто Strickland арестованъ, и въ засѣданіи 20 апрѣля поднятъ былъ вопросъ о нарушеніи парламентскаго иммунитета. На слѣдующій день, однако, Strickland'у было разрѣшено вернуться въ парламентъ, и этимъ инцидентъ былъ исчерпанъ[3]).

Съ теченіемъ времени отношенія между короной и парламентомъ становятся все болѣе и болѣе натянутыми. При закрытіи парламента 1571 г. Елизавета велѣла передать членамъ нижней палаты, что она осталась весьма довольна скромнымъ и приличнымъ поведеніемъ большей части ея членовъ, но что нѣкоторые изъ нихъ, зато, вели себя дерзко

1) Гринъ, наз. соч., II, 282, разсказываетъ, что Елизавета, узнавъ о рѣшеніи палаты, воскликнула: „они дѣйствуютъ какъ бунтовщики! Они обращаются со мной какъ не посмѣли бы обращаться съ моимъ отцомъ". „Я не могу понять, гнѣвно воскликнула она въ разговорѣ съ испанскимъ посланникомъ, что нужно этимъ дьяволамъ? Имъ нужна свобода, отвѣтилъ испанецъ, и если государи не подумаютъ объ этомъ хорошенько и не будутъ совокупными силами подавлять такихъ господъ, то имъ скоро придется понять, о чемъ идетъ дѣло".

2) Предыдущій парламентъ былъ распущенъ 2 января 1567 г., и въ теченіи 4 лѣтъ Елизавета обходилась безъ палатъ. Не безынтересно отмѣтить, что 10 апрѣля 1571 г. (открытіе парламента состоялось 2-го) Елизавета предложила общинамъ избѣгать длинныхъ рѣчей. Это вызвало неудовольствіе палаты, и королева поспѣшила заявить черезъ спикера, что она по прежнему расположена къ парламенту („to have as good liking of the House now, as ever of any Parliament since her Majesty's Reign"), Parry, op. cit., 218, 220.

3) Parl. Hist., I, 746, 747, 761—763; Froude, op. cit., X, 193 fol.; M. Brosch, Geschichte von England, VI, 1890, S. 561; Parry, op. cit., 220 fol.; Prothero, op. cit., 119.

и вызывающе[1]). Достодолжный отвѣтъ данъ былъ королевѣ черезъ 4 года представителемъ мѣстечка Tugony въ Корнуэльсѣ, Петромъ Wentworth'омъ. Въ длинной рѣчи, переполненной цитатами изъ Св. Писанія и Bracton'a, Wentworth сталъ доказывать, что дававшіяся за послѣднее время короной указанія относительно содержанія дебатовъ представляютъ собою явное нарушеніе привилегій парламента. Между тѣмъ, свобода рѣчи есть основаніе всякой законодательной дѣятельности; тамъ, гдѣ ея нѣтъ, смѣшно говорить о парламентѣ: на лицо имѣется лишь школа лести и лицемѣрія.

Эта рѣчь, въ которой мы впервые находимъ теоретическое обоснованіе иммунитета[2]), настолько перепугала палату, что она немедленно распорядилась арестовать оратора и образовать особую коммисію для разсмотрѣнія дѣла. Коммисія, допросивъ Wentworth'a, представила докладъ палатѣ, которая признала оратора виновнымъ и приговорила его къ тюремному заключенію. Мѣсяцъ спустя, однако, Wentworth, по распоряженію королевы, былъ выпущенъ на свободу[3]).

Новая сессія парламента открылась лишь въ 1581 г.

---

1) „ . . . her maj. hath commanded me to say unto you, that like as the greatest number of them of the Lower House, have in the proceedings of this session shewed themselves modest, discreet, and duteful, as becomes good and loving subjects, and meet for the places that they be called unto: so there be certain of them, although not many in number, who in the proceeding of her session, have shewed themselves audacious, arrogant, and presumptuous, calling her maj.'s grants and prerogatives also in question, contrary to their duty, etc". Parl. Hist. I, 766. Въ слѣдующемъ году, при открытіи сессіи, королева снова дала парламенту рядъ указаній и потребовала, чтобы нѣкоторые вопросы имъ вовсе не разсматривались, ibid., 782.

2) Это слѣдуетъ тѣмъ болѣе подчеркнуть, что и значительно позднѣе привилегію стараются обосновать исключительно на практическихъ соображеніяхъ. Такъ, еще въ 1642 г. извѣстный D'Ewes, въ рѣчи, произнесенной на засѣданіи комитета общинъ въ Guildhall'ѣ, доказывалъ, что проступки, совершенные въ предѣлахъ палатъ потому не подлежатъ вѣдѣнію судовъ, что послѣдніе не могутъ быть о нихъ освѣдомлены, см. Forster, Arrest of the five members by Charles the first, Lond. 1860, p. 304.

3) Parl. Hist., I, 784—793, 802; Parry, op. cit. 223, 224; Hallam, Constitutional history of England, 9-e ed., I, 255 fol.

Въ своемъ отвѣтѣ на адресъ общинъ Елизавета вновь предписала не касаться въ преніяхъ ея личности, а также церковнаго управленія. Это не помѣшало Павлу Wentworth'у (брату Петра) внести предложеніе о назначеніи опредѣленнаго дня для всенароднаго поста и о введеніи ежедневной проповѣди. Предложеніе, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, было принято 115 голосами противъ 100. Королева, узнавъ объ этомъ, вызвала къ себѣ спикера и приказала ему передать палатѣ, что постановленіе должно быть взято обратно. То же самое подтвердилъ и представитель правительства въ засѣданіи 24 января и сдѣлалъ это въ выраженіяхъ, весьма унизительныхъ для парламента. Послѣдній сначала всполошился, но вскорѣ благоразуміе одержало верхъ; резолюція была взята обратно, и королевѣ принесены были извиненія[1]).

Въ 1587 г. вновь имѣлъ мѣсто довольно любопытный инцидентъ. Одинъ изъ Wentworth'овъ внесъ въ палату цѣлый рядъ вопросовъ, въ которыхъ онъ въ рѣзкой формѣ указывалъ на различнаго рода нарушенія правъ и привилегій парламента[2]). Въ результатѣ, Wentworth былъ отправленъ въ тюрьму, а за нимъ и четыре другихъ депутата, поддержавшіе его предложеніе. Какъ долго они сидѣли въ Тоуэрѣ и чѣмъ, вообще, дѣло кончилось — неизвѣстно[3]). Но слѣдуетъ отмѣтить, что палата отказалась выразить протестъ противъ этого нарушенія ея привилегіи.

Къ концу своего царствованія Елизавета становится еще болѣе надменной и вызывающей по отношенію къ народнымъ представителямъ. Но и послѣдніе начинаютъ поднимать голову все выше и выше. Въ виду имѣвшихъ мѣсто за послѣдніе годы частыхъ нарушеній привилегій, къ концу XVI ст. устанавливается обычай въ началѣ каждой сессіи образовывать особый постоянный комитетъ для разсмотрѣнія

1) Parl. Hist., I, 811—813; Froude, op. cit., XI, 77 fol.

2) Первый изъ этихъ вопросовъ гласилъ: „whether this council be not a place for any member of the same here assembled, freely and without controlment of any person, or danger of laws, by bill or speech, to utter any of the griefs of this Commonwealth whatsoever, touching the service of God, the safety of the prince and this noble realm"? Parl. Hist., I, 852; Parry, op. cit., 228, 229.

3) Parl. Hist., I, 853.

подобнаго рода дѣлъ и представленія соотвѣтственныхъ докладовъ палатѣ[1]).

Въ 1593 г. дѣло дошло до крайне остраго столкновенія. При открытіи сессіи королева прямо заявила, что она расчитываетъ на быстрое разрѣшеніе тѣхъ дѣлъ, которыя будутъ предложены парламенту: что она не желаетъ безполезныхъ рѣчей и что депутатамъ слѣдуетъ говорить по существу, а не тратить времени на пустые разговоры („vain orations, full of verbosity and of vain ostentations"). Между тѣмъ, какъ бы на зло, спикеръ палаты общинъ, знаменитый Edward Coke, авторъ „Институцій англійскаго права", испрашивая обычную гарантію привилегій, произнесъ до крайности витіеватую рѣчь. Лордъ-канцлеръ отвѣтилъ ему въ нѣсколько ироническомъ тонѣ. Coke счелъ нужнымъ возразить и въ своемъ отвѣтѣ нагромоздилъ неимовѣрное количество всякаго рода цитатъ и риторическихъ украшеній. Закончилъ онъ свою рѣчь тремя ходатайствами, причемъ одно заключалось въ томъ, чтобы „liberty of speech, and freedom from arrest according to the ancient custom of parliament be granted to your subjects".

Цвѣты краснорѣчія маститаго юриста, повидимому, раздражающимъ образомъ подѣйствовали на королеву, которая повелѣла лорду-канцлеру отвѣтить общинамъ, что свобода слова имъ, дѣйствительно, гарантируется, но что эта свобода заключается въ правѣ отвѣчать да или нѣтъ, но отнюдь не въ возможности говорить все, что можетъ придти въ голову[2]).

---

1) Первый „Permanent Committee for Privileges" былъ образованъ въ 1589 г., послѣдующіе въ 1593, 1597 и 1601 гг. Съ тѣхъ поръ комитеты стали формироваться передъ началомъ каждой сессіи. Prothero, op. cit., LXXXVIII, 117, 118.

2) „Privilege of speech is granted, but you must know, what privilege you have; not to speak every one what he listeth, or what cometh in his brain to utter that; but your privilege is, aye or no". Parl. hist., I, 862. Этому отвѣту въ литературѣ придается, обыкновенно, весьма большое принципіальное значеніе. Въ немъ усматриваютъ особенно характерное доказательство отрицательнаго отношенія Елизаветы къ парламентскимъ привилегіямъ вообще и къ свободѣ слова въ частности. Едва ли, однако, это такъ. Самовластный и раздражительный характеръ королевы не разъ побуждалъ ее, какъ мы выше видѣли, и не къ такимъ еще выходкамъ по отношенію къ парламенту. И сама палата, сколько из-

Это заявленіе, однако, встрѣчено было довольно равнодушно, и не прошло двухъ лѣтъ, какъ Петръ Wentworth, давно уже извѣстный своимъ радикальнымъ образомъ мыслей, внесъ въ палату предложеніе обратиться къ королевѣ съ ходатайствомъ урегулировать, наконецъ, вопросъ о престолонаслѣдіи. Какъ того и слѣдовало ожидать, Wentworth былъ по распоряженію Елизаветы заключенъ въ Тоуэръ вмѣстѣ съ тремя другими депутатами. Парламентъ къ этому отнесся довольно индифферентно, но оппозиція не сдалась: когда рѣчь зашла объ испрашиваемыхъ короной субсидіяхъ, Francis Bacon произнесъ пламенную рѣчь, и самъ спикеръ Coke высказался за отказъ въ денежныхъ средствахъ, въ виду незаконности требованій правительства. Правда, палата въ концѣ концовъ уступила, и Bacon даже извинился за свою рѣзкость; но, тѣмъ не менѣе, правительству пришлось услышать много горькихъ истинъ, далеко выходившихъ за предѣлы тѣхъ рамокъ, которыя оно согласно было признавать для парламентской свободы слова [1]).

Послѣдній парламентъ, созванный Елизаветой, собрался въ 1601 г. При открытіи его, спикеръ съ особой настойчивостью сталъ напирать на привилегію свободы рѣчи. Королева обѣщала гарантировать иммунитетъ, но съ тѣмъ, чтобы палата не тратила времени на праздные разговоры, а занялась дѣломъ. Палата этотъ отвѣтъ обошла полнымъ молчаніемъ [2]).

§ 14. Таковы внѣшніе итоги царствованія Елизаветы. Между парламентомъ и короной, какъ видно, идетъ упорная борьба, причемъ сталкиваются какъ бы два различныхъ міровоззрѣнія. Королева все еще требуетъ для себя право контроля надъ дѣятельностью парламента. Она не можетъ отрѣшиться отъ взгляда на депутатовъ какъ на лицъ, подчиненныхъ ея дисциплинарной власти. Этимъ и объясняется ея своеобразное отношеніе къ привилегіямъ парламента и, въ частности, къ свободѣ слова. Въ принципѣ,

---

вѣстно, отнеслась довольно равнодушно къ королевскому отвѣту, не усмотрѣвъ въ немъ ничего, заслуживающаго особеннаго ея вниманія.

1) Parl. Hist., I, 870—880; Parry, op. cit., 232; Brosch, op. cit., VI, 647.

2) Parl. Hist., I, 909.

она ея не отрицаетъ; вмѣшательство судовъ и администраціи въ пренія палатъ представляется ей недопустимымъ. Но притязанія общинъ на полную безотвѣтственность кажутся ей незаконными и оскорбительными, въ особенности когда задѣвается ея личность или когда коммонеры касаются вопросовъ, составляющихъ ея прерогативу. Въ этихъ случаяхъ Елизавета, отстаивая свое право, считаетъ возможнымъ прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ провинившихся депутатовъ. По ея мнѣнію, всякій разъ, когда палаты превышаютъ свою компетенцію, онѣ нарушаютъ свободу слова; послѣдняя имѣетъ какое-либо значеніе только въ томъ случаѣ, когда парламентъ остается въ законныхъ рамкахъ. Эта точка зрѣнія сквозитъ въ цѣломъ рядѣ рѣчей и посланій Елизаветы; съ особенной ясностью она сказалась въ томъ отвѣтѣ, который въ 1593 г. былъ данъ отъ ея имени лордомъ-канцлеромъ спикеру общинъ Эдуарду Коку: послѣднему прямо предписывается не принимать къ разсмотрѣнію тѣхъ биллей, которые, исходя отъ пустыхъ головъ, имѣютъ своимъ содержаніемъ реформу церкви или переустройство государства[1])... Ясно, что въ такихъ предложеніяхъ королева видѣла революціонные акты, а не проявленіе законной и нормальной дѣятельности народнаго представительства, и вполнѣ естественно, что на подобнаго рода дѣйствія ей не было никакой охоты распространять иммунитетъ.

Парламентъ, однако, стоялъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. За три вѣка существованія, положеніе общинъ, какъ мы уже видѣли, совершенно измѣнилось: изъ совѣщательнаго сословнаго установленія при монархѣ онѣ превратились въ учрежденіе законодательное, претендующее на руководительство судьбами всего государства.

Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы тонъ коммонеровъ становится все увѣреннѣе, а воздѣйствіе на

1) „Wherefore, Mr. Speaker, her Majesty's pleasure is, that if you perceive any idle heads wich wile not stick to hazard their own estates, which will meddle with reforming the Church and transforming the Commonwealth, and do exhibit any bills to such purpose, that you receive them not, until they be viewed and considered by those who it is fitter should consider of such things an can better judge of them", Parl. Hist., I, 862.

нихъ, черезъ посредство преданныхъ коронѣ людей — все труднѣе и труднѣе[1]). Палата чувствуетъ себя существеннымъ факторомъ политической жизни и представительницей всей націи: спикера своего она называетъ „устами всего королевства“[2]). Политическія обстоятельства того времени крайне благопріятствовали такому возвышенію парламента. Какъ говоритъ Гнейстъ, „для введенія реформаціи англійская королевская власть также нуждалась въ содѣйствіи парламентовъ, какъ германскіе государи — въ содѣйствіи государственныхъ чиновъ. Столѣтіе Тюдоровъ представляетъ болѣе парламентскій характеръ, чѣмъ всѣ предшествующія, такъ какъ никогда еще парламенту не приходилось рѣшать болѣе важныя дѣла, въ особенности по церковнымъ вопросамъ. Въ эту эпоху уже окончательно выработалось юридическое представленіе, что постоянную обязательную силу для сословій имѣютъ лишь такія постановленія, въ изданіи которыхъ они, сословія, принимали участіе. Еще прочнѣе установилось то представленіе, что законы, разъ уже изданные при содѣйствіи трехъ сословій, могутъ быть измѣнены не иначе, какъ съ согласія тѣхъ же трехъ сословій. Такимъ образомъ, всѣ важнѣйшія мѣропріятія въ области какъ церковнаго, такъ и гражданскаго управленія, были введены въ сферу парламентскаго законодательства“[3]).

Въ своихъ стремленіяхъ общины находятъ себѣ поддержку и въ политической литературѣ[4]). Наиболѣе выдающійся государствовѣдъ эпохи Тюдоровъ, Thomas Smith, въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „De Republica Anglorum libri tres“ учитъ, что „in comitiis Parlamentariis posita est omnis augustae absolutaeque potestatis vis“[5]). По его мнѣнію, компетенція парламента всеобъемлюща: парламентъ отмѣ-

1) См. Redlich, op. cit., 55.

2) 5 ноября 1601 г. Robert Cecil, сдѣлавъ въ палатѣ одно предложеніе, заявилъ, что „Mr. Speaker should attend my Lord Keeper therein“. Сэръ Edward Hobby немедленно на это возразилъ, что „The speaker is the mouth of the whole realm; and that the whole state of the commonalty should attend one person, i see no reason“. Parry, op. cit., 237.

3) Назв. соч., 545.

4) О ней см. М. Ковалевскій, назв. соч., т. II, М. 1906, стр. 82 и слѣд.

5) Lib. II, cap. II. p. 168. Ссылки относятся къ изданію 1630, Lugd. Bat.

няетъ старые законы и издаетъ новые, регулируетъ взиманіе налоговъ, устанавливаетъ религію, порядокъ престолонаслѣдія и т. п. Словомъ, онъ имѣетъ ту же власть, которая принадлежала римскому народу въ центуріатскихъ и трибутскихъ комиціяхъ [1]). И это проистекаетъ отъ того, что въ парламентѣ присутствуетъ всякій гражданинъ, либо лично, либо черезъ представителя [2]).

Таковы были тѣ двѣ идеологіи, которыя во второй половинѣ XVI в. очутились лицомъ къ лицу. Жизнь пошла по равнодѣйствующей и сложилась изъ безконечнаго ряда уступокъ и компромиссовъ съ обѣихъ сторонъ.

Центральной пружиной въ государственной машинѣ остается королевскій совѣтъ. Здѣсь принимаются рѣшенія по важнѣйшимъ вопросамъ; но для приданія имъ законной силы, они пересылаются въ парламентъ, который превращаетъ ихъ въ статуты. И корона не страшится оппозиціи: она знаетъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ она встрѣтитъ предупредительную услужливость и покорность. Какъ замѣчаетъ Boutmy [3]), людская слабость содѣйствуетъ поддержанію учрежденія, и парламентъ при деспотической династіи Тюдоровъ сохраняетъ видимость всѣхъ своихъ правъ. Мало того, парламентарный механизмъ въ разсматриваемую эпоху въ значительной степени совершенствуется. Законодательная техника дѣлаетъ несомнѣнные успѣхи, и область привилегій народныхъ представителей во многомъ упорядочивается [4]). Но, въ общемъ, политическое равновѣсіе все время сохраняетъ характеръ неустойчивости. Сильно перетянуть вѣсы въ сторону абсолютизма суждено было династіи Стюартовъ, вступившихъ на престолъ послѣ смерти Елизаветы.

1) „Atque, ut concludam breviter, quidquid in centuriatis comitiis aut in tribunitiis populus Romanus efficere potuisset, id omne in comitiis Anglicanis tanquam in coetu Principem populumque repraesentante, commode transigitur“, Loc. cit., p. 170.

2) „Interesse enim in illo conventu omnes intelligimur, cujuscunque amplitudinis status aut dignitatis, Princepsve aut plebs fuerit, sive per seipsum hoc fiat, sive per procuratorem“. Ibid.

3) Le développement de la constitution et de la société politique en Angleterre, Par. 1898, p. 149.

4) Ср. Redlich, op. cit., 62, n. 1.

IV.

Стюарты.

§ 15. Первый изъ Стюартовъ, Яковъ I (1603—1625), принесъ съ собой совершенно новую идеологію и не слыханную до того въ Англіи теорію королевской власти. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ Яковъ неуклонно проводилъ мысль, что король выше закона и потому, если и руководствуется послѣднимъ, то „никакъ не по обязанности, а для примѣра подданнымъ и по доброй волѣ“ [1]). Вступивъ на престолъ, онъ немедленно начинаетъ борьбу съ парламентомъ, — борьбу, какъ извѣстно, окончившуюся не въ его пользу.

19 марта 1604 въ первый разъ при новомъ королѣ собрались палаты. Яковъ передъ этимъ только что издалъ прокламацію, въ которой онъ, между прочимъ, жаловался на то, что предыдущіе парламенты потратили массу времени на различнаго рода споры о привилегіяхъ, что послужило ко вреду королевства [2]). Не успѣла, однако, открыться сессія, какъ между палатой и короной произошелъ конфликтъ какъ разъ на почвѣ нарушенія парламентскихъ правъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь шла о повѣркѣ полномочій депутатовъ. Но вскорѣ произошло новое столкновеніе по поводу незаконнаго задержанія члена общинъ Shirley [3]). Инцидентъ былъ улаженъ законодательнымъ путемъ, но палата этимъ не удовольствовалась и представила королю особую меморію подъ заглавіемъ „Apology of the House of Commons made

---

1) Градовскій, Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ, I, СПБ. 1886, стр. 308. Политическая доктрина Якова вполнѣ опредѣленно выражена въ его трактатѣ „The true law of free monarchies“. Ср. F. C. Montague, The history of England from the accession of James I to the Restoration, Lond. 1907, p. 3, 4.

2) Parl. Hist., I, 969.

3) Shirley былъ заключенъ въ тюрьму по судебному приговору до созыва парламента. Общины потребовали черезъ своего пристава освобожденія заключеннаго, но тюремщикъ въ этомъ отказалъ. Палата, усмотрѣвъ въ его дѣйствіяхъ contempt of court, посадила его въ Тоуэръ. Въ концѣ концовъ тюремщикъ согласился выпустить Shirley и самъ тогда получилъ свободу. May, op. cit., I, 113.

to the King, touching their Privileges", въ которой вопросъ о парламентскихъ привилегіяхъ былъ подробно разобранъ. Ваше Величество, говорилось между прочимъ въ меморіи, полагаете, что наши привилегіи основаны не на правѣ, а на милости, и что онѣ ежегодно возобновляются путемъ пожалованія, въ отвѣтъ на ходатайство[1]). Подобный взглядъ, однако, противорѣчитъ издавна установившейся традиціи. Свою точку зрѣнія авторы меморіи формулировали въ шести пунктахъ, изъ которыхъ для насъ имѣютъ значеніе слѣдующіе. Во первыхъ, говорили общины, наши привилегіи и вольности составляютъ наше унаслѣдованное право, также какъ наши земли и наше имущество[2]); во вторыхъ, онѣ не могутъ быть отняты или уменьшены безъ нанесенія ущерба всему королевству; въ третьихъ, ходатайство спикера при открытіи парламента есть лишь формальность, а не титулъ, на коемъ зиждятся прерогативы народнаго представительства[3]).

Такимъ образомъ, по вопросу о привилегіяхъ парламентомъ сразу занята была твердая позиція. Вплоть до 1614 г. между нимъ и короной столкновеній на этой почвѣ не возникаетъ. Собравшійся же въ этомъ году парламентъ былъ настроенъ крайне оппозиціонно. Но большинство его членовъ были люди неопытные и малосвѣдущіе въ государственныхъ дѣлахъ, которые сразу дали себя втянуть въ конфликтъ съ верхней палатой. Король воспользовался этимъ для роспуска парламента, причемъ четверо изъ наиболѣе видныхъ вождей оппозиціи были арестованы и посажены въ тюрьму. Въ теченіи 7 слѣдующихъ лѣтъ парламентъ не созывался, и Яковъ рѣшилъ вовсе безъ него обходиться.

---

1) „That we held no privileges of right, but of grace only, renewed every parliament by way of donature upon petition".

2) „Our privileges and lieberties are our right and due inheritance, no less than our very lands and goods".

3) Ibid., 1030—1048. Относительно свободы рѣчи меморія выставляетъ слѣдующія требованія: „... in Parl. they may speak freely their consciences without check and controulement, doing the same with due reverence to the sovereign court of Parl. that is to your maj. and both the houses, who all in their case make but one politick body, wehereof your hinghness is the head". Неизвѣстно, впрочемъ, была ли меморія вручена королю, см. Hallam, op. cit., I, 308.

Однако, подъ давленіемъ обстоятельствъ и, въ особенности, усложнившихся международныхъ отношеній[1]), король вынужденъ былъ въ 1621 г. вновь собрать палаты. Парламентъ сразу вступилъ съ нимъ въ борьбу. Прежде всего, цѣлый рядъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и Францискъ Бэконъ, былъ преданъ суду; затѣмъ, парламентъ сталъ требовать объявленія войны Испаніи и, наконецъ, выработалъ петицію, въ которой выразилъ пожеланіе, чтобы наслѣдникъ престола непремѣнно вступилъ въ бракъ съ протестанткой. Король, однако, успѣлъ достать копію этой петиціи до оффиціальнаго представленія ея. Онъ немедленно послѣ этого послалъ въ палату формальное запрещеніе заниматься дѣлами, составляющими государственную тайну и, въ частности, касаться предполагаемаго брака его сына съ испанской принцессой. Въ заключеніе Яковъ сослался на свое право наказывать членовъ палаты какъ во время, такъ и послѣ сессій и обѣщалъ, въ случаѣ надобности, этимъ правомъ воспользоваться[2]). Обсудивъ это посланіе, палата отвѣтила въ чрезвычайно сдержанномъ тонѣ. Прежде всего, она просила короля не обращать вниманія на частныя сообщенія, но считаться только съ оффиціальными результатами ея совѣщаній. Затѣмъ, переходя къ существу дѣла, она, въ общемъ, повторила содержаніе своего прежняго ходатайства; въ оправданіе его общины указали на свою привилегію свободы слова, которая „составляетъ ихъ древнее и несомнѣнное право, полученное ими какъ бы въ наслѣдство отъ ихъ предшественниковъ[3]).

Въ отвѣтъ, отъ короля послѣдовало длинное, иронически-дерзкое посланіе, въ которомъ указывалось на то, что привилегіи парламента основаны исключительно на милости и соизволеніи предковъ Якова[4]). И теперь, говорилъ ко-

1) Общественное мнѣніе настойчиво требовало вмѣшательства въ борьбу, происходившую въ то время на континентѣ между католическими и протестанскими державами. Въ концѣ 20-го года положеніе послѣднихъ было весьма критическое. Оказать имъ помощь, однако, Яковъ не рѣшился безъ согласія народнаго представительства.

2) Parl. Hist., I, 1331.

3) „... our ancient and undoubted right, and as inheritance received from our ancestors". Ibid., 1335.

4) „... their privileges were derived from the grace and permission of his ancestors". Ibid., 1344.

роль, эти привилегіи будутъ гарантированы, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы палаты не касались прерогативы; въ противномъ случаѣ, онѣ будутъ уничтожены.

Общины не сочли возможнымъ оставить королевское посланіе безъ протеста. 18 декабря сдѣлано было Якову особое представленіе, въ которомъ совершенно категорически выставлено было требованіе обезпеченія свободы рѣчи въ качествѣ древняго и неоспоримаго права народнаго представительства [1]).

Король до крайности разгнѣвался и, явившись въ палату, собственноручно вырвалъ изъ ея протоколовъ листы, содержавшіе протестъ. Послѣ этого онъ немедленно распустилъ парламентъ [2]) и лидеровъ оппозиціи отправилъ въ Тоуэръ. Какъ замѣчаетъ Hallam [3]), достойно вниманія то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ верхняя палата присоединилась къ коммонерамъ, и одинъ изъ лордовъ (графъ Оксфордскій) даже поплатился тюрьмой за свои антиправительственныя рѣчи.

Въ послѣдній разъ парламентъ при Яковѣ I созванъ былъ въ 1624 г. Рѣчь, съ которой король обратился къ общинамъ при открытіи сессіи, была, въ общемъ, любезна и мѣстами носила даже заискивающій характеръ. По вопросу

---

1) Вотъ наиболѣе характерныя мѣста изъ этого протеста: „That the libertees, franchises, privileges, and jurisdictions of Parliament are the ancient and undoubted birthright and inheritance of the subjects of England: ..... And that in the handling and proceeding of those businesses, every member of the House of Parliament hath, and of right ought to have freedom of speech to propound, treat, reason, and bring to conclusion, the same: And that the Commons in Parliament have like liberty and freedom to treat of these matters, in such order as in their judgment shall seem fittest: And that every member of the said House hathlike freedom all impeachment, imprisonment and molestation (others than by the censure of the House itself), for or concerning any speaking, reasoning, or declaring any matter or matters, touching the Parliament, or Parliament business". Taswell-Langmead, op. cit., 535. Послѣдній абзацъ весьма характеренъ; онъ лишній разъ показываетъ, что парламентъ отнюдь не отождествляетъ свободы рѣчи съ безнаказанностью; палата требуетъ лишь, чтобы за ней признавалась исключительная юрисдикція надъ всѣми проступками ея членовъ, совершенными при исполненіи ими своихъ обязанностей.

2) Крайне грубый приказъ о роспускѣ см. Parl. Hist., I, 1326—1371.

3) Op. cit., I, 368, 369.

о привилегіяхъ Яковъ высказался въ самомъ миролюбивомъ и дружелюбномъ тонѣ [1]): онъ ясно сознавалъ, что зашелъ слишкомъ далеко и что необходимо пойти на уступки. Но было уже поздно. Въ мартѣ слѣдующаго же года Яковъ скончался, успѣвъ увидѣть крушеніе всѣхъ своихъ плановъ. Какъ говоритъ Гринъ, „онъ боролся съ парламентомъ, и парламентъ былъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо .... Онъ спорилъ съ палатами и оскорблялъ ихъ такъ, какъ не оскорблялъ ихъ ни одинъ государь Англіи; и постепенно тотъ авторитетъ, которымъ онъ такъ хвастался, переходилъ къ оскорбляемому имъ парламенту“ [2]). Въ области привилегій, парламентъ, усматривая въ свободѣ слова палладіумъ своего авторитета, упорно отстаиваетъ то, что онъ считаетъ своимъ неотъемлемымъ и исконнымъ правомъ. Фактически, палаты пользуются такой свободой преній, которая иностранцевъ приводитъ въ изумленіе: нигдѣ въ то время, въ сословныхъ сеймахъ, не позволяли себѣ выражаться столь несдержанно о дѣйствіяхъ правительства, какъ въ парламентахъ Якова I [3]).

§ 16. По вступленіи на престолъ, Карлъ I (1625—1649) задался цѣлью уничтожить тѣ изъ правъ парламента, которыя служили ему препятствіемъ для установленія личнаго управленія. Сюда относились, главнымъ образомъ, финансовыя полномочія общинъ, контроль ихъ надъ государственнымъ управленіемъ и право предавать министровъ суду.

Распустивъ съ 1625-по 1629 г. три парламента, Карлъ рѣшилъ въ дальнѣйшемъ обходиться безъ народнаго представительства. За этотъ короткій промежутокъ времени успѣли произойти два конфликта на почвѣ нарушенія короной свободы слова палаты. Первый имѣлъ мѣсто въ 1626 г. Два коммонера — John Eliot и Dudley Diges — выступили съ обвиненіемъ королевскаго любимца Bucckingam'a

1) „For matters of Privileges, Liberties and Customs, be not over curious; I am your own kindly King. Ye never shall find me curious in these things: therefore do what you ought, and no more than your lawful Liberties and Privileges will permit, an ye shall never see me curious to the contrary. I had rather maintain your Liberties than alter them in any thing“. Parl. Hist., I, 1375.

2) Назв. соч., III, 99.

3) См. Ranke, Englische Geschichte, 3-te Auf., B. II, S. 78.

въ подкупности и неспособности къ управленію. Палата постановила предать фаворита суду лордовъ (impeachment). Тогда Карлъ призвалъ къ себѣ Eliot'a и Diges'a и отправилъ ихъ въ Тоуэръ. Общины, однако, узнавъ объ этомъ, отказались продолжать свои занятія до тѣхъ поръ, пока узники не будутъ освобождены; лорды ихъ поддержали, и королю пришлось уступить [1]). Но парламентъ былъ немедленно послѣ того распущенъ.

Второй инцидентъ имѣлъ мѣсто въ 1627 г. Королю только что была представлена „Петиція о Правахъ", на которую онъ отвѣтилъ уклончиво.

Въ засѣданіи нижней палаты 5 іюня Eliot предложилъ представить Карлу ремонстрацію, причемъ указалъ на необходимость отставки Buckingham'a. Не успѣлъ онъ кончить свою рѣчь, какъ скиперомъ доложено было посланіе короля, заключавшее въ себѣ формальное запрещеніе палатѣ приняться за разсмотрѣніе какихъ-либо новыхъ дѣлъ, могущихъ затянуть сессію или вызвать „any scandal or aspersion" относительно государства, правительства или министровъ [2]).

Это заявленіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе на палату. Гринъ, со словъ одного современника, слѣдующимъ образомъ описываетъ дальнѣйшій ходъ засѣданія: „Тогда началось такое зрѣлище, какого никогда не видано было въ подобномъ собраніи: нѣкоторые плакали, другіе кричали, третьи предсказывали роковое паденіе нашего королевства; нѣкоторые же каялись въ своихъ грѣхахъ и грѣхахъ страны, за которые на нихъ ниспослано такое наказаніе, другіе же нападали на тѣхъ, кто плакалъ. Больше ста человѣкъ плакало, и многіе, которые хотѣли говорить, не могли проговорить ни слова, задыхаясь отъ слезъ. Самъ Пимъ (Pym) всталъ было, но немедленно же опустился на свое мѣсто, задыхаясь отъ рыданій. Наконецъ, сэръ Эдуардъ Кокъ заговорилъ, обвиняя себя за боязливые совѣты, которые остановили Эліота въ началѣ сессіи, и объявилъ, что причина и источникъ всѣхъ этихъ страданій никто иной, какъ герцогъ Букингамъ. Криками согласія палата при-

1) Parl. Hist., II, 119—122; Гринъ, назв. соч., III, стр. 115 и слѣд.
2) Parl. Hist., II, 401.

вѣтствовала рѣшеніе упомянуть о герцогѣ въ своей ремонстраціи. Но король въ это время уступилъ“ [1]).

Въ 1629 году палаты вновь собрались. Не успѣла сессія начаться, какъ опять произошло столкновеніе. Король, несмотря на категорическое постановленіе „Петиціи о Правахъ“, продолжалъ самовольно собирать пошлины „tonnage and poundage“, конфискуя имущества тѣхъ, которые отказывались платить эти незаконные поборы. 2 марта, когда въ нижней палатѣ зашла рѣчь о протестѣ противъ подобныхъ дѣйствій короны, спикеръ внезапно заявилъ, что онъ получилъ приказаніе отложить засѣданіе. Собраніе, однако, заставило его замолчать, распорядилось закрыть двери и, несмотря на протестъ предсѣдателя, приняло рядъ резолюцій, рѣзко осуждавшихъ дѣйствія правительства. Послѣднее рѣшило тогда прибѣгнуть къ роспуску палаты, и 10 марта появился соотвѣтственный приказъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карлъ рѣшилъ отомстить вождямъ оппозиціи. Незадолго до роспуска парламента девять коммонеровъ, а именно Denzil Hollis, Miles Hobart, John Eliot, Peter Hayman, John Selden, W. Coriton, Walter Long, W. Stroud и Benj. Valentine были вызваны въ тайный совѣтъ, гдѣ ихъ подвергли допросу. Двое изъ нихъ принесли повинную, остальные же отказались дать какіе бы то ни было отвѣты, за что и были отправлены въ тюрьму. Однако, въ виду только что состоявшагося принятія „Петиціи о Правахъ“, Карлу было-неудобно прибѣгать къ явно-произвольнымъ арестамъ. Чтобы такъ или иначе оформить дѣло, онъ рѣшилъ истребовать заключеніе суда.

Генеральный атторней, прежде всего, обратился къ обоимъ „chief-justice“ и „chief-baron“; въ своемъ посланіи къ нимъ онъ указалъ на то, что обвиняемые, незадолго до отсрочки засѣданія, составили заговоръ противъ тайнаго совѣта, и что, поэтому, резолюція, вотированная послѣ полученія приказа объ отсрочкѣ, была незаконна, какъ принятая сборищемъ частныхъ лицъ, непользующихся никакими особыми привилегіями.

На предложенные вопросы судьи отвѣтили уклончиво, явно не желая себя компрометировать. Тогда король рѣ-

---

1) Назв. соч., III, 112, 113.

шилъ созвать двѣнадцать высшихъ судей королевства и передать дѣло на ихъ разсмотрѣніе. 25 апрѣля судьи собрались, и имъ заданъ былъ предварительный вопросъ о силѣ и значеніи акта изданнаго при Генрихѣ VIII по дѣлу Strode (см. выше, § 12). Судьи не затруднились признать, что актъ этотъ имѣлъ лишь частное значеніе и касался только Strode. Затѣмъ, судьямъ задано было еще шесть вопросовъ, отвѣтъ на которые послѣдовалъ черезъ нѣсколько дней.

Между тѣмъ, въ маѣ мѣсяцѣ, заключенные потребовали отъ суда королевской скамьи выдачи приказа habeas corpus. Когда приказъ былъ данъ, повѣренный Eliot'a и его друзья потребовали освобожденія ихъ на поруки. Судьи не рѣшились сдѣлать это сами и обратились къ королю за указаніями. Послѣ долгихъ размышленій и всевозможныхъ проволочекъ Карлъ предложилъ выпустить заключенныхъ съ тѣмъ, чтобы они обязались „вести себя хорошо“ („good behaviour“) — другими словами не агитировать противъ правительства. Eliot и его сообщники категорически отказались исполнить это унизительное требованіе. Въ февралѣ 1630 г. состоялось рѣшеніе суда. Обвиняемые были присуждены къ денежному штрафу и къ заключенію въ тюрьму впредь до представленія ими обязательства хорошаго поведенія. Eliot такъ и умеръ въ Тоуэрѣ черезъ два года; Selden былъ освобожденъ въ 1633 г., а Valentine и Stroud просидѣли въ заключеніи до 1640 г. — года созыва т. наз. „короткаго парламента“ [1]).

Юридическая сторона дѣла, нужно сказать, была чрезвычайно сложна. Къ Эліоту и его товарищамъ предъявлено было, какъ мы сказали выше, обвиненіе въ государственной измѣнѣ, и весь споръ вертѣлся вокругъ вопроса о томъ, кто являлся компетентнымъ судьей для разсмотрѣнія этого обвиненія.

По мнѣнію правительства, обвиняемые были подсудны

1) О дѣлѣ Eliot см. Parl. Hist., II, 504—524; Hallam, op. cit., II, 2—6, Gardiner, History of England from the accession of James I to the outbreak of the civil war, v. VII, Lond., 1891, p. 87—122; Montague, op. cit., p. 162—163; Дерюжинскій, Habeas Corpus и его пріостановка по англійскому праву, Юр. 1895, стр. 58—62.

общимъ судамъ. Эліотъ и др., напротивъ того, отвергали ихъ компетенцію, ссылаясь на то, что парламентъ представляетъ собою высшую судебную инстанцію, единственно призванную судить своихъ членовъ. Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что инкриминируемыя дѣянія имѣли мѣсто послѣ послѣдовавшаго со стороны короля приказа объ отсрочкѣ засѣданій палаты. Судьямъ была задана, такимъ образомъ, весьма нелегкая задача: въ дѣлѣ было, несомнѣнно, цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ. Намъ нѣтъ возможности войти въ оцѣнку всѣхъ аргументовъ, которые выставлены были съ той и другой стороны. Но мы должны отмѣтить, что вопросъ подвергся весьма тщательному разсмотрѣнію и что всѣ судьи сошлись въ признаніи именно общихъ судовъ компетентными по данному дѣлу [1]).

1) Для примѣра приведемъ важнѣйшія мѣста изъ высказаннаго судьей Jones мнѣнія (Parl. Hist., II, 520, 521). J. различаетъ три вопроса: 1) Whether the, matters informed be true or false; and this ought to be determined by jury or demurrer. 2) When the matters of the information are found or confessed to be true, if the information be good in substance? 3) Admit that the offences are by truly charged, if the court hath power to punish them? По мнѣнію J. дѣло безусловно подвѣдомственно суду. При этомъ онъ опять различаетъ три возможности: 1) If the matter be voted in parliament when it is finished, whether it can be punished and examined in another court? 2) If the matter be commenced in parliament, and that ended, if aftenwards it may be questioned in another court? J question not these matters, but J hold, that an offence committed, criminally, in Parliament, may be questioned elsewhere, as in this court; and for these reasons. 1. quia interest reipublicae, ut maleficia non maneant impunita; and there ought to be a fresh punishment of them. Parliaments are called at the Kings pleasure, and the King is not compellable to call his parliament; and if, before the next parliament, the party offending, or the witnesses, die, then there will be a failure of justice. 2. The parl. is no constant court... 3. The parl. cannot send process to make the offenders to appear at the next parl..... Самое рѣшеніе суда однако, мотивировано довольно слабо. Оно начинается съ констатированія факта совершенія подсудимыми преступленія (заговора). Далѣе, оно напоминаетъ, что всѣ судьи Англіи, за исключеніемъ одного, признали статутъ 1512 г. частнымъ актомъ: члены парламента, по мнѣнію суда, не имѣютъ привилегіи „to speak at their pleasure“, напротивъ того, парламентъ есть высшій судъ, — „therefore it ought not to be disordely, but ought to give good exemple to other courts“. Какъ видно, главный пунктъ былъ обойденъ молчаніемъ, и судъ не рѣшился категорически разрѣшить вопросъ о законности или незаконности засѣданій парламента послѣ приказа объ отсрочкѣ. Онъ предпочелъ сослаться на то, что свобода слова не

Начиная съ 1629 г., Карлъ въ теченіи 10 лѣтъ управлялъ Англіей самолично. Въ 1640 году, однако, обстоятельства заставили его вновь обратиться къ народнымъ представителямъ. 5 ноября открылъ свои засѣданія т. наз. „длинный парламентъ“, а 7-го Пимъ произнесъ пространную рѣчь, въ которой онъ смѣлыми штрихами изобразилъ картину правительственныхъ злоупотребленій. Прежде всего онъ указалъ на то, что привилегіи во время предыдущихъ парламентовъ жестокимъ образомъ нарушались: свобода слова депутатовъ стѣснялась; спикеру запрещалось предлагать тѣ или другіе запросы на обсужденіе; члены палаты подвергались аресту за сказанное на засѣданіяхъ; дѣла противъ нихъ возбуждались въ судахъ нисшей инстанціи; отъ нихъ требовали „хорошаго поведенія“, и ихъ держали въ тюрьмѣ вплоть до самой смерти [1]).

Въ этихъ словахъ вождя оппозиціи заключался категорическій протестъ противъ дѣйствій правительства въ дѣлѣ Эліота и его товарищей.

Его заявленію, однако, не было дано дальнѣйшаго хода, такъ какъ палатѣ пришлось заняться болѣе животрепещущимъ дѣломъ, а именно вопросомъ о преданіи суду знаменитаго Strafford'a. Но слова Пима попали на благодатную почву: въ 1641 г., по иниціативѣ Hollis'a, который вновь попалъ въ депутаты, вопросъ о законности арестованія Эліота былъ вторично поднятъ, причемъ палата признала, что все производство по дѣлу представляло сплошное нарушеніе парламентскихъ привилегій, а судей, участвовавшихъ въ немъ, предала суду лордовъ [2]).

Послѣ казни Страффорда разрывъ между королемъ и палатой сдѣлался неизбѣжнымъ. Опасаясь рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Карла, парламентъ вотировалъ билль, согласно которому онъ не могъ быть распущенъ безъ собственнаго на то согласія. Немедленно послѣ утвержденія этого закона королемъ, палаты приступили къ цѣлому ряду радикальныхъ реформъ: упразднена была Звѣздная Палата,

---

неограничена, не указавъ, однако, гдѣ, въ точности, эта свобода кончается.

1) Parl. Hist., II, 640.

2) Ibid., 869, 876.

уничтожены были различнаго рода исключительные суды и т. п. Король, однако, ждалъ только удобнаго случая для нанесенія парламенту рѣшительнаго удара. Въ январѣ 1642 г. онъ сдѣлалъ неудачную попытку арестовать пять изъ наиболѣе видныхъ лидеровъ оппозиціи [1]). Это послужило сигналомъ къ гражданской войнѣ, окончившейся казнью короля и провозглашеніемъ республики (16 мая 1649 г.).

§ 17. Во время великой гражданской войны неожиданно всплываетъ политическое ученіе, навѣянное реформаціей, но стоящее въ полномъ противорѣчіи съ историческими основами англійскаго строя. Это — теорія народнаго суверенитета, провозглашенная лѣвыми протестантскими сектами, объединяемыми подъ общимъ названіемъ „левеллеровъ“.

„Всякая власть изначально и по существу имѣетъ источникомъ своимъ народъ: его свободный выборъ и согласіе, выраженное черезъ представителей, единственное основаніе всякаго справедливаго правительства“ [2]), такъ учили левеллеры, начавшіе вскорѣ играть главную роль въ арміи Кромвеля. Изъ этого основного принципа выводилась цѣлая политическая программа, нашедшая себѣ наиболѣе полное и яркое выраженіе въ составленномъ John Lilburn'омъ и его друзьями политическомъ памфлетѣ подъ заглавіемъ „The fundamental lawes and liberties of England claimed and asserted“ (1653). Англичане, читаемъ мы здѣсь, народъ свободный и потому сами въ себѣ содержатъ источникъ власти. Соглашеніе и избраніе — единственные источники всѣхъ признаваемыхъ страной какъ высшихъ, такъ и нисшихъ правителей. Полнота законодательной и исполнительной власти принадлежитъ націи, завѣдующей собственными дѣлами чрезъ посредство избранныхъ ею парламентовъ, или общихъ совѣтовъ, и судящей всѣ возникающіе въ жизни споры черезъ посредство избранныхъ ею же самой судей — присяжныхъ. Въ 28 положеніяхъ „fundamental lawes“ даютъ затѣмъ настоящій проектъ радикальной конституціи [3]).

---

1) См. Forster, Arrest of the five members, etc.

2) См. The Case of the Army truly stated, — манифестъ, опубликованный левеллерами 9 октября 1647 отъ имени пяти полковъ и содержавшій въ себѣ ихъ политическую программу. Gardiner, History of the great civil war, new ed., Lond., 1893, III, 379.

3) М. М. Ковалевскій, назв. соч., III, стр. 342 и слѣд.

Такова была идеологія арміи, руководившей во время междоусобія судьбами Англіи. Она легла въ основу тѣхъ попытокъ писаныхъ конституцій, которыя извѣстны подъ названіемъ „Heads of the proposals“ (1646—47) и „Agreement of the people“ (1648)[1]).

Намъ нѣтъ возможности разсмотрѣть здѣсь содержаніе этихъ актовъ. Для насъ важно лишь то, что ни одинъ изъ нихъ на вопросѣ о привилегіяхъ парламента не останавливается вовсе[2]). Это объясняется тѣмъ, что главной заботой авторовъ проектовъ было обезпечить права народа; поставленіе же представителей націи въ какое-либо особое привилегированное положеніе не гармонировало съ постулатомъ всеобщаго равенства и съ общей нивеллирующей тенденціей реформаторовъ[3]). Власть должна была сосредоточиваться въ народѣ, палата (или палаты) являлась лишь исполнительницей его воли.

Послѣ крушенія монархіи во главѣ управленія сталъ Кромвель, съ титуломъ Лорда-Протектора. Его политическое міровоззрѣніе, въ общемъ, было довольно далеко отъ демократическаго радикализма левеллеровъ. Онъ склонялся къ смѣшанной формѣ правленія, построенной на началѣ раздѣленія и равновѣсія властей[4]) и чуждъ былъ тѣхъ крайностей, къ которымъ приводило ученіе Лильборна и его послѣдователей. Но въ одномъ онъ съ ними сходился: это въ отрицаніи традиціоннаго ученія о всемогуществѣ парламента. „Въ своихъ рѣчахъ, замѣчаетъ М. М. Ковалевскій[5]), онъ высказывается по этому вопросу въ томъ

1) Agr. of the p. имѣлъ четыре редакціи. Объ этихъ попыткахъ см. изслѣдованіе Rothschild'a, Der Gedanke der geschriebenen Verfassung in der englischen Revolution, Lpz. 1903.

2) Одни только „Heads of the proposals“, ст. I п. 9, требуютъ, чтобы члены парламента подлежали исключительно уголовной юрисдикціи палатъ.

3) Ср. Rothschild, op. cit., 97: „Wir hatten schon bei den Heads of the Proposals darauf hingewiesen, dass das Verlangen die Freiheiten und Rechte des Parlamentes zu wahren, wie es zu Beginn des Krieges geherrscht hatte, längst einer weiter gehenden Forderung gewichen war, die Rechte und Freiheiten des Volkes zu sichern“ (рѣчь идетъ объ Agreement).

4) О воззрѣніяхъ Кромвеля см. М. М. Ковалевскій, op. cit., III, стр. 294 и слѣд.

5) Loc. cit., 300.

же духѣ, что и левеллеры. Во всякомъ общежитіи, полагаетъ онъ, надо устанавливать различіе между тѣмъ, что слѣдуетъ считать неизмѣненными устоями общества и порядками, по природѣ своей временными и подлежащими перемѣнѣ, или, употребляя собственныя его выраженія, между основами (fundamentals) и случайностями (circumstancials)". Къ основамъ относятся: свобода совѣсти, принципъ краткосрочности и періодичности парламентовъ, раздѣленіе суверенитета между единичнымъ правителемъ и представительной палатой и т. п. Всѣ основы неприкосновенны для парламента: его дѣятельность можетъ распространяться только на случайности общежитія [1]).

При такихъ условіяхъ, понятно, что Протекторъ не склоненъ былъ особенно преклоняться передъ исконными привилегіями народныхъ представителей. Какъ говоритъ Гнейстъ, наскучивъ парламентскими преніями и постановленіями большинства, изъ которыхъ не выходило ни положительной правительственной системы, ни положительной оппозиціи, Кромвель распускалъ свои парламенты одинъ за другимъ, напутствуя ихъ бранными рѣчами на прощанье [2]). Въ выработанномъ, по его иниціативѣ, офицерами арміи „Instrument of government" (1653) — единственной писаной конституціи, когда либо дѣйствовавшей въ Англіи — о привилегіяхъ членовъ парламента ни словомъ не упоминается [3]).

§ 18. Политическая жизнь вновь вступила въ нормальное русло послѣ реставраціи Стюартовъ и воцаренія Карла II (1660—1685). Возстановленный въ своихъ правахъ, парламентъ уже въ 1667 г. возбуждаетъ вопросъ о свободѣ слова: въ октябрѣ этого года имъ образуется особая коммисія для разсмотрѣнія дѣла Эліота и его товарищей. 12 ноября коммисіей представленъ былъ общинамъ докладъ, на основаніи котораго палатой вынесена была ре-

1) См. рѣчь, произнесенную передъ парламентомъ 12 сентября 1654 г., въ которой Кромвель совершенно опредѣленно формулировалъ свое ученіе объ основныхъ началахъ общежитія, Parl. Hist., III, 1445 fol. Ср. Ranke, op. cit., IV, 125.

2) Назв. соч., 670.

3) Текстъ см. у Gardiner, The constitutional documents of the puritan revolution, 3-d ed., Oxf. 1906, 405 fol.; ср. Rotschild, op. cit., 141 ff.

она ея не отрицаетъ; вмѣшательство судовъ и администраціи въ пренія палатъ представляется ей недопустимымъ. Но притязанія общинъ на полную безотвѣтственность кажутся ей незаконными и оскорбительными, въ особенности когда задѣвается ея личность или когда коммонеры касаются вопросовъ, составляющихъ ея прерогативу. Въ этихъ случаяхъ Елизавета, отстаивая свое право, считаетъ возможнымъ прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ провинившихся депутатовъ. По ея мнѣнію, всякій разъ, когда палаты превышаютъ свою компетенцію, онѣ нарушаютъ свободу слова; послѣдняя имѣетъ какое-либо значеніе только въ томъ случаѣ, когда парламентъ остается въ законныхъ рамкахъ. Эта точка зрѣнія сквозитъ въ цѣломъ рядѣ рѣчей и посланій Елизаветы; съ особенной ясностью она сказалась въ томъ отвѣтѣ, который въ 1593 г. былъ данъ отъ ея имени лордомъ-канцлеромъ спикеру общинъ Эдуарду Коку: послѣднему прямо предписывается не принимать къ разсмотрѣнію тѣхъ биллей, которые, исходя отъ пустыхъ головъ, имѣютъ своимъ содержаніемъ реформу церкви или переустройство государства[1])... Ясно, что въ такихъ предложеніяхъ королева видѣла революціонные акты, а не проявленіе законной и нормальной дѣятельности народнаго представительства, и вполнѣ естественно, что на подобнаго рода дѣйствія ей не было никакой охоты распространять иммунитетъ.

Парламентъ, однако, стоялъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. За три вѣка существованія, положеніе общинъ, какъ мы уже видѣли, совершенно измѣнилось: изъ совѣщательнаго сословнаго установленія при монархѣ онѣ превратились въ учрежденіе законодательное, претендующее на руководительство судьбами всего государства.

Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы тонъ коммонеровъ становится все увѣреннѣе, а воздѣйствіе на

1) „Wherefore, Mr. Speaker, her Majesty's pleasure is, that if you perceive any idle heads wich wile not stick to hazard their own estates, which will meddle with reforming the Church and transforming the Commonwealth, and do exhibit any bills to such purpose, that you receive them not, until they be viewed and considered by those who it is fitter should consider of such things an can better judge of them", Parl. Hist., I, 862.

нихъ, черезъ посредство преданныхъ коронѣ людей — все труднѣе и труднѣе[1]). Палата чувствуетъ себя существеннымъ факторомъ политической жизни и представительницей всей націи: спикера своего она называетъ „устами всего королевства“[2]). Политическія обстоятельства того времени крайне благопріятствовали такому возвышенію парламента. Какъ говоритъ Гнейстъ, „для введенія реформаціи англійская королевская власть также нуждалась въ содѣйствіи парламентовъ, какъ германскіе государи — въ содѣйствіи государственныхъ чиновъ. Столѣтіе Тюдоровъ представляетъ болѣе парламентскій характеръ, чѣмъ всѣ предшествующія, такъ какъ никогда еще парламенту не приходилось рѣшать болѣе важныя дѣла, въ особенности по церковнымъ вопросамъ. Въ эту эпоху уже окончательно выработалось юридическое представленіе, что постоянную обязательную силу для сословій имѣютъ лишь такія постановленія, въ изданіи которыхъ они, сословія, принимали участіе. Еще прочнѣе установилось то представленіе, что законы, разъ уже изданные при содѣйствіи трехъ сословій, могутъ быть измѣнены не иначе, какъ съ согласія тѣхъ же трехъ сословій. Такимъ образомъ, всѣ важнѣйшія мѣропріятія въ области какъ церковнаго, такъ и гражданскаго управленія, были введены въ сферу парламентскаго законодательства“[3]).

Въ своихъ стремленіяхъ общины находятъ себѣ поддержку и въ политической литературѣ[4]). Наиболѣе выдающійся государствовѣдъ эпохи Тюдоровъ, Thomas Smith, въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „De Republica Anglorum libri tres“ учитъ, что „in comitiis Parlamentariis posita est omnis augustae absolutaeque potestatis vis“[5]). По его мнѣнію, компетенція парламента всеобъемлюща: парламентъ отмѣ-

1) См. Redlich, op. cit., 55.

2) 5 ноября 1601 г. Robert Cecil, сдѣлавъ въ палатѣ одно предложеніе, заявилъ, что „Mr. Speaker should attend my Lord Keeper therein“. Сэръ Edward Hobby немедленно на это возразилъ, что „The speaker is the mouth of the whole realm; and that the whole state of the commonalty should attend one person, i see no reason“. Parry, op. cit., 237.

3) Назв. соч., 545.

4) О ней см. М. Ковалевскій, назв. соч., т. II, М. 1906, стр. 82 и слѣд.

5) Lib. II, cap. II. p. 168. Ссылки относятся къ изданію 1630, Lugd. Bat.

няетъ старые законы и издаетъ новые, регулируетъ взиманіе налоговъ, устанавливаетъ религію, порядокъ престолонаслѣдія и т. п. Словомъ, онъ имѣетъ ту же власть, которая принадлежала римскому народу въ центуріатскихъ и трибутскихъ комиціяхъ [1]). И это проистекаетъ отъ того, что въ парламентѣ присутствуетъ всякій гражданинъ, либо лично, либо черезъ представителя [2]).

Таковы были тѣ двѣ идеологіи, которыя во второй половинѣ XVI в. очутились лицомъ къ лицу. Жизнь пошла по равнодѣйствующей и сложилась изъ безконечнаго ряда уступокъ и компромиссовъ съ обѣихъ сторонъ.

Центральной пружиной въ государственной машинѣ остается королевскій совѣтъ. Здѣсь принимаются рѣшенія по важнѣйшимъ вопросамъ; но для приданія имъ законной силы, они пересылаются въ парламентъ, который превращаетъ ихъ въ статуты. И корона не страшится оппозиціи: она знаетъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ она встрѣтитъ предупредительную услужливость и покорность. Какъ замѣчаетъ Boutmy [3]), людская слабость содѣйствуетъ поддержанію учрежденія, и парламентъ при деспотической династіи Тюдоровъ сохраняетъ видимость всѣхъ своихъ правъ. Мало того, парламентарный механизмъ въ разсматриваемую эпоху въ значительной степени совершенствуется. Законодательная техника дѣлаетъ несомнѣнные успѣхи, и область привилегій народныхъ представителей во многомъ упорядочивается [4]). Но, въ общемъ, политическое равновѣсіе все время сохраняетъ характеръ неустойчивости. Сильно перетянуть вѣсы въ сторону абсолютизма суждено было династіи Стюартовъ, вступившихъ на престолъ послѣ смерти Елизаветы.

1) „Atque, ut concludam breviter, quidquid in centuriatis comitiis aut in tribunitiis populus Romanus efficere potuisset, id omne in comitiis Anglicanis tanquam in coetu Principem populumque repraesentante, commode transigitur“, Loc. cit., p. 170.

2) „Interesse enim in illo conventu omnes intelligimur, cujuscunque amplitudinis status aut dignitatis, Princepsve aut plebs fuerit, sive per seipsum hoc fiat, sive per procuratorem“. Ibid.

3) Le développement de la constitution et de la société politique en Angleterre, Par. 1898, p. 149.

4) Cp. Redlich, op. cit., 62, n. 1.

IV.

Стюарты.

§ 15. Первый изъ Стюартовъ, Яковъ I (1603—1625), принесъ съ собой совершенно новую идеологію и не слыханную до того въ Англіи теорію королевской власти. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ Яковъ неуклонно проводилъ мысль, что король выше закона и потому, если и руководствуется послѣднимъ, то „никакъ не по обязанности, а для примѣра подданнымъ и по доброй волѣ“ [1]). Вступивъ на престолъ, онъ немедленно начинаетъ борьбу съ парламентомъ, — борьбу, какъ извѣстно, окончившуюся не въ его пользу.

19 марта 1604 въ первый разъ при новомъ королѣ собрались палаты. Яковъ передъ этимъ только что издалъ прокламацію, въ которой онъ, между прочимъ, жаловался на то, что предыдущіе парламенты потратили массу времени на различнаго рода споры о привилегіяхъ, что послужило ко вреду королевства [2]). Не успѣла, однако, открыться сессія, какъ между палатой и короной произошелъ конфликтъ какъ разъ на почвѣ нарушенія парламентскихъ правъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь шла о повѣркѣ полномочій депутатовъ. Но вскорѣ произошло новое столкновеніе по поводу незаконнаго задержанія члена общинъ Shirley [3]). Инцидентъ былъ улаженъ законодательнымъ путемъ, но палата этимъ не удовольствовалась и представила королю особую меморію подъ заглавіемъ „Apology of the House of Commons made

---

1) Градовскій, Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ, I, СПБ. 1886, стр. 308. Политическая доктрина Якова вполнѣ опредѣленно выражена въ его трактатѣ „The true law of free monarchies“. Ср. F. C. Montague, The history of England from the accession of James I to the Restoration, Lond. 1907, p. 3, 4.

2) Parl. Hist., I, 969.

3) Shirley былъ заключенъ въ тюрьму по судебному приговору до созыва парламента. Общины потребовали черезъ своего пристава освобожденія заключеннаго, но тюремщикъ въ этомъ отказалъ. Палата, усмотрѣвъ въ его дѣйствіяхъ contempt of court, посадила его въ Тоуэръ. Въ концѣ концовъ тюремщикъ согласился выпустить Shirley и самъ тогда получилъ свободу. May, op. cit., I, 113.

to the King, touching their Privileges", въ которой вопросъ о парламентскихъ привилегіяхъ былъ подробно разобранъ. Ваше Величество, говорилось между прочимъ въ меморіи, полагаете, что наши привилегіи основаны не на правѣ, а на милости, и что онѣ ежегодно возобновляются путемъ пожалованія, въ отвѣтъ на ходатайство[1]). Подобный взглядъ, однако, противорѣчитъ издавна установившейся традиціи. Свою точку зрѣнія авторы меморіи формулировали въ шести пунктахъ, изъ которыхъ для насъ имѣютъ значеніе слѣдующіе. Во первыхъ, говорили общины, наши привилегіи и вольности составляютъ наше унаслѣдованное право, также какъ наши земли и наше имущество[2]); во вторыхъ, онѣ не могутъ быть отняты или уменьшены безъ нанесенія ущерба всему королевству; въ третьихъ, ходатайство спикера при открытіи парламента есть лишь формальность, а не титулъ, на коемъ зиждятся прерогативы народнаго представительства[3]).

Такимъ образомъ, по вопросу о привилегіяхъ парламентомъ сразу занята была твердая позиція. Вплоть до 1614 г. между нимъ и короной столкновеній на этой почвѣ не возникаетъ. Собравшійся же въ этомъ году парламентъ былъ настроенъ крайне оппозиціонно. Но большинство его членовъ были люди неопытные и малосвѣдущіе въ государственныхъ дѣлахъ, которые сразу дали себя втянуть въ конфликтъ съ верхней палатой. Король воспользовался этимъ для роспуска парламента, причемъ четверо изъ наиболѣе видныхъ вождей оппозиціи были арестованы и посажены въ тюрьму. Въ теченіи 7 слѣдующихъ лѣтъ парламентъ не созывался, и Яковъ рѣшилъ вовсе безъ него обходиться.

---

1) „That we held no privileges of right, but of grace only, renewed every parliament by way of donature upon petition".

2) „Our privileges and lieberties are our right and due inheritance, no less than our very lands and goods".

3) Ibid., 1030—1048. Относительно свободы рѣчи меморія выставляетъ слѣдующія требованія: „... in Parl. they may speak freely their consciences without check and controulement, doing the same with due reverence to the sovereign court of Parl. that is to your maj. and both the houses, who all in their case make but one politick body, weherof your hinghness is the head". Неизвѣстно, впрочемъ, была ли меморія вручена королю, см. Hallam, op. cit., I, 308.

Однако, подъ давленіемъ обстоятельствъ и, въ особенности, усложнившихся международныхъ отношеній[1]), король вынужденъ былъ въ 1621 г. вновь собрать палаты. Парламентъ сразу вступилъ съ нимъ въ борьбу. Прежде всего, цѣлый рядъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и Францискъ Бэконъ, былъ преданъ суду; затѣмъ, парламентъ сталъ требовать объявленія войны Испаніи и, наконецъ, выработалъ петицію, въ которой выразилъ пожеланіе, чтобы наслѣдникъ престола непремѣнно вступилъ въ бракъ съ протестанткой. Король, однако, успѣлъ достать копію этой петиціи до оффиціальнаго представленія ея. Онъ немедленно послѣ этого послалъ въ палату формальное запрещеніе заниматься дѣлами, составляющими государственную тайну и, въ частности, касаться предполагаемаго брака его сына съ испанской принцессой. Въ заключеніе Яковъ сослался на свое право наказывать членовъ палаты какъ во время, такъ и послѣ сессій и обѣщалъ, въ случаѣ надобности, этимъ правомъ воспользоваться[2]). Обсудивъ это посланіе, палата отвѣтила въ чрезвычайно сдержанномъ тонѣ. Прежде всего, она просила короля не обращать вниманія на частныя сообщенія, но считаться только съ оффиціальными результатами ея совѣщаній. Затѣмъ, переходя къ существу дѣла, она, въ общемъ, повторила содержаніе своего прежняго ходатайства; въ оправданіе его общины указали на свою привилегію свободы слова, которая „составляетъ ихъ древнее и несомнѣнное право, полученное ими какъ бы въ наслѣдство отъ ихъ предшественниковъ[3]).

Въ отвѣтъ, отъ короля послѣдовало длинное иронически-дерзкое посланіе, въ которомъ указывалось на то, что привилегіи парламента основаны исключительно на милости и соизволеніи предковъ Якова[4]). И теперь, говорилъ ко-

1) Общественное мнѣніе настойчиво требовало вмѣшательства въ борьбу, происходившую въ то время на континентѣ между католическими и протестанскими державами. Въ концѣ 20-го года положеніе послѣднихъ было весьма критическое. Оказать имъ помощь, однако, Яковъ не рѣшился безъ согласія народнаго представительства.

2) Parl. Hist., I, 1331.

3) „ . . . our ancient and undoubted right, and as inheritance received from our ancestors“. Ibid., 1335.

4) „ . . . their privileges were derived from the grace and permission of his ancestors“. Ibid., 1344.

роль, эти привилегіи будутъ гарантированы, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы палаты не касались прерогативы; въ противномъ случаѣ, онѣ будутъ уничтожены.

Общины не сочли возможнымъ оставить королевское посланіе безъ протеста. 18 декабря сдѣлано было Якову особое представленіе, въ которомъ совершенно категорически выставлено было требованіе обезпеченія свободы рѣчи въ качествѣ древняго и неоспоримаго права народнаго представительства [1]).

Король до крайности разгнѣвался и, явившись въ палату, собственноручно вырвалъ изъ ея протоколовъ листы, содержавшіе протестъ. Послѣ этого онъ немедленно распустилъ парламентъ [2]) и лидеровъ оппозиціи отправилъ въ Тоуэръ. Какъ замѣчаетъ Hallam [3]), достойно вниманія то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ верхняя палата присоединилась къ коммонерамъ, и одинъ изъ лордовъ (графъ Оксфордскій) даже поплатился тюрьмой за свои антиправительственныя рѣчи.

Въ послѣдній разъ парламентъ при Яковѣ I созванъ былъ въ 1624 г. Рѣчь, съ которой король обратился къ общинамъ при открытіи сессіи, была, въ общемъ, любезна и мѣстами носила даже заискивающій характеръ. По вопросу

---

1) Вотъ наиболѣе характерныя мѣста изъ этого протеста: „That the libertees, franchises, privileges, and jurisdictions of Parliament are the ancient and undoubted birthright and inheritance of the subjects of England: ..... And that in the handling and proceeding of those businesses, every member of the House of Parliament hath, and of right ought to have freedom of speech to propound, treat, reason, and bring to conclusion, the same: And that the Commons in Parliament have like liberty and freedom to treat of these matters, in such order as in their judgment shall seem fittest: And that every member of the said House hathlike freedom all impeachment, imprisonment and molestation (others than by the censure of the House itself), for or concerning any speaking, reasoning, or declaring any matter or matters, touching the Parliament, or Parliament business". Taswell-Langmead, op. cit., 535. Послѣдній абзацъ весьма характеренъ; онъ лишній разъ показываетъ, что парламентъ отнюдь не отождествляетъ свободы рѣчи съ безнаказанностью; палата требуетъ лишь, чтобы за ней признавалась исключительная юрисдикція надъ всѣми проступками ея членовъ, совершенными при исполненіи ими своихъ обязанностей.

2) Крайне грубый приказъ о роспускѣ см. Parl. Hist., I, 1326—1371.

3) Op. cit., I, 368, 369.

о привилегіяхъ Яковъ высказался въ самомъ миролюбивомъ и дружелюбномъ тонѣ [1]): онъ ясно сознавалъ, что зашелъ слишкомъ далеко и что необходимо пойти на уступки. Но было уже поздно. Въ мартѣ слѣдующаго же года Яковъ скончался, успѣвъ увидѣть крушеніе всѣхъ своихъ плановъ. Какъ говоритъ Гринъ, „онъ боролся съ парламентомъ, и парламентъ былъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо .... Онъ спорилъ съ палатами и оскорблялъ ихъ такъ, какъ не оскорблялъ ихъ ни одинъ государь Англіи; и постепенно тотъ авторитетъ, которымъ онъ такъ хвастался, переходилъ къ оскорбляемому имъ парламенту“ [2]). Въ области привилегій, парламентъ, усматривая въ свободѣ слова палладіумъ своего авторитета, упорно отстаиваетъ то, что онъ считаетъ своимъ неотъемлемымъ и исконнымъ правомъ. Фактически, палаты пользуются такой свободой преній, которая иностранцевъ приводитъ въ изумленіе: нигдѣ въ то время, въ сословныхъ сеймахъ, не позволяли себѣ выражаться столь несдержанно о дѣйствіяхъ правительства, какъ въ парламентахъ Якова I [3]).

§ 16. По вступленіи на престолъ, Карлъ I (1625—1649) задался цѣлью уничтожить тѣ изъ правъ парламента, которыя служили ему препятствіемъ для установленія личнаго управленія. Сюда относились, главнымъ образомъ, финансовыя полномочія общинъ, контроль ихъ надъ государственнымъ управленіемъ и право предавать министровъ суду.

Распустивъ съ 1625 по 1629 г. три парламента, Карлъ рѣшилъ въ дальнѣйшемъ обходиться безъ народнаго представительства. За этотъ короткій промежутокъ времени успѣли произойти два конфликта на почвѣ нарушенія короной свободы слова палаты. Первый имѣлъ мѣсто въ 1626 г. Два коммонера — John Eliot и Dudley Diges — выступили съ обвиненіемъ королевскаго любимца Bucckingam'a

1) „For matters of Privileges, Liberties and Customs, be not over curious; I am your own kindly King. Ye never shall find me curious in these things: therefore do what you ought, and no more than your lawful Liberties and Privileges will permit, an ye shall never see me curious to the contrary. I had rather maintain your Liberties than alter them in any thing“. Parl. Hist., I, 1375.

2) Назв. соч., III, 99.

3) См. Ranke, Englische Geschichte, 3-te Auf., B. II, S. 78.

въ подкупности и неспособности къ управленію. Палата постановила предать фаворита суду лордовъ (impeachment). Тогда Карлъ призвалъ къ себѣ Eliot'a и Diges'a и отправилъ ихъ въ Тоуэръ. Общины, однако, узнавъ объ этомъ, отказались продолжать свои занятія до тѣхъ поръ, пока узники не будутъ освобождены; лорды ихъ поддержали, и королю пришлось уступить [1]). Но парламентъ былъ немедленно послѣ того распущенъ.

Второй инцидентъ имѣлъ мѣсто въ 1627 г. Королю только что была представлена „Петиція о Правахъ", на которую онъ отвѣтилъ уклончиво.

Въ засѣданіи нижней палаты 5 іюня Eliot предложилъ представить Карлу ремонстрацію, причемъ указалъ на необходимость отставки Buckingham'a. Не успѣлъ онъ кончить свою рѣчь, какъ скиперомъ доложено было посланіе короля, заключавшее въ себѣ формальное запрещеніе палатѣ приняться за разсмотрѣніе какихъ-либо новыхъ дѣлъ, могущихъ затянуть сессію или вызвать „any scandal or aspersion" относительно государства, правительства или министровъ [2]).

Это заявленіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе на палату. Гринъ, со словъ одного современника, слѣдующимъ образомъ описываетъ дальнѣйшій ходъ засѣданія: „Тогда началось такое зрѣлище, какого никогда не видано было въ подобномъ собраніи: нѣкоторые плакали, другіе кричали, третьи предсказывали роковое паденіе нашего королевства; нѣкоторые же каялись въ своихъ грѣхахъ и грѣхахъ страны, за которые на нихъ ниспослано такое наказаніе, другіе же нападали на тѣхъ, кто плакалъ. Больше ста человѣкъ плакало, и многіе, которые хотѣли говорить, не могли проговорить ни слова, задыхаясь отъ слезъ. Самъ Пимъ (Pym) всталъ было, но немедленно же опустился на свое мѣсто, задыхаясь отъ рыданій. Наконецъ, сэръ Эдуардъ Кокъ заговорилъ, обвиняя себя за боязливые совѣты, которые остановили Эліота въ началѣ сессіи, и объявилъ, что причина и источникъ всѣхъ этихъ страданій никто иной, какъ герцогъ Букингамъ. Криками согласія палата при-

1) Parl. Hist., II, 119—122; Гринъ, назв. соч., III, стр. 115 и слѣд.
2) Parl. Hist., II, 401.

вѣтствовала рѣшеніе упомянуть о герцогѣ въ своей ремонстраціи. Но король въ это время уступилъ“ [1]).

Въ 1629 году палаты вновь собрались. Не успѣла сессія начаться, какъ опять произошло столкновеніе. Король, несмотря на категорическое постановленіе „Петиціи о Правахъ“, продолжалъ самовольно собирать пошлины „tonnage and poundage“, конфискуя имущества тѣхъ, которые отказывались платить эти незаконные поборы. 2 марта, когда въ нижней палатѣ зашла рѣчь о протестѣ противъ подобныхъ дѣйствій короны, спикеръ внезапно заявилъ, что онъ получилъ приказаніе отложить засѣданіе. Собраніе, однако, заставило его замолчать, распорядилось закрыть двери и, несмотря на протестъ предсѣдателя, приняло рядъ резолюцій, рѣзко осуждавшихъ дѣйствія правительства. Послѣднее рѣшило тогда прибѣгнуть къ роспуску палаты, и 10 марта появился соотвѣтственный приказъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карлъ рѣшилъ отомстить вождямъ оппозиціи. Незадолго до роспуска парламента девять коммонеровъ, а именно Denzil Hollis, Miles Hobart, John Eliot, Peter Hayman, John Selden, W. Coriton, Walter Long, W. Stroud и Benj. Valentine были вызваны въ тайный совѣтъ, гдѣ ихъ подвергли допросу. Двое изъ нихъ принесли повинную, остальные же отказались дать какіе бы то ни было отвѣты, за что и были отправлены въ тюрьму. Однако, въ виду только что состоявшагося принятія „Петиціи о Правахъ“, Карлу было неудобно прибѣгать къ явно-произвольнымъ арестамъ. Чтобы такъ или иначе оформить дѣло, онъ рѣшилъ истребовать заключеніе суда.

Генеральный атторней, прежде всего, обратился къ обоимъ „chief-justice“ и „chief-baron“; въ своемъ посланіи къ нимъ онъ указалъ на то, что обвиняемые, незадолго до отсрочки засѣданія, составили заговоръ противъ тайнаго совѣта, и что, поэтому, резолюція, вотированная послѣ полученія приказа объ отсрочкѣ, была незаконна, какъ принятая сборищемъ частныхъ лицъ, непользующихся никакими особыми привилегіями.

На предложенные вопросы судьи отвѣтили уклончиво, явно не желая себя компрометировать. Тогда король рѣ-

1) Назв. соч., III, 112, 113.

шилъ созвать двѣнадцать высшихъ судей королевства и передать дѣло на ихъ разсмотрѣніе. 25 апрѣля судьи собрались, и имъ заданъ былъ предварительный вопросъ о силѣ и значеніи акта изданнаго при Генрихѣ VIII по дѣлу Strode (см. выше, § 12). Судьи не затруднились признать, что актъ этотъ имѣлъ лишь частное значеніе и касался только Strode. Затѣмъ, судьямъ задано было еще шесть вопросовъ, отвѣтъ на которые послѣдовалъ черезъ нѣсколько дней.

Между тѣмъ, въ маѣ мѣсяцѣ, заключенные потребовали отъ суда королевской скамьи выдачи приказа habeas corpus. Когда приказъ былъ данъ, повѣренный Eliot'a и его друзья потребовали освобожденія ихъ на поруки. Судьи не рѣшились сдѣлать это сами и обратились къ королю за указаніями. Послѣ долгихъ размышленій и всевозможныхъ проволочекъ Карлъ предложилъ выпустить заключенныхъ съ тѣмъ, чтобы они обязались „вести себя хорошо“ („good behaviour“) — другими словами не агитировать противъ правительства. Eliot и его сообщники категорически отказались исполнить это унизительное требованіе. Въ февралѣ 1630 г. состоялось рѣшеніе суда. Обвиняемые были присуждены къ денежному штрафу и къ заключенію въ тюрьму впредь до представленія ими обязательства хорошаго поведенія. Eliot такъ и умеръ въ Тоуэрѣ черезъ два года; Selden былъ освобожденъ въ 1633 г., а Valentine и Stroud просидѣли въ заключеніи до 1640 г. — года созыва т. наз. „короткаго парламента“ [1]).

Юридическая сторона дѣла, нужно сказать, была чрезвычайно сложна. Къ Эліоту и его товарищамъ предъявлено было, какъ мы сказали выше, обвиненіе въ государственной измѣнѣ, и весь споръ вертѣлся вокругъ вопроса о томъ, кто являлся компетентнымъ судьей для разсмотрѣнія этого обвиненія.

По мнѣнію правительства, обвиняемые были подсудны

1) О дѣлѣ Eliot см. Parl. Hist., II, 504—524; Hallam, op. cit., II, 2—6, Gardiner, History of England from the accession of James I to the outbreak of the civil war, v. VII, Lond., 1891, p. 87—122; Montague, op. cit., p. 162—163; Дерюжинскій, Habeas Corpus и его пріостановка по англійскому праву, Юр. 1895, стр. 58—62.

общимъ судамъ. Эліотъ и др., напротивъ того, отвергали ихъ компетенцію, ссылаясь на то, что парламентъ представляетъ собою высшую судебную инстанцію, единственно призванную судить своихъ членовъ. Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что инкриминируемыя дѣянія имѣли мѣсто послѣ послѣдовавшаго со стороны короля приказа объ отсрочкѣ засѣданій палаты. Судьямъ была задана, такимъ образомъ, весьма нелегкая задача: въ дѣлѣ было, несомнѣнно, цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ. Намъ нѣтъ возможности войти въ оцѣнку всѣхъ аргументовъ, которые выставлены были съ той и другой стороны. Но мы должны отмѣтить, что вопросъ подвергся весьма тщательному разсмотрѣнію и что всѣ судьи сошлись въ признаніи именно общихъ судовъ компетентными по данному дѣлу [1]).

1) Для примѣра приведемъ важнѣйшія мѣста изъ высказаннаго судьей Jones мнѣнія (Parl. Hist., II, 520, 521). J. различаетъ три вопроса: 1) Whether the, matters informed be true or false; and this ought to be determined by jury or demurrer. 2) When the matters of the information are found or confessed to be true, if the information be good in substance? 3) Admit that the offences are by truly charged, if the court hath power to punish them? По мнѣнію J. дѣло безусловно подвѣдомственно суду. При этомъ онъ опять различаетъ три возможности: 1) If the matter be voted in parliament when it is finished, whether it can be punished and examined in another court? 2) If the matter be commenced in parliament, and that ended, if aftenwards it may be questioned in another court? J. question not these matters, but J hold, that an offence committed, criminally, in Parliament, may be questioned elsewhere, as in this court; and for these reasons. 1. quia interest reipublicae, ut maleficia non maneant impunita; and there ought to be a fresh punishment of them. Parliaments are called at the Kings pleasure, and the King is not compellable to call his parliament; and if, before the next parliament, the party offending, or the witnesses, die, then there will be a failure of justice. 2. The parl. is no constant court... 3. The parl. cannot send process to make the offenders to appear at the next parl..... Самое рѣшеніе суда однако, мотивировано довольно слабо. Оно начинается съ констатированія факта совершенія подсудимыми преступленія (заговора). Далѣе, оно напоминаетъ, что всѣ судьи Англіи, за исключеніемъ одного, признали статутъ 1512 г. частнымъ актомъ: члены парламента, по мнѣнію суда, не имѣютъ привилегіи „to speak at their pleasure“, напротивъ того, парламентъ есть высшій судъ, — „therefore it ought not to be disordely, but ought to give good exemple to other courts“. Какъ видно, главный пунктъ былъ обойденъ молчаніемъ, и судъ не рѣшился категорически разрѣшить вопросъ о законности или незаконности засѣданій парламента послѣ приказа объ отсрочкѣ. Онъ предпочелъ сослаться на то, что свобода слова не

Начиная съ 1629 г., Карлъ въ теченіи 10 лѣтъ управлялъ Англіей самолично. Въ 1640 году, однако, обстоятельства заставили его вновь обратиться къ народнымъ представителямъ. 5 ноября открылъ свои засѣданія т. наз. „длинный парламентъ“, а 7-го Пимъ произнесъ пространную рѣчь, въ которой онъ смѣлыми штрихами изобразилъ картину правительственныхъ злоупотребленій. Прежде всего онъ указалъ на то, что привилегіи во время предыдущихъ парламентовъ жестокимъ образомъ нарушались: свобода слова депутатовъ стѣснялась; спикеру запрещалось предлагать тѣ или другіе запросы на обсужденіе; члены палаты подвергались аресту за сказанное на засѣданіяхъ; дѣла противъ нихъ возбуждались въ судахъ нисшей инстанціи; отъ нихъ требовали „хорошаго поведенія“, и ихъ держали въ тюрьмѣ вплоть до самой смерти [1]).

Въ этихъ словахъ вождя оппозиціи заключался категорическій протестъ противъ дѣйствій правительства въ дѣлѣ Эліота и его товарищей.

Его заявленію, однако, не было дано дальнѣйшаго хода, такъ какъ палатѣ пришлось заняться болѣе животрепещущимъ дѣломъ, а именно вопросомъ о преданіи суду знаменитаго Strafford'a. Но слова Пима попали на благодатную почву: въ 1641 г., по иниціативѣ Hollis'a, который вновь попалъ въ депутаты, вопросъ о законности арестованія Эліота былъ вторично поднятъ, причемъ палата признала, что все производство по дѣлу представляло сплошное нарушеніе парламентскихъ привилегій, а судей, участвовавшихъ въ немъ, предала суду лордовъ [2]).

Послѣ казни Страффорда разрывъ между королемъ и палатой сдѣлался неизбѣжнымъ. Опасаясь рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Карла, парламентъ вотировалъ билль, согласно которому онъ не могъ быть распущенъ безъ собственнаго на то согласія. Немедленно послѣ утвержденія этого закона королемъ, палаты приступили къ цѣлому ряду радикальныхъ реформъ: упразднена была Звѣздная Палата,

---

неограничена, не указавъ, однако, гдѣ, въ точности, эта свобода кончается.

1) Parl. Hist., II, 640.

2) Ibid., 869, 876.

уничтожены были различнаго рода исключительные суды и т. п. Король, однако, ждалъ только удобнаго случая для нанесенія парламенту рѣшительнаго удара. Въ январѣ 1642 г. онъ сдѣлалъ неудачную попытку арестовать пять изъ наиболѣе видныхъ лидеровъ оппозиціи [1]). Это послужило сигналомъ къ гражданской войнѣ, окончившейся казнью короля и провозглашеніемъ республики (16 мая 1649 г.).

§ 17. Во время великой гражданской войны неожиданно всплываетъ политическое ученіе, навѣянное реформаціей, но стоящее въ полномъ противорѣчіи съ историческими основами англійскаго строя. Это — теорія народнаго суверенитета, провозглашенная лѣвыми протестантскими сектами, объединяемыми подъ общимъ названіемъ „левеллеровъ“.

„Всякая власть изначально и по существу имѣетъ источникомъ своимъ народъ: его свободный выборъ и согласіе, выраженное черезъ представителей, единственное основаніе всякаго справедливаго правительства“ [2]), такъ учили левеллеры, начавшіе вскорѣ играть главную роль въ арміи Кромвеля. Изъ этого основного принципа выводилась цѣлая политическая программа, нашедшая себѣ наиболѣе полное и яркое выраженіе въ составленномъ John Lilburn'омъ и его друзьями политическомъ памфлетѣ подъ заглавіемъ „The fundamental lawes and liberties of England claimed and asserted“ (1653). Англичане, читаемъ мы здѣсь, народъ свободный и потому сами въ себѣ содержатъ источникъ власти. Соглашеніе и избраніе — единственные источники всѣхъ признаваемыхъ страной какъ высшихъ, такъ и нисшихъ правителей. Полнота законодательной и исполнительной власти принадлежитъ націи, завѣдующей собственными дѣлами чрезъ посредство избранныхъ ею парламентовъ, или общихъ совѣтовъ, и судящей всѣ возникающіе въ жизни споры черезъ посредство избранныхъ ею же самой судей — присяжныхъ. Въ 28 положеніяхъ „fundamental lawes“ даютъ затѣмъ настоящій проектъ радикальной конституціи [3]).

---

1) См. Forster, Arrest of the five members, etc.

2) См. The Case of the Army truly stated, — манифестъ, опубликованный левеллерами 9 октября 1647 отъ имени пяти полковъ и содержавшій въ себѣ ихъ политическую программу. Gardiner, History of the great civil war, new ed., Lond., 1893, III, 379.

3) М. М. Ковалевскій, назв. соч., III, стр. 342 и слѣд.

Такова была идеологія арміи, руководившей во время междоусобія судьбами Англіи. Она легла въ основу тѣхъ попытокъ писаныхъ конституцій, которыя извѣстны подъ названіемъ „Heads of the proposals“ (1646—47) и „Agreement of the people“ (1648)[1]).

Намъ нѣтъ возможности разсмотрѣть здѣсь содержаніе этихъ актовъ. Для насъ важно лишь то, что ни одинъ изъ нихъ на вопросѣ о привилегіяхъ парламента не останавливается вовсе[2]). Это объясняется тѣмъ, что главной заботой авторовъ проектовъ было обезпечить права народа; поставленіе же представителей націи въ какое-либо особое привилегированное положеніе не гармонировало съ постулатомъ всеобщаго равенства и съ общей нивеллирующей тенденціей реформаторовъ[3]). Власть должна была сосредоточиваться въ народѣ, палата (или палаты) являлась лишь исполнительницей его воли.

Послѣ крушенія монархіи во главѣ управленія сталъ Кромвель, съ титуломъ Лорда-Протектора. Его политическое міровоззрѣніе, въ общемъ, было довольно далеко отъ демократическаго радикализма левеллеровъ. Онъ склонялся къ смѣшанной формѣ правленія, построенной на началѣ раздѣленія и равновѣсія властей[4]) и чуждъ былъ тѣхъ крайностей, къ которымъ приводило ученіе Лильборна и его послѣдователей. Но въ одномъ онъ съ ними сходился: это въ отрицаніи традиціоннаго ученія о всемогуществѣ парламента. „Въ своихъ рѣчахъ, замѣчаетъ М. М. Ковалевскій[5]), онъ высказывается по этому вопросу въ томъ

1) Agr. of the p. имѣлъ четыре редакціи. Объ этихъ попыткахъ см. изслѣдованіе Rothschild'a, Der Gedanke der geschriebenen Verfassung in der englischen Revolution, Lpz. 1903.

2) Одни только „Heads of the proposals“, ст. I п. 9, требуютъ, чтобы члены парламента подлежали исключительно уголовной юрисдикціи палатъ.

3) Ср. Rothschild, op. cit., 97: „Wir hatten schon bei den Heads of the Proposals darauf hingewiesen, dass das Verlangen die Freiheiten und Rechte des Parlamentes zu wahren, wie es zu Beginn des Krieges geherrscht hatte, längst einer weiter gehenden Forderung gewichen war, die Rechte und Freiheiten des Volkes zu sichern“ (рѣчь идетъ объ Agreement).

4) О воззрѣніяхъ Кромвеля см. М. М. Ковалевскій, op. cit., III, стр. 294 и слѣд.

5) Loc. cit., 300.

же духѣ, что и левеллеры. Во всякомъ общежитіи, полагаетъ онъ, надо устанавливать различіе между тѣмъ, что слѣдуетъ считать неизмѣненными устоями общества и порядками, по природѣ своей временными и подлежащими перемѣнѣ, или, употребляя собственныя его выраженія, между основами (fundamentals) и случайностями (circumstancials)". Къ основамъ относятся: свобода совѣсти, принципъ краткосрочности и періодичности парламентовъ, раздѣленіе суверенитета между единичнымъ правителемъ и представительной палатой и т. п. Всѣ основы неприкосновенны для парламента: его дѣятельность можетъ распространяться только на случайности общежитія [1]).

При такихъ условіяхъ, понятно, что Протекторъ не склоненъ былъ особенно преклоняться передъ исконными привилегіями народныхъ представителей. Какъ говоритъ Гнейстъ, наскучивъ парламентскими преніями и постановленіями большинства, изъ которыхъ не выходило ни положительной правительственной системы, ни положительной оппозиціи, Кромвель распускалъ свои парламенты одинъ за другимъ, напутствуя ихъ бранными рѣчами на прощанье [2]). Въ выработанномъ, по его иниціативѣ, офицерами арміи „Instrument of government" (1653) — единственной писаной конституціи, когда либо дѣйствовавшей въ Англіи — о привилегіяхъ членовъ парламента ни словомъ не упоминается [3]).

§ 18. Политическая жизнь вновь вступила въ нормальное русло послѣ реставраціи Стюартовъ и воцаренія Карла II (1660—1685). Возстановленный въ своихъ правахъ, парламентъ уже въ 1667 г. возбуждаетъ вопросъ о свободѣ слова: въ октябрѣ этого года имъ образуется особая коммисія для разсмотрѣнія дѣла Эліота и его товарищей. 12 ноября коммисіей представленъ былъ общинамъ докладъ, на основаніи котораго палатой вынесена была ре-

1) См. рѣчь, произнесенную передъ парламентомъ 12 сентября 1654 г., въ которой Кромвель совершенно опредѣленно формулировалъ свое ученіе объ основныхъ началахъ общежитія, Parl. Hist., III, 1445 fol. Ср. Ranke, op. cit., IV, 125.

2) Назв. соч., 670.

3) Текстъ см. у Gardiner, The constitutional documents of the puritan revolution, 3-d ed., Oxf. 1906, 405 fol.; ср. Rotschild, op. cit., 141 ff.

золюція, признавшая, что статутъ, изданный въ 1512 г. по дѣлу Strode имѣлъ общій характеръ и потому распространяется на всѣхъ членовъ обѣихъ палатъ во всѣхъ парламентахъ для и по поводу всѣхъ внесенныхъ биллей, произнесенныхъ рѣчей, высказанныхъ мнѣній и т. п. Общины при этомъ постановили, что статутъ 1512 г. не создалъ новаго права, а имѣлъ лишь характеръ подтвержденія древнихъ и необходимыхъ правъ и привилегій парламента [1]). Въ виду приведенной резолюціи рѣшеніе суда по дѣлу Эліота было отмѣнено палатой лордовъ на основаніи writ of error, причемъ въ качествѣ мотива для кассаціи было, между прочимъ, приведено то обстоятельство, что сказанное въ парламентѣ подсудно лишь ему, тогда какъ, въ данномъ случаѣ, судомъ королевской скамьи были разсмотрѣны два дѣла: нанесеніе оскорбленія словами скиперу, съ одной стороны, и произнесеніе мятежныхъ рѣчей въ палатѣ — съ другой. Поэтому, если бы даже признать, что первое дѣло было подсудно общимъ судамъ, то во всякомъ случаѣ второе могло быть разсмотрѣно только въ самомъ парламентѣ [2]).

Въ томъ же 1667 г., 11 декабря, вопросъ о привилегіи свободы слова подвергся обсужденію со стороны особой конференціи изъ представителей обѣихъ палатъ [3]). Совѣщаніе категорически признало, что „никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что все то, что разъ установлено легальнымъ путемъ есть законъ; но ничто не можетъ войти въ составъ парламентскаго постановленія (акта), что не было кѣмъ либо предварительно предложено. Поэтому, если самое постановленіе не можетъ никому принести вреда, то не могъ этого сдѣлать и тотъ, отъ котораго исходило первоначальное пред-

---

1) „The Act 4 Hen. VIII intituled „An Act concerning Richard Strode“ is a general law extending to indemnity all and every the members of both Houses of Parliament in all Parliaments, for and touching any bills, speaking, reasoning or declaring of any matter or matters in and concerning the Parliament, to be communed or treated of; and is a declaratory law of the ancient and necessary rights and privileges of Parliament“. Parry, op. cit., 555. Лорды присоединились къ этой резолюціи 11 декабря.

2) Энсонъ, назв. соч., 147.

3) Parl. Hist. объ этой конференціи не упоминаетъ вовсе, и намъ не удалось установить, что послужило непосредственнымъ поводомъ для ея созыва.

ложеніе. Члены парламента должны быть также свободны, какъ сами палаты. Парламентскій актъ не можетъ быть противогосударственнымъ, равно какъ и пренія, изъ которыхъ онъ возникъ, такъ какъ прежде обнародованія онъ долженъ быть предложенъ и обсужденъ“ [1]).

Декларація эта, какъ видно, основана на чисто-раціоналистическихъ соображеніяхъ. Она исходитъ изъ предположенія о неограниченной компетенціи парламента и совершенно порываетъ съ прежнею точкой зрѣнія, согласно которой свобода слова предоставлена депутатамъ постольку, поскольку они остаются въ предѣлахъ своихъ полномочій. Безотвѣтственность при этомъ виндицируется въ качествѣ неотъемлемаго права всякаго законодательнаго учрежденія.

Со стороны правительства, сколько извѣстно, никакого протеста по поводу заявленія конференціи не послѣдовало: парламентъ при Карлѣ II пріобрѣлъ свое прежнее значеніе, и его законодательная власть стояла внѣ сомнѣнія [2]). Возгорѣвшійся же при его преемникѣ Яковѣ II (1685—1687) конфликтъ привелъ, какъ извѣстно, къ новой революціи и призванію на престолъ Оранской династіи.

V.

Новѣйшее время.

§ 18. Немедленно послѣ вступленія на англійскій престолъ Вильгельма и Маріи Оранскихъ изданъ былъ особый актъ, извѣстный подъ названіемъ „Билля о Правахъ“ (1689 г.), въ которомъ, съ одной стороны, перечислялись незаконныя дѣйствія Якова II, а съ другой устанавливался рядъ положеній, имѣвшихъ гарантировать въ будущемъ свободу англійскихъ гражданъ и парламентскія вольности.

---

1) Мау, op. cit., I, 101.

2) Градовскій, назв. соч. 354: „Право парламента вотировать всѣ налоги, опредѣлять расходы, наблюдать за употребленіемъ субсидій было поставлено внѣ спора; законъ о Habeas-Corpus ограждалъ личную свободу подданныхъ; законодательная власть парламента не подвергалась сомнѣнію; учрежденія и права національной церкви были утверждены законами королевства“.

Къ числу неправомѣрныхъ дѣйствій Якова „Билль“ относитъ, между прочимъ и то, что онъ разбиралъ въ судѣ королевской скамьи дѣла и тяжбы, подлежавшія исключительному вѣдѣнію парламента, и примѣнялъ разныя произвольныя и незаконныя формы дѣлопроизводства (п. 8). Въ виду этого ст. 9 [1]) категорически постановляетъ, что „свобода слова, преній и производства въ парламентѣ не должна влечь за собой возбужденіе какого-либо преслѣдованія или,

1) „That the freedom of speech and debates or proceedings in parliament ought not to be impeached or questioned in any court or place out of parliament“. Точный переводъ этого постановленія представляетъ нѣкоторыя трудности. Прежде всего, не совсѣмъ ясно выраженіе proceedings: имѣли ли въ виду авторы „Билля“ парламентское дѣлопроизводство въ тѣсномъ смыслѣ слова или вообще все, что происходитъ въ парламентѣ? Другими словами, покрываетъ ли привилегія всѣ дѣйствія депутатовъ, совершенныя въ парламентѣ, или только тѣ изъ нихъ, которыя ими совершаются во исполненіе лежащихъ на нихъ профессіональныхъ обязанностей? Въ нѣмецкой литературѣ „proceedings“ переводится то черезъ „Verhandlungen“, то черезъ „Vorgänge“, см. Fuld, Die Immunität der Mitglieder gesetzgebender Versammlungen, въ Archiv f. öffent. Recht, IV, 1889, S. 513, Anm. 21. Во Франціи одни, какъ напр. Chompré въ своемъ переводѣ Комментарій Блэкстона (t. I, p. 288), говорятъ о „conduite (депутатовъ) en parlement“, другіе, какъ Delpech въ переводѣ May'a (t. I, p. 105) о „procédures“, третьи (de Franqueville, Le gouvernement et le parlement britanniques, Par. 1887, III, 346) о „actes“, четвертые (Glasson, op. cit., V, 419) о „tout se qui se fait“ и т. д. Въ русской литературѣ точно также нѣтъ единообразія. М. Ковалевскій, Общее конституціонное право, Спб. 1908, стр. 223, переводитъ „свобода всякаго вообще дѣлопроизводства“; Ѳ. Кокошкинъ, Тексты важнѣйшихъ основныхъ законовъ иностранныхъ государствъ, I, М. 1905, стр. 18, „свобода . . . актовъ“; г. Новикъ, Современныя конституціи, М. 1905, стр. 62 — „дѣйствій“; А. А. Жижиленко, О безотвѣтственности народныхъ представителей, Яр. 1909, стр. 7, „и всего происходящаго въ парламентѣ“; А. К. фонъ-Резонъ, Объ особенныхъ правахъ выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта и членовъ Государственной Думы, Спб. 1909, стр. 4, „всего того, что происходитъ въ парламентѣ“.

Второе выраженіе ст. 9, представляющее затрудненія, есть терминъ „questioned“. Какъ вѣрно замѣчаетъ Fuld, loc. cit., здѣсь рѣчь идетъ не о процессуальномъ терминѣ, соотвѣтствующемъ нѣмецкому „Untersuchung“; выраженіе „questioned“ имѣетъ болѣе широкій смыслъ и соотвѣтствуетъ „in Frage stellen“. Французы переводятъ „questionnée“ (de Franqueville, loc. cit.), „mise en question“ (Glasson, loc. cit., Delpech — May, loc. cit.), „mis en doute“ (Reynaert, op. cit., I, 10). У русскихъ писателей мы встрѣчаемъ переводы: подвергаема контролю“ (Кокошкинъ), „вызывать сомнѣніе“ (М. Ковалевскій),

вообще, быть предметомъ сужденій въ иномъ судѣ или мѣстѣ, кромѣ самого парламента".

Чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ смыслѣ и значеніи этой статьи, а также въ постановкѣ вопроса о привилегіи свободы слова въ новѣйшее время, намъ необходимо нѣсколько остановиться на той роли, которую революція 1688 г. сыграла въ исторіи англійской государственности. Коренного переворота ни въ политическихъ, ни въ соціальныхъ отношеніяхъ она, сама по себѣ, не произвела. Но она, несомнѣнно, подготовила его тѣмъ, что въ значительной степени видоизмѣнила существовавшія до того времени отношенія между парламентомъ и короной.

Прежде всего, послѣ вступленія на престолъ Вильгельма III (1689—1702) отпадаетъ тотъ теократическій характеръ, который Стюарты стремились придать монархической власти. Король отнынѣ не можетъ претендовать на божественное происхожденіе своихъ полномочій: послѣднія порождены революціей и имѣютъ тотъ же источникъ, что и политическія права народа[1]).

Лицомъ къ лицу теперь стоятъ двѣ равноправныя и равнородныя силы: корона и парламентъ. Между ними, какъ говоритъ Hatschek, и происходитъ judicium finium regundorum[2]): оба фактора политической жизни размеже-

---

„подвергаема обсужденію" (Жижиленко), „предметомъ разсмотрѣнія" (фонъ-Резонъ), „предметомъ сужденія" (Новикъ).

Что же касается термина impeached, то единственно правильный переводъ тотъ, который вызываетъ представленіе о привлеченіи къ отвѣтственности. Передача „impeached" посредствомъ выраженія „стѣснять" (Кокошкинъ, Жижиленко, фонъ-Резонъ) совершенно не соотвѣтствуетъ юридическому значенію этого термина. Правильный переводъ даетъ М. Ковалевскій, loc. cit.: „. . . не можетъ подать повода къ преслѣдованію". Въ нѣмецкой литературѣ часто встрѣчается выраженіе „behindert", см. Fischel, op. cit., 417, также Hubrich, op. cit., 24. Гораздо точнѣе переводъ „unter Anklage gestellt", Fuld, loc. cit., по французски „donner matière à accusation", Blackstone-Chompré, loc. cit.

1) Boutmy, op. cit., 161, 162.

2) Op. cit., I, 243: „Während die Entwickelung des Parlaments bis zur Zeit Coke's nur die Lösung gebracht hat, das Parlament — der König mit eingeschlossen — ist Staatsorgan, die grosse Korporation des Landes und der höchste Gerichtshof, bringt die grosse Revolution von 1688 das judicium finium regundorum zwischen Parlament und Krone".

вываются, причемъ фактически все большее и большее вліяніе и значеніе получаетъ парламентъ или, вѣрнѣе сказать, нижняя палата, въ рукахъ которой сосредоточивается распоряженіе финансами страны[1]). Возникшее въ прошломъ столѣтіи ученіе объ omnipotentia parliamenti — всемогуществѣ парламента — получаетъ совершенно иную окраску и иное политическое значеніе. Еще Эдуардъ Кокъ училъ, что „власть и юрисдикція парламента столь всеобъемлющи и абсолютны, что имъ не могутъ быть поставлены никакія границы; можно, по справедливости, сказать о немъ, что si antiquitatem spectes, est vetustissima; si dignitatem, est honoratissima; si jurisdictionem, est capacissima[2])". Но этотъ всемогущій органъ, о которомъ говоритъ знаменитый юристъ, есть на самомъ дѣлѣ не парламентъ, а обѣ палаты и король, т. е. теоретическое построеніе, абстракція, а не жизненная реальная сила. Парламентъ — т. е. общины и лорды, въ его время вовсе не обладали всемогуществомъ. Процессъ обособленія ихъ отъ монарха далеко еще не закончился и борьба между нимъ и короной была въ полномъ разгарѣ. Лишь въ XVIII в. центръ тяжести окончательно перемѣщается, и становится возможнымъ говорить о дѣйствительной omnipotentia представителей націи. Корона отказывается отъ своего права вето и тѣмъ самымъ законодательную функцію всецѣло передаетъ въ руки палатъ; парламентскій актъ 1716 г. опредѣляетъ продолжительность легислатуры семью годами, и мало по малу зарождается та система контроля народнаго представительства надъ управленіемъ, которая въ первой половинѣ XIX ст. приводитъ къ парламентаризму.

---

1) Какъ говоритъ Гринъ, назв. соч., IV, 48, „съ того времени, когда право палаты облагать націю налогами было подтверждено въ Биллѣ о Правахъ и когда она рѣшила давать коронѣ деньги только на одинъ годъ, Палата Общинъ получила верховную власть въ государствѣ. Было невозможно отсрочивать постоянно ея засѣданія или въ теченіи долгаго времени противиться ея волѣ теперь, когда это оставило бы правительство безъ средствъ, когда этимъ уничтожалась бы армія и флотъ и останавливалась бы вся административная машина". Ср. John Russel, An essay on the history of the english government and constitution, Lond. 1821, p. 161.

2) 4 Inst. 36 (цит. у Blackstone).

Вновь установившіяся жизненныя отношенія нуждались въ новой юридической формулировкѣ и теоретическомъ освѣщеніи. Ключъ къ ихъ пониманію былъ найденъ въ ученіи о раздѣленіи властей, положенномъ наиболѣе виднымъ государствовѣдомъ XVIII в., Блэкстономъ, въ основу изложенія англійской конституціи.

Согласно воззрѣніямъ Блэкстона[1]), законодательная власть принадлежитъ парламенту, исполнительная королю; но исполнительная власть есть вѣтвь (a branch) законодательной, и это необходимо для равновѣсія конституціи (the balance of the constitution), ибо сосредоточеніе ихъ въ однѣхъ рукахъ повело бы къ тиранніи, равно какъ и полное отдѣленіе одной отъ другой: законодательная власть скоро сдѣлалась бы деспотической, такъ какъ притѣсняла бы власть исполнительную, вторгаясь въ сферу ея компетенціи Для предупрежденія этого и установлена связь между королемъ и парламентомъ, причемъ первому предоставлено не право постановлять (pover of resolving), а право отклонять (rejecting). Поэтому, по существу, полномочія палатъ неограничены. Парламентъ можетъ сдѣлать все, за исключеніемъ фактически невозможнаго[2]).

Ученіе Блэкстона вскорѣ стало господствующимъ[3]) и послужило теоретическимъ оправданіемъ для домогательствъ парламента. Фактически, послѣдній забираетъ все бо́льшую и бо́льшую власть, и въ теченіе XVIII в. вся правотворческая функція перѣходитъ въ его руки. Существова-

---

1) Stephen's New Commentaries on the laws of England (partly founded on Blackstone), 11 ed., Lond. 1890, p. 340 fol.

2) „It can, in short, do everyting that is not naturally impossible". Ibid., 349.

3) Оно нашло себѣ горячаго сторонника въ лицѣ женевца De Lolme, популяризировавшаго его въ своей извѣстной книгѣ „Constitution de l'Angleterre". По Де-Л. (éd. Genève 1793) основа англійской конституціи, „le grand principe auquel tous les autres tiennent" — то, что законодательная власть принадлежитъ исключительно парламенту, король же исполняетъ законы (I, 56); его участіе въ законодательствѣ чисто пассивное (II, 29). Для Custance, Gedrängte Darstellung der englischen Staatsverfassung, übers. aus dem engl., Braunschweig 1827 (англійск. ориг. появился въ 1808 г.), S. 47, великое преимущество англійской конституціи то, что въ ней законодательная власть „мудро" отдѣлена отъ исполнительной.

вшее до того времени указное право короля постепенно сокращается. Такъ, Билль о Правахъ признаетъ незаконнымъ взиманіе какихъ бы то ни было сборовъ, равно какъ пріостановку законовъ безъ согласія парламента; вскорѣ отпадаетъ также право короля издавать юридическіе указы; съ 1766 г. отъ короны уходитъ и право на т. наз. чрезвычайные указы [1]). У парламента, такимъ образомъ, со второй половины XVIII в. нѣтъ больше конкурента въ области законодательства: все, что можетъ быть регулируемо закономъ, юридической нормой, въ его власти. Въ этомъ смыслѣ онъ, дѣйствительно, всемогущъ.

§ 19. При подобныхъ обстоятельствахъ парламентскія привилегіи, какъ легко себѣ представить, нашли себѣ крайне благопріятную почву. XVIII в. есть періодъ ихъ расцвѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ — эпоха крайняго злоупотребленія парламентомъ своей властью, въ особенности своими карательными полномочіями по отношенію къ лицамъ, виновнымъ въ „breach of privilege“: малѣйшее нарушеніе правъ и привилегій народныхъ представителей наказывается палатами какъ серьезное преступленіе. Что же касается свободы слова, то при Вильгельмѣ III какъ общины, такъ и лорды пользуются ею совершенно безпрепятственно. Протоколы засѣданій парламента свидѣтельствуютъ о томъ, что въ критикѣ дѣйствій правительства и короны депутаты заходятъ чрезвычайно далеко, не подвергаясь за это никакимъ послѣдствіямъ [2]). Нѣсколько болѣе сдержанными дебаты становятся при Ганноверской династіи; палата принимаетъ строгія мѣры по отношенію къ впадающимъ въ словесные

1) Этотъ вопросъ, впрочемъ, споренъ, см. Hatschek, op. cit., 13.

2) См. любопытныя донесенія посланника великаго курфюрста Bonnet y Ranke, op. cit., XI, S. 44 ff., въ особенности донесеніе отъ 20 ноября 1694: „La chambre basse commença à entrer hier en matière, de la même façon que les années dernières, c. à. d. que plusieurs évaporèrent leur bile, et dirent tout ce qu'ils crûrent de plus fâcheux contre le gouvernement; mais on jugea prudemment, que le meilleur estoit de ne leur rien répondre ce jour là“. Ibid. 136. Ср. замѣчанія Macaulay, Die Geschichte von England seit dem Regierungsantritte Jacobs II, übers. von Bülau, 2 Auf., Lpz. 1860, S. 288, 333 („es bestand nicht länger irgend eine Gefahr, dass der König die Mitglieder der Legislatur unterdrücken würde, und es bestand viel mehr Gefahr, dass die Mitglieder der Legislatur das Volk unterdrücken konnten“), 417; V, 151 и др.

эксцессы членамъ[1]), а съ другой стороны, начавшее къ этому времени входить въ обычай опубликованіе протоколовъ засѣданій палатъ въ значительной степени умѣряетъ пылъ ораторовъ. Депутаты теперь чувствуютъ, что они говорятъ передъ всей націей и подлежатъ нравственной отвѣтственности передъ своими избирателями за свое поведеніе въ парламентѣ. Это обстоятельство, безспорно, содѣйствовало упорядоченію преній, побудивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ораторовъ къ большей сдержанности и корректности въ своихъ выступленіяхъ.

Что же касается литературы, то привилегія freedom of speech разсматривается теперь какъ нѣчто само собою разумѣющееся и не возбуждающее никакихъ сомнѣній. Блэкстонъ въ своихъ комментаріяхъ ограничивается простымъ упоминаніемъ о ней и ссылкой на 9-ю ст. Билля о Правахъ (Stephen IV, 352). Для Де-Лольма иммунитетъ установленъ ради „sûreté“ членовъ парламента[2]); болѣе подробной мотивировки онъ не считаетъ нужнымъ приводить. Необходимость привилегіи, такимъ образомъ, въ разсматриваемую эпоху стала настолько очевидна, иммунитетъ настолько вошелъ въ общественное правосознаніе, что обосновывать и оправдывать его считается излишнимъ. И на самомъ дѣлѣ, въ теченіи XVIII и XIX ст. нельзя привести почти ни одного случая возбужденія въ какомъ либо судѣ процесса противъ члена той или другой палаты за сказанное или сдѣланное имъ при исполненіи своихъ обязанностей[3]). Но зато со времени упроченія при Георгѣ I (1714—1727) управленія чрезъ посредство партій, а въ особенности въ министерство Вальполя, правительство, желая во что бы то ни стало удержать за собой большинство въ палатѣ, часто производитъ давленіе на депутатовъ, состоящихъ на службѣ и не занимающихъ политическихъ должностей, подвергаетъ ихъ

1) Въ 1717 г., напр. нѣкій Shippers (членъ палаты общинъ) былъ заключенъ въ Тоуэръ за то, что непочтительно отозвался объ особѣ короля, de Franqueville, op. cit. III, 347.

2) Op. cit., I, 90; въ другомъ мѣстѣ Де-Лольмъ замѣчаетъ, что обѣ палаты, хотя и относятся весьма ревниво къ своей привилегіи, однако заботятся о томъ, чтобы свобода слова не приводила къ несдержаннымъ выраженіямъ по адресу короля, II, 271.

3) Энсонъ, назв. соч., 147.

дисциплинарнымъ взысканіямъ и даже лишаетъ занимаемыхъ ими мѣстъ[1]). Послѣдній случай произошелъ въ 1764 г., когда, по настоянію короля, членъ палаты общинъ, генералъ Henry Seymour Conway былъ лишенъ не только придворной должности, но и отстраненъ отъ командованія полкомъ за то, что по одному дѣлу вотировалъ противъ правительства[2]). Эта мѣра вызвала энергичный протестъ со стороны палаты, и въ слѣдующемъ же году Burke внесено было предложеніе выразить довѣріе министерству за уничтоженіе опасной и неконституціонной практики удаленія офицеровъ за ихъ вотумы въ парламентѣ[3]).

VI.

Юридическая природа привилегіи.

§ 20. Изложенный въ предыдущихъ параграфахъ процессъ развитія freedom of speech наглядно показалъ, какъ, случайно возникши въ качествѣ рефлекса непубличности засѣданій парламента, привилегія претворилась, съ теченіемъ времени, въ одинъ изъ основныхъ устоевъ государственнаго строя Англіи. Мы видѣли при этомъ, что подобная эволюція явилась результатомъ установившихся отношеній между обо-

1) Выходъ въ отставку лицъ, занимающихъ должности съ политическимъ характеромъ, при перемѣнѣ министерства есть явленіе само собою разумѣющееся. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Энсонъ, loc. cit., „необходимымъ слѣдствіемъ правительства партій является то, что подчиненный членъ министерства долженъ отказаться отъ политической службы если онъ вотируетъ противъ своихъ лидеровъ въ дѣлахъ, на которыя они не смотрятъ, какъ на открытый вопросъ. Не будетъ совершенно никакой справедливости и привилегія не будетъ нарушена отставкой отъ должности одного изъ тѣхъ, кто принялъ ее на томъ основаніи, можетъ быть и не вполнѣ опредѣленно установленномъ, но ясно понимаемомъ, что въ парламентѣ онъ будетъ дѣйствовать въ согласіи съ другими слугами короны, отвѣтственными за политику страны. Но офицеръ арміи или флота не сохраняетъ за собой свою должность только на томъ основаніи, что, разъ ему придется засѣдать въ парламентѣ, онъ будетъ непремѣнно обязанъ поддерживать королевскихъ министровъ. И лордъ-лейтенантъ графства не удерживаетъ своего положенія только при этомъ условіи“.

2) Mahon, History of England, Lond. 1851, v. V, p. 79.

3) Энсонъ, назв. соч., 148.

ими руководящими факторами политической жизни — королемъ и народнымъ представительствомъ. Общины въ теченіе ряда вѣковъ борются, строго говоря, не за свободу слова какъ таковую, а за расширеніе своей компетенціи; иммунитетъ имъ нуженъ не какъ цѣль, а какъ средство; парламенту важно, чтобы ни корона, ни администрація, ни суды не вмѣшивались въ то, что онъ считаетъ своей сферой дѣятельности. Какъ совершенно вѣрно было замѣчено уже Hatsell'емъ — выдающимся знатокомъ парламентскихъ прецедентовъ — привилегіи всегда виндицировались парламентомъ ради безпрепятственнаго осуществленія имъ своихъ функціи, а отнюдъ не въ видахъ поставленія отдѣльныхъ его членовъ въ особое, льготное положеніе [1]). Между тѣмъ, начиная съ XVI в., эти функціи становятся все обширнѣе и обширнѣе, и парламентъ неудержимо стремится превратиться въ законодательный аппаратъ съ неограниченной компетенціей. Изъ за компетенціи и происходитъ борьба съ королевской властью, которая лишь крайне неохотно соглашается на умаленіе своей прерогативы и на вмѣшательство палатъ въ тѣ или другія области государственнаго управленія. Здѣсь, какъ и повсюду, нападеніе совершается по линіи наименьшаго сопротивленія: къ отвѣту привлекаются отдѣльные депутаты, сдѣлавшіе тѣ или другія предложенія или произнесшіе неугодныя правительству рѣчи, а не само собраніе, выслушавшее эти рѣчи или вынесшее соотвѣтственную резолюцію. Но подъ какимъ бы предлогомъ ни принимались репрессивныя мѣры, истинная ихъ цѣль всегда одна и та же: воспрепятствовать парламенту заняться той или другой категоріей дѣлъ, такъ или иначе расширить сферу своего вліянія.

Палатами это прекрасно понималось. Начиная съ конца XV в., имъ становится совершенно яснымъ, что за вопросомъ о свободѣ слова скрывается другой, гораздо болѣе жизненный и важный, именно вопросъ объ участіи ихъ въ политической жизни страны и, въ частности, въ законодательствѣ. Чтобы свободно законодательствовать, нужно имѣть возможность свободно говорить — таковъ смыслъ приведенной нами выше резолюціи 1667 г., заключающей въ

1) Цит. у Redlich, op. cit., 591, n. 1.

себѣ одну изъ первыхъ попытокъ теоретически обосновать иммунитетъ. И нужно сказать, что съ точки зрѣнія историческаго опыта, общины были совершенно правы: тамъ, гдѣ существуетъ нѣсколько конкурирующихъ органовъ, взаимное вмѣшательство въ сферу дѣятельности неизбѣжно. Въ данномъ же случаѣ рѣчь шла какъ разъ о сосредоточеніи одной функціи — законодательной — въ рукахъ одного органа — парламента. Но для осуществленія этой функціи палаты обладали лишь однимъ средствомъ: словомъ [1]). Борясь за свои права, они весьма скоро пришли къ убѣжденію, что всякое ограниченіе въ употребленіи этого средства грозитъ самому ихъ существованію. Точно также для короны опасностью угрожали не словесные эксцессы во время преній, а самый фактъ обсужденія парламентомъ тѣхъ или иныхъ дѣлъ, хотя бы и въ самыхъ осторожныхъ и изысканныхъ выраженіяхъ. Властолюбивые правители прекрасно знали, что они дѣлали, когда посылали въ Тоуэръ оппозиціонныхъ ораторовъ: они боролись за свою власть, за свое участіе въ законодательствѣ.

Политическая побѣда парламента въ концѣ XVII ст. оказалась синонимомъ полнаго торжества иммунитета. У полновластныхъ палатъ нѣтъ болѣе соперника, законодательная функція всецѣло въ ихъ рукахъ, и онѣ абсолютные хозяева того средства, при помощи котораго творится писаное право; парламентъ можетъ установлять какія-угодно нормы, развивать свою правотворческую дѣятельность въ любомъ направленіи — онъ этимъ не нарушаетъ ничьей компетенціи, ничьего права; его обсужденію подлежатъ любые предметы, ибо установить рамки для имѣющихъ быть созданными нормъ — невозможно. Его дѣятельность, какъ таковая, неподлежитъ контролю, за отсутствіемъ управомоченныхъ къ

1) По справедливому замѣчанію Redlich'a, „Regierung eines Staates durch ein Parlament — wie immer die staatsrechtliche und politische Machtbefugnis des letzteren beschaffen sein mag — ist diejenige Art der Regierung, die sich des Mittels der Rede als Motors und als wesentlicher Form ihrer Tätigkeit bedient. Parliamentary Government is Government by talking: so drückt dies kurz und bündig ein englischer Politiker aus ...“ „Im House of Commons gilt das Prinzip: Nichts ist im Besitze des Hauses, was ihm nicht durch mündliche Bekanntmachung, durch Rede mitgeteilt worden ist.“ Op. cit., 587, 588.

тому государственныхъ органовъ; по той же причинѣ безотвѣтственны во внѣ и лица, входящія въ составъ парламента.

Такова реальная подкладка привилегіи, какъ она выработалась подъ давленіемъ политическихъ отношеній. Свобода слова — результатъ противоположенія двухъ основныхъ факторовъ англійской государственной жизни и конкуренціи ихъ на почвѣ законодательной функціи. Происхожденіемъ своимъ она обязана не какому-нибудь теоретическому построенію, а насущнымъ жизненнымъ потребностямъ.

Въ англійской литературѣ это превосходно сознается. Мы выше видѣли, что уже въ XVIII в. не считали болѣе нужнымъ приводить какіе-либо доводы въ пользу необходимости иммунитета. Совершенно также обстоитъ дѣло и нынѣ. О свободѣ слова говорится какъ объ одномъ изъ устоевъ англійской конституціи, причемъ теоретическихъ соображеній либо не приводится вовсе, либо ограничиваются бѣглымъ указаніемъ на то, что привилегія составляетъ неотъемлемую принадлежность всякаго законодательнаго собранія [1]).

Свобода парламентскихъ преній, однако, ограждаетъ депутатовъ не только отъ покушеній со стороны короны, но и отъ притязаній со стороны частныхъ лицъ. Своими рѣчами члены палатъ могутъ затронуть интересы отдѣльныхъ гражданъ и совершить рядъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ уголовнымъ закономъ. Съ парламентской трибуны могутъ раздаваться брань, клевета и т. п. Между тѣмъ, принципъ свободы слова ведетъ къ иммунизированію и подобныхъ дѣяній.

Въ Англіи можно сказать, что этой стороны вопроса не существуетъ вовсе. Въ принципѣ засѣданія парламента непубличны; таковыми они были съ самаго начала, таковыми они остались и понынѣ. Такимъ образомъ, все происходящее въ парламентѣ есть res interna, о которой изъ

1) Такъ, напр., Medley, A student's manual of english constitutional history, 2-d. ed., Lond. 1898, p. 246 говоритъ, что „it (freedom of speech) is in fact a natural and necessary adjunct of any popular assembly". May, op. cit., I, 101: „la liberté de la parole est un privilège essentiel à toute assemblée ou législature libre". Громадное большинство авторовъ ограничивается ссылкой на историческое происхожденіе иммунитета.

посторонних̀ъ никто не можетъ быть освѣдомленъ, по крайней мѣрѣ оффиціально. При такихъ условіяхъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности ораторовъ со стороны заинтересованныхъ лицъ самъ собою отпадаетъ. Благодаря легальной фикціи, рѣчи членовъ палатъ презумируются извѣстными только самому парламенту. Въ этомъ отношеніи привилегія, какъ видно, сохранила свой древній, первоначальный характеръ — рефлекса непубличности засѣданій [1]).

§ 21. Переходимъ къ разсмотрѣнію юридической структуры иммунитета. Сущность его заключается въ томъ, что за все сказанное ими при исполненіи своихъ обязанностей члены парламента не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности внѣ парламента ни въ уголовномъ, ни въ гражданскомъ, ни въ дисциплинарномъ порядкѣ. Такова общая формула. Ближайшее же опредѣленіе ея содержанія представляетъ извѣстныя затрудненія, такъ какъ юридическая конструкція парламентскихъ привилегій вообще и freedom of speech въ частности страдаетъ и по сіе время нѣкоторою неопредѣленностью. На эту сторону дѣла уже указывалъ Блэкстонъ, который считалъ, что эта неопредѣленность какъ разъ споспѣшествуетъ достоинству и независимости обѣихъ палатъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ исполнительной власти легко было бы обходить нормы, регулирующія привилегіи [2]).

---

1) Англійскіе авторы на разсматриваемой сторонѣ вопроса не останавливаются вовсе. Едва ли не единственное исключеніе составляетъ May, который указываетъ на то, что „si un membre ne disait rien d'outrageant pour la Chambre ou la chair, ou de personnellement injurieux pour d'autres membres, ou de contraire à d'autres règlements de la Chambre, il pourrait dire tout ce qu'il pense convenable au débat, quelque offensant que cela puisse être contre les sentiments, ou injurieux pour le caractère de tels ou tels individus; et il est, par son privilège, protégé contre toute action en justice pour diffamation, aussi bien que contre toute autre question ou vexation". Op. cit., I, 105. Судъ королевской скамьи категорически сталъ на эту точку зрѣнія въ дѣлѣ Dillon v. Balfour.

2) Blackstone-Chompré, I, 287: „Si donc tous les privilèges du parlement eussent été fixés et règlés à la fois, et à l'exclusion de tout autre privilège que ceux qui eussent été ainsi définis et déterminés, il eut été facile au pouvoir exécutif d'imaginer quelques cas nouveaux hors de la ligne de ces privilèges et de se créer ainsi un prétexte pour attaquer tout membre qui lui serait contraire, et violer la liberté du parlement. La dignité et

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что строгой и опредѣленной грани между компетенціей парламента, съ одной стороны, и судовъ — съ другой, по вопросамъ, касающимся привилегій, не проведено и по сію пору. Какъ вѣрно замѣчаетъ Редлихъ, прецеденты и судебныя рѣшенія принципіально не разграничили общаго права отъ парламентскихъ привилегій [1]). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если припомнить историческое происхожденіе послѣднихъ, ихъ судьбу и, въ особенности, то, что онѣ постоянно регулировались обычаемъ, не кристаллизуясь въ формѣ писанаго права.

Содержаніе свободы слова, какъ мы уже сказали, сводится къ безотвѣтственности членовъ палатъ. Но эта безотвѣтственность отнюдь не тождественна съ безнаказанностью. Англійскій парламентъ никогда не требовалъ для своихъ членовъ права на совершеніе преступленій, хотя бы и словомъ. Его домогательства всегда сводились къ автономной юрисдикціи по дѣламъ этого рода. Свобода слова, такимъ образомъ, всегда означала неподсудность другимъ учрежденіямъ дѣяній, совершенныхъ лордами и коммонерами при исполненіи ими своихъ обязанностей [2]). Это, прежде всего, непосредственно вытекаетъ изъ текста ст. 9 Билля о Правахъ, являющейся и понынѣ формальнымъ основаніемъ привилегіи. Статья прямо запрещаетъ имѣть сужденіе о словесныхъ проступкахъ депутатовъ въ иномъ мѣстѣ, кромѣ парламента, а въ той части Билля, гдѣ приводятся мотивы, заставившіе общины и лордовъ потребовать отъ претендента особое тор-

---

l'indépendance des deux chambres sont donc préservées à un haut degré, en ce que leurs privilèges sont restés indéfinis". Противъ этой точки зрѣнія, однако, уже рѣзко протестовалъ Christian. Въ болѣе позднихъ изданіяхъ Комментарій приведеннаго passus'a больше нѣтъ.

1) Op. cit., 416. Ср. May, op. cit., I, 139: „il serait, par conséquent, présomptueux de déterminer la juridiction des cours ou les limites du privilège parlementaire".

2) Въ англійской литературѣ эта конструкція привилегіи пользуется всеобщимъ признаніемъ. См. мѣткую формулировку у Lawrence Lowell, The government of England, N.-Y. 1908, I, 243: „A man cannot, therefore, be prosecuted criminally, or made civilly responsible, for anything he has said in the House; although the House itself may punish what it deems an abuse of the forms of debate".

жественное подтвержденіе ихъ правъ и вольностей, п. 8 приводитъ въ качествѣ примѣра незаконномѣрныхъ поступковъ Якова II то, что онъ „разбиралъ въ судѣ королевской скамьи дѣла и тяжбы, подлежащія исключительному вѣдѣнію парламента“ [1]). Привилегія, такимъ образомъ, отождествляется съ исключительною подсудностью парламенту.

На самомъ дѣлѣ, въ теченіе всей своей исторіи парламентъ ни разу не добивался безнаказанности своихъ членовъ; всѣ конфликты съ короной, какъ мы неоднократно имѣли случай отмѣтить, съ формальной стороны носили характеръ спора о подсудности. На налагаемыя имъ за словесные эксцессы взысканія парламентъ неизмѣнно смотрѣлъ, какъ на мѣры, замѣняющія судебныя кары, придавая т. наз. lex et consuetudo parliamenti характеръ системы нормъ, конкурирующихъ съ общимъ правомъ страны.

§ 22. Карательныя мѣры, которыми располагаютъ палаты, сводятся въ настоящее время къ слѣдующимъ [2]).

1°. Призывъ къ порядку;

2°. Лишеніе слова;

3°. Исключеніе на одно засѣданіе;

4°. Названіе спикеромъ провинившагося члена по имени (naming the member).

Эта мѣра, въ свою очередь, влечетъ за собой одно изъ слѣдующихъ послѣдствій:

a) лишеніе виновника права нести службу въ парламентѣ на опредѣленный срокъ;

b) исключеніе виновника изъ состава парламента;

c) лишеніе виновника свободы.

---

1) Непосредственнымъ поводомъ къ включенію этого пункта въ первую часть Билля послужило дѣло спикера палаты общинъ, сэра William'a Williams'a. Послѣдній, по распоряженію палаты, напечаталъ трактатъ подъ заглавіемъ Dangerfield's Narrative, въ которомъ заключались нападки противъ герцога Іоркскаго, впослѣдствіи Якова II. Въ 1684 г. W. преданъ былъ за это суду королевской скамьи, который, отвергнувъ предъявленный подсудимымъ отводъ, призналъ себя компетентнымъ и приговорилъ W. къ штрафу въ 10,000 фунтовъ. Общины, возмущенныя этимъ приговоромъ, признали его незаконнымъ и противорѣчащимъ парламентскимъ привилегіямъ. May, op. cit., I. 147.

2) Redlich, op. cit., 618; Weigel, op. cit., 9 ff.; Reynaert, op. cit., I, p. 22 et suiv.

Остановимся вкратцѣ на этихъ мѣрахъ понужденія[1]). Призывъ къ порядку исходитъ отъ предсѣдателя собранія[2]), причемъ возраженій со стороны прерваннаго оратора не допускается. Послѣдній долженъ дать палатѣ соотвѣтственное объясненіе или взять свои слова обратно; въ противномъ случаѣ наступаютъ послѣдствія, предусмотренныя ст. 18 и 20 наказа палаты[3]). Лишеніе слова предсѣдателемъ собранія имѣетъ мѣсто, когда ораторъ повторно уклонялся отъ сути дѣла и нѣсколько разъ былъ останавливаемъ[4]). Исключеніе члена палаты на одно засѣданіе (вѣрнѣе на оставшуюся часть даннаго засѣданія) можетъ послѣдовать за „disordely conduct“, т. е. за грубое нарушеніе порядка. Въ случаѣ сопротивленія со стороны провинившагося, его выводитъ изъ зала засѣданій приставъ палаты (sergeant-at-arms)[5]). Если же депутатъ упорно не повинуется предсѣдателю или явно нарушаетъ установленный порядокъ дѣлопроизводства, то спикеръ (или чермэнъ), на-

---

1) Слѣдуетъ замѣтить, что до послѣдней четверти XIX ст. спикеръ располагалъ лишь двумя дисциплинарными средствами: призывомъ къ порядку безъ названія члена палаты по имени и призывъ къ порядку съ таковымъ названіемъ. Поведеніе ирландскихъ депутатовъ въ 1877 и слѣдующихъ годахъ побудило палату пересмотрѣть свой регламентъ и усилить мѣры репрессіи для борьбы съ обструкціей. Въ основаніи современной редакціи соотвѣтственныхъ статей наказа лежатъ резолюціи 1880, 1882, 1887, 1888 и 1902 г.г. Объ обструкціи ирландцевъ и ея послѣдствіяхъ см. Reynaert, op. cit., I, 39—45, 382—431, II, 396—434; также Бранденбургъ, Парламентская обструкція, Журн. Мин. Юст., 1906, № 3, стр. 164 и слѣд.

2) Т. е. отъ спикера въ общемъ собраніи и отъ чермэна въ комитетахъ.

3) Redlich, op. cit., 619; May, op. cit., I, 105.

4) Standing order (наказъ палаты общинъ), § 19, даетъ слѣдующія указанія: „Mr. Speaker or the chairman, after having called the attention of the house, or of the committee, to the conduct of a member who persists in irrelevance, or tedious repetition either of his own arguments, or of the arguments used by other members in debate, may direct him to discontinue his speech“. Текстъ дѣйствующаго наказа см. у Redlich'a, op. cit., Anhang, S. 808 ff., а также въ изданномъ клэркомъ палаты общинъ (sir Courtenay Ilbert) Manual of procedure in the public business of the House of Commons, Lond. 1904, p. 239 fol. Ср. § 23 (мѣры на случай обструкціи).

5) Stand. Ord., § 20.

звавъ этого депутата по имени, можетъ предложить палатѣ лишить его права „нести службу“ въ парламентѣ[1]).

Что же касается исключенія депутата изъ состава палаты, то оно обыкновенно примѣняется лишь тогда, когда депутатъ уже осужденъ былъ какою-либо судебной инстанціей за дѣяніе, несовмѣстимое со званіемъ члена парламента[2]). Исходитъ оно не отъ спикера, а отъ самой палаты, которая постановляетъ свое рѣшеніе по ознакомленіи съ производствомъ суда или съ заключеніемъ особой, ad hoc избранной коммиссіи.

Наконецъ, право каждой изъ палатъ подвергать своихъ членовъ аресту возникло, какъ мы видѣли, въ XVI ст.[3]) и неоднократно признавалось высшими судами королевства какъ относительно лордовъ, такъ и относительно общинъ[4]).

Таковы тѣ взысканія, которыя могутъ быть налагаемы палатами на своихъ членовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ, несомнѣнно, дисциплинарный характеръ. Сюда относятся: лишеніе слова, призывъ къ порядку и исключеніе на одно засѣданіе. Что же касается другихъ взысканій, а въ особенности лишенія свободы, то относительно ихъ юридической природы въ литературѣ существуетъ споръ. По мнѣнію однихъ авторовъ, какъ напр. Fuld'a[5]) и Seidler'a[6])

1) До 1902 г. максимальный срокъ этого наказанія былъ опредѣленъ въ одинъ мѣсяцъ. П. 2 § 18 Stand. Ord. гласилъ, что „if any member be suspended under this order, his suspension on the first occasion shall continue for one week, on the second occasion, for a fortnight, and on the third, or any subsequent occasion, for a month“. Резолюціей отъ 13 февраля 1902 г. былъ вычеркнутъ конецъ параграфа, начиная со слова „shall“, такъ что въ настоящее время исключеніе депутата длится до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ новое рѣшеніе палаты, см. Redlich, op. cit., 621—623.

2) См. у May, op. cit., I, 58, примѣрное перечисленіе этихъ дѣяній.

3) См. выше, стр. 58.

4) May, op. cit., I, 66—70. При примѣненіи этого наказанія между положеніемъ общинъ и лордовъ имѣется существенное различіе. Нижняя палата вправѣ задержать виновное лицо лишь до окончанія сессіи, верхняя же можетъ назначить любой срокъ. Поэтому при пророгаціи всѣ заключенные по распоряженію общинъ eo ipso освобождаются. Въ случаѣ задержанія сверхъ этого срока они могутъ потребовать приказа о habeas corpus.

5) Loc. cit., 515.

6) Op. cit., 34.

мы, въ данномъ случаѣ, имѣемъ дѣло съ обще-уголовной репрессіей; для другихъ, какъ Hubrich[1]) и Weigel[2]), всѣ взысканія, налагаемыя парламентомъ, суть исключительно проявленія его дисциплинарной власти. Доводы, приводимые писателями второй категоріи сводятся къ тому, что парламентъ распространяетъ свой контроль не только на словесные эксцессы своихъ членовъ, но и вообще на поведеніе ихъ въ стѣнахъ парламента и внѣ его, привлекая къ отвѣтственности ихъ за всякаго рода предосудительные поступки, недостойные званія народнаго представителя. Поэтому карательная власть палатъ распространяется и на такія дѣянія, которыя вовсе не предусмотрѣны уголовными законами; съ другой стороны, палаты часто налагаютъ взысканія за такіе поступки, которые уже безъ того повлекли за собой для виновниковъ судебное преслѣдованіе.

Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, намъ необходимо нѣсколько остановиться на характерѣ судебной власти, принадлежащей палатамъ. На самомъ дѣлѣ, если приведенныя соображенія вѣрны, то отпадаетъ конструкція безотвѣтственности, какъ исключительной подсудности парламенту словесныхъ правонарушеній, совершенныхъ въ его стѣнахъ. Слѣдуетъ признать тогда, что эти дѣянія ненаказуемы и что именно въ этомъ заключается существо привилегіи[3]).

„Лорды, въ своей палатѣ, читаемъ мы въ „Институціяхъ“ Кока, пользуются судебною властью, общины въ своей палатѣ пользуются судебною властью. Обѣ палаты, соединенныя вмѣстѣ, пользуются судебною властью“[4]). „У парламента есть три вида власти, говоритъ сэръ B. Atkins: власть законодательная, благодаря чему онъ называется

1) Op. cit., 28.

2) Op. cit., 7.

3) Нельзя не отмѣтить, что Weigel, стоящій на точкѣ зрѣнія исключительно-дисциплинарнаго характера парламентской власти, на стр. 5 отстаиваетъ, не замѣчая, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе, конструкцію иммунитета, какъ исключительной подсудности: „Diese Gewährleistung der Freiheit der Rede in beiden Häusern schliesst aber keineswegs in sich, dass die Parlamentsmitglieder frei von Verfolgungen aller in Ausübung des parlamentarischen Berufes erfolgenden Wortexzesse sein sollen; sie bedeutet vielmehr, dass beide Häuser ausschliesslich zuständig sind, die Gerichtsbarkeit in den eigenen Angelegenheiten auszuüben“.

4) IV, Inst. c. 1,23 (цит. у Энсона, назв. соч., 323).

тремя сословіями государства, власть судебная, вслѣдствіе чего его называютъ magna curia или High Court of Parliament, и власть совѣщательная, давшая ему названіе commune concilium regni“ [1]).

Судебная власть, въ свою очередь, характеризуется Энсономъ слѣдующимъ образомъ. „Каждая изъ палатъ пользуется юрисдикціею по отношенію къ своимъ членамъ, а равно и къ лицамъ, не входящимъ въ ея составъ, въ случаѣ явнаго нарушенія ея приказаній. Обѣ палаты пользуются извѣстной судебной властью въ вопросахъ, затрагивающихъ ихъ внутреннее устройство или право на занятіе депутатскаго мѣста въ парламентѣ. Палата лордовъ можетъ судить своихъ собственныхъ членовъ за совершенныя ими преступленія или государственную измѣну; кромѣ того, она является высшимъ аппеляціоннымъ судомъ Соединеннаго Королевства. Наконецъ, при совмѣстной дѣятельности палатъ, лорды могутъ разсматривать уголовныя преступленія и выносить вердикты по возбужденнымъ общинами обвиненіямъ и вотировать вмѣстѣ съ ними bill of attainder, представляемый на утвержденіе коронѣ“ [2]).

Такимъ образомъ, судебная власть парламента проявляется въ троякомъ направленіи.

1) Обѣ палаты дѣйствуютъ совмѣстно; сюда относятся случаи impeachment и bill of attainder.

2) Палата лордовъ функціонируетъ въ качествѣ высшей инстанціи.

3) Каждая изъ палатъ дѣйствуетъ въ качествѣ суда первой инстанціи. При этомъ юрисдикція лордовъ и общинъ, по принадлежности, распространяется на всѣхъ вообще лицъ, виновныхъ въ breach of privilege. Верхняя палата, кромѣ того, пользуется исключительной юрисдикціей относительно своихъ членовъ по наиболѣе важнымъ уголовнымъ преступленіямъ (judicium parium, trial by peers) [3]).

---

1) См. Broom, Constitutional law, 2 ed., Lond. 1885, p. 841.

2) Назв. соч., 324.

3) Сюда относится treason, felony и соучастіе (indivision) въ нихъ; misdemeanours же разсматриваются общими судебными инстанціями, May, op. cit., II, 312; Hatschek, op. cit., I, 535. О судебныхъ правахъ верхней палаты см. Gerland, Die englische Gerichtsverfassung, Lpz. 1910, S. 577 ff.

Для насъ, въ данной связи, имѣетъ значеніе лишь первая часть п. 3. На роли палатъ, какъ судовъ первой инстанціи, мы теперь вкратцѣ и остановимся.

Понятіе „нарушенія привилегій“ опредѣляется Мау'емъ слѣдующимъ образомъ. „Упорное неповиновеніе приказаніямъ, входящимъ въ его компетенцію, составляетъ оскорбленіе для всякаго суда; точно также неповиновеніе приказаніямъ и распоряженіямъ парламента, поскольку этимъ послѣднимъ осуществляются его конституціонныя функціи, разсматривается какъ нарушеніе привилегій. Оскорбленія, нанесенныя палатѣ въ ея цѣломъ или одному изъ ея членовъ, равно какъ сопротивленіе суть также contempt и, согласно lex parlamentaria, нарушеніе привилегій. Было бы безполезно пытаться перечислить всѣ дѣйствія, которыя могутъ разсматриваться, какъ нарушеніе привилегій; но нѣкоторыя общія начала могутъ быть выведены изъ протоколовъ парламента и послужить для выясненія отправныхъ точекъ зрѣнія lex parlamentaria.

Нарушенія привилегій раздѣляются на: 1^0 неповиновеніе общимъ распоряженіямъ той или другой палаты; 2^0 неповиновеніе частному распоряженію; 3^0 оскорбленіе, нанесенное парламенту, поскольку дѣло касается его достоинства вообще или его дѣлопроизводства; 4^0 нападеніе на членовъ палатъ, оскорбленіе ихъ, замѣчанія относительно ихъ характера или поведенія въ парламентѣ, и препятствованіе агентамъ палатъ исполнять свои служебныя обязанности“ [1]).

Какъ видно, понятіе breach of privilege отличается довольно большою неопредѣленностью и имѣетъ весьма широкое и разнообразное содержаніе. Какъ видъ contempt of court [2]), оно обнимаетъ собою всякое неповиновеніе приказа-

1) Op. cit., I, 75.

2) Contempt of court — неуваженіе къ суду — по признанію всѣхъ англійскихъ писателей не поддается точному опредѣленію, см. Encyclopedia of the laws of England (Wood Renton), v. III, p. 312. По опредѣленію Oswald'a, Contempt of court, Committal and Attachment and Arrest upon Civil Process in the Supreme Gourt of Judicates, 1892, „c. of. c. may be said to be consituted by any conduct that tends to bring the authority and administration of the law into disrespect or disregard, or to interfere with, or prejudices parties litigants, or then witnesses during the litigation“. Цит. у Gerland, op. cit., 828, n. 2. У того же автора см. подробный разборъ понятія c. of. c., S. 826 ff.

ніямъ палатъ и всякое нанесенное имъ оскорбленіе. Сюда относятся, напр., опубликованіе дебатовъ палатъ (см. ниже), изданіе libel или пасквиля[1]) на парламентъ, оскорбленія, наносимыя членамъ палатъ или служащимъ ихъ, подкупъ свидѣтелей, имѣющихъ дать показанія въ палатахъ и т. п.

Возникаетъ теперь вопросъ: каковъ характеръ юрисдикціи парламента по дѣламъ о нарушеніи привилегій?

Наказанія, могущія быть назначенными палатами своимъ собственнымъ членамъ, нами были указаны выше. По отношенію же къ постороннимъ, палаты вправѣ, прежде всего, вызвать виновныхъ къ рѣшеткѣ и сдѣлать имъ черезъ спикера замѣчаніе (admonition), причемъ въ случаѣ принесенія извиненія вызванное лицо можетъ замѣчаніе и избѣгнуть. Далѣе, идетъ выговоръ (reprimand), которому предшествуетъ взятіе обвиняемаго подъ стражу (to the custody)[2]).

Лишеніе свободы и составляетъ реальную санкцію всего института breach of privilege. Изъ за примѣненіе этой мѣры и возникали всѣ тѣ конфликты съ общими судебными мѣстами, которые имѣли мѣсто въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій.

Прежде всего спорнымъ было — и до извѣстной степени осталось и понынѣ — самое право парламента прибѣгать къ лишенію свободы. Нужно сказать, что мѣсто, занимаемое парламентомъ и, въ особенности, нижней палатой въ общей системѣ судебныхъ установленій, никогда не было съ точностью опредѣлено. Долгое время общины требовали, чтобы за ними признавалось значеніе court of record[3]), имѣющаго

---

1) Подъ libel въ англійскомъ правѣ понимается „a slander in writing, or in print, or by pictorial or other representation“, см. Josiat W. Smith, A manual of common law, 10 ed., Lond. 1887, p. 34. По опредѣленію другого автора (Folkard, Slander and libel) „anything which implies or may be generally unterstood to imply, reproach, scandal or ridicule to any person is a libel“, см. Wertheim, Wörterbuch des englischen Rechts, Berl. 1899, s. v. „Libel“.

2) „Въ прежнія времена, говоритъ Энсонъ, назв. соч., 163, палата общинъ налагала штрафъ за нарушеніе привилегій, но это было прекращено за исключеніемъ уплаты извѣстной суммы (fee), какъ условія, предшествовавшаго выпуску изъ заключенія, которая имѣетъ все-таки свойство штрафа“. О прежней практикѣ въ дѣлѣ наложенія штрафовъ см. de Franqueville, op. cit., III, 312, 313; May, op. cit., I, 80, 96, 97.

3) Подъ c. of r. подразумѣваются тѣ суды, производство которыхъ протоколируется „для постоянной памяти и свидѣтельства“ (for a perpe-

право налагать наказаніе за contempt. Но это домогательство постоянно встрѣчало отпоръ со стороны общихъ судебныхъ установленій [1]). Въ новѣйшее время парламентъ, повидимому, отказался отъ своего притязанія функціонировать въ качествѣ court of record. Поэтому, теоретическое обоснованіе его карательной власти и, въ частности, права лишать гражданъ свободы представляетъ извѣстныя трудности. Новѣйшія судебныя рѣшенія, признающія это право парламента, выставляютъ различныя основанія. Вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ извѣстное дѣло Burdett v. Abbot [2]). Членъ палаты общинъ Francis Burdett, противъ котораго былъ выданъ спикеромъ приказъ объ арестѣ, отказался ему подчиниться и подалъ жалобу въ судъ королевской скамьи. Судъ призналъ жалобу неосновательной, причемъ судья лордъ Ellenborough мотивировалъ свое рѣшеніе тѣмъ, что парламенту по необходимости должна быть предоставляема карательная власть, такъ какъ безъ нея онъ былъ бы безсиленъ и потерялъ бы свое высокое значеніе. Юридическимъ же титуломъ права палатъ лордъ Ellenborough призналъ давность [3]).

Въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, однако, возникали болѣе или менѣе острые конфликты между судами и палатами. Наибольшею извѣстностью въ этомъ отношеніи пользуются дѣла Stockdale v. Hansard (см. ниже), Jay v. Topham, Aschby v. White, Howard v. Grosset и нѣк. др. [4]).

Такимъ образомъ, точная демаркаціонная линія между компетенціей палатъ и судовъ по вопросамъ, касающимся привилегій, по настоящее время не проведена, и едва ли это удастся сдѣлать иначе, какъ законодательнымъ путемъ. Но

---

tual memory and testimony) и которые могутъ налагать наказаніе за contempt. При этомъ одни изъ нихъ — т. наз. superior courts — имѣютъ неограниченную карательную власть, другіе же — inferior courts. — могутъ наказывать только въ томъ случаѣ, если contempt совершено въ присутствіи суда. Gerland, op. cit., 1, n., 833 ff.

1) May, op. cit., I, 97; Энсонъ, назв. соч., 165. Какъ мы выше видѣли (стр. 70, прим. 1), въ дѣлѣ Эліота судьи затруднились уравнить парламентъ съ общими судами.

2) См. May-Oppenheim, op. cit., I, 374.

3) „These privileges exict, if at all, by prescription, in virtue of a long course of practice or user“, см. Broom, op. cit., 969.

4) См. May, Traité, I, 148—155.

въ томъ, что палата по этимъ вопросамъ обладаетъ истинной карательной властью, не можетъ быть сомнѣнія. Дѣйствію этой власти при этомъ подпадаютъ не только постороннія лица, но и сами члены парламента. Право подвергать тюремному заключенію, какъ затрагивающее существенныя права личности, никогда не разсматривалось — по крайней мѣрѣ въ Англіи — какъ простая дисциплинарная мѣра, и попытки провести различіе между примѣненіемъ этого наказанія къ третьимъ лицамъ и членамъ самого парламента[1]) должны быть признаны несостоятельными. Оба вида карательной власти не только возникли одновременно, но всегда основывались на томъ же самомъ же юридическомъ титулѣ, причемъ сами взысканія неизмѣнно разсматривались, какъ уголовныя наказанія[2]).

§ 23. Переходимъ къ разсмотрѣнію объема привилегіи. Согласно общему правилу, освященному вѣковой практикой, надзоръ за порядкомъ въ зданіи парламента принадлежитъ самимъ палатамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ подсудны всѣ дѣла, возникающія въ отведенныхъ имъ помѣщеніяхъ, за исклю-

1) Hubrich и Weigel, loc. cit.

2) Проводя параллель между англійскимъ и французскимъ правомъ, Seidler, op. cit., 33, 34, совершенно вѣрно указываетъ на то, что „gegenüber den ausserhalb des Parlamentes stehenden Gewalten hat das Privileg der Volksvertreter hinsichtlich der in Ausübung ihres Berufes gemachten Aeusserungen in beiden Staaten den gleichen Inhalt; allein das englische Recht hat die Unverantwortlichkeit der Parlamentsmitglieder nie im Sinne absoluter Straflosigkeit verstanden, sondern die Unverantwortlichkeit nach aussen durch die strafrechtliche und nicht bloss disciplinäre Verantwortlichkeit nach innen, gegenüber dem Parlamente selbst ersetzt. Das französische Recht ist hierin nicht gefolgt und hat eine absolute Unverantwortlichkeit der Volksvertreter statuirt. Während also das englische Recht das Mass der Redefreiheit dem Parlamente zu bestimmen überlässt, hat das französische Recht auch diese Schranke der individuellen Freiheit der einzelnen Volksvertreter beseitigt, und anerkennt keine andere rechtliche Macht über der parlamentarischen Berufsübung, als das Gewissen der einzelnen Deputaten“. Не вполнѣ правильна формулировка v. Bar'a, Gesetz und Schuld im Strafrecht, Berl. 1906, I, 239: „...ein Privileg zunächst nicht der einzelnen Mitglieder, sonbern des Parlaments (des einzelnen Hauses) als solchen, vermöge denen Beratungen im Parlamente als Unrecht nicht betrachtet werden dürfen; sie existieren, insoweit Unrechtsfolgen daran nach sonstigen Rechtssätzen geknüpft werden könnten, für die Gerichte nicht“. Совершенные депутатами деликты остаются неправдой: они лишь не подвѣдомственны общимъ судамъ.

ченіемъ уголовныхъ преступленій. Такъ изображаетъ компетенцію парламента въ его "внутреннихъ" дѣлахъ такой авторитетъ, какъ Энсонъ[1]). Нельзя, однако, сказать, чтобы указанное правило отличалось полной опредѣленностью и проводило совершенно ясную грань между полномочіями парламента и общихъ судебныхъ инстанцій.

Если въ стѣнахъ Вестминстерскаго дворца будетъ совершено убійство, кража, или иное покушеніе на жизнь и имущество, то нѣтъ сомнѣнія что дѣло окажется подсуднымъ общимъ судамъ. Проступки этого рода ни при какихъ условіяхъ не могутъ быть подведены подъ понятіе „its own internal concerns", вѣдѣніе коихъ предоставлено самимъ палатамъ. Но иначе обстоитъ дѣло при преступленіяхъ, совершаемыхъ словомъ. Оскорбленіе, клевета, мятежныя рѣчи и т. п. принадлежатъ къ числу такихъ поступковъ, которые, будучи совершены депутатомъ при исполненіи имъ своихъ обязанностей, безусловно покрыты безотвѣтственностью — въ Англіи какъ и въ громадномъ большинствѣ континентальныхъ государствъ. Особенностью же англійскаго права является то, что эти дѣянія подсудны палатамъ, по принадлежности, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершены членами парламента и не во время засѣданія, напр. во время перерыва или внѣ зала, гдѣ происходятъ дебаты. Такъ, въ 1877 г. Sullivan, членъ общинъ, былъ оскорбленъ однимъ изъ своихъ коллегъ, Dr. Kenealy въ боковомъ кулуарѣ Вестминстерскаго дворца. Палата принудила Kenealy взять оскорбительныя слова обратно и принести извиненія. Въ другомъ случаѣ, однако, имѣвшемъ мѣсто въ 1881 г., спикеръ отказался высказать свое мнѣніе[2]). Такимъ образомъ, въ палатѣ общинъ вопросъ не можетъ считаться окончательно разрѣшеннымъ. Что же касается верхней палаты, то согласно § 29 Stand. Ord., основанному на резолюціи 9 авг. 1641 г., если лордъ думаетъ, что онъ получилъ оскорбленіе или обиду отъ какого нибудь другого члена палаты во время засѣданія послѣдней или въ какомъ-нибудь комитетѣ, или въ одномъ изъ помѣщеній, принадлежащихъ палатѣ, то онъ имѣетъ обратиться за полученіемъ удовлетворенія къ

1) Назв, соч. 161. У него же см. дѣло Bradlaugh v. Gosset.
2) May, op. cit., I, 374.

лордамъ парламента; если онъ этого не сдѣлаетъ, станетъ вызывать или поддерживать ссоры или отклонитъ юрисдикцію палаты, то онъ подлежитъ строгому выговору со стороны послѣдней [1]).

Что же касается постороннихъ лицъ, то они, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, допускаются лишь въ особо отведенныя для нихъ помѣщенія. Надзоръ за ихъ поведеніемъ порученъ, согласно § 88 наказа общинъ, приставу, который за неподобающее поведеніе можетъ взять виновника подъ стражу, причемъ арестованное лицо подлежитъ освобожденію лишь по спеціальному распоряженію палаты. Не можетъ быть, далѣе, никакого сомнѣнія въ томъ, что преступленіе, совершенное постороннимъ въ зданіи палаты, подсудно общимъ судебнымъ установленіямъ. Спорнымъ могъ бы явиться лишь вопросъ о словесныхъ проступкахъ (брань, угрозы, оскорбленія и т. п.); имѣются ли какіе-либо прецеденты, намъ неизвѣстно, но можно предположить, принимая во вниманіе общій характеръ дисциплинарно-карательной власти парламента, что подобныя дѣянія были бы подведены подъ понятіе misconduct и, какъ contempt of court, подлежали бы юрисдикціи палатъ.

Наконецъ, привилегія покрываетъ собой и всѣ показанія, даваемыя передъ палатами или комитетами вызванными по тѣмъ или другимъ дѣламъ свидѣтелями, экспертами, или сторонами. Всѣ эти лица, относительно безотвѣтственности, поставлены въ одинаковое съ депутатами положеніе. Это твердо установлено цѣлымъ рядомъ прецедентовъ [2]) и въ настоящее время не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Такимъ образомъ, иммунитетъ распространяется на все то, что имѣетъ отношеніе къ осуществленію парламентомъ своихъ функцій [3]), независимо отъ того, кѣмъ произнесены рѣчи,

1) Иногда верхняя палата шла еще дальше и вмѣшивалась въ распри, возникавшія внѣ ея стѣнъ. Такъ, въ 1780 г., она посадила въ Тоуэръ графа Pomfret'a, пославшаго вызовъ герцогу Grafton'y, May, op. cit., I, 360. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что какъ лорды, такъ и общины считаютъ себя вправѣ предупреждать дуэли между своими членами и карають самый вызовъ, см. Reynaert, op. cit., I, 26.

2) May, op. cit., I, 133—138.

3) На этомъ основаніи переводъ выраженія ст. 9 Билля о Правахъ „proceedings“ черезъ „производство“ представляется наиболѣе соотвѣтствующимъ духу англійскаго права. Онъ, во всякомъ случаѣ, точнѣе терминовъ „актовъ“ или „всего происходящаго“, см. выше, стр. 83, прим.

высказаны сужденія и т. п. Привилегія имѣетъ поэтому не личный, а реальный характеръ[1]): она создаетъ спеціальный forum не для опредѣленныхъ лицъ, а для опредѣленныхъ дѣлъ. Въ этомъ заключается ея сущность и ея содержаніе.

Въ заключеніе этого разбора юридической структуры безотвѣтственности мы должны еще указать на одну особенность англійскаго права, находящуюся въ тѣсной связи съ свободой рѣчи, а именно на то, что подаваемыя въ парламентъ петиціи также подпадаютъ подъ дѣйствіе привилегіи. Это правило было твердо установлено въ дѣлѣ Lake, причемъ судъ призналъ, что каково бы ни было содержаніе петиціи, основаніемъ для вчиненія иска оно послужить не можетъ[2]).

VII.

Постороннія лица, отчеты о засѣданіяхъ и парламентскіе документы.

§ 24. Намъ неоднократно уже приходилось отмѣчать тотъ фактъ, что англійскій парламентъ съ первыхъ дней своего существованія твердо держался начала непубличности своихъ засѣданій[3]). Въ принципѣ и понынѣ всѣ совѣщанія палатъ происходятъ при закрытыхъ дверяхъ. Но только въ принципѣ, такъ какъ практика сравнительно давно уже отступила отъ этого ригоризма; согласно установившемуся за послѣднія полтораста лѣтъ usus'у, засѣданія англійскаго парламента не менѣе доступны для посторонней публики, чѣмъ, напр., засѣданія германскаго Рейхстага или нашей Государственной Думы. Благодаря этому создалось любопытное положеніе вещей, при которомъ strictum jus находится въ непрекращающейся коллизіи съ фактомъ.

Въ первые вѣка своего существованія палаты ревниво оберегаютъ свою привилегію и принимаютъ строгія репрессивныя мѣры по отношенію къ постороннимъ. Въ этомъ отношеніи особой безпощадностью отличаются парламенты

---

1) Это совершенно правильно отмѣчается Seidler'омъ, op. cit., 7, 10; ему слѣдуютъ Hubrich, op. cit., 25, фонъ-Резонъ, назв. соч., 4, 5 и Жижиленко, назв. соч., 7.

2) May, op. cit., 137.

3) См. выше, стр. 43 и слѣд.; 49 и слѣд.

эпохи царствованія Елизаветы[1]). Въ теченіе XVI и XVII ст. безпрестанно прибѣгаютъ къ различнымъ мѣрамъ предупрежденія наплыва публики: вводится процедура переклички депутатовъ (call of the house), двери во время засѣданій держатся на затворѣ, запрещается членамъ палатъ приводить съ собою знакомыхъ и т. п.[2]). Но все это мало помогаетъ: число желающихъ послушать парламентскія пренія все увеличивается, и палатамъ приходится постепенно уступать. Особенный наплывъ посѣтителей замѣчается во второй половинѣ XVIII в., когда посѣщеніе засѣданій парламента становится признакомъ хорошаго тона[3]). Присутствіе постороннихъ часто является даже стѣснительнымъ, мѣшая правильному ходу дѣлопроизводства[4]), вслѣдствіе чего парламенту приходится прибѣгать къ различнаго рода ограничительнымъ мѣрамъ[5]).

Въ настоящее время, въ палатѣ общинъ вопросъ о постороннихъ посѣтителяхъ регулируется слѣдующими правилами.

Для лицъ, не состоящихъ членами парламента, отведена особая галлерея, вмѣстимостью въ 160 человѣкъ, причемъ, какъ мы выше видѣли, надзоръ за ними порученъ приставу палаты. Пребываніе въ другихъ помѣщеніяхъ, кромѣ галлереи, также запрещено, подъ страхомъ ареста[6]). Для полученія доступа въ парламентъ требуется рекомендація одного изъ депутатовъ или дипломатическихъ пред-

---

1) См. Porritt, The unreformed House of Commons, Cambr. 1909, I, 576.

2) Redlich, op. cit., 287—289.

3) Moriz, посѣтившій Англію въ 1782 г. и присутствовавшій на одномъ засѣданіи парламента, отмѣчаетъ, что среди зрителей на галлереѣ для постороннихъ были люди всякаго званія (Leute von allerlei Stande), а также и дамы, см. Reisen eines Deutschen in England въ Deutsche Literaturdenkmale, 3-e Folge № 6, Berl. 1903, S. 37. Въ XVII в. женщины не допускались вовсе, de Franqueville, op. cit., III, 82.

4) Уже въ 1701 общины жалуются на то, что committee of privileges постоянно переполненъ посторонней публикой, благодаря чему производство дѣлъ сильно затрудняется, Redlich, loc. cit. Въ 1771 г. одинъ изъ посѣтителей, при подсчетѣ голосовъ, былъ сосчитанъ вмѣстѣ съ членами нижней палаты, May-Oppenheim, op. cit., I, 339.

5) Подробности см. у Porritt'a и Redlich'a, loc. cit.

6) Stand. ord., § 88. Эти постановленія основаны на резолюціи 5 февраля 1845 г.

ставителей, аккредитованныхъ въ Лондонѣ, и при входѣ каждый посѣтитель обязанъ внести въ особую книгу свое имя и ской адресъ [1]).

Что же касается палаты лордовъ, то постановленія, касающіяся постороннихъ, отличаются большою сложностью. Согласно ст. VIII наказа, основанной на резолюціяхъ 18 апрѣля 1788 г. и 26 мая 1802 г., пока палата засѣдаетъ, никто не долженъ находиться въ предназначенныхъ для нея помѣщеніяхъ, за исключеніемъ лордовъ и пэровъ, несостоящихъ членами палаты общинъ и наслѣдниками пэровъ и пэрессъ по личному праву, а также лицъ, служащихъ въ палатѣ. Однако, и въ верхней палатѣ имѣется особая галлерея для постороннихъ, на 120 человѣкъ, причемъ каждый пэръ располагаетъ двумя входными билетами. Затѣмъ, на основаніи доклада особой коммисіи, утвержденнаго 30 іюля 1848 г., спеціальныя помѣщенія отведены для пэрессъ, незамужнихъ дочерей пэровъ и пэрессъ по личному праву, а также для знатныхъ иностранокъ. Наконецъ, жены старшихъ сыновей пэровъ, замужнія дочери пэровъ и пэрессъ по личному праву допускаются на трибуны, отводимыя для старшихъ сыновей пэровъ на засѣданіяхъ, гдѣ присутствуетъ король [2]). Особыя мѣста отведены также для членовъ дипломатическаго корпуса [3]).

Несмотря на все это, юридически всѣ засѣданія палатъ считаются закрытыми [4]), и въ любой моментъ предсѣдатель собранія или любой членъ его можетъ потребовать удаленія всѣхъ постороннихъ. До 1875 г. достаточно было, чтобы депутатъ, вставъ съ своего мѣста, заявилъ: „я вижу здѣсь постороннихъ“. Подобный порядокъ вещей, однако, сопряженъ былъ съ большими неудобствами, такъ какъ удаленіе посторонней публики находилось въ зависимости отъ личнаго усмотрѣнія и каприза каждаго изъ членовъ

1) Это правило введено въ 1885 г. послѣ покушенія ирландскихъ феніевъ.

2) Для этихъ засѣданій установленъ особый церемоніаль, см. stand. ord., ст. I.

3) Резолюція 27 іюня 1850 г.

4) Вѣрнѣе сказать, англійскому праву вовсе чуждо понятіе открытаго засѣданія.

палаты [1]). Поэтому въ 1875 г. принята была резолюція (вошедшая въ составъ § 91 наказа), согласно которой, предварительно удаленія постороннихъ по требованію депутатовъ, производится баллотировка. Самое предложеніе объ удаленіи не можетъ вызвать ни преній, ни поправокъ.

Фактически, въ настоящее время всѣ засѣданія публичны. Но принципъ, тѣмъ не менѣе, сохраняется — на всякій случай, въ видѣ предохранительнаго клапана: предполагается, что не исключена возможность наступленія такихъ обстоятельствъ, при которыхъ сохраненіе тайны совѣщаній парламента явится государственной необходимостью.

§ 25. Въ тѣсной связи съ разсмотрѣннымъ находится вопросъ объ опубликованіи отчетовъ засѣданій парламента. Какъ мы выше видѣли, уже въ королевскомъ совѣтѣ разглашеніе тайны дебатовъ разсматривалось какъ преступленіе [2]). Также смотрѣлъ на дѣло и парламентъ въ первые вѣка своего существованія. Онъ усиленно заботился о томъ, чтобы королю становились извѣстными лишь результаты его совѣщаній, но не отдѣльныя рѣчи представителей [3]). Борьба, завязавшаяся въ XVI и XVII ст. между нимъ и короной, побуждала его охранять тайну своихъ засѣданій съ еще бо́льшей тщательностью, чѣмъ раньше. По свидѣтельству Hooker'a, разглашеніе происходившаго въ палатахъ составляло въ эту эпоху крупное нарушеніе служебнаго долга [4]), за которое могло быть наложено болѣе или менѣе серьезное наказаніе.

---

1) 1873 г. членъ общинъ Mittchel Henry воспользовался своимъ правомъ для удаленія репортеровъ газетъ и протеста этимъ путемъ противъ усвоенной ими привычки не воспроизводить рѣчей ирландскихъ депутатовъ. Въ 1875 г. Biggar, имѣя въ виду добиться отмѣны правила объ удаленіи постороннихъ и желая доказать его абсурдность, заявилъ, что онъ на каждомъ засѣданіи будетъ требовать его примѣненія. Результатомъ его поведенія было вотированіе дѣйствующей нынѣ резолюціи палаты. De Franqueville, op. cit., III, 81.

2) Стр. 42 и слѣд.

3) Стр. 44, 49 и слѣд.

4) „Every person of the Parliament ought to keep secret and not to disclose the secrets and things done and spoken in the Parliament House to any manner of person, unless he be one of the same House, upon pain to be sequestered out of the House, or otherwise punished as by the order of the House shall be appointed". Account of the method of proceeding in

Въ царствованіе Елизаветы, однако, нѣкоторые депутаты [1]) начинаютъ вести дневники, совершенно, впрочемъ частнаго характера, въ которые ими заносятся резюме происходившихъ преній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, клэрки усваиваютъ привычку отмѣчать въ журналахъ не только резолюціи и приказы палатъ, но также и главнѣйшіе дебаты по нимъ. Въ 1626 г., однако, общины признаютъ этотъ способъ веденія дѣла незаконнымъ и выносятъ соотвѣтственное постановленіе [2]). Вскорѣ имъ приходится вступить въ борьбу съ собственными членами, нарушающими тайну совѣщаній и публикующими свои рѣчи. Такъ, въ 1641 г., парламентъ постановляетъ предать сожженію изданную лордомъ Digby брошюру, содержащую его рѣчь по поводу attainder'a Страффорда [3]). Одновременно съ этимъ установляется правило, согласно которому напечатаніе депутатомъ рѣчи считается допустимымъ только съ разрѣшенія скипера. Въ 1663 г. это правило вновь подтверждается. Несмотря на это, однако, парламентскіе дебаты все чаще и чаще дѣлаются достояніемъ гласности, и палаты начинаютъ сами принимать мѣры къ тому, чтобы въ печать попадали отчеты объ ихъ засѣданіяхъ въ той именно формѣ, которая представляется имъ желательной.

Со второй половины XVII в. начинается упорная борьба между печатью съ одной стороны и парламентомъ — съ другой [4]). Къ концу XVIII в. дѣло гласности можетъ считаться окончательно выиграннымъ: отчеты о засѣданіяхъ печатаются полностью, безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія палатъ. Съ 1803 г. начинаетъ выходить въ свѣтъ извѣстное изданіе Hansard, Parliamentary Debates, сперва

---

the parliament, въ изданіи Mountmorres, The history of the principal transactions of the Irish Parliament from 1634 to 1666, Lond. 1842, I, 143 (цит. у Poritt'a, op. cit., 584).

1) Напр., d'Ewes, авторъ извѣстнаго сборника „Journals of all the parliaments during the reign of Queen Elizabeth", появившагося въ 1682 г.

2) Redlich, op. cit., 279.

3) Parl. Hist., II, 883.

4) Намъ нѣтъ возможности остановиться здѣсь на отдѣльныхъ фазисахъ этой борьбы. Интересующіеся ею найдутъ подробныя указанія въ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ Porritt'a, chap. XXX, May-Oppenheim'a, S. 343 ff. и Redlich'a, S. 289 ff.

исключительно на частныя средства, а съ 1877 г. при поддержкѣ со стороны казны. Въ настоящее время въ залѣ засѣданій отведены особыя мѣста для репортеровъ, и появляющіеся въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ отчеты отличаются большой полнотой и точностью [1]). Съ внѣшней стороны, такимъ образомъ, постановка дѣла ничѣмъ не отличается отъ принятой въ другихъ странахъ, Но съ юридической точки зрѣнія отношенія между печатью и парламентомъ въ Англіи совершенно иныя, чѣмъ на континентѣ.

На самомъ дѣлѣ, старое правило о томъ, что опубликованіе дебатовъ не можетъ имѣть мѣста безъ разрѣшенія палаты, не отмѣнено и по сіе время. Формально, информаціонная дѣятельность прессы только терпится парламентомъ, который вправѣ въ каждый данный моментъ привлечь издателей къ отвѣтственности за breach of privilege. Благодаря этому, вопросъ объ иммунитетѣ, примѣнительно къ опубликованнымъ рѣчамъ депутатовъ, получаетъ особую окраску. На самомъ дѣлѣ, по буквальному смыслу ст. 9 Билля о Правахъ, привилегія покрываетъ собой только сказанное съ трибуны. Поэтому депутатъ, напечатавшій свою рѣчь, подлежитъ привлеченію къ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ, буде въ этой рѣчи окажутся признаки преступнаго дѣянія [2]). Это явствуетъ изъ цѣлаго ряда прецедентовъ. Такъ, въ 1795 г. было возбуждено преслѣдованіе противъ лорда Эбингдона, обвинившаго въ одной изъ своихъ рѣчей своего атторнея въ неблаговидныхъ поступкахъ и издавшаго затѣмъ эту рѣчь. Напрасно обвиняемый доказывалъ, что, согласно lex et consuetudo parliamenti, онъ вправѣ напечатать все то, что имѣлъ право сказать: судъ призналъ, что хотя члены парламента и могутъ печатать свои

1) Техническія детали см. у Redlich'a, op. cit., 284.

2) Энсонъ, назв. соч. I, 152: „Еще менѣе имѣетъ право отдѣльный депутатъ, прикрываясь привилегіей, опубликовать рѣчь, сказанную имъ въ палатѣ. Въ ея стѣнахъ онъ можетъ говорить все, что ему угодно, пользуясь общей привилегіей палаты; но если онъ желаетъ распространять то, что онъ въ ней сказалъ, то онъ дѣлаетъ это на свой рискъ, такъ какъ при малѣйшей клеветѣ онъ можетъ быть обвиненъ въ распространеніи пасквиля". Ср. Hugh Fraser, Principles and practice of the law of libel and slander, Lond. 1893, p. 90; Fuld, loc. cit., 516.

рѣчи, однако эти послѣднія никогда не должны служить средствомъ для диффамаціи; въ противномъ случаѣ онѣ становятся „libel“ (пасквилемъ). На этомъ основаніи судъ приговорилъ Эбингдона къ штрафу въ 100 фунтовъ.

Въ 1813 г. возникъ аналогичный случай. Рѣчь члена общинъ Creevey оказалась невѣрно переданной въ нѣкоторыхъ газетахъ; Creevey тогда послалъ редакторамъ правильный ея текстъ. Въ виду содержавшихся въ ней оскорбительныхъ для одного лица выраженій, было возбуждено уголовное преслѣдованіе, причемъ судъ призналъ Creevey виновнымъ и приговорилъ его къ денежному штрафу[1]).

Рѣчь депутата, однако, можетъ попасть въ печать и помимо его воли и желанія, въ качествѣ составной части публикуемыхъ періодической печатью отчетовъ засѣданій. Возникаетъ вопросъ: могутъ ли ораторы и въ этомъ случаѣ быть привлекаемы къ отвѣтственности, или же на нихъ распространяется привилегія? Практическая важность вопроса ясна само собой: рѣдко кто изъ членовъ самъ издаетъ свои рѣчи, между тѣмъ какъ газетные отчеты выходятъ каждый день, и въ случаѣ, если они не были бы покрыты иммунитетомъ, ораторы или издатели отчетовъ находились бы постоянно подъ Дамокловымъ мечемъ уголовнаго преслѣдованія.

Съ точки зрѣнія jus strictum едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что привилегія свободы слова этихъ отчетовъ не покрываетъ, такъ какъ опубликованіе дебатовъ, само по себѣ, и по сіе время считается недозволеннымъ[2]). Новѣйшая практика, однако, допускаетъ весьма существенное отступленіе отъ этого принципа. Въ 1868 г. возникло извѣстное дѣло Wason v. Walter, по которому вынесено было рѣшеніе, получившее значеніе руководящаго прецедента. Обстоятельства этого дѣла заключались въ слѣдующемъ. Wason подалъ въ палату лордовъ жалобу на нѣкоторыя дѣйствія chief-baron Kelly. По поводу этой жалобы произошли въ палатѣ дебаты, во время которыхъ

1) May, Traité, etc., I, 106.

2) Fuld, loc. cit.; Энсонъ, loc. cit.; Joh. Müller, Die Immunität der parlamentarischen Berichterstattung, Berl. 1906, S. 4. Ср. бар. С. А. Корфъ, Право опубликованія парламентскихъ отчетовъ, „Право“, 1911, № 13.

поведеніе Wason подверглось рѣзкой критикѣ. Отчетъ о засѣданіи попалъ затѣмъ въ „Times“, причемъ газета снабдила его критическими замѣчаніями. Wason тогда вчинилъ искъ о пасквилѣ. Во время судебнаго разбирательства chief-justice Cockburn разъяснилъ присяжнымъ, 1°, что если отчетъ добросовѣстенъ („fair“), то онъ покрытъ иммунитетомъ и 2°, что такъ какъ предметъ дебатовъ представлялъ общественный интересъ, то добросовѣстныя критика или замѣчанія, ихъ касающіяся, также покрыты безотвѣтственностью. Судъ съ этимъ согласился и въ искѣ Wason'у отказалъ [1]).

На основаніи этого рѣшенія установилось въ настоящее время правило, согласно которому отчеты о засѣданіяхъ, составленные „fair and accurate“ не влекутъ за собой отвѣтственности ни для ораторовъ, ни для издателей. Но, если заинтересованному лицу — или лицамъ — удастся доказать, что отчетъ составленъ „maliciously“, то издавшій его отвѣчаетъ по общимъ правиламъ о пасквиляхъ [2]).

Что же касается понятій „fair“ и „accurate“, то, въ общемъ, они соотвѣтствуютъ bona fides, добросовѣстности. Согласно установившейся практикѣ, отчетъ о засѣданіи суда или вообще любой корпораціи считается fair, когда онъ правдиво передаетъ сущность произошедшихъ дебатовъ [3]). При этомъ не требуется, чтобы онъ буквально воспроизводилъ произнесенныя рѣчи [4]). Цѣлью отчета должно быть освѣдомленіе публики о происходившемъ, но отнюдь не нанесеніе обиды или оскорбленія кому бы то ни было [5]). Отчеты, не удовлетворяющіе этимъ условіямъ, считаются „malicious“ и привилегіей безотвѣтственности не покрываются.

1) Fisher and Strahan, The law of the press, Lond. 1901, p. 107.

2) Fraser, op. cit., 108, выставляетъ слѣдующее общее правило: „A report of proceedings in either House of Parliament is privileged, provided that it is fair and accurate; but such privilege will be rebutted, if plaintif prove that defendant published such report maliciously“. Fisher and Strahan, op. cit., 106: „Fair and acurate reports of proceedings in Parliament are, however, protected, if published without malice“.

3) Fisher and Strahan, op. cit., 118, даютъ слѣдующую форму: „What is necessary to secure privilege appears to be: an account of what took plan sufficiently full and accurable to enable a reader to form a substantially correct opinion of the whole proceedings“.

4) Fraser, op. cit., 105.

5) Kelly, The law of newspaper libel, Lond. 1889, p. 162.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія дѣйствующаго въ настоящее время права[1]), отчетъ, дословно (стенографически) воспроизводящій картину засѣданія, при всѣхъ условіяхъ является иммунизированнымъ. Сомнѣнія могутъ явиться лишь тогда, когда отчетъ представляетъ собой либо пересказъ происходившаго въ палатѣ, либо р е з ю м е преній, либо ч а с т и ч н у ю передачу дебатовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшающимъ является с у б ъ е к т и в н ы й моментъ: имѣлось ли въ виду добросовѣстное (fair) или недобросовѣстное (тенденціозное, malicious) изложеніе преній, преслѣдовались ли исключительно информаціонныя цѣли или какія-нибудь иныя. Такимъ образомъ, новѣйшая эволюція привела англійское право къ состоянію, весьма близкому къ порядкамъ, господствующимъ на континентѣ. Здѣсь, точно также, иммунитетъ покрываетъ отчеты о засѣданіяхъ, лишь тогда, когда они составлены bona fide; и если это условіе является необходимымъ, то оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и достаточно для устраненія отвѣтственности какъ издателей, такъ и самихъ депутатовъ. Едва-ли есть поэтому основаніе противопоставлять англійскую точку зрѣнія континентальной и, въ особенности, превозносить первую, сравнительно со второй, какъ это дѣлаетъ, напр. Р е д л и х ъ[2]).

Нельзя забывать, что въ Англіи дѣло, въ концѣ концовъ, сводится къ компромиссу между двумя непримиримыми принципами: тайной и гласностью парламентскихъ засѣданій. Иммунитетъ отчетовъ, поэтому, существуетъ по-

---

1) Вопросъ о томъ, что представляетъ собою это право — обычай, судебную практику или что-нибудь другое — можетъ быть оставленъ безъ вниманія, какъ представляющій исключительно теоретическій интересъ. Съ точки зрѣнія выработавшихся на континентѣ — главнѣйше въ Германіи — категорій, дѣйствительно, возможенъ споръ, ср. J o h. M ü l l e r, loc. cit., англійскіе же юристы едва ли сомнѣваются въ томъ, что они въ данномъ случаѣ, имѣютъ дѣло не съ простымъ обыкновеніемъ, usus'омъ, а съ положительнымъ правомъ.

2) „Jedenfalls steht die englische Auffassung von dem Rechte auf Veröffentlichung parlamentarischer Reden im schroffsten Gegensatze zu der Rechtsanschauung und Praxis, die wir in manchen continentalen Parlamenten jüngst haben entstehen sehen: einer Praxis, welche die Redefreiheit der Abgeordneten dazu benützt, um Schmähungen jegen dritte Personen und sonstige durch Worte begangene Rechtsverletzungen gegenüber dem gemeinen Rechte immun zu machen". Op. cit., 292.

стольку, поскольку его согласны признавать суды. Но въ завтрашнемъ днѣ нельзя быть увѣреннымъ, и кто можетъ поручиться, что, со временемъ, отмѣченная нами выше эволюція не приметъ самаго неожиданнаго направленія, въ зависимости отъ случайной политической конъюнктуры?

Съ другой стороны, практикуемый нынѣ порядокъ сопряженъ съ весьма существенными неудобствами. Прежде всего, публикуемые газетами отчеты не обладаютъ характеромъ аутентичности, благодаря чему точно возстановить сказанное съ трибуны часто представляется затруднительнымъ. Оффиціально, палаты объ отчетахъ не освѣдомлены, и ссылки на нихъ не допускаются[1]). Едва ли подобное положеніе вещей представляетъ особыя преимущества.

Затѣмъ, газетные отчеты никогда не бываютъ полны, причемъ, иногда случайно, иногда намѣренно и систематически, пропускаются рѣчи отдѣльныхъ ораторовъ или представителей опредѣленныхъ группъ и фракцій[2]). Оставаясь въ законныхъ предѣлахъ и отнюдь не дѣйствуя „maliciously“, газеты часто въ состояніи придать отчетамъ желательную для нихъ окраску.

Въ виду этихъ неудобствъ, въ парламентѣ за послѣдніе годы неоднократно поднимался вопросъ объ оффиціальномъ издательствѣ „proceedings“. Но это означало бы формальный отказъ отъ принципа тайны совѣщаній; пойти же на подобную ломку традиціонныхъ устоевъ палаты пока не считаютъ себя вправѣ.

§ 26. До сихъ поръ мы имѣли въ виду только отчеты, обязанные своимъ происхожденіемъ частной иниціативѣ. Самими палатами, однако, отъ времени до времени, издаются документы, обнимаемые общимъ терминомъ „parliamenty papers“ и содержащіе въ себѣ самый разнородный матеріалъ. Здѣсь встрѣчаются доклады органовъ администраціи, къ которымъ парламентъ обращается за справками, отчеты отдѣльныхъ учрежденій, результаты анкетъ, протоколы засѣданій различныхъ коммисій и т. п.[3]). Публикованіе ихъ нача-

1) См. инцидентъ, имѣвшій мѣсто 27 іюня 1871 г., у de Franqueville, op. cit., III, 285.

2) Примѣры см. ibid., 284.

3) May, op. cit., II, 171—180; Redlich, op. cit., 292—305.

лось въ XVII в. (съ 1641 г.), но до первой избирательной реформы документы эти оставались недоступными для публики. Послѣ 1832 г. парламентъ начинаетъ принимать мѣры къ тому, чтобы они получали наибольшее распространеніе, въ цѣляхъ ознакомленія избирателей съ дѣятельностью палатъ. Вскорѣ, однако, возникъ вопросъ о томъ, насколько привилегія неприкосновенности распространяется на „parliamenty papers“. Лондонскій книгопродавецъ Stockdale, почувствовавъ себя задѣтымъ однимъ мѣстомъ изъ отчета тюремныхъ инспекторовъ, отпечатаннаго по распоряженію общинъ въ типографіи бр. Hansard (издателей „Parliamentary Debates“), возбудилъ противъ послѣднихъ обвиненіе въ клеветѣ. Hansard'ы предъявили exceptio veritatis и были оправданы присяжными, но chief-justice Denman высказался во время процесса въ томъ смыслѣ, что данное палатой бр. Hansard разрѣшеніе издавать всѣ парламентскіе отчеты не могло, само по себѣ, послужить для нихъ оправданіемъ. Это мѣсто изъ рѣшенія Денмана сильно задѣло коммонеровъ, которые вынесли резолюцію, категорически постановившую, что опубликованіе отчетовъ, голосованій и дѣлопроизводства, когда этого требуетъ публичный интересъ или когда это представляется цѣлесообразнымъ, составляетъ право парламента, въ качествѣ представителя народа.

Это не помѣшало, однако, Стокдэлю перенести дѣло въ судъ королевской скамьи, который единогласно приговорилъ фирму Hansard къ уплатѣ штрафа въ 600 фунтовъ.

Въ 1839 г. Стокдэль опять подалъ жалобу на тѣхъ же лицъ. На судъ Hansard'ы не явились и были заочно приговорены къ денежному штрафу. Тогда палата рѣшила прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ и распорядилась взятіемъ подъ стражу какъ Стокдэля, такъ и шерифовъ, взыскавшихъ съ отвѣтчиковъ присужденныя судомъ деньги. Дѣло, такимъ образомъ, превратилось въ острый конфликтъ между палатой общинъ и судебной властью, конфликтъ, который до крайности взволновалъ общественное мнѣніе и могъ бы имѣть самыя печальныя послѣдствія, если бы ему не былъ положенъ конецъ особымъ законодательнымъ актомъ[1]),

1) О дѣлѣ Н. см. May-Oppenheim, op. cit., I, 375—379; Broom, op. cit., 875—960.

признавшимъ, что всякаго рода уголовныя или гражданскія дѣла противъ лицъ, издавшихъ, по распоряженію той или другой палаты, документы, будутъ немедленно пріостановлены по представленіи удостовѣренія о томъ, что документы отпечатаны по распоряженію парламента (3 & 4 Vict., c. 9). Въ настоящее время, такимъ образомъ, вопросъ не возбуждаетъ уже сомнѣній и разрѣшается въ томъ же самомъ смыслѣ, что и на континентѣ.

Глава третья.

Свобода отъ ареста.

I.

Общее понятіе о привилегіи.

§ 27. Привилегія свободы отъ ареста съ самаго начала существованія англійскаго парламента проявляется въ различныхъ направленіяхъ.

Прежде всего, ею устанавливается особая защита членовъ палатъ отъ всякихъ покушеній на ихъ тѣлесную неприкосновенность, честь и т. п. Это то, что обыкновенно носитъ названіе „immunity from personal molestation“.

Во вторыхъ, подъ даннымъ понятіемъ подразумѣвается т. наз. freedom from arrest въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. право не подвергаться лишенію свободы по гражданскимъ взысканіямъ частныхъ лицъ.

Въ третьихъ, сюда же относится право народныхъ представителей не отвѣчать по частнымъ искамъ, по крайней мѣрѣ во время сессій, т. е. право „not being impleaded in civil suits“.

Въ четвертыхъ, разсматриваемая привилегія обнимаетъ собой право членовъ парламента не быть вызываемы въ судъ въ качествѣ свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что долгое время привилегія распространялась не только на членовъ парламента, но и на ихъ слугъ: послѣдніе пользовались тѣми же правами, что ихъ господа и не подлежали ни аресту, ни привлеченію къ суду по гражданскимъ дѣламъ.

Каждая изъ этихъ привилегій имѣетъ свою исторію и подлежитъ поэтому особому разсмотрѣнію. Но историческое

происхожденіе ихъ, повидимому, общее: всѣ онѣ коренятся въ той специфической защитѣ, которую древне-германское право предоставляло какъ судьямъ вообще, такъ и лицамъ, вызывавшимся по дѣламъ службы къ королевскому двору или совѣту. Такъ, законы Этельберта (840—866 г.) назначаютъ за нарушеніе мира народныхъ собраній (Maethlfrip) двойную виру, и тѣмъ же наказаніемъ, а также штрафомъ въ 50 шиллинговъ въ пользу короля, угрожаютъ тому, кто причинитъ какое либо зло лицамъ, вызваннымъ королемъ [1]). Въ законахъ Кнута (1016—1035) мы встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: „Praecipimus etiam, ut omnis homo habeat pacem et securitatem eundo et redeundo ad placitum, nisi sit latro publicus omnino“ [2]). Наконецъ, согласно ст. 2 сборника, извѣстнаго подъ названіемъ „Leges Edwardi Confessoris“, королевскій миръ обезпечивается всѣмъ вызваннымъ въ „синодъ“, или отправляющимся туда по своимъ личнымъ дѣламъ [3]).

Выставленные здѣсь принципы были усвоены и англійскимъ правомъ. Какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ древніе юридическіе памятники, какъ судьямъ, такъ и королевскимъ совѣтникамъ съ самаго начала были предоставлены особая защита и королевскій миръ: „The Old Book of Entries“, напр., содержитъ въ себѣ постановленіе, индентичное по содержанію съ предписаніями англо-саксонскаго права [4]). Такимъ образомъ, древне-англійское право реципировало исконныя нормы, а съ возникновеніемъ парламента поставила въ особое привилегированное положеніе его членовъ и лицъ, ихъ сопровождавшихъ [5]).

---

1) Liebermann, Die Gesetze der Angelsachsen, I, Halle 1903, S. 3.

2) Ibid., 367.

3) „Item omnibus Christicolis ad ecclesiam Dei causa orationis pergentibus pax sit in eundo et redeundo; item ad dedicationes euntibus et at synodos et ad capitula, sive submoniti sint, sive per se ibi quid agendum habeant“. Ibid., 629.

4) „Cum secundum legem et consuetudinem regni nostri Angliae hactenus usitatum ... a tempore quo non extat memoria, sub protectione nostra, in veniendo versus curiam nostram praedictam, ibidem morando, et exinde ad propria redeundo, existant et de jure esse debuerunt, dum sit negotia aliqua in eodem Banco vel curia prosequntur“. Цит. у Hatschek, Engl. Staatsrecht, I, 340, n. 7.

5) Въ совершенно одинаковомъ положеніи были и члены ирланд-

II.

Immunity from personal molestation.

§ 28. Депутатамъ, вызывавшимся въ парламентъ, съ самаго начала обезпечено было, по выраженію Stubbs'a[1]), извѣстное „sanctity“, неприкосновенность, которая выражалась въ усиленной уголовной защитѣ въ случаѣ нападенія на нихъ, нанесенія имъ обиды, посягательства на ихъ тѣлесную неприкосновенность, честь и т. п. Подобное положеніе вещей объясняется не только той исторической традиціей, о которой мы только что говорили, но и тѣми условіями, въ которыхъ депутатамъ приходилось нести свои обязанности. Грубость нравовъ, плохое состояніе путей сообщенія, тѣ опасности, которыя грозили народнымъ представителямъ во время путешествія въ парламентъ и обратно, все это обращало депутатскій мандатъ въ тѣмъ болѣе тяжелую и трудную повинность, что отказываться отъ избранія было невозможно[2]). Естественно, что при такихъ условіяхъ коммонеры весьма ревниво относились къ огражденію своей безопасности и упорно требовали защиты со стороны королевской власти.

Въ чемъ, спрашивается, заключалась эта защита? Содержаніе ея видно изъ слѣдующихъ, дошедшихъ до насъ прецедентовъ.

Въ 1404 г., въ царствованіе Генриха IV, нѣкій Chedder, входившій въ составъ свиты сэра Th. Brook, члена парламента, подвергался нападенію[3]) со стороны

скаго парламента. По свидѣтельству Hooker'a лѣтописца Дублинскихъ палатъ, „every person of the Parliament during the time of the Parliament and at his coming and going from the same is free from all troubles, arrests, and molestations, no action or suit taking effect which during that time is begun, entered, or commenced against him, in what court soever the same be, except, in causes of treason, murder, and felony, and except all executions in law awarded and granted before the beginning of Parliament“. Porritt, op. cit., I, 569.

1) Op. cit., III, 513.

2) Riess, op. cit., 66. Ср. Medley, op. cit., 262.

3) „Orrible baterie et mal-fait“. Подъ battery англійское право разумѣетъ всякое прикосновеніе однимъ лицомъ другого „in an angry,

John'a Savage. Общины обратились къ королю съ просьбой примѣрно наказать виновнаго и предписать на будущее время, чтобы тотъ кто убьетъ лицо, явившееся въ парламентъ подъ покровительствомъ короля, былъ бы судимъ за измѣну („treason"), въ случаѣ же нанесенія раны или увѣчья — лишился бы руки; за простое нападеніе общины просили назначить штрафъ въ пользу короля и тюремное заключеніе срокомъ на одинъ годъ.

Въ отвѣтъ на это ходатайство, Генрихъ предписалъ Savage предстать передъ судомъ королевской скамьи; буде же онъ этого въ трехмѣсячный срокъ не сдѣлаетъ, то взыскать съ него двойные убытки въ пользу потерпѣвшаго и штрафъ въ пользу короля [1]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1433 г., при Генрихѣ VI, вслѣдствіе петиціи общинъ, судомъ былъ изданъ статутъ общаго характера, подтвердившій резолюцію по дѣлу Chedder'a [2]).

Согласно этому акту, привилегія распространяется на всѣхъ лицъ, вызываемыхъ въ парламентъ, причемъ всякое покушеніе на ихъ тѣлесную неприкосновенность, подходящее подъ понятіе assault или affray [3]), влечетъ за собой

---

revengeful, rude insolent or hostile manner". См. Wertheim, op. cit., 74; Pollock, The law of torts, 3 ed. Lond. 1892, p. 195 fol.

1) Rot. Parl., III, 542. Въ 1429 г. привилегія спеціально была подтверждена для духовенства, вызываемаго въ парламентъ. Ibid., IV, 347.

2) „Le Roy voet, que si ascun assaut ou affraye soit fait a ascun seigneur Espirituel ou Temporel, Chivaler de Countee, Citezein on Burgeis, venuz au Parlement, ou au Conseil du Roy par son commandement, et la esteant et entendant au Parlement, ou au Conseil; q'adonques soit Proclamation fait par trois jours severalx, en la pluis overt lieu de la Ville ou l'assaut ou affraye fuist ensy fait, que la partie qi fau tiel l'assaut ou affraye, soy rende devant le Roy en son Bank, deinz un quarter d'un an apres la Proclamation fait, s'il soit el temps du terme, ou autrement all prochein jour en temps de terme, ensuant le dit quarter, a faire et receivere en manere come il este desire par la Petition" т. е. уплатить двойные убытки и штрафъ въ пользу короля. Ibid., IV, 453.

3) Подъ „assault" подразумѣвается всякое противозаконное покушеніе на тѣлесную неприкосновенность или же угрозы. Если покушеніе перешло или начало переходить въ исполненіе, то имѣется „assault and battery". По опредѣленію Th. Brett, Commentaries on the present laws of England, 2 ed., Lond. 1891, I, 456, „the wrong called assault is committed when any one puts another in instant fear of unlawful force, though

двойные убытки и штрафъ (fyn et raunceon) въ пользу короля и по его усмотрѣнію [1]).

§ 29. Начиная съ XVI ст., всякаго рода обиды и оскорбленія, наносимыя членамъ палатъ, начинаютъ наказываться парламентомъ какъ contempt of court. Подъ это понятіе подводится также сопротивленіе приказаніямъ палатъ или ихъ должностнымъ лицамъ. Такъ, напр., въ 1543 г. общины распоряжаются заключеніемъ въ тюрьму лондонскихъ шерифовъ, отказавшихся выдать приставу палаты G. Ferrers'a [2]). По подсчету, сдѣланному May'емъ, съ 1547 г. по средину XIX в. насчитывается около тысячи случаевъ примѣненія палатами тюремнаго заключенія за contempt [3]). Необходимость особой защиты со стороны короля въ случаѣ molestation, такимъ образомъ, отпадаетъ. Парламентъ самъ себя защищаетъ и въ этомъ отношеніи вскорѣ заходитъ чрезвычайно далеко.

Наибольшее число прецедентовъ относится къ XVIII ст.— этохѣ расцвѣта привилегій и злоупотребленія ими. Руководящее значеніе имѣютъ резолюціи общинъ отъ 12 апрѣля 1733 г. и 1 іюня 1780 г., признавшія тяжкимъ нарушеніемъ привилегіи нападеніе на члена парламента, оскорбленіе его словами и угрозы по его адресу въ то время, когда онъ отправляется въ палату или изъ нея возвращается, равно какъ и всякую попытку заставить силой коммонера высказаться за или противъ того или иного предложенія уже внесеннаго или имѣющаго быть внесеннымъ въ палату [4]). Но

---

no force be actually applied"; 457: „any application of unlawful force to another constitutes the wrong called battery". А. влечетъ за собой какъ уголовную, такъ и гражданскую отвѣтственность (damages), Wertheim, op. cit., 47. „Affray" опредѣляется Brett'омъ, op. cit., I, 1178, какъ „the fighting of two or more people in a public place to the terror of her Majesty's subjects". Ср. Stephen, A Digest of the criminal law, 5 ed., Lond. 1894, p. 54.

1) Ср. дѣло Parr (1444), Rot. Parl., V, 111.

2) См. выше, стр. 58 и ниже, стр. 131.

3) Op. cit., I, 66, n. 5.

4) Поводомъ для вотированія первой изъ этихъ резолюцій послужило нападеніе, произведенное Лондонскою чернью на нѣкоторыхъ депутатовъ, голосовавшихъ за акцизный законъ, весьма недружелюбно принятый населеніемъ. Палата единогласно постановила: „1°, that the assaulting, insulting, or menacing any Member of the House, in coming to

и до этихъ постановленій, палаты неоднократно привлекали къ отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ оскорбленіи членовъ парламента или нападеніи на нихъ. Отъ своего права общины не отказались и въ настоящее время: May въ своемъ трактатѣ о парламентскихъ обычаяхъ приводитъ цѣлый рядъ прецедентовъ, относящихся къ XIX столѣтію.

Наказуемыми, однако, являются не только нападеніе и угрозы (оскорбленіе), но и цѣлый рядъ другихъ дѣяній, имѣющихъ своимъ объектомъ члена парламента. Сюда относится, прежде всего предложеніе дара съ цѣлью повліять на депутата (подкупъ). Это категорически было признано общинами 2 мая 1695 [1]).

Далѣе, какъ contempt of court разсматриваются также libel'ы, направленные противъ палатъ въ цѣломъ или противъ отдѣльныхъ ея членовъ. Пасквиль при этомъ долженъ затрагивать дѣятельность или личность депутата въ качествѣ такового: нападки путемъ печати на членовъ парламентовъ, какъ на частныхъ лицъ или по поводу ихъ внѣпарламентской дѣятельности, подлежатъ юрисдикціи судовъ, но не парламента [2]). Безразлично при этомъ, относится ли пасквиль къ дѣятельности коммонера въ пленарномъ собраніи или въ избранномъ комитетѣ.

Въ прежнее время, въ особенности въ XVIII в., палаты чрезвычайно широко толковали свою привилегію и малѣйшее нарушеніе ея карали съ неимовѣрной жестокостью. Англійскіе историки приводятъ рядъ примѣровъ, свидѣтельствую-

---

or going from the House, or upon the account of his behaviour in parliament, is an high infringement of the Priviledge of the House; a most outrageous and dangerous violation of the rights of parliaments; and a high crime and misdemeanor; 2°, that the assembling and coming of any member of persons in a riotous, tumultuous, and disordely manner tho the House, in order either to hinder or promote the passing of any Bill, or other matter depending before the House, is an high infringement of the Privilege of tho House". Parl. Hist, IX, 8.

1) „The Commons resolved, that the offer of any money, or other advantage, to any Member of Parliament for the promoting of any matter whatsoever, depending, or to be transacted, in Parliament, is a high crime and misdemeanor, and to the subvertion of the english constitution". Parl. Hist., V, 939. См. тамъ же, стр. 910, дѣло Mr. Bird, предложившаго деньги члену палаты Musgrave.

2) May, op. cit., I, 85. Отдѣльные прецеденты см. тамъ же, 86, 87.

щихъ о форменномъ злоупотребленіи парламентомъ своимъ иммунитетомъ. Такъ, въ 1739 г., общины признали виновнымъ въ breach of priviledge лицо, убившее кроликовъ на землѣ одного коммонера; въ 1744 рыба въ прудахъ нѣкоего Mr. Joliffe также была признана покрытой привилегіей [1]) и т. п. Строже всего палаты относились къ авторамъ сочиненій, критиковавшихъ ихъ дѣйствіе или поведеніе того или другого изъ ихъ членовъ. Уже въ 1689 г. два адвоката, Graham и Burton, были заключены въ тюрьму за рѣчи, произнесенныя въ судѣ и признанныя неблагонадежными [2]) Въ слѣдующемъ столѣтіи палаты требуютъ для себя и для своихъ членовъ полнаго огражденія отъ всякой критики со стороны частныхъ лицъ [3]) и, въ общемъ, стремятся присвоить себѣ юрисдикцію по всѣмъ политическимъ преступленіямъ, подводя ихъ подъ понятіе нарушенія привилегіи.

Въ настоящее время палаты отказались отъ столь распространительнаго толкованія своей привилегіи. Но точныхъ юридическихъ нормъ не существуетъ и по настоящее время: какъ мы выше видѣли [4]), понятіе contempt of court и понынѣ страдаетъ неопредѣленностью, и парламентъ благодаря этому въ каждую данную минуту можетъ придать желательную для него квалификацію любому поступку со стороны частнаго лица, такъ или иначе направленному противъ него или одного изъ его членовъ.

III.

Freedom from arrest.

§ 30. Въ тѣсной связи съ immunity of molestation находится и т. наз. freedom from arrest. Возникновеніе этой привилегіи точно также относится къ весьма отдаленнымъ временамъ [5]). Впервые Rot. Parl. упоминаютъ о ней подъ

1) Mahon, op. cit., IV, 30; Hallam, Constitutional history, III, 279.

2) Parl. Hist., V, 279.

3) См. Lecky, op.cit., I, 470, 471; de Franqueville, Le système judiciaire de la Grande Bretagne, Par. 1893, I, 74.

4) См. стр. 100.

5) Въ 1477 г. общины констатируютъ, что она существуетъ „of tyme that mannys mynde is not the contrarie“, т. е. съ незапамятныхъ временъ, Rot. Parl., VI, 191.

1290 г.: изъ краткаго резюме дѣла видно, что король (Эдуардъ I) не согласился, чтобы членъ общинъ подвергся какимъ либо мѣрамъ понужденія за невзносъ квартирной платы[1]) (рѣчь шла о т. наз. distress)[2]) во бремя засѣданій парламента. Аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ 1315 г.[3]). Въ 1403 г. общины вполнѣ опредѣленно формулируютъ свои домогательства. Онѣ обращаются къ королю съ просьбой, чтобы, согласно обычаю, всѣ лица, отправляющіяся по призыву короля въ парламентъ, здѣсь пребывающія и возвращающіяся домой, а также ихъ люди и слуги были подъ спеціальною его охраной и не подлежали аресту или, вообще, лишенію свободы за долги (dette), accompt[4]), trespass[5]) или по поводу какихъ либо другихъ договоровъ. Въ подобныхъ случаяхъ, палата проситъ короля постановить чтобы виновные въ арестѣ коммонера платили штрафъ въ его, короля, пользу, а потерпѣвшему тройные убытки[6]). Король, однако, отвѣтилъ уклончиво: привилегіи онъ не сталъ отрицать, но заявилъ что „y a sufficient remede en le cas“. Можно думать, что исчисленіе убытковъ показалось ему неправильнымъ: общины требовали таковые въ тройномъ размѣрѣ, тогда какъ, согласно установившейся традиціи,

1) „Non videtur onestum quid Rex concedat quod illi de Consilio suo distringantur tempore Parliamenti, set aliotempore distringat per hostia et fenestras, prout moris est.“ I, 61.

2) Объ этомъ терминѣ см. Wertheim, op. cit., 212.

3) May, op. cit., I, 110.

4) Accompt или account — букв. счетъ. О значеніи actio of account въ XIV и XV ст. см. Holdsworth, A history of english law, Lond. 1909, II, 310, 311, 378. Этотъ искъ предъявлялся противъ лицъ, обязанныхъ отчетность за свои дѣйствія (опекуны, управляющіе и т. п.).

5) Подъ trespass въ средніе вѣки подразумѣвался одинъ изъ видовъ torts (т. е. деликтовъ, преслѣдуемыхъ въ частномъ порядкѣ), заключающійся въ насильственномъ воздѣйствіи на лицо или принадлежащую ему вещь. Теперь подъ это понятіе подводятъ только неправомѣрное нарушеніе владѣнія. См. Wertheim, op. cit., 541; Brett, op. cit., I, 477 fol.; Pollock, op. cit., 9, 13 and passim. Исторію trespass см. у Holdsworth, op. cit., II, 307 fol.

6) Rot. Parl., III, 541. „Item prions les Communes, que come solone la custume de Roialme Seigneurs, Chivalers, Citezeins, et Burgeises, a voz Parlementz de votre commandement venantz, illeoqes demurrantz, et a lour propres retournantz et lour hommes et servantz ove eux en le dit Parlement, dessoutz votre especiale protection et defense, ne devoient pur ascun

насиліе надъ членомъ парламента влекло за собой возмѣщеніе убытковъ лишь въ двойномъ размѣрѣ [1]).

Приведенная петиція чрезвычайно характерна въ томъ отношеніи, что ею понятіе freedom from arrest совершенно приравнивается къ immunity of molestation. Далѣе, она категорически распространяетъ привилегію лишь на гражданскія взысканія, отнюдь не касаясь правонарушеній, совершаемыхъ членами парламента. Наконецъ, свобода отъ ареста требуется ею не только для этихъ послѣднихъ, но и для ихъ слугъ.

§ 31. Основаніемъ привилегіи, однако, служило отнюдь не желаніе освободить народныхъ представителей отъ лежащихъ на нихъ обязательствъ: кредиторы не теряли права иска, но осуществленіе этого послѣдняго отсрочивалось до окончанія сессіи парламента. Цѣль института, такимъ образомъ, заключалась въ обезпеченіи депутатамъ безпрепятственнаго отправленія ими своихъ обязанностей [2]): важно было, чтобы ихъ не отрывали отъ государственныхъ дѣлъ изъ за частныхъ интересовъ, и послѣдніе, ради интереса публичнаго, отводились на второй планъ [3]). Обѣ стороны привилегіи, такимъ образомъ, находились во взаимной внутренней связи: какъ freedom of molestation, какъ и freedom of arrest исходили изъ общей идеи обезпеченія парламенту

---

dette, accompt, trespas, ou autre contract quelconque, etre arrestuz, ou en aucun manere emprisonez en le mesne temps . . . . . Pleise establier, que si ascun defore en avaunt face arester ascun tiel homme venant al Parlement, come est dit, ou ascun de lour hommes et servantz en le dit Parlement, one eux demurantz durant le dit Parlement, ou ascun chose attempte enconter la custume, face fyn et ranceon a Vous; et rende al partie greve tes damages a treble".

1) Возможно, впрочемъ, что король возымѣлъ сомнѣнія относительно распространенія привилегіи на слугъ. см. Stubbs, loc. cit.

2) По замѣчанію Parry, op. cit., XXXVII, „the original ground, end, and reason of this Privilege, was not to protect Members or their servants against just debts, suits, judgements, and executions, contrary to right and justice, for their own particular advantage, or to the prejudice of their Creditors and Prosecutors, but merely to enable them, without hindrance and interruption, to attend and dispatch the public affairs of Kingdom, with all possible expedition; which otherwise might be obstructed and retardet by their absence and restraint".

3) Seidler, op. cit., 12.

возможности правильнаго и безпрепятственнаго функціонированія.

Нужно также сказать, что положеніе должниковъ по древнему англійскому праву было чрезвычайно тяжело. Долгое время существовала личная расправа по долговымъ обязательствамъ, и должникъ могъ быть отдаваемъ въ кабалу заимодавцу: законы Генриха I (1100—1135), говоря о рабахъ упоминаютъ о тѣхъ, которые „sua vel alterius datione servi (sunt)“ [1]). Съ теченіемъ времени, когда нравы смягчились, отдача въ кабалу вышла изъ употребленія, и должникъ былъ вооруженъ writ'омъ of capias ad satisfaciendum [2]), который давалъ ему право засадить неисправнаго должника въ тюрьму и держать его въ заключеніи впредь до уплаты долга и издержекъ судебнаго производства, въ подлежащихъ же случаяхъ — на всю жизнь [3]). Правда, у кредитора имѣлись и другія средства взысканія, онъ могъ испросить у суда writ of fieri facias (fi-fa), который обязывалъ шерифа обратить взысканіе на движимое имущество должника [4]); или writ of lėvari facias, который направленъ былъ противъ доходовъ съ земли должника [5]); или же, наконецъ, writ of elegit, на основаніи котораго кредиторъ получалъ, въ качествѣ tenant, право на половину земель должника [6]). Но всѣ эти средства, однако, весьма часто, оказывались мало дѣйствительными, въ особенности до введенія послѣдняго изъ нихъ [7]).

1) Leges regis Henrici primi, cap. LXXVI, § 3: Servi alii natura, alii facto et alii empcione, et alii redempcione, alii sua vel alterius servi, et eique sunt alie species hujusmadi, etc. Thorpe, Ancient laws and institutes of England, 1840, v. I, p. 581.

2) Образецъ такого writ'a см. у Blackstone-Chompré, op. cit., VI, app. XL. Обыкновенно называется сокращенно ca-sa.

3) См. Малышевъ, Историческій очеркъ конкурснаго процесса, Спб. 1871, стр. 212.

4) Образецъ см. у Blackstone, loc. cit.; ср. Holdsworth, op. cit., III, 113; Glasson, op. cit., III, 238 et suiv.; Schirrmeister, Das bürgerliche Recht Englands, Berl. 1906, I, 161.

5) Этотъ writ уничтоженъ Bankruptcy Act'омъ 1883 г. О немъ см. Blackstone, loc. cit., 129; Glasson, loc. cit.

6) Введенъ въ 1285 г. (13 Edw. I, c. 18). Glasson, loc. cit.; Holdsworth, loc. cit.; Pollock and Maitland, op. cit., II, 594.

7) Glasson, loc. cit., 239: „Quoiqu'il en soit avant le statut de Westminster (т. е. акта 1285 г.), tant que le créancier n'avait eu à sa disposition

Поэтому субсидіарное свое значеніе личный арестъ сохранилъ вплоть до новѣйшаго времени[1]). Но на этомъ вопросѣ намъ придется ниже еще остановиться[2]).

§ 32. Что касается содержанія привилегіи, то оно было значительно шире его названія: запрещено было не только всякое принужденіе (arrest, distress) какъ противъ личности члена парламента, такъ и по отношенію къ его имуществу (estates), но самое разбирательство дѣла, въ случаѣ вчиненія иска, подлежало отсрочкѣ до окончанія сессіи[3]). Мы уже видѣли, что въ 1290 г. Эдуардъ I не разрѣшилъ взыскать съ члена парламента причитавшуюся съ него наемную плату[4]). При его преемникѣ правительство два раза прибѣгало къ пріостановкѣ разсмотрѣнія дѣлъ, въ которыхъ замѣшаны были коммонеры, при помощи „writ of supersedeas“[5]).

---

que le w. de levari facias ou celui de fieri facias, le recouvrement de sa créance avait été souvent fort incertain. Ce système nuisait d'ailleurs plus au débiteur qu'il ne lui profitait, car il lui ôtait tout espèce de crédit. On aurait été plus porté à prêter à ceux qui avaient besoin d'argent si au lieu d'avoir action seulement sur les meubles, sur les chattels, sur les produits de tous les biens meubles ou immeubles, on avait pu saisir surtout la terre elle-même. Mais cette défense de se faire payer sur la terre ou même de la recevoir en garantie était une conséquence du vieux droit féodal. Comme les principes de ce droit rendaient la terre indisponible entre les mains du vassal, ils exigeaient aussi qu'elle ne pût pas être donnée en garantie à ses créanciers“.

1) Арестъ, въ случаѣ неудовлетворенія претензіи, могъ послѣдовать во всѣхъ случаяхъ, кромѣ примѣненія writ of elegit.

2) Какъ замѣчаетъ Малышевъ, назв. сог., 212, „англійское право держалось личныхъ взысканій съ замѣчательнымъ упорствомъ, такъ что ограниченія ихъ начинаются только въ недавнее время. Прежде всего для облегченія несчастныхъ должниковъ время отъ времени стали выходить парламентскіе акты, освобождавшіе заключенныхъ въ долговой тюрьмѣ при извѣстныхъ условіяхъ и съ обязательствомъ расплатиться съ долгомъ на свободѣ. Это было только временныя мѣры, напоминающія собою долговые законы римской республики“.

3) Эта сторона привилегіи носила техническое названіе „freedom from being impleaded in civil suits“.

4) См. стр. 125.

5) Rot. Parl. I, 449: „. . . Nos indempnitati Prelatorum, Comitum, barónum, et aliorum fidelium nostrorum, qui ad dictum Parliamentum taliter ad mandatum nostrum sunt venturi, volentes prospicere, ut tenemur, ne per eorum absentiam, dum sic in dicto Parliamento steterint, exhereda-

Тѣмъ не менѣе, предупредить вчиненіе иска у парламента въ то время средствъ не имѣлось. Поэтому, въ случаѣ состоявшагося рѣшенія суда и заключенія должника въ тюрьму (черезъ writ of capias ad satisfaciendum), все, что палаты могли сдѣлать — это было прибѣгнуть къ writ of privilege и этимъ путемъ освободить заключеннаго.

Такъ, въ 1429 г. общины возбудили соотвѣтственное ходатайство передъ королемъ относительно нѣкоего William'a Larke, слугу представителя лондонскаго City, William Milrede, который былъ посаженъ въ тюрьму по иску о trespass, вчиненному Margerie Janyns. Генрихъ распорядился объ освобожденіи Larke, съ тѣмъ, чтобы послѣ роспуска парламента, судьи привели свой приговоръ въ исполненіе [1]).

Аналогичное дѣло возникло въ 1460 г. Одинъ изъ коммонеровъ, Clerk, былъ арестованъ вслѣдствіе неуплаты имъ штрафа въ пользу короля и убытковъ двумъ гражданскимъ истцамъ, а затѣмъ посаженъ въ тюрьму. Палата возбудила ходатайство объ освобожденіи его посредствомъ writ отъ канцлера на имя тюремщика Fleet'a, съ тѣмъ, чтобы кредиторы по окончаніи сессіи, вновь вступили въ свои права [2]). Король на это выразилъ согласіе. Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1473 г.) Эдуардъ IV положилъ подобную же резолюцію на однородное ходатайство палаты относительно William'a Hyde [3]), а въ 1477 г. исполненіе по writ of execution относительно John'a Attwyll'я было отсрочено до окончанія сессіи. Такимъ образомъ, какъ констатируетъ Hatsell, къ концу XV в. дѣло обстояло такъ, что палаты собственною властью не могли освобождать своихъ членовъ изъ тюремнаго заключенія; имъ было лишь предо-

---

cionem aliquam sustineant, aliqualiter vel incurrant, vobis mandamus, quod captionibus Assisarum, Juratarum, et Certificationum aliquem Prelatorum, Comitum, Baronum, et aliorum fidelium nostrorum, quem vobis constiterit de mandato nostro predicto ad dictum Parliamentum venire, tangentium supersedeatis, durante Parliamento supradicto". Другой случай — ibid., 450.

1) „Et que les juges del dit Bank facent au dite Margerie, apres la fyn de cest Parlement, execution du dit jugement." Rot. Par., IV, 358.

2) Ibid., 374.

3) Ibid., 191.

ставлено ходатайствовать, путемъ петиціи, о томъ, чтобы канцлеромъ былъ данъ особый приказъ объ освобожденіи заключеннаго. Если же дѣло находилось еще въ производствѣ, то они имѣли возможность добиться writ of privilege на общемъ основаніи [1]).

Небезъинтересно отмѣтить, что привилегія freedom from arrest охотно признавалась какъ правительствомъ, такъ и судами. До насъ дошелъ только одинъ случай ея нарушенія. А именно, въ 1452 г. спикеръ палаты общинъ, Thomas Thorpe, былъ арестованъ по взысканію, предъявленному герцогомъ Іоркскимъ (впослѣдствіи Эдуардомъ IV). Общины снарядили депутацію, которая отправилась съ жалобой къ королю и къ лордамъ. Совѣтники герцога, однако, стали возражать, указывая на то, что рѣшеніе суда послѣдовало не во время сессіи, а въ вакаціонный періодъ. Лорды тогда передали вопросъ на заключеніе судей, которые признали, что они не компетентны разсматривать дѣла, касающіяся парламентскихъ привилегій. Послѣ этого лорды вынесли резолюцію о томъ, что Thorpe надлежитъ остаться въ тюремномъ заключеніи; общинамъ было предложено немедленно избрать новаго спикера, что палата и сдѣлала на слѣдующій же день [2]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣшеніе лордовъ представляло собой явное нарушеніе успѣвшей уже прочно установиться традиціи. Продиктовано оно было, несомнѣнно, политическими соображеніями. Thorpe слылъ за яраго противника герцога, существовавшій же въ то время антагонизмъ между нимъ и послѣднимъ представителемъ Ланкастерскаго дома давалъ поводъ опасаться, что каждый моментъ вспыхнетъ гражданская война.

1) Precedents of proceedings in the house of Commons, 3 ed., Lond. 1796, v. I, p. 53: „Hithesto we have seen, that when a member, or his servant, has been imprisoned, the house of commons have never proceeded to deliver such person out of custody by virtue of their own authority; but, if the member has been in execution, have applied for an act of parliament to enable the chancellor to issue his writ for his release, or, if the party was confined only on mesne process, he has been delivered by his writ of privilege, which he was entitled to at common law.“ Cp. Blackstone-Stephen, op. cit., II, 353

2) Rot. Parl., V, 239, 240. Cp. Hallam, Mittelalter, II, 380 ff.; Stubbs, op. cit., III, 168; May, op. cit., I, 118.

§ 33. XVI в. является, какъ мы уже видѣли, эпохой, принесшей съ собой точную юридическую формулировку парламентскихъ привилегій, что объясняется тѣмъ положеніемъ, которое парламентъ занялъ въ системѣ государственныхъ учрежденій Англіи, благодаря превращенію своему въ законодательную инстанцію [1] [2].

Прежде всего, въ 1543 г. общины принимаютъ самостоятельныя мѣры по случаю ареста одного изъ своихъ членовъ. Представитель Плимута, Ferrers былъ приговоренъ къ тюремному заключенію по иску нѣкоего White. Узнавъ объ этомъ, общины немедленно предписали своему приставу отправиться къ тюремщику и потребовать освобожденія заключеннаго. Клерки и чиновники, однако, отказались исполнить это требованіе и нашли поддержку въ Лондонскихъ шерифахъ. Общины тогда обратились съ жалобой къ лордамъ, которые, усмотрѣвъ въ поведеніи шерифовъ тяжкій случай contempt of court, предоставили наказать ихъ нижней палатѣ. Послѣдняя вновь предложила приставу отправиться къ шерифамъ и потребовать выдачи Ferrers, безъ предъявленія какого-либо writ [3] или warrant (особаго приказа) палатѣ.

Несмотря на то, что шерифы исполнили на этотъ разъ требованіе пристава, все же они вмѣстѣ съ клерками и самимъ White были вызваны къ рѣшеткѣ палаты и приговорены къ тюремному заключенію.

Несмотря на столь рѣшительное поведеніе палаты, обы-

1) См. выше, стр. 65 и слѣд.

2) Въ 1562 г. спикеръ общинъ William впервые возбуждаетъ передъ королемъ ходатайство о гарантированіи обычныхъ привилегій. Относительно freedom from arrest онъ просилъ, чтобы „the old privilege of the House be observed, which is that they and theirs might be at liberty, frank and free, without arrest, molestation, trouble or other damage to their bodies, lands, goods or servants, with all other their liberties, during the time of said parliament, whereby they may the better attend and do their duty". Parl. Hist., I, 685; Prothero, op. cit., 117. Привилегіи, какъ видно, дается весьма распространительное толкованіе.

3) Слѣдуетъ замѣтить, что лордъ-канцлеръ предлагалъ палатѣ выдать, согласно обычаю, writ of privilege, но общины отказались, признавъ, что „всѣ приказанія палаты должны исполняться приставомъ безъ всякаго writ, причемъ достаточно предъявленія имъ палицы, являющейся его warrant'омъ". Parl. Hist., I, 553 fol.; May, op. cit., I, 112.

чай непосредственно требовать освобожденія заключенныхъ укоренился не сразу. Такъ, въ 1556 г. коммонеры испрашиваютъ writ для своего сочлена Gardiner'a. Лишь въ концѣ XVI в. общины твердо усваиваютъ новую точку зрѣнія и распоряжаются объ освобожденіи заключенныхъ безъ предварительнаго испрошенія приказа лорда-канцлера [1]).

§ 34. Въ первый годъ царствованія Якова I, а именно въ 1603 г., былъ изданъ статутъ, болѣе точно опредѣлившій содержаніе привилегіи и права парламента. Поводомъ къ изданію этого закона послужило дѣло сёра Thomas Shirley, представителя г. Steyning [2]). Shirley былъ арестованъ по постановленію суда до начала сессіи и посаженъ въ тюрьму. Общины попробовали сперва его освободить при помощи writ of habeas corpus, а затѣмъ послали за узникомъ пристава. Тюремщикъ, однако, отказался выпустить Shirley, за что онъ палатой заключенъ былъ въ Тоуэръ. Вскорѣ, впрочемъ, онъ исполнилъ требованіе палаты и самъ тогда былъ выпущенъ на свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ изданъ былъ особый статутъ [3]) въ цѣляхъ огражденіе правъ

1) См. дѣла Martin'a, Neale и Fitzherbert'a у Prothero, op. cit., 127.

2) May, op. cit., I, 113; Gardiner, op. cit., I, 167; статью Prothero, The parliamentary privilege of freedom from arrest and sir Thomas Shirley's case, 1604, въ English historical review, v. VIII, 1893, p. 733 fol.; Parl. Hist, I, 1028.

3) 1 Jam. I, c. XIII: „An Acte for new executions to be sued againste any which shall hereafter be delivered out of execution by priviledge of Parliament, and for discharge of them out of whole custody such persons shall be delivered". Приводимъ его текстъ:

„Forasmuch as heterofore doubt hath ben made, if any person being arrested in execution, and by priviledge of either of the Houses of Parliament set ad libertie, whether the partie at whose suite such execution was pursued be for ever after barred and disabled to sue forthe a new writt of execution in that case: For the avoydinge of all further doubte and trouble wich in like cases may hereafter ensue, be it enacted by the King moste excellent Mafestie, by the lordes spirituall and temporall, and by the commons in this present Parliament assembled, that from henceforthe the partie at or by whose suite such writt of execution was pursued, his executors or administrators, after such tyme as the priviledge of that session of Parliament in which such priviledge shall be so graunted shall cease, may sue forthe and execute a newe writt or written of execution, in such manner and forme as by the lawe of this realme hee or they might have done if

кредиторовъ членовъ парламента. На основаніи этого акта истецъ права своего не терялъ, но осуществленіе его отсрочивалось до истеченія срока привилегіи; равнымъ образомъ установлено было, что шерифъ, тюремщикъ и вообще, выпустившій заключеннаго на свободу въ силу парламентской привилегіи не подлежитъ за это судебному преслѣдованію.

Несмотря, однако, на указанный прецедентъ, въ теченіе всего XVII в. вопросъ о томъ, какъ именно должно послѣдовать освобожденіе арестованнаго коммонера, продолжаетъ быть спорнымъ и вызывать недоумѣнія: палаты прибѣгаютъ то къ writ of privilege, то къ writ of habeas corpus и то непосредственно, то черезъ пристава требуютъ освобожденія заключенныхъ.

§ 35. Въ XVIII ст. парламентскія привилегіи, достигнувъ полнаго своего расцвѣта, начинаютъ входить въ законное и нормальное русло. Такъ было и съ свободой отъ ареста. Въ 1701 г. издается особый статутъ, озаглавленный „An act for preventing any inconveniencies that may happen by privilege of Parliament“ [1]), согласно которому въ промежутокъ времени между роспускомъ или пророгаціей парламента и созывомъ новаго, а также во время отсрочекъ, длящихся болѣе 14 дней, суды, упомянутые въ актѣ, получили право принимать къ своему разсмотрѣнію иски противъ привилегированныхъ лицъ, постановлять рѣшенія и обращать взысканіе на имущество послѣднихъ [2]). Въ осталь-

---

no suche former execution had bene taken forthe or served: And that from henceforth noe shiribfe bayliffe or other officer from whose arreste or custodie any such person so arrested in execution shall be delivered by any such priviledge, shall be charged or chargeable with or by any action whatsoever for deliveringe out of execution any such priviledged person so as is aforesaide, by such priviledge of Parliament set at libertie; any lawe custome or priviledge heterofore to the contrarie notwithstandinge. Provided alwaies, that this Acte or any thinge therein conteyned shall not extend to the diminishinge of any punishment to be hereafter by censure in Parliament inflicted upon any person which hereafter shall make or procure to be made any such arrest as is aforesaide“. The Statutes, I, 557.

1) 12—13 Wil. III, c. 3. Текстъ въ Statutes of the Realm, VII, 638.

2) Статутъ опредѣляетъ срокъ перерыва привилегіи весьма точно: „at any time from and immediately after the dissolution or prorogation of any parl. untill a new parl. shall meet or the same be reassembled and from and immediately after any ajournement of both Houses of parl. for above

ное время упомянутыя лица по прежнему оставались подъ защитой иммунитета, и исключеніе было допущено только для тѣхъ изъ членовъ парламента, которые являлись непосредственными должниками короля: взысканіе противъ нихъ могло быть обращено также и во время перерыва сессіи.

Дальнѣйшія ограниченія были введены при королевѣ Аннѣ въ 1703 г.[1]). Затѣмъ, при Георгѣ II[2]), дѣйствіе закона 1701 г. было распространено на всѣ courts of record по всѣмъ дѣламъ, касающимся личныхъ правъ или правъ на недвижимости. Окончательно, однако, вопросъ регулированъ былъ только въ десятый годъ царствованія Георга III, т. е. въ 1770 г.

На основаніи этого послѣдняго акта, положившаго конецъ цѣлому ряду злоупотребленій, было разрѣшено всѣмъ безъ исключенія судамъ принимать къ своему разсмотрѣнію[3]) всякаго рода иски противъ привилегированныхъ лицъ, причемъ разбирательство соотвѣтственныхъ дѣлъ ни въ коемъ случаѣ не должно было подлежать пріостановкѣ подъ предлогомъ парламентскаго иммунитета[4]).

the space of fourteen days untill both houses shall meet or reassemble". О значеніи prorogation и ajournement см. Энсонъ, назв. соч., 61 и слѣд.; Hatschek, въ Zeitschrift f. d. ges. Staatswissenschaft, 1901, S. 152 ff. Относительно практическаго значенія акта 1701 г. см. Porritt, op. cit., I, 570.

1) 23 An. c. XII (XVII), Statutes of the Realm, VIII, 274: „an act for the further explanation and regulation of the privilege of Parl. in relation to persons in publicks offices". На основаніи этого статута наказанія и штрафы, къ коимъ присуждены привилегированныя лица за преступленія должности или растрату общественныхъ денегъ, не подлежатъ пріостановкѣ въ силу привилегіи.

2) 11 Geo. II c. 24, „An act to amend an Act passed in the 12 — the and 13 — the year of the reign of King William III", текстъ см. въ The Statutes, II, 115.

3) Послѣ 24 іюня 1770 г.

4) „An act for the further preventing delays of justice by reason of privilege of Parliament". 10 Geo. III, c. 50, см. The Statutes, II, 382: „Any person or persons .... shall and may at any time commence and prosecute any action or suit in any court of record or court of equity or of admiralty, and in all causes matrimonial and testamentary, in any court having cognizance of causes matrimonial and testamentary, against any peer or lord of Parliament of Great Britain, or against any of the knights, citizens, and burgesses, and the commissioners for shires and burghs of the

Такимъ образомъ та часть привилегіи, которая касалась вчиненія исковъ, была окончательно погребена. Осталась лишь свобода отъ ареста — freedom from arrest — въ тѣсномъ смыслѣ слова. На нее актъ 1700 г. не посягнулъ; напротивъ того, онъ твердо установилъ, что члены палаты общинъ не подлежатъ ни аресту, ни заключенію въ тюрьму „upon any such suit or procedings“ [1]).

§ 36. До сихъ поръ мы имѣли въ виду только коммонеровъ. Что же касается верхней палаты, то пэры пользовались свободой отъ ареста по личному своему праву, въ силу ихъ званія бароновъ королевства. На самомъ дѣлѣ, особа пэра издавна считалась „for ever sacred and inviolable“ [2]), а потому иммунитетомъ они пользовались пожизненно, и не только они лично, но и ихъ жены. Точно также и прочіе лорды [3]) съ самаго начала существованія парламента стали притязать на freedom from arrest, причемъ, продолжительность привилегіи для нихъ опредѣлялась общей для всего парламента нормой. Однимъ изъ первыхъ

House of Commons of Great Britain for the time being, or against their or any of their menial or any other servants, or any other person intitled to the privilege of Parliament of Great Britain; and no such action, suit, or any other process or proceeding thereupon shall at any time be impeached, stayed, or delayed by or under colour or pretence of any privilege of Parliament“.

1) Законъ 1764 г., касающійся банкротства, предоставилъ кредиторамъ право преслѣдовать судебнымъ порядкомъ „any person deemed a merchant, banker, broker, factor, scrivener or trader having privilege of Parliament“. Позднѣйшія узаконенія, регулирующія конкурсъ, также заключаютъ въ себѣ аналогичное постановленіе.

2) La personne d'un pair, говоритъ May, (par le privilège de la pairie) est pour toujours sacrée et inviolable. Cette immunité est basée sur une ancienne coutume et reconnue par les acts 12 et 13 Guill. III, c. 3 et 2, et 3 Anne, c. 18. Ce semblerait avoir été un ancien privilège féodal des barons, la loi supposant qu'il y aurait toujours, sur les domaines de leurs baronnies, assez à saisir pour acquitter une dette quelconque“. Op. cit., I, 116.; Stubbs, op. cit., III, 516; Pike, op. cit., 259.

3) Не всѣ члены верхней палаты (лорды) суть пэры; этого званія не имѣютъ ни т. наз. Lords of appeal in ordinary, ни епископы или духовные лорды. Точно также не всѣ пэры суть лорды — таковы всѣ выбранные въ члены палаты пэры Ирландіи и Шотландіи. Hatschek, op. cit. I, cap. 58. На основаніи Акта о соединеніи съ Шотландіей (5 An., c. 8), шотландскіе пэры пользуются тѣми же привилегіями, что англійскіе; точно также уравнены въ правахъ и ирландскіе пэры.

дошедшихъ до насъ прецедентовъ является дѣло лорда Cromwell'я, возникшее въ 1572 г. Противъ Кромвелля выданъ былъ, по иску нѣкоего Tavernor, writ of attachment[1]), на что Кромвелль принесъ жалобу въ палату. Лорды, обсудивъ дѣло, признали, что на лицо имѣется несомнѣнное нарушеніе исконныхъ привилегій, и постановили освободить Кромвелля отъ явки въ судъ, согласно данному приказу[2]).

Привилегія лордовъ, въ общемъ, раздѣлила судьбу иммунитета общинъ. Всѣ акты, изданные въ теченіи XVIII в., о которыхъ мы говорили въ предыдущемъ параграфѣ, одинаково были распространены какъ на коммонеровъ, такъ и на членовъ верхней палаты. И нужно сказать, что случаи злоупотребленія привилегіей со стороны лордовъ были столь же часты, какъ и со стороны представителей общинъ.

§ 37. Къ началу XIX в. существо привилегіи свелось, какъ мы видимъ, къ тому, что члены обѣихъ палатъ не могли быть взяты подъ стражу по судебнымъ приговорамъ. Къ лордамъ и депутатамъ, стало быть, признаны были не примѣнимыми тѣ writ'ы, которые имѣютъ своимъ послѣдствіемъ личное задержаніе, какъ напр. capias ad satisfaciendum, attachment и др.

Пока въ Англіи существовало личное задержаніе за долги, привилегія, само собою разумѣется, имѣла весьма большое практичное значеніе. Хотя, начиная, съ XVIII ст., изданъ былъ цѣлый рядъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью улучшеніе участь должниковъ, однако вплоть до 1869 г. личное задержаніе практиковалось въ широкихъ размѣрахъ. Впрочемъ въ 1813 г., при Георгѣ III, лицамъ, имѣвшимъ долгъ не болѣе какъ на 20 фунтовъ и пробывшимъ въ тюрьмѣ не менѣе года дано было право ходатайствовать объ освобожденіи изъ заключенія независимо отъ согласія кредитора[3]).

Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ въ 1838 г., когда уничтожено было предварительное заключеніе во время са-

---

1) Лицо, противъ котораго выданъ подобнаго рода writ, обязано явиться въ судъ, который имѣетъ подвергнуть его тюремному заключенію до изданія особаго приказа объ освобожденіи. См. Blackstone-Chompré, op. cit., IV, 178; Wertheim, op. cit., 52.

2) Prothero, op. cit., 126; Parl. Hist., I, 781.

3) Малышевъ, назв. соч., 213.

мого процесса, до рѣшенія суда [1]). Засимъ, въ 1844 г. арестъ былъ отмѣненъ за долги менѣе 20 фунтовъ [2]) и т. п. Въ настоящее время, на основаніи двухъ актовъ, изданныхъ въ 1869 г. [3]), личное задержаніе, въ принципѣ, вовсе отмѣнено. Въ видѣ исключенія, оно сохранено для нѣкоторыхъ лишь случаевъ. Такъ, напр., судъ можетъ прибѣгнуть къ аресту въ случаѣ неуплаты наложеннаго имъ штрафа, или когда очевидно, что должникъ обладаетъ достаточными средствами для погашенія долга, или же имѣются основанія предполагать (при суммѣ долга свыше 50 фунтовъ), что должникъ собирается выѣхать изъ Англіи (absconding debtor) [4]).

Такимъ образомъ, какъ видно, личное задержаніе получило въ настоящее время характеръ наказанія за неисполненіе тѣхъ или другихъ обязанностей, лежащихъ по закону на извѣстныхъ категоріяхъ лицъ. Парламентская привилегія поэтому утратила почти всякое практическое значеніе. По отношенію къ членамъ палатъ нынѣ могутъ быть приняты всѣ установленныя закономъ понудительныя мѣры [5]), кромѣ личнаго задержанія.

Что же касается тѣхъ случаевъ, когда задержаніе все-таки послѣдуетъ, то они, въ прежнее время, какъ мы выше видѣли, разрѣшались различно. Нынѣ, по словамъ Мау'а, иммунитетъ сталъ болѣе правомъ, чѣмъ привилегіей членовъ парламента, а потому арестованіе привилегированнаго лица считается неправильнымъ ab initio: арестованный подлежитъ немедленному освобожденію по простому его заявленію тому суду, гдѣ производится его дѣло. На этомъ основаніи изданіе writ'овъ of privilege въ настоящее время совершенно вышло изъ употребленія [6]).

§ 38. Логическимъ послѣдствіемъ привилегированности положенія членовъ палатъ является неспособность ихъ

---

1) Оно допускалось въ тѣхъ случаяхъ, когда кредиторъ утверждалъ подъ присягой, что должникъ собирается покинуть англійскую территорію.

2) См. Glasson, op. cit., VI, 406.

3) Debtors Acts, 32 & 33 Vict. Этими актами, дополненными въ 1878 г., отмѣненъ writ of ca. sa.

4) Brett, op. cit., 952 fol.; Glasson, loc. cit.

5) Это категорически было подтверждено статутомъ 45 Geo. III, c. 124 и 47 Geo. III sess. 2, c. 40.

6) Op. cit., I, 115.

быть поручителями за другихъ. Это категорически было признано лордами въ 1691 и 1720 гг., и въ настоящее время по этому вопросу сомнѣній, повидимому, не возникаетъ.

Не столь простымъ зато является другой вопросъ, а именно, если кто-нибудь, подвергшійся тюремному заключенію за долги, будетъ вслѣдъ за симъ избранъ членомъ парламента или назначенъ пэромъ, то отпадаетъ ли ео ipso дѣйствіе судебнаго рѣшенія? Практика, въ особенности новѣйшая, склоняется, въ общемъ, въ пользу примѣненія привилегіи и къ подобнаго рода случаямъ. Такъ, въ 1819 г., Christie Burton былъ избранъ представителемъ отъ Beverley; такъ какъ онъ въ это время находился въ заключеніи по судебному приговору, то въ парламентъ онъ не явился. Палата общинъ признала его подпадающимъ подъ дѣйствіе привилегіи и потребовала отъ тюремщика Fleet'a его освобожденія. Противъ тюремщика былъ затѣмъ вчиненъ искъ кредиторами Burton'a, но палата усмотрѣла въ этомъ нарушеніе привилегіи и вытребовала къ своей рѣшеткѣ истцовъ [1]). Точно также въ 1849 г. признано было, что лордъ Harley, получившій послѣ смерти отца пэрское достоинство, долженъ быть немедленно выпущенъ изъ тюрьмы, гдѣ онъ содержался по приговору суда [2]).

Наконецъ, слѣдуетъ указать на то, что новѣйшіе акты о банкротствѣ [3]) совершенно приравниваютъ членовъ палатъ къ обыкновеннымъ гражданамъ, не признавая за ними какихъ либо особенныхъ правъ или привилегій [4]).

IV.

Freedom from subpoena and jury.

§ 39. Подъ понятіе свободы отъ ареста въ широкомъ смыслѣ слова древнее англійское право подводило также и т. наз. freedom from subpoena. Хотя по общему праву вы-

1) Объ этомъ прецедентѣ и о другихъ однородныхъ см. May, op. cit., I, 116, 118.

2) Ibidem.

3) Таковыми являются Bankruptcy Acts 1883 г. (46 & 47 Vict., c. 52), 1890 (53 & 54 Vict., c. 71) и Bankruptcy Rules 1886 и 1890 гг.

4) На иной точкѣ зрѣнія стоялъ еще актъ 1846 г., согласно которому, если торговецъ, пользовавшійся парламентской привилегіей, впа-

зовъ свидѣтелей въ гражданскій судъ есть дѣло сторонъ, однако, когда послѣднія не увѣрены въ явкѣ вызываемыхъ ими лицъ, онѣ могутъ запастись особымъ приказомъ суда, называемымъ subpoena ad testificandum. Неявка на основаніи такого приказа составляетъ contempt of court и влечетъ за собой тюремное заключеніе по постановленію суда [1]).

Со второй, приблизительно, половины XVI в. члены парламента начинаютъ отказываться отъ явки въ судъ въ качествѣ свидѣтелей (по гражданскимъ дѣламъ), а на выдачу приказа subpoena смотрятъ какъ на нарушеніе привилегіи. Когда, въ точности, возникла т. наз. freedom from subpoena, сказать трудно. Первый дошедшій до насъ прецедентъ относится къ 1553 г. Eyms, представитель м. Thuske, подалъ въ нижнюю палату жалобу на лорда-канцлера за выданное противъ него subpoena; коммонеры заступились за своего сочлена и потребовали, чтобы приказъ былъ взятъ обратно [2]). Затѣмъ, въ 1585 г. нѣкій Kirle исходатайствовалъ передъ Звѣздной Палатой subpoena противъ Stepneth'a, члена общинъ. Палата усмотрѣла въ этомъ нарушеніе своихъ привилегій, распорядилась арестовать Kirle черезъ своего пристава и подвергла его наказанію. Однако, въ томъ же году лордъ-канцлеръ категорически заявилъ по дѣлу Cook'a, что у палаты привилегіи по отношенію къ subpoena не имѣется вовсе [3]), и аналогичное заявленіе сдѣлано было имъ въ 1597. Такимъ образомъ, какъ видно, привилегія установилась не сразу. Какъ замѣчаетъ Prothero, она къ концу XVI ст. упрочилась по отношенію къ Звѣздной Палатѣ и нижнимъ инстанціямъ, но не по отношенію къ Chancery Division высшаго суда [4]). Лишь впослѣдствіе она распространена была на всѣ судебныя учрежденія.

Въ настоящее время палатами усвоена совершенно иная точка зрѣнія. По свидѣтельству May'a, онѣ не только не препятствуютъ вызову своихъ членовъ въ гражданскіе суды,

---

далъ въ несостоятельность, то онъ не могъ подлежать тюремному заключенію, развѣ онъ оказался бы виновнымъ въ felony или въ обманныхъ дѣйствіяхъ, предусмотрѣнныхъ самимъ актомъ.

1) Wertheim, op. cit., s. v. „Witness".

2) Parl. Hist., I, 630.

3) Prothero, op. cit., 129.

4) Op. cit., XC.

но, напротивъ того, весьма охотно даютъ отпуски и вызовъ въ судъ считаютъ законнымъ поводомъ для неявки на засѣданія. „Но, продолжаетъ онъ, ни одна изъ палатъ не согласится на то, чтобы ея члены были вызываемы другой палатой безъ соотвѣтственнаго посланія и безъ согласія заинтересованнаго лица; спорнымъ также явился бы вопросъ о томъ, не защитила ли бы палата своего члена, вызваннаго въ судъ subpoena, отъ законныхъ послѣдствій его неявки, еслибы онъ предварительно не получилъ разрѣшенія самой палаты“ [1]).

§ 40. Члены парламента являются свободными не только отъ обязанности фигурировать на судѣ въ качествѣ свидѣтелей, но и отъ обязанности участвовать въ джюри. Привилегія эта относится къ глубокой древности[2]). Такъ, уже при Эдуардѣ II, въ 1314 г., она была узаконена двумя особыми актами[3]). Съ тѣхъ поръ она, повидимому, сомнѣній не возбуждала; по крайней мѣрѣ какихъ-либо прецедентовъ, свидѣтельствующихъ о ея нарушеніи, до насъ не дошло. Въ всякомъ случаѣ, при Елизаветѣ она является твердо установленной, о чемъ свидѣтельствуетъ случай, имѣвшій мѣсто въ 1597 г. съ сэромъ John Tracie[4]).

Къ началу XIX ст. относится одинъ инцидентъ, подавшій поводъ къ всестороннему разсмотрѣнію вопроса со стороны палаты общинъ. Нѣкій Holford былъ приговоренъ судомъ казначейства къ штрафу за то, что не явился къ исполненію своихъ обязанностей присяжнаго, причемъ ссылка его на званіе члена парламента не была признана законнымъ поводомъ къ неявкѣ. Палата, выслушавъ докладъ особо назначеннаго для разсмотрѣнія дѣла комитета, единогласно

1) Op. cit., I, 121.

2) Stubbs, loc. cit., 514.

3) Rot. Parl., I, 449: „Nos indempnitati Prelatorum, Comitum, Baronum, et aliorum fidelium nostrorum, qui ad dictum Parliamentum taliter ad mandatum nostrum sunt venturi, volentes prospicere, ut tenemur, ne per eorum absenciam, dum sic in dicto Parliamento steterint, exheredacionem aliquam sustineant, aliqualiter vel incurrant; vobis mandamus, quod captionibus Assisarum, Juratarum, et Certificationum aliquem Prelatorum, Comitum, Baronum, et aliorum fidelium nostrorum, quem vobis constaterit de mandato nostro predicto ad dictum Parliamentum venire, tangentium supersedeatis durante Parliamento supradicto“. Cp. ibid., 450.

4) Prothero, op. cit., 129.

признала, что „къ числу наиболѣе древнихъ и наименѣе спорныхъ привилегій парламента принадлежитъ право его членовъ не быть отвлекаемыми отъ ихъ обязанностей для предстанія передъ другимъ судомъ“ [1]). Точно также въ 1861 г., по дѣлу виконта Энфильда, chief-justice Erle заявилъ, что Э. ни въ коемъ случаѣ не могъ бы быть вызванъ въ судъ въ качествѣ члена джюри [1]).

Однако, до послѣдняго времени, спорнымъ могъ считаться вопросъ, распространяется ли привилегія и на то время, когда парламентъ пророгированъ [2]). Juries Act 1870 г. уничтожилъ всякія сомнѣнія по этому поводу, категорически постановивъ, что какъ пэры, такъ и коммонеры вовсе освобождены отъ обязанности функціонировать въ качествѣ присяжныхъ [3]).

V.

Распространеніе привилегіи на слугъ членовъ парламента.

§ 41. Въ первые вѣка существованія парламента привилегія — и притомъ въ полномъ объемѣ — распространялась также и на слугъ коммонеровъ. Также какъ ихъ господа, они пользовались квалифицированной защитой въ случаѣ нападенія, не отвѣчали по искамъ во время сессій и т. д. Выше мы уже привели дѣло Chedder'a, слуги сэра Brook'a, который подвергся въ 1404 г. нападенію со стороны нѣкоего Savage. Изъ этого прецедента ясно видно, что къ началу XV в. привилегія уже прочно установилась. Въ 1576 г. возникло дѣло Smalley, подавшее поводъ къ подробному обсужденію вопроса со стороны парламента. Smalley, слуга депутата Hall'a, былъ арестованъ, и палата назначила особую коммисію для розысканія и изученія прецедентовъ. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ было постановлено, что S. подлежитъ освобожденію на основаніи распоряженія самой палаты [4]).

1) May, op. cit., I, 122.

2) Т. е. послѣ закрытія сессіи королемъ (prorogation). Отсрочка или пріостановка сессіи (ajournement) привилегіи никогда не пріостанавливала.

3) Gerland, op. cit., 76; de Franqueville, Système judiciaire, I, 509.

4) Prothero, op. cit., 128.

XVI и XVII вв. зарегистрировали цѣлый рядъ прецедентовъ, изъ которыхъ ясно видно, что слуги членовъ парламента пользовалась совершенно одинаковымъ съ ихъ господами привилегированнымъ положеніемъ. Такъ, въ 1610 г. лакей одного изъ коммонеровъ, подвергшійся преслѣдованію въ гражданскомъ порядкѣ за то, что соблазнилъ одну дѣвушку и прижилъ съ ней ребенка, былъ признанъ неподсуднымъ судебнымъ инстанціямъ въ качествѣ привилегированнаго лица [1]).

Подобное распространеніе иммунитета привело къ тому, что члены парламента стали форменнымъ образомъ торговать своей привилегіей, зачисляя къ себѣ на время въ слуги банкротовъ и лицъ, которымъ грозило судебное преслѣдованіе [2]). Дѣло дошло до того, что въ 1641 г. жители Лондонской City отказались подписаться на заемъ, ссылаясь на невозможность получить когда-либо свои деньги обратно.

§ 42. Несмотря на то, что лорды неоднократно протестовали противъ подобныхъ злоупотребленій, нижняя палата упорно отстаивала свою привилегію, и въ 1661 г. Кларендонъ категорически заявилъ въ парламентѣ, что „мы, и наши слуги свободны отъ всякихъ арестовъ и притѣсненій [3]), какъ относительно нашей личности, такъ и нашего имущества“. Со второй половины XVII в., однако, замѣчается нѣкоторая реакція противъ такого порядка вещей. Въ 1663 г. нѣкій Benson, который продавалъ свое покровительство за 20 франковъ, былъ исключенъ изъ палаты, а въ 1677 г. парламентъ принялъ аналогичную мѣру по отношенію къ полковнику Wanklyn'y [4]). Но это были единичные случаи; самый же принципъ оставался нетронутымъ до XVIII в., когда послѣдовалъ рядъ узаконеній, урегулировавшихъ, какъ мы видѣли, вообще вопросъ о привилегіяхъ. Актъ 1701 г., постановившій, между прочимъ, что въ случаяхъ предъяв-

1) Weil, Juridiction pénale des chambres anglaises pour la défense de leurs privilèges, Par. 1889, p. 12.

2) Townsend, History of the House of commons, ch. VII (цит. у de Franqueville, Le Parlement, etc., III, 334).

3) „You and your servants in your persons and estates are free from all arrests and molestations“. Andrew Amos, The english constitution in the reign of King Charles II, Lond. 1857, p. 74.

4) De Franqueville, loc. cit.; Amos, loc. cit.

ленія иска противъ должника короны, производство дѣла можетъ имѣть мѣсто и во время сессіи, причемъ отвѣтчикъ пользуется freedom from arrest, этой привилегіи на слугъ не распространилъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, съ указаннаго года были лишены своего иммунитета на все время перерыва сессій.

Рѣшительный шагъ сдѣланъ былъ статутомъ 1770 г.; послѣдній, подтвердивъ привилегію для членовъ законодательныхъ палатъ, вопросъ объ иммунитетѣ слугъ обошелъ вовсе молчаніемъ. Формальной отмѣны, такимъ образомъ, не произошло, но косвеннымъ образомъ было признано, что слуги подъ разрядъ привилегированныхъ лицъ уже больше не подходятъ. На этой точкѣ зрѣнія нынѣ твердо стоитъ какъ практика, такъ и доктрина — хотя, какъ бы отдавая дань исторической традиціи, спикеръ ежегодно продолжаетъ при открытіи сессіи испрашивать у короля привилегію и для слугъ. Точно также и ст. 67 standing orders палаты лордовъ до сихъ поръ содержитъ подробныя постановленія относительно привилегіи слугъ [1]).

---

1) Статья эта, основанная на резолюціяхъ 28 мая 1624 г. и 22 іюня 1715 г., чрезвычайно любопытна, такъ какъ содержитъ въ себѣ цѣлую теорію привилегіи. Мы позволимъ себѣ привести его цѣликомъ.

„Привилегія лордовъ, касающаяся неприкосновенности ихъ слугъ и свиты, распространяется на всю прислугу (menial servants) какъ личную, такъ и семьи, а также на всѣхъ тѣхъ лицъ, услугами коихъ они дѣйствительно пользуются для эксплоатаціи своихъ помѣстій и для личнаго за ними ухода.

Эта неприкосновенность должна начинаться за 20 дней до посылки writ'a о созывѣ каждаго парламента и длиться 20 дней до и послѣ каждой сессіи парламента, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда особыми актами парламента установлены иные сроки.

Всѣ лорды пусть будутъ весьма осторожными въ данномъ отношеніи и помнятъ объ основаніи привилегіи, установленной на тотъ конецъ, чтобы они заботами о своихъ слугахъ не отвлекались отъ серьезныхъ государственныхъ дѣлъ; поэтому да не превратятъ они въ противогосударственный и несправедливый институтъ привилегію, данную имъ только для того, чтобы государство могло получить отъ нихъ, въ своемъ Высшемъ Судилищѣ, болѣе полное познаніе справедливости; каждый изъ нихъ да не только не перейдетъ надлежащей грани, но скорѣе остановится далеко до ея предѣловъ.

Прежде, чѣмъ кто либо подвергнется преслѣдованію, заинтересованному лорду надлежитъ либо лично, либо письменно, либо черезъ по-

VI.

Уголовныя правонарушенія.

§ 43. До сихъ поръ мы имѣли въ виду привилегію свободы отъ ареста лишь по стольку, по скольку рѣчь шла о гражданскихъ дѣлахъ. Возникаетъ вопросъ: распространяется ли freedom from arrest на уголовныя правонарушенія и являются ли члены парламента привилегированными и въ данномъ отношеніи?

Вопросъ этотъ довольно сложенъ и долгое время возбуждалъ сомнѣніе въ средѣ самихъ палатъ.

Относительно древнѣйшаго времени какими либо положительными свѣдѣніями мы не обладаемъ. Первый дошедшій до насъ прецедентъ относится къ 1429 г. — это извѣстное дѣло Larke[1]). Общины въ своемъ ходатайствѣ категорически указали на то, что члены парламента не подлежатъ ни задержанію, ни тюремному заключенію, за исключеніемъ „treson, felonie ou fuerte de pees“ [2]).

Тотъ же взглядъ былъ высказанъ общинами въ дѣлѣ Thorpe (1454 г.)[3]).

Нужно сказать, однако, что приведенная формула точностью и опредѣленностью не отличалась. Правда, понятіе

сланца честно удостовѣрить палату въ томъ, что арестованный принадлежитъ къ числу вышеупомянутыхъ привилегированныхъ лицъ. Что касается могущихъ возникнуть по этому поводу затрудненій, то разрѣшеніе ихъ должно быть предоставлено самой палатѣ, когда до нея будутъ доходить отдѣльные случаи; при этомъ палата будетъ всѣми доступными ей средствами, какъ путемъ присяги, такъ и иными способами опредѣлять положеніе лица, находящагося въ услуженіи у лорда; засимъ, буде палата выскажется противъ заявленнаго притязанія (на привилегію), то заинтересованный лордъ да не удивится, если онъ самъ подвергнется порицанію, по усмотрѣнію палаты, а его слуга не подпадетъ подъ привилегію и будетъ приговоренъ къ уплатѣ убытковъ, ибо государственное правосудіе должно быть выше всякаго личнаго достоинства и ни одинъ виновный не долженъ ждать снисхожденія послѣ столь опредѣленнаго предупрежденія“. Stand. Ord. of the House of Lords, except as to local and personal bills and judicial business, 1902. Французскій текстъ у Moreau et Delpech, op. cit., I, 94—135.

1) См. выше, стр. 123.

2) Rot. Parl., IV, 358.

3) Rot. Parl., V, 240.

treason, благодаря статуту 1352 г. (25 Edw. III), получило довольно опредѣленное очертаніе[1]). Но зато содержаніе felony долгое время оставалась неяснымъ. Первоначально, подъ это понятіе подводилось сравнительно незначительное число правонарушеній[2]), но уже въ XV ст. сюда относятся всѣ, за немногими исключеніями, дѣянія, влекущія за собой конфискацію имущества и смертную казнь, другими словами — всѣ наиболѣе тяжкія правонарушенія[3]). Treason и felony противопоставлялись misdemeanours — менѣе важнымъ проступкамъ. Что же касается понятія „fuerte de pees“ или, по англійской терминологіи, breach of peace, то оно точно также опредѣленностью не отличалось. Имъ обнимался цѣлый рядъ дѣяній, какъ то незаконныя сборища болѣе 12 лицъ, охота въ чужомъ паркѣ, насильственный захватъ чужой недвижимости, причемъ одни изъ этихъ преступленій причислялись къ felony, другія къ misdemeanours[4]). Такимъ образомъ, установленная общинами классификація не давала точнаго критерія для опредѣленія тѣхъ дѣяній, которыя преслѣдованію не подлежали: понятія treason и felony лежали въ одной плоскости, breach of peace — въ другой. Этимъ и объясняются тѣ затрудненія, съ которыми палатамъ пришлось встрѣтиться по данному вопросу въ теченіе XVII и XVIII вв.

Остановимся вкратцѣ на дошедшихъ до насъ прецедентахъ.

18 апрѣля 1626 г. въ палатѣ лордовъ заслушанъ былъ докладъ особой коммисіи, которая изложила всѣ бывшіе до того времени случаи привлеченія депутатовъ къ уголовной отвѣтственности. Въ результатѣ, собраніемъ принята была особая резолюція, согласно которой „никакой лордъ въ то время, когда засѣдаетъ парламентъ или когда, согласно обычаю, дѣйствуетъ привилегія, не можетъ быть заключенъ въ

1) Объ исторіи treason см. Pollock and Maitland, op. cit., II, 498 fol. Для современной конструкціи см. Stephen, Digest 42.

2) Coke знаетъ только семь видовъ felony, см. de Franqueville, Système judiciaire, II, 422.

3) Pollock and Maitland, op. cit., II, 463.

4) См. Blackstone-Chompré, op. cit., V, 435; Wertheim, op. cit., 97.

тюрьму или подвергнуться какимъ либо понудительнымъ мѣрамъ иначе, какъ по опредѣленію или приказу палатъ, за исключеніемъ случаевъ treason, felony или отказа дать гарантію общественнаго мира“ [1]).

Вскорѣ, однако, вопросу дана была иная формулировка, а именно резолюціей палаты общинъ отъ 17 августа 1641 г. было признано, что привилегія не подлежитъ примѣненію въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о нарушеніи или объ отказѣ дать обезпеченіе мира, а также когда имѣется на лицо indictment вслѣдствіе преступленія, совершеннаго внѣ стѣнъ парламента [2]). Такимъ образомъ, въ основу классификаціи преступныхъ дѣяній, съ точки зрѣнія иммунитета, было положено дѣленіе ихъ на indictable и no indictable, причемъ покрытыми привилегіей признаны были лишь послѣднія. Слѣдуетъ сказать, что сама по себѣ классификація эта была вполнѣ цѣлесообразна и отвѣчала сложившимся къ тому времени отношеніямъ.

На самомъ дѣлѣ, важнѣйшій изъ извѣстныхъ древнему англійскому праву способовъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія, а именно appeal [3]), сталъ все болѣе и болѣе вы-

---

1) У Parry, op. cit., 308, дѣло изложено слѣдующимъ образомъ. „Report is made touching the commitment of Peers during the sitting of Parliament.

Precedents against: 18 Edw. I, 15 Edw. III, 50 & 51 Edw. III, 20 Ric. 2 art. 8, 4 Hen. IV n. 13, 5 Hen. IV art. 71, 8 Hen. VI n 57, 31 Hen. VI n 28, 34 Hen. VIII, 1 Car (Vaud).

Precedents for commitment for present offence to the King, though neither treason, felony, nor breach of peace: 28 Eliz. (earl of Arundell), 5 Eliz. (earl of Hertford), 25 Hen. VIII (bishop of Rochester), 28 Hen. VI. (William Larke), 1 Hen. IV (bishop of Carlisle), 5 Hen. IV (earl of Northumberland), 15 Edw. III (archbishop of Canterbury), 3 Edw. III (bishop of Winchester).

The Lords answer all these latter precedents, and it is agreed by the whole House „that no Lord, Parliament sitting, or wittin the usual times of priviledge, is to be imprisoned, or restrained, without sentence or order of the House, unless for treason, felony or refusing to give scurity for the peace.

Ordered, A remonstrance to his Majesty to enjoy the same“.

2) Parry, op. cit., 364.

3) Т. е. обвиненіе, исходящее отъ частнаго лица. Аппиль имѣло своимъ послѣдствіемъ либо судебный поединокъ, либо производство дѣла передъ коронеромъ. Формально а. былъ отмѣненъ только въ 1818 г., см.

тѣсняться indictment, т. е. преслѣдованіемъ виновныхъ ex officio со стороны правительственной власти, съ преданіемъ ихъ большому (обвинительному) джюри или безъ этого [1]).

Съ другой стороны, прежняя трехчленная классификація преступленій на treason, felony и misdemeanour стала утрачивать свое значеніе, такъ какъ на основаніи различныхъ статутовъ, изданныхъ въ теченіе XVI и XVII ст., многія misdemeanours стали наказываться смертной казнью, и наоборотъ, нѣкоторые виды felony были обложены менѣе тяжкими наказаніями.

Новая формула, выработанная палатою общинъ, однако, не сразу вошла въ обиходъ. Такъ, въ 1675 г. между лордами и общинами возникъ конфликтъ вслѣдствіе принятія верхней палатой къ своему разсмотрѣнію аппиля Shirley'a на John'a Fragg'a, члена нижней палаты. Коммонеры твердо стали на ту точку зрѣнія, что привилегія касается всѣхъ дѣяній, кромѣ treason, felony и breach of peace, и что для аппилей не существуетъ никакихъ исключеній [2]). Точно также въ 1697 г. палатой общинъ было признано, что ни нарушеніе мира, ни насильственное арестованіе или вторженіе въ жилище подъ привилегію не подпадаютъ.

§ 44. Въ 1763 г. возникло знаменитое дѣло John'a Wilkes'a, члена общинъ и издателя журнала „North Britton".

Въ 44-омъ номерѣ этого изданія Wilkes помѣстилъ крайне рѣзкую и ядовитую критику тронной рѣчи. Вслѣдъ за симъ государственнымъ секретаремъ изданъ былъ общій варрантъ объ арестѣ всѣхъ „авторовъ, печатниковъ и издателей этой мятежной клеветы" [3]). Въ числѣ другихъ арестованъ былъ и Wilkes. Однако, судъ (court of common pleas) его немедленно освободилъ, признавъ, что совершенное имъ дѣяніе покрыто иммунитетомъ. Вскорѣ затѣмъ противъ него было возбуждено обвиненіе со стороны суда королевской скамьи, но, опираясь на привилегію, Wilkes

de Franqueville, Système judiciaire, II, 235; Stephen, History of criminal law, I, 244.

1) De Franqueville, ibid., 238, 266.

2) Parry, op. cit., 572; Parl. Hist., IV, 726.

3) Гринъ, назв. соч., IV, 180; May-Oppenheim, op. cit., I, 320.

въ судъ не явился. Когда же въ ноябрѣ собрался парламентъ, онъ первымъ дѣломъ обсудилъ инцидентъ и призналъ 45-ый номеръ „Сѣвернаго Британца“ лживымъ, скандальнымъ и мятежнымъ пасквилемъ[1]), подлежащимъ сожженію рукою палача. 24-го числа была вынесена резолюція по общему вопросу о томъ, насколько поступокъ Wilkes'a подпадаетъ подъ дѣйствіе привилегіи. 257-ю голосами противъ 138 было признано, что парламентскій иммунитетъ не распространяется на пасквили, и что имъ нельзя пользоваться въ цѣляхъ воспрепятствовать обычному дѣйствію законовъ въ дѣлѣ быстраго и эффективнаго преслѣдованія столь отвратительнаго и опаснаго правонарушенія[2]). Эта резолюція вызвала пламенный протестъ со стороны Питта, что не помѣшало, однако, дѣлу перейти въ верхнюю палату, которая 29 ноября къ резолюціи присоединилась. Нужно впрочемъ сказать, что довольно значительная группа лордовъ рѣшительно высказалась противъ принятія постановленія общинъ, причемъ 17 изъ нихъ заявили особый письменный протестъ. Соображенія меньшинства сводились къ двумъ пунктамъ. Съ одной стороны, указывалось на то, что согласно издавна установившемуся обычаю, преслѣдованіе члена парламента допускается только въ случаяхъ treason, felony и отказа дать гарантію мира или подчиниться приказу о habeas corpus: libel же подъ понятіе breach of peace подведено быть не можетъ[3]). Съ другой стороны, приведены были соображенія теоретическаго характера въ пользу обезпеченія наибольшей свободы для парламентскихъ дѣятелей[4]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что резолюція палаты общинъ была продиктована, главнымъ образомъ, политическими со-

---

1) „The North Britton № 45 is a false, scandalous and seditious libel, containing expressions of the unexampled insolence, etc.“ Parl. Hist., XV, 1361.

2) „That privilege of Parl. does not extend to the case of writing and publishing seditious libels, nor ought to be allowed to obstruct the ordinary course of the laws, in the speedy and effectual prosecution of so heinous and dangerous an offence“. Ibid., 1362.

3) „But this offence is not a breach of peace“. Ibid., 1374.

4) „A parl., under perpetual terror of imprisonment can neither be free, nor bold, nor honest“. Ibid., 1378. Къ тому же сводилась аргументація Питта въ палатѣ общинъ.

ображеніями. Wilkes былъ лидеромъ оппозиціи, и его ненавидѣло какъ правительство Георга III, такъ и торійское большинство. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ сказать, что, юридически, у парламента были весьма вѣскія основанія остановиться именно на томъ рѣшеніи, которое онъ вынесъ. На самомъ дѣлѣ, пасквиль издавна принадлежалъ къ числу indictable offence — между тѣмъ уже въ 1641 г. было признано, что правонарушенія этого рода иммунитетомъ не покрываются.

§ 45. Резолюція 1763 г., сколь противъ нея въ свое время ни возражали, получила руководящее значеніе. Съ тѣхъ поръ практика твердо стоитъ на томъ, что иммунитетомъ покрыты только тѣ преступленія, которыя не входятъ въ разрядъ indictable offences[1]). Въ 1831 г. это категорически признано было комитетомъ о привилегіяхъ и въ настоящее время, повидимому, сомнѣній не возбуждаетъ.

Такимъ образомъ, нынѣ неприкосновенность распространяется только на маловажные проступки, подлежащіе разсмотрѣнію въ суммарномъ порядкѣ и подсудные т. наз. petty sessions или единоличной юрисдикціи мировыхъ судей[2]). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ положеніе членовъ парламента ничѣмъ не отличается отъ положенія прочихъ гражданъ: по всѣмъ indictable offences они наравнѣ съ ними привлекаются къ отвѣтственности[3]), и на судебныхъ мѣстахъ лежитъ лишь обязанность сообщать подлежащей палатѣ о мотивахъ задержанія ея членовъ[4]).

Къ indictable offences въ настоящее время приравнивается contempt of court. Въ XVI и XVII ст. вопросъ былъ споренъ. Такъ, въ 1605 г., нѣкій Brereton, который подвергся тюремному заключенію по приговору суда королевской скамьи за contempt, былъ освобожденъ на основаніи

1) Перечень indictable offences см. у Stephen, Digest, 433—456. Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время прежнія классификація на treason, felony и misdemeanour утратила какъ теоретическое, такъ и практическое значеніе. Спора по этому поводу не существуетъ.

2) См. Gerland, op. cit., 29; de Franqueville, Système, II, 303.

3) Членъ парламента можетъ быть даже задержанъ въ самомъ залѣ засѣданія, по крайней мѣрѣ до прочтенія молитвы. См. дѣло лорда Cochrane у May, loc. cit.

4) Подробность см. у May, loc. cit., 124—126,

приказа о habeas corpus по требованію коммонеровъ[1]). Въ 1625 г. лорду Vaux тѣмъ же путемъ удалось прекратить преслѣдованіе со стороны Звѣздной Палаты. Но со второй половинѣ XVIII в. дѣло мѣняется. Прежде всего, standing order'омъ отъ 8 іюня 1757 г. (№ 79) верхней палатой было установлено, что никакой пэръ или лордъ не можетъ отказаться подчиниться приказу о habeas corpus, а въ дѣлѣ графа Ferrers признано было, что въ случаѣ такого отказа можетъ быть назначено тюремное заключеніе[2]).

Что же касается палаты общинъ, то, начиная съ XIX в., тянется длинный рядъ прецедентовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что contempt въ настоящее время ничемъ не отличается отъ indictable offence. Это было категорически подтверждено въ 1902 г. комитетомъ о привилегіяхъ по дѣлу Mc Hugh.[3]) [4]).

VI.

Срокъ дѣйствія привилегій.

§ 46. Какъ мы уже имѣли случай отмѣтить члены парламента первоначально пользовались привилегіей „eundo, morando et redeundo“, т. е. въ то время, когда засѣдала палата и во время пути какъ туда, такъ и обратно.

Спрашивается, однако, что считалось легальнымъ срокомъ для такого путешествія? Какъ установлено новѣй-

1) May, loc. cit., 127; Parry, op. cit., 249.

2) May, loc. cit., 127.

3) Ibid, 128, 129.

4) Слѣдуетъ отмѣтить, что, въ случаѣ пріостановки habeas corpus-act, члены парламента обыкновенно дѣлаются неприкосновенными въ томъ смыслѣ, что арестъ или задержаніе ихъ по уголовнымъ дѣламъ становится невозможнымъ безъ согласія соотвѣтственной палаты. Такъ, согласно ст. 4 акта о пріостановкѣ 1687 г., „ничто въ настоящемъ актѣ не должно быть распространяемо на старинныя права и привилегіи парламента, ни на заключеніе или задержаніе какого-либо члена обѣихъ палатъ парламента до тѣхъ поръ, пока предметъ, въ которомъ онъ подозрѣвается, не будетъ предварительно сообщенъ той палатѣ, членомъ котораго онъ состоитъ, и пока на его арестъ или задержаніе не будетъ получено согласіе этой палаты“. Дерюжинскій, назв. соч., 168; фонъ-Резонъ, назв. соч., 8. Ср. Parl. Hist., V, 156—157.

шими изслѣдованіями Hatschek'a[1]), опирающагося на авторитетъ Prynne, срокъ этотъ находился въ зависимости отъ разсчета т. наз. wages, т. е. суточнаго вознагражденія, которые депутаты получали отъ своихъ избирателей. При Эдуардѣ II размѣръ суточныхъ былъ опредѣленъ въ 4 шиллинга для рыцарей и въ 2 шиллинга для горожанъ, причемъ уплата этихъ суммъ лежала на обязанности избирателей[2]). Въ концѣ каждой сессіи отъ имени короля выдавался особый writ de expensis levandis, и расчетъ причитавшихся каждому депутату денегъ производился въ канцеляріи (Chancery). Со временемъ установился особый тарифъ для отдѣльныхъ мѣстностей, причемъ было вычислено нормальное число дней для „путешествія туда и обратно", съ расчетомъ причитающихся прогонныхъ. Этимъ тарифомъ опредѣлялось, однако, не только слѣдовавшее каждому депутату количество wages, но и сроки дѣйствія привилегіи freedom from arrest[3]): депутатъ былъ покрытъ иммунитетомъ столько дней до начала сессіи и послѣ ея окончанія, сколько такихъ дней было обозначено въ writ de expensis.

Съ теченіемъ времени, а именно къ концу XVI ст., обычай выдавать суточныя членамъ парламента исчезаетъ; отпадаетъ благодаря этому и объективный критерій для опредѣленія продолжительности привилегіи. Мало-по-малу въ обычай входитъ 40-дневный срокъ до начала сессіи и послѣ ея окончанія или перерыва. Блэкстонъ на него ссылается какъ на общепринятый и указываетъ на то, что „теперь этотъ срокъ равенъ продолжительности парламента, такъ какъ онъ рѣзко бываетъ пророгированъ больше, чѣмъ на 80 дней"[4]).

---

1) См. его статью въ Zeitschrift f. d. ges. Staatswissenschaft, 1901, S. 152 ff., а также его-же Englisches Staatsrecht, I, 339—341.

2) Георъ Мейеръ, Избирательное право, книга II, М. 1906, стр. 74.

3) Hatschek, op. cit. I, 340: „Der Tarif in der Chancery hatte aber nicht nur den Zweck, das „eundo et redeundo" im writ festzustellen. Er diente auch dazu die Dauer der Parlamentsprivilegien zu bestimmen. Der unbestimmte Zeitausdruck „eundo et redeundo", dessen Feststellung ursprünglich ganz in der Willkür des Sheriff stand, wie wir sahen, durch die Chancery festgestellt wurde, ist das Bindemittel zwischen den Diäten der Abgeordneten und der Dauer der Parlamentsprivilegien geworden. Auch die Parlamentsprivilegien wurden nach der Zeit bemessen, welche durch den Ausdruck „eundo et redeundo" gegeben war". Ср. Parry, op. cit., XXXIII.

4) Blackstone-Stephen, op. cit., II, 353. По мнѣнію многихъ

40-дневный срокъ продолжаетъ и понынѣ считаться законнымъ, по крайней мѣрѣ для членовъ палаты общинъ. Относительно верхней палаты ст. 67 наказа устанавливаетъ срокъ въ 20 дней для слугъ лордовъ, а по ст. 64 привилегія пэровъ должна длиться „обычное время“. Точнаго опредѣленія этого понятія, однако, нѣтъ ни въ одномъ законодательномъ актѣ; суды же твердо держатся 40-дневнаго срока, причемъ руководящее значеніе, по крайней мѣрѣ для новѣйшаго времени, имѣетъ судебное рѣшеніе по дѣлу Duncombe отъ 7 сентября 1847 г.[1]). Равнымъ образомъ, по свидѣтельству May'я, практикой признано, что привилегія покрываетъ членовъ парламента въ теченіе того же самаго срока и послѣ его роспуска (dissolution)[2]).

англійскихъ писателей этотъ срокъ находится въ связи съ постановленіемъ ст. 14 великой хартіи, которая гласитъ, что члены commune concilium regni должны по вызову короля собираться „ad certum diem, scilicet ad terminum quadraginta dierum ad minus et ad certum locum“. См., напр. Энсонъ, назв. соч., I, 144. Изслѣдованія Hatschek'a, однако, показываютъ, что между постановленіемъ хартіи и продолжительностью привилегіи связи никакой не существуетъ. Слѣдуетъ замѣтить, что 40-дневный срокъ не сразу вошелъ въ обычай. Такъ, 24 апр. 1640, въ палатѣ общинъ было заявлено, причемъ никто не сдѣлалъ возраженій, что „every member of this House has Privilege for 16 days exclusive, and 15 days inclusive, before the beginning and ending of every Parliament“. Parry, op. cit., 338.

1) May, op. cit., I, 118.

2) Ibid.

Глава четвертая.

Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты.

§ 47. Основанныя въ теченіе XVII ст. на сѣверѣ американскаго континента колоніи съ самаго начала организовались по англійскому образцу[1]). Населеніе ихъ состояло, главнымъ образомъ, изъ англійскихъ выходцевъ, принесшихъ съ собой тѣ правовыя представленія, которыми въ то время жила ихъ родина. Хартіи, положившія основаніе политическому строю этихъ новыхъ государственныхъ организмовъ, узаконили въ общихъ чертахъ, тотъ порядокъ вещей, который существовалъ въ метрополіи[2]). Исполнительная власть была вручена губернаторамъ, судебная — судамъ, а законодательная особымъ учрежденіямъ, состоявшимъ либо исключительно изъ избранныхъ населеніемъ депутатовъ, либо изъ представителей и лицъ, засѣдавшихъ по назначенію или личному праву[3]).

Юридическое положеніе членовъ этихъ палатъ опредѣлялось, главнымъ образомъ, обычаемъ и прецедентами. Но

1) См. C. Ellis Stevens, Les sources de la constitution des États-Unis, trad. par Vossion, Par. 1897, p. 5 et suiv.; Hannis Taylor, The origin and growth of the english constitution, Lond. 1890, I, 22.

2) Текстъ этихъ хартій см. у Perley Poore, The federal and state constitutions, etc., 2-d ed., Wash. 1878; исторію ихъ у Bancroft, Geschichte der Vereinigten Staaten von Nordamerika, übers. von Kretzschmar, B. I—III, Lpz. 1845, и Gourd, Les chartes coloniales et les constitutions des États-Unis de l'Amérique du Nord. Par. 1885, t. I.

3) Объ организаціи колоніальныхъ палатъ, кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, см. Herbert L. Osgood, The american colonies in the seventeenth century, N.-Y. 1904, v. II, въ особенности p. 74 fol.

въ нѣкоторыхъ случаяхъ хартіями давались соотвѣтственныя указанія. По общему правилу, обезпечены были свобода слова и свобода отъ ареста: во время сессій и въ теченіе срока, который колебался между недѣлей и 10 днями до и послѣ закрытія и открытія ея, члены палатъ, независимо отъ титула, на основаніи котораго они засѣдали, не подлежали аресту, за исключеніемъ случаевъ treason, felony и breach of peace [1]). Англійская формула, какъ видно, была рецепирована цѣликомъ [2]).

§ 48. Въ 1776 г. засѣдавшій въ Филадельфіи конгрессъ предложилъ отдѣльнымъ штатамъ выработать себѣ конституціи. Коннектикутъ и Родъ-Айландъ оставили въ силѣ дѣйствовавшія у нихъ колоніальныя хартіи, прочія 11 колоній выработали себѣ конституціи на особыхъ ad hoc созванныхъ конвентахъ [3]).

Во всѣхъ штатахъ, согласно новымъ актамъ, законодательная власть была вручена представительному собранію, въ нѣкоторыхъ государствахъ раздѣленному на двѣ палаты. Эти маленькіе парламенты представляли собой довольно точную копію съ большого — англійскаго. Въ частности, имъ были предоставлены тѣ же привилегіи и та же карательная власть [4]). Въ большинствѣ конституцій категорически были

---

1) Gourd, op. cit., II, 52.

2) Ср. Story, Commentaries of the constitution of the United-States, 4-th ed., Boston 1873, p. 608: „This privilege (i. e. freedom from arrest)... belongs to congress in common with all other legislative bodies which exist, or have existed in America since its first settlement, under every variety of government, and it has immemorially constituted a privilege of both houses of the British Parliament".

3) См. Еллинекъ, Декларація правъ человѣка и гражданина, пер. Вормса, 2 изд., М. 1905, стр. 16; Боржо, Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ, пер. Цейтлина, Спб. 1905, Вып. II, стр. 133 и слѣд. Текстъ конституцій см. у Pooge, op. cit.

4) Такъ, напр., ст. XII конст. Maryland'a 1776 г. постановляетъ, что „the House of Delegates may punish, by imprisonement, any person who shall be guilty of a contempt in their view, by any disordely or riotous behaviour, or by threats to, or abuse of their members, or by any obstruction to their proceedings. They may also punish, by imprisonment, any person who shall be guilty of a breach of priviledge, by arresting ou civil process, or by assaulting any of their members, during their sitting, or on their way to, or return from the House of Del., or by any assault of, etc." Poore, I, 822; ср. конституцію Миссури 1820 г., art. III, sect. 18, ibid, II, 1107.

оговорены традиціонныя freedom of speech и freedom of arrest и притомъ, по большей части, въ одинаковыхъ выраженіяхъ [1]).

На формулировку первой привилегіи оказало несомнѣнное вліяніе соотвѣтственная статья Билля о Правахъ 1689 г. Что же касается свободы отъ ареста, то, также какъ и въ Англіи, она не должна была распространятся на treason, felony и breach of peace. Въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ актахъ, впрочемъ, изъятіе распространяется и на другія преступленія [2]). Въ третьей группѣ, наконецъ, прямо указывается, что привилегія распространяется исключительно на арестъ по гражданскимъ дѣламъ [3]).

Относительно продолжительности иммунитета точно также можно отмѣтить нѣсколько разновидностей. Въ однихъ штатахъ срокъ обозначенъ совершенно точно [4]); въ другихъ говорится о „разумномъ“ срокѣ, нужномъ для путешествія отъ мѣстожительства депутата или сенатора до мѣста засѣданій и обратно [5]). Третьи, наконецъ установляютъ расчетъ срока въ зависимости отъ разстоянія, полагая по одному дню на извѣстное количество миль [6]).

1) Типичнымъ является постановленіе конституціи Georgia 1789 г., art. I, sect. 14: „No senator or representative shall be liable to be arrested during his attendance on the general assembly, or for a reasonable time in going thereto or returning home except it be for treason, felony, or breach of peace; nor shall any member be liable to answer for anything spoken in debate in either house, in any court or place elsewhere“. Poore, I, 384, 385.

2) Напр., по конст. Колорадо 1876, art. V, sect. 16, и на violation of oath of office, Poore, I, 226.

3) „In all cases of civil process“. Конст. Коннектикута 1818 г., art III, sect. 10. Poore, I, 261. Ср. конст. Калифоніи 1849 г., art. IV, sect. 12. Ibid, 197.

4) Коннектикутъ 1818 г., art. III. Sect. 10: „four days before the commencement and after the termination of any session“. Ibid, 261; Миссури 1820 г., art. III, sect. 23: „during the session ... and for fifteen days next before the commencement and after the termination, etc“. Ibid., II, 1107.

5) Конст. Георгіи 1789 г., art. I, sect. 14: „during his attendance on the general assembly or for a reasonable time in going thereto or returning home“. Ibid., I, 384.

6) Напр., конст. Флориды 1838 г., art. IV, sect. 12: „allowing one day for evry twenty miles such member may reside from the place at which the general assembly is convened“. Ibid., I, 321.

§ 49. Постановленія эти перешли[1]) и въ союзную конституцію 1787 г. Согласно ст. I секц. 6, сенаторы и депутаты гарантированы отъ ареста во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ treason, felony и breach of peace, во время присутствія ихъ на сессіяхъ той палаты, въ составъ которой они входятъ, а также во время пути ихъ туда и обратно; за рѣчи и пренія въ обѣихъ палатахъ они не могутъ быть допрашиваемы ни въ какомъ иномъ мѣстѣ[2]). Статья эта на Филадельфійскомъ конвентѣ никакихъ преній не возбудила и принята была единогласно[3]). Ею, какъ видно, узаконяются обѣ традиціонныя привилегіи: — свобода отъ ареста и свобода слова. Мы разсмотримъ каждую изъ нихъ особо, примѣнительно къ условіямъ американскаго строя.

1) Fredom from arrest. Установленная § 6 ст. I формула носитъ общій характеръ и воспроизводитъ основ-

1) О вліяніи конституцій отдѣльныхъ штатовъ на актъ 17 сентября см. статью Al. Johnston, приведенную у Bryce, La république américaine, trad. par Müller, Par. 1900, t. I, p. 580 et suiv. Вопросъ объ источникахъ сѣверо-американской конституціи довольно споренъ. О различныхъ воззрѣніяхъ на этотъ счетъ см. Ch. Meyerholz, Zwei Beiträge zur Verfassungsgeschichte der Vereinigten Staaten, Lpz. 1908, Beitr. I, Кар. VI (Woher kam die Konstitution?), а также упомянутое на стр. 153, примѣч. 1, изслѣдованіе Stevens'a. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что вопросъ о привилегіяхъ конгресса былъ разрѣшенъ не на основаніи какихъ-либо общихъ теоретическихъ соображеній, а согласно съ стародавнимъ обычаемъ, ср. Hubrich, op. cit., 37. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Federalist вопроса о привилегіяхъ членовъ конгресса не касается вовсе: настолько онѣ само собою разумѣлись и не вызывали возраженій ни съ чьей стороны.

2) „The senators or representatives ... shall in all cases, except treason felony and breach of the peace, be privileged from arrest during their attendance at the session of their respective houses, and in going to and returning from the same; and for any speech or debate in either house, they shall not be questioned in any other place". „Артикулы конфедераціи" 1777 г. заключали въ себѣ нѣсколько болѣе опредѣленную, съ точки зрѣнія редакціи, статью (art. V): „freedom of speech and debate in Congress shall not be impeached or questioned in any court ou place out of Congress, and the members of Congress shall be protected in their persons from arrests and imprisonements, during the time of their going to and from, and attendance on Congress, except for treason, felony or breach of the peace". Первая часть, какъ видно, представляла собой буквальное повтореніе постановленія Билля о Правахъ.

3) Curtis, History of the origin, etc., of the constitution of the United States, N.-Y. 1861, II, 263.

ную норму англійскаго права по данному вопросу. Однако, какъ мы видѣли, въ Англіи какъ содержаніе, такъ и юридическая структура иммунитета постоянно измѣнялись въ зависимости отъ политическихъ условій. Поэтому въ Америкѣ могло быть рецепировано только то право, которое дѣйствовало къ концу XVIII ст. Въ это время какъ разъ послѣдовалъ рядъ статутовъ, значительно сократившихъ объемъ привилегіи. Поэтому содержаніе иммунитета въ Америкѣ довольно узко и, въ общемъ, совпадаетъ съ нынѣ дѣйствующими въ Англіи правилами [1]).

Прежде всего, также какъ и въ Англіи, привилегія имѣетъ значеніе почти исключительно для гражданскихъ дѣлъ: изъятіе, установленное § 6, толкуется распространительно, — въ томъ смыслѣ, что подъ него подводится всѣ indictable offences [2]). Далѣе, дѣйствію ея подлежатъ только сенаторы и депутаты, но не ихъ слуги, свита и т. п. [3]). Самое же задержаніе, буде таковое состоится, считается ничтожнымъ ab initio, причемъ арестованный можетъ быть освобожденъ либо на основаніи writ of habeas corpus, исходящаго отъ правительства, либо по writ of privilege, выданному канцеляріей (если рѣчь идетъ о представителѣ легислатуры того или другого штата) [4]). Наконецъ такъ какъ арестъ самъ по себѣ незаконенъ, то лицо, распорядившееся о немъ подлежитъ судебной отвѣтственности [5]).

---

1) Резюме дѣйствующаго въ Америкѣ права см. у Jefferson Manuel de pratique parlementaire, trad. par. Delpech et Marcaggi, Par. 1905, p. 27 et suiv. Согласно резолюціи палаты депутатовъ отъ 15 сентября 1837 г., правила, изложенныя въ руководствѣ Джеффферсона имѣютъ для палаты силу закона во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ наказу.

2) Story, Commentaries on the constitution of the United States, 4-th ed. by Cooley, Bost. 1873, v. l, § 765; v. Holst, Das Staatsrecht der Vereinigten Staaten von Amerika, Freib. i. B., 1875, S. 57, n. 3.

3) Jefferson, op. cit., 28; Story, op. cit., 862: „In the members of Congress the privilege is strictly personal".

4) Слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ конституціи отдѣльныхъ штатовъ возникли въ разное время, то по вопросу о привилегіяхъ онѣ не вполнѣ сходятся, отражая въ себѣ тотъ фазисъ въ развитіи даннаго института, который въ моментѣ выработки конституціи переживался въ Англіи.

5) Jefferson, op. cit., 20.

Дѣйствіе привилегіи начинается съ момента избранія и длится до возвращенія члена конгресса домой [1]). Точно также какъ въ Англіи понятіе „arrest“ обнимаетъ собою не только задержаніе въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и т. наз. subpoena ad respondendum aut testificandum [2]), равно какъ и исполненіе обязанностей присяжнаго засѣдателя [3]).

2) Freedom of speech. Привилегія имѣетъ совершенно тотъ же характеръ и объемъ, что въ Англіи. Хотя § 6 ст. I конституціи говоритъ только о „допросѣ“ (questioned) членовъ конгресса, однако практика толкуетъ это выраженіе въ смыслѣ запрещенія всякаго вмѣшательства судебной власти. Иммунитетъ, далѣе, распространяется не только на рѣчи, но и на всѣ дѣйствія, совершаемыя членомъ конгресса при исполненіи имъ своихъ обязанностей [4]). Коррелятомъ привилегіи являются карательно-дисциплинарныя права палатъ: — на основаніи ст. I секц. 5 конституціи, каждая палата устанавливаетъ правила своего дѣлопроизводства, нака-

---

1) Ibid.: „La loi ne limite pas non plus la durée assez strictement pour qu'il faille exiger de l'interessé que dès la session close il se mette immédiatement en route pour retourner en son État; elle lui laisse, au contraire, le temps de régler ses affaires privées et de préparer son voyage; elle ne lui fixe même pas très exactement un itinéraire, et ne lui retire pas sa protection, s'il s'écarte légèrement du plus direct, attendu qu'il y a peut être été contraint par quelque nécessité. Cp. Mohl, Das Bundes-Staatsrecht der Vereinigten Staaten, Tüb. 1824, S. 165.

2) Привилегія, однако, не освобождаетъ отъ обязанности фигурировать на судѣ въ качествѣ свидѣтеля по гражданскимъ дѣламъ, см. Story, op. cit., I, 608.

3) Jefferson, op. cit., 30. Любопытно то оправданіе привилегіи, которое приводится авторомъ: „la chose est juste: un membre de la chambre a, en effet, à remplir dans un autre lieu des devoirs supérieurs à ceux qui viennent d'être indiqués. Lorsqu'un représentant est retenu loin de son siège par l'effet d'une citation, les 40,000 personnes qu'il représente perdent leur voix dans la discussion et dans le vote, tout comme, si leur représentaut s'étaitvolontairement absenté; lorsqu'un sénateur est retenu loin de son siége par une assignation, l'État qu'il représente perd la moitié de sa voix, etc. L'énorme disproportion des maux ne soutient pas la comparaison“. Это — едва ли не единственное теоретическое обоснованіе иммунитета во всей американской литературѣ.

4) Mohl, loc. cit.; v. Holst, op. cit., 57: „Die Immunität ist nicht auf die Reden und Debatten beschränkt, sondern erstreckt sich auch auf die Abstimmungen, die Berichte und überhaupt jede offizielle Handlung als Mitglied eines der beiden Häuser“.

зываетъ своихъ членовъ за дурное поведеніе (disordely behaviour) и исключаетъ членовъ постановленіями, принимаемыми большинствомъ $^2/_3$ голосовъ [1]).

У конгресса, такимъ образомъ, рядомъ съ дисциплинарной властью, направленною на поддержаніе порядка въ засѣданіяхъ, имѣются еще довольно далеко идущія карательныя полномочія въ случаѣ „дурного поведенія“ его членовъ. Что подразумѣвается подъ этимъ терминомъ, законъ ближайшимъ образомъ не опредѣляетъ, и палатамъ въ этомъ отношеніи предоставлена полная свобода. Такъ, въ 1797 г. нѣкій Blount былъ исключенъ изъ сената за совершенное имъ уголовное преступленіе. Но практика вовсе не требуетъ, для примѣненія этой мѣры, чтобы дѣяніе было предусмотрѣно уголовнымъ кодексомъ: достаточно, чтобы оно не было совмѣстимо съ достоинствомъ и званіемъ народнаго представителя, причемъ безразличны какъ время, такъ и мѣсто совершенія дѣянія [2]).

Что же касается чисто дисциплинарныхъ мѣръ, принимаемыхъ во время засѣданія, что таковыя опредѣляются для сената 19-ымъ, а для палаты депутатовъ 14-ымъ правиломъ соотвѣтственныхъ наказовъ [3]).

§ 50. Согласно ст. I секц. 5 акта 17 сентября 1787 г., каждая палата ведетъ протоколы своихъ засѣданій и отъ времени до времени ихъ публикуетъ, за исключеніемъ тѣхъ частей, которыя она признаетъ не подлежащими оглашенію; въ протоколъ заносятся, буде того пожелаетъ $^1/_5$ присутствующихъ членовъ, голосованія по всѣмъ дѣламъ [4]). На

1) О томъ, какъ должны исчислиться эти $^2/_3$ см. Mohl, loc. cit., и Weigel, op. cit., 16; Reynaert, op. cit., I, 370.

2) „A high misdemeanor, entirely inconsistent with his public trust and duty as a senator“. Story, op. cit., § 838.

3) Текстъ дѣйствующихъ наказовъ см.: для сената — Senate Manual containing the standing rules and orders of the U. S. senate, Wash. 1903; для палаты депутатовъ: A Digest and Manual of the rules and practice of the H. of. R., prepared by Asher C. Huids, Wash. 1903. Французскій переводъ у Moreau et Delpech, op. cit., Par. 1907, t. II, p. 101—178. Тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются у Schleiden'a, Die Disziplinar- und Strafgewalt parlamentarischer Versammlungen über ihre Mitglieder, Berl. 1879, Heft I, S. 24 ff. (ему слѣдуетъ Weigel, op. cit. § 4) теперь уже значительно устарѣли. Ср. Reynaert, op. cit., I, 338 et suiv.

4) „Each House shall keep a Journal of its Proceedings, and from

самомъ же дѣлѣ всѣ произносимыя рѣчи немедленно записываются стенографистами и воспроизводятся въ „Congressional Records“. При этомъ, весьма часто ораторы довольствуются произнесеніемъ въ палатѣ лишь незначительной части заранѣе написанныхъ ими рѣчей, а рукопись in extenso съ разрѣшенія конгресса отсылаютъ въ редакцію „Records“ [1]).

Относительно публичности засѣданій, конституція никакихъ постановленій въ себѣ не содержитъ. На практикѣ, засѣданія палатъ посѣщаются многочисленными посѣтителями, и въ зданіи конгресса отведены особыя галлереи для зрителей [2]). Но иначе обстоитъ дѣло въ комитетахъ: засѣданія ихъ обставлены абсолютной тайной, и члены ихъ не вправѣ, даже въ палатахъ, упоминать объ имѣвшихъ въ нихъ мѣсто сужденіяхъ [3]).

Печатаемые конгрессомъ отчеты или „Records“, какъ носящіе оффиціальный характеръ, само собою разумѣется покрыты иммунитетомъ. Распространяется ли привилегія и на отдѣльныя рѣчи, отпечатанныя членами конгресса и розданныя ихъ избирателямъ — вопросъ до сихъ поръ окончательно не рѣшенный. Практика, повидимому, склоняется въ сторону положительнаго разрѣшенія вопроса, хотя, по свидѣтельству Holst'a, имѣются судебныя рѣшенія, относящіеся къ болѣе раннему времени, которыя стоятъ на противоположной точкѣ зрѣнія [4]).

time to time publish the same, excepting such parts as may in their judgment require secreby, and the yeas and nays of the members of either House on any question shall, at the desire of one-fifth of those present, be entered on the Journal“. Объ исторіи этой статьи см. Story, op. cit., § 840.

1) Bryce, op. cit., I, 213; Woodrow Wilson, Le gouvernement congressionnel, Par. 1900, p. 101.

2) Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Johannes Müller, Die Immunität der parlamentarischen Berichterstattung, S. 6, американское право, принципіально, въ данномъ отношеніи разнится отъ англійскаго: фактическое допущеніе посторонникъ не противорѣчить никакимъ правовымъ принципамъ, и создавшійся обычай установился не contra, a praeter legem. Публичность засѣданій предусмотрѣна наказомъ палаты депутатовъ. См. правило 35-ое (Moreau et Delpech, op. cit., II, 173).

3) Wilson, op. cit., 93, 94.

4) Op. cit., 57.

Раздѣлъ второй.

Законодательство Франціи и Бельгіи.

Глава пятая.

Начало революціи и конституція 1791 г.

I.

Политическая доктрина революціи.

§ 51. Ликвидація стараго порядка и возведеніе новаго государственнаго зданія Франціи совершились, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ двухъ ученій, имѣвшихъ рѣшающее значеніе для всего дальнѣйшаго развитія политической доктрины. Мы говоримъ о теоріи раздѣленіи властей и о принципѣ народнаго суверенитета. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что оба ученія стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи другъ съ другомъ и другъ друга отрицали, поскольку, по крайней мѣрѣ, рѣчь шла объ основныхъ началахъ. На самомъ дѣлѣ, теорія „Общественнаго договора“ приводила къ отрицанію самой идеи представительства и неотчуждаемыхъ личныхъ правъ; „Духъ законовъ“, напротивъ того, высшимъ началомъ государственности признавалъ осуществленіе личной свободы, а представительный строй лучшимъ способомъ достиженія этого идеала.

Въ одномъ, однако, обѣ доктрины сходились: это въ томъ, что ни изъ той, ни изъ другой нельзя было, по крайней мѣрѣ непосредственно, сдѣлать какіе бы то ни было выводы относительно необходимости поставленія депутатовъ въ особое, привилегированное положеніе.

На самомъ дѣлѣ, доктрина Монтескье сводилась, въ конечномъ анализѣ, къ взаимоограниченію властей, къ созданію системы сдержекъ, имѣющихъ своей задачей преду-

прежденіе деспотизма и охраненіе свободы гражданъ [1]). Власти исполнительная и судебная не должны вторгаться въ область, отмежеванную законодателю; — но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы лица, осуществляющія законодательную функцію, должны были быть поставлены въ какое либо особое, привилегированное положеніе. Напротивъ того, надѣленіе членовъ представительныхъ учрежденій правами, не присущими ни судьямъ, ни прочимъ должностнымъ лицамъ, стояло бы въ противорѣчіи съ принципомъ равновѣсія властей, ибо въ этомъ случаѣ власти законодательной нетрудно было бы перетянуть вѣсы въ свою сторону. Въ лучшемъ случаѣ, изъ теоріи раздѣленія властей можно было вывести неподсудность членовъ законодательныхъ собраній обыкновеннымъ инстанціямъ. Но этого вывода Монтескье не сдѣлалъ, какъ не коснулся онъ ни однимъ словомъ въ своихъ опубликованныхъ [2]) сочиненіяхъ привилегированнаго положенія народныхъ представителей.

Теорія народнаго суверенитета, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она развита была Руссо, не болѣе ученія о раздѣленіи властей оправдывала необходимость свободы слова и неприкосновенности членовъ законодательныхъ собраній. По ученію женевскаго философа суверенитетъ не можетъ быть представленъ, по той самой причинѣ, по которой онъ не можетъ быть отчужденъ: онъ, по существу своему, заключается въ общей волѣ — воля же не можетъ быть представляема. Отсюда слѣдуетъ, что депутатъ не является представителемъ народа, а лишь его повѣреннымъ, не могущимъ рѣшить никакихъ дѣлъ окончательно, безъ утвержденія со стороны народа [3]).

---

1) „Il faut que par la disposition des choses, le pouvoir arrête le pourvoir", Esprit des lois, liv. XI, ch. VI. Ср. Barckhausen, Montesquieu, ses idées, ses oeuvres d'après les papiers de la Brède, Par. 1907, p. 95: „L'expression admise et brutale de séparation des pouvoirs exagère, trahit sa pensée. C'est plutôt la non-confusion qu'il serait exact de dire; car c'est d'elle seule qu'il s'inquiétait vraiment".

2) По крайней мѣрѣ до сихъ поръ (1911 г.).

3) Du contrat social, liv. III, ch. XV: „La souveraineté ne peut être représentée ... Les députés du peuple ne sont donc ni ne peuvent être des représentants, ils ne sont que des commissaires; ils ne peuvent rien conclure définitivement".

Представительное правленіе, съ этой точки зрѣнія, есть non-sens [1]); присвоеніе же „коммисарамъ“ народа какихъ либо особыхъ преимуществъ, не предоставленныхъ другимъ гражданамъ, не находитъ себѣ никакихъ оправданій. По мнѣнію Руссо, полнота власти находится въ рукахъ народа, который обладаетъ всѣми аттрибутами верховенства, присвояемыми традиціонной доктриной абсолютнымъ властителямъ [2]). Народная — суверенная — власть „абсолютна“, „священна“ „неприкосновенна“ [3]). Какъ только народъ законно собранъ, личность послѣдняго гражданина становится столь же священной и неприкосновенной, какъ личность перваго сановника въ государствѣ, ибо тамъ, гдѣ есть представляемый, нѣтъ уже болѣе представителя [4]). Отсюда логически вытекаетъ, что неприкосновенностью могутъ пользоваться участники народныхъ собраній, но не члены представительныхъ учрежденій [5]) [6]).

Такимъ образомъ, ни догматъ раздѣленія властей, ни

1) Ср. Joseph Fabre, Les pères de la Révolution. Par. 1910, p. 397.

2) Ср. D'Eichthal, Souveraineté du peuple et gouvernement, Par. 1895, p. 75 et suiv.; Duguit, Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'État, Par. 1908, p. 25 et suiv. Иного взгляда придерживается Rodet, Le contrat social et les idées politiques de J.-J. Rousseau, Par. 1909, p. 84 et suiv.

3) Contr. soc., liv. II, ch. IV.

4) Ibid., liv. III, ch. XIV.

5) На это вполнѣ правильно и опредѣленно было указано уже Herrmann'омъ въ Archiv des Criminalrechts, N. F., 1863, S. 366: „Wie folgt, z. B., aus der Verantwortlichkeit des Volksganzen als Subjects der Legislative die Unverantwortlichkeit jedes einzelnen Abgeordneten und für seine gesamte ständische Funktion? Wie folgt aus dem Rechte, Gesetze zu machen, das Recht von den Anforderungen längst bestehender und gar nicht in Frage gestellter nicht getroffen zu werden? Schliesst nicht vielmehr die Behauptung, ein Gesetz machen zu dürfen, auch die eigene Anerkennung der Prädicate in sich, durch welchen ein Willensausdruck als Gesetz besteht“?

6) Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ своихъ „Considérations sur le gouvernement de la Pologne“ Руссо, проектируя для Польши учрежденіе сейма изъ представителей сословій, высказывается за предоставленіе депутатамъ свободы слова: „C'est un grand mal que les longues et vaines harangues qui font perdre un temps si précieux; mais c'en est un bien plus grand, qu'un bon citoyen n'ose parler quand il a des choses utiles à dire. Dès qu'il n'y aura dans les Diètes que certaines bouches qui s'ouvriront, et qu'il leur sera défendu de tout dire, elle ne diront bientôt plus que ce qui peut plaire aux puissants“. Ch. VII.

принципъ народнаго суверенитета — по крайней мѣрѣ въ ихъ первоначальной формулировкѣ — не представляли сколько нибудь подходящей почвы для теоретическаго обоснованія привилегированнаго положенія народныхъ представителей [1]).

§ 52. И, тѣмъ не менѣе, объ эти идеи съ самого начала были положены въ основаніе ученія объ иммунитетѣ и не утратили своего значенія вплоть до настоящаго времени. Это — на первый взглядъ довольно странное — явленіе объясняется тѣмъ, что истинной доктриной революціи оказалось не ученіе Монтескье или Руссо въ чистомъ своемъ видѣ, а нѣкая средняя теорія, болѣе или менѣе удачно сочетавшая „séparation des pouvoirs“ съ „souveraineté du peuple“ [2]). Это ученіе, пущенное въ оборотъ Сійесомъ и Мабли [3]) и развитое цѣлымъ рядомъ государственныхъ людей эпохи Учредительнаго Собранія и Конвента (Mounier, Hérault-de-Séchelles и др.), преслѣдовало, главнымъ образомъ, практическія цѣли. Оно ставило себѣ цѣлью снабдить идейнымъ содержаніемъ стремленія народа или, точнѣе, средняго сословія, сознавшаго свою силу и требовавшаго новыхъ формъ государственной и общественной жизни. Воззрѣнія Руссо и Монтескье давали превосходное орудіе для борьбы со старымъ порядкомъ: ими весьма искусно воспользовались для созданія новой политической идеологіи, нисколько при этомъ не заботясь о логической красотѣ и состоятельности самихъ построеній. Однимъ изъ лозунговъ, выдвинутыхъ публицистикой второй половины XVIII в., явилось какъ разъ ученіе о неприкосновенности депутатовъ.

Какъ только заговорили о созывѣ генеральныхъ штатовъ, повсюду стали раздаваться голоса, требовавшія, чтобы депутатамъ были предоставлены особыя гарантіи неприкосновенности

1) Другого мнѣнія держится Seidler, op. cit., 23. Ему слѣдуютъ Hubrich, op. cit., 47, и v. Muralt, Die parlamentarische Immunität in Deutschland und der Schweiz, Zür. 1902, S. 18.

2) См. интересныя замѣчанія П. И. Новгородцева, Кризисъ современнаго правосознанія, М. 1909, стр. 87.

3) О вліяніи Мабли см. Edme Champion, J. J. Rousseau et la révolution française, Par. 1909, p. 25: „Nous pourrions nous dispenser de dire qu'en 89 les écrits de Mably, très répandus et très lus, appelaient les Français à la liberté; qu'ils devinrent le „catéchisme national“ “.

и свободы. Опасались, что всемогущественное правительство заглушитъ голосъ земли и лишитъ народныхъ представителей той самостоятельности и независимости, которыя были необходимы для выработки конституціи и пересозданія Франціи. Въ общемъ, смотрѣли на дѣло такъ, что предстоитъ какъ бы заключеніе договора между націей и королемъ,[1]), причемъ къ послѣднему относились съ крайнимъ недовѣріемъ. Недовѣрію къ исполнительной власти учила уже давно вся прогрессивная публицистика, находившая въ урокахъ прошлаго обильный матеріалъ для подобнаго настроенія. Мабли, напр., утверждалъ, что всякое законодательство должно исходить изъ того принципа, что исполнительная власть была, есть и вѣчно будетъ врагомъ власти законодательной. Такъ, говоритъ онъ, повелѣваютъ наши страсти, въ особенности скупость и честолюбіе[2]). По справедливому замѣчанію проф. В. Герье „раздѣленіе власти нужно Мабли не столько какъ гарантія противъ захватовъ и увлеченій со стороны всѣхъ органовъ власти вообще, сколько какъ средство стѣснять исполнителей закона и удерживать ихъ на пути законности“[3]). Согласно этому новому ученію о раздѣленіи властей — а оно-то и оказало вліяніе на революціонное законодательство — о равенствѣ властей въ государствѣ не можетъ быть и рѣчи: — на первомъ мѣстѣ должна стоять власть законодательная, исполнительная лишь ея органъ и служитель. Аналогичныя мысли проповѣды-

1) Ср. Готфридъ Кохъ, Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управленія, русск. пер. изд. Скирмунда, стр. 381.

2) Du gouvernement et des loix de la Pologne, въ Oeuvres complettes, Par. 1790, t. XIII, p. 64: „Tout législateur doit partir de ce principe que la puissance exécutrice a été, est et sera éternellement l'ennemi de la puissance législatrice. Nos passions, et surtout l'avarice et l'ambition qui sont devenues l'âme du monde l'ordonnent ainsi, etc. Le plaisir que goûte le magistrat en jouissant de l'empire qu'il exerce sur les citoyens, l'invite à secouer le joug de la puissance législatrice, etc.“.

3) Политическія теоріи аббата Мабли, „Вѣстникъ Европы“ 1887, кн. 1, стр. 145. Ср. P. de Mellis, Le principe de la séparation des pouvoirs d'après l'abbé de Mably, Toul. 1907, p. 102: „La puissance législatrice (по ученію М.) sera toujours exposée à voir usurper son pouvoir, si elle ne se tient continuellement en garde contre l'ambition des magistrats qui sont naturellement portés à se mettre au dessus des lois. Le pouvoir exécutif, tel est l'ennemi le plus redoutable de la puissance législative“.

вались и Сійесомъ. Въ своей брошюрѣ „Délibérations à prendre dans les assemblées de bailliage“ онъ ставитъ tiers-état двѣ цѣли, двѣ задачи: во первыхъ, онъ, совмѣстно съ двумя другими сословіями, т. е. съ дворянствомъ и духовенствомъ, долженъ ограничить всѣ части исполнительной власти; во вторыхъ, оградивъ націю отъ возможныхъ злоупотребленій со стороны министерской власти, tiers-état долженъ защитить ее отъ привилегій [1]). Исполнительная власть разсматривается Сійесомъ какъ общій врагъ всѣхъ трехъ сословій, т. е. власти законодательной [2]), и въ этомъ горячій защитникъ правъ tiers-état вполнѣ сходится съ Мабли.

§ 53. Къ числу средствъ, способныхъ обезпечить законодательныя собранія отъ посягательствъ правительствъ, публицистика того времени относитъ, прежде всего, свободу слова, имѣющую быть предоставленною народнымъ представителямъ. Въ своихъ „Vues sur les moyens d'exécution dont les représentants de la France pourront disposer en 1789“ [3]) Сійесъ подробно останавливается на вопросѣ о внутренней свободѣ собранія и предлагаетъ цѣлый проектъ „statuts de police personnelle“, т. е. наказа, регулирующаго внутреннюю дисциплину собранія. Согласно пункту первому этого наказа, „никакой депутатъ не будетъ привлекаться къ отвѣтственности внѣ собранія за все, что онъ скажетъ или сдѣлаетъ внутри его“. Какъ бы въ противовѣсъ такой привилегіи — которую, по крайней мѣрѣ на первое время, до выработки конституція, предполагалось распространить на всѣ рѣчи и поступки депутатовъ, имѣющіе отношеніе къ государственнымъ дѣламъ (даже въ случаѣ произнесенія или совершенія ихъ внѣ собранія) — Сійесъ предлагаетъ образовать особый комитетъ изъ 12 членовъ, взятыхъ изъ среды народныхъ представителей, для поддержанія порядка въ засѣданіяхъ и принятія репрессивныхъ мѣръ по отно-

1) Collection des ecrits d'Emmanuel Sieyes, ed. revue et augmentée par l'auteur, t. I, Paris et Berlin (безъ года), p. 488.

2) Ibid., p. 489: „Il (le tiers-état) songera donc, d'abord, aux besoins publics d'un intérêt commun aux trois ordres. Tous ensemble commenceront par attaquer ce qu'ils peuvent appeler l'ennemi commun, c. à. d. l'illimitation du pouvoir exécutif“.

3) Collection des ecrits, p. 92 et suiv.

шенію къ провинившимся депутатамъ. То же, приблизительно, требованіе выставляется и въ упомянутыхъ нами выше „Délibérations“ [1]).

Привилегія свободы слова депутатовъ не представлялась для Франціи второй половинѣ XVIII в. чѣмъ то безусловно новымъ и неслыханнымъ. Передъ глазами былъ примѣръ Англіи и Америки, гдѣ къ тому времени сказанная привилегія давно уже успѣла прочно утвердиться. Не подлежитъ сомнѣнію, что иностранные образцы оказали немаловажное вліяніе на выработку французскаго права вообще, и есть полное основаніе думать, что въ разсматриваемомъ нами вопросѣ знакомство съ „Комментаріями“ Блэкстона и съ „Англійской конституціей“ Делольма [2]) принесло свои плоды. Существуетъ даже мнѣніе — виднѣйшимъ его представителемъ является Эсменъ [3]) — будто въ данномъ случаѣ произошла своего рода безсознательная рецепція чужой нормы. Съ этимъ, однако, едва ли можно согласиться. Во Франціи, требованіе гарантіи свободы слова находилось, какъ мы видѣли, въ связи съ политическимъ міросозерцаніемъ революціонно-настроенной части общества; вліяніе иностраннаго, въ данномъ случаѣ англо-американскаго, права могло отразиться лишь на юридической формулировкѣ привилегіи. Но, какъ мы впослѣдствіи убѣдимся, это вліяніе оказалось далеко не столь плодотворнымъ, какъ этого можно было ожидать, и сущность и истинная природа

1) Loc. cit., p. 495: „Arrêté: que les Députés nationaux ne seront point responsables au pouvoir exécutif d'aucunes paroles, écrits ou démarches relatifs aux affaires publiques; mais qu'il sera pourvu, dans l'Assemblée même, à une police personnelle, soit pour bon ordre intérieur, soit pour livrer à la justice ordinaire, après l'avoir exclus, tout membre qui aurait mérité d'y être traduit“. Буквально то же самое читаемъ въ „Инструкціи герцога Орлеанскаго лицамъ, снабженнымъ его довѣренностью для участія въ собраніяхъ баллыяжей, созванныхъ для выборовъ въ генеральные штаты“, Sieyes Politische Schriften, 1796, B. I, S. 362. О брошюрахъ Сійеса и ихъ вліяніи см. Шерэ, Паденіе стараго режима, пер. подъ ред. Е. Тарле, Спб. 1907, т. II, стр. 177 и слѣд.

2) Ср. Seidler, op. cit., 17; Кохъ, назв. соч., стр. 365 и слѣд.

3) Esmein, Éléments de droit constitutionnel, 4 éd., Par. 1906, p. 804: „Dès lors (послѣ изданія Bill of rights въ 1688 г.) cette immunité devint comme un axiôme du gouvernement représentatif. Elle fut proclamée en France par les États-Généraux, etc.“.

свободы слова довольно долгое время оставались для французскаго законодателя неясными и неопредѣленными.

§ 54. Второе изъ предлагавшихся средствъ для устраненія правительственнаго давленія на законодательныя собранія заключалось въ легализаціи „неприкосновенности“ депутатовъ. Еще Мабли, трактуя объ организаціи польскаго сейма, указывалъ на необходимость признанія личности депутатовъ священной и неприкосновенной: въ случаѣ обвиненія члена сейма въ какомъ либо приступленіи[1]), говоритъ онъ, жалоба должна быть принесена самому сейму, который оправдаетъ депутата, если онъ невиненъ и отошлетъ его домой, съ лишеніемъ депутатскаго званія, если онъ виновенъ. Если же депутатъ совершитъ проступокъ („quelque violence ou quelque injustice“), заслуживающій болѣе серьезнаго наказанія, онъ можетъ быть арестованъ для выдачи маршалу сейма, который за него и отвѣчаетъ. Если палата признаетъ его виновнымъ, то онъ подлежитъ лишенію званія депутата и передачѣ судебной власти для наказанія. — Здѣсь, какъ видно, неприкосновенность понимается въ двоякомъ смыслѣ: съ одной стороны, законодательное собраніе облекается правомъ судить и наказывать своихъ членовъ; съ другой, судебное преслѣдованіе депутата можетъ имѣть мѣсто только съ вѣдома и согласія самого сейма.

Мабли едва ли не единственный писатель данной эпохи, останавливающійся на вопросѣ сколько-нибудь обстоятельно. О „неприкосновенности“ народныхъ избранниковъ говорилось въ то время очень много; но яснымъ это понятіе никому не представлялось. Несомнѣнное вліяніе оказывала абсолютистическая идеологія: особа короля считалась священной и неприкосновенной, король былъ выше закона и никакого незакономѣрнаго поступка совершить не могъ. Конституціонное ученіе того времени, почти цѣликомъ перенесшее съ народа какъ такового на его представителей атрибуты королевскаго суверенитета, не прочь было надѣлить депутатовъ традиціонными свойствами верховной власти.

Съ другой стороны, на лицо имѣлись иностранные образцы, а именно англо-американское право. Извѣстно,

1) Мабли говоритъ о „délit indigne de lui“ (т. е. du nonce), Gouvernement de la Pologne, p. 25.

какъ въ концѣ XVIII в. во Франціи увлекались американизмомъ[1]) и какое вліяніе имѣли на выработку конституціонныхъ актовъ декларацій правъ отдѣльныхъ штатовъ. Отразилось ли выработавшаяся на почвѣ англійскаго правя конструкція иммунитета народныхъ представителей на постановку и разрѣшеніе вопроса во Франціи — вопросъ спорный и далеко еще невыясненный. Одни, какъ, напр., Гнейстъ, полагаютъ, что французское inviolabilité явилось послѣдствіемъ рецепціи неправильно понятаго англійскаго института freedom from arrest[2]). Для другихъ – и они составляютъ большинство — институтъ имѣетъ чисто-французское происхожденіе и образовался совершенно самостоятельно[3]). Внимательное изученіе историческаго матеріала приводитъ къ убѣжденію, что правы эти послѣдніе. Какъ мы сейчасъ увидимъ, французское inviolabilité выработалось постепенно, и законодатель долгое время шелъ ощупью, пока не натолкнулся на ту формулу, которая дала институту современный его обликъ. При этомъ, съ самаго начала неприкосновенность распространена была на уголовныя дѣянія, чего, какъ мы видѣли, въ Англіи никогда не было. Если англо-американское право и оказало какое-либо вліяніе, то

1) См. этюдъ М. Ковалевскаго, Англоманія и Американофильство во Франціи XVIII в., „Вѣстникъ Европы“, 1892, кн. 11 и 12.

2) См. рѣчь его въ засѣданіи Рейхстага 17 декабря 1874 г., Stenographische Berichte $18^{74}/_{75}$, B. II, S. 751: „Die Lage der Sache ist nämlich folgende, unseren Juristen ziemlich oft vorkommende. Man hat, als man unseren Art. 31 (конституціи) aufnahm, geglaubt, einen bekannten Satz an den „Freiheiten des englischen Parlaments“ zu übertragen. Dieser angeblich bekannte Satz ging in die französische Charten, in die belgische Verfassung über, wurde aus der belgischen Verfassung frei übertragen in die preussische, aus der preussischen wörtlich übertragen in die deutsche Verfassung. Dabei ist uns aber etwas wiederfahren, was uns unzählige Male wiederfahren ist: wir haben Hunderte von fremden Rechtssätzen aufgenommen und haben uns dabei etwas völlig anders gedacht, als mit dem Originalsatz gemeint ist, den man zu übersetzen glaubte“. Послѣднее замѣчаніе, само по себѣ, совершенно вѣрно, но едва ли примѣнимо къ вопросу о неприкосновенности по французскому праву.

3) См., напр., Weismann, Die strafprozessuale Privilegierung gesetzgebender Versammlungen, въ Zeitschrift f. d. gesammte Strafrechtswissenschaft, B. IX, 1889, S. 380 und passim. Ср. Esmein, Éléments, p. 806 („ce n'est pas le droit anglais qui a fourni le modèle de cette immunité, telle qu'elle se présente dans notre droit constitutionnel“).

не въ данной области, а въ установленіи привилегіи свободы отъ ареста по долговымъ обязательствамъ: ибо французское право, на подобіе англійскаго, на первыхъ порахъ сочло нужнымъ узаконить и этотъ видъ привилегіи.

II.

Наказы 1789 г.

§ 55. Отъ словъ скоро пришлось перейти къ дѣлу. Уже въ концѣ 1787 г. вопросъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ въ принципѣ былъ рѣшенъ, а 8-го августа 1788 г. срокомъ открытія сессіи назначено было 1-ое мая слѣдующаго года. Повсюду закипѣла работа по составленію наказовъ депутатамъ. Въ „cahiers“, какъ извѣстно, отразились всѣ господствовавшія тогда во французскомъ обществѣ умственныя теченія; по замѣчанію одного историка революціи, наказы являются „публичнымъ и вполнѣ достовѣрнымъ хранилищемъ всѣхъ мнѣній и пожеланій цѣлой Франціи“ [1]). Въ значительномъ ихъ числѣ вопросу о юридическомъ положеніи депутатовъ отводилось видное мѣсто. Какъ было констатировано графомъ Клермонъ-Тоннеромъ въ засѣданіи Національнаго Собранія 27 іюля 1789 г., неприкосновенность особы народныхъ представителей была признана большинствомъ балльяжей и не оспаривалась ни однимъ изъ нихъ [2]). Оно и вполнѣ понятно. Наказы единодушно требовали облеченія генеральныхъ штатовъ не только законодательной, но и учредительною властью. Вполнѣ естественно при этомъ, что опасались противодѣйствія короля: — недаромъ Мабли и Сійесъ учили, что „l'ennemi, c'est la puissance exécutrice“. Какъ замѣчаетъ Шерэ, „радость, которую произвелъ созывъ генеральныхъ штатовъ, не обошлась безъ примѣси недовѣрія и безпокойства. Спрашивали себя, какимъ образомъ достигнуть успѣха, сохранить независимость и дѣятельность штатовъ, въ виду тѣхъ нападеній,

1) Bertrand de Molleville, Histoire de la Révolution, IV, 179, Par. an IX, цит. у Шампіона, Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1789 г., Спб. 1906, стр. 5.

2) Archives parlementaires, 1-re série, t. VIII, p. 284. (въ дальнѣйшемъ цит. A. P.).

предметомъ которыхъ они должны были несомнѣнно сдѣлаться“ [1]). Неприкосновенность и свобода слова требуются поэтому въ видѣ средства защиты штатовъ отъ возможныхъ покушеній на нихъ. Самая же формулировка этихъ требованій, однако, отличается довольно большимъ разнообразіемъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что юридическое существо привилегій представлялось не вполнѣ яснымъ.

Одна группа „cahiers“, какъ, напр., наказъ провинціи Артуа, ограничивается простымъ указаніемъ на то, что депутаты будутъ признаны священными и неприкосновенными [2]); иногда указывается при этомъ продолжительность срока привилегіи, какъ въ наказѣ дворянства Бокерскаго (Beaucaire) и Нимскаго сенешоссэ [3]).

Ко второй группѣ относятся тѣ немногіе наказы, которые требуютъ одной только свободы слова; къ ихъ числу принадлежитъ, напр., инструкція магистратовъ и совѣтниковъ города Валансьена [4]). Иногда, впрочемъ, понятія неприкосновенности и свободы слова считаются совпадающими: такъ, дворянство балльяжа Troyes требуетъ, чтобы „личность каждаго изъ членовъ генеральныхъ штатовъ была объявлена неприкосновенной, такъ чтобы (de manière) никто изъ нихъ не могъ никогда быть привлеченъ къ отвѣтственности за все то, что онъ скажетъ или сдѣлаетъ на собраніи штатовъ, развѣ только передъ этими послѣдними“ [5]).

Третью группу составляютъ тѣ наказы, гдѣ обѣ привилегіи — свобода слова и неприкосновенность — трактуются

---

1) Назв. соч., II, 294. Ср. Chassin, Le génie de la Révolution, Par. 1865, t. I, p. 220 et suiv.

2) A. P., II, 79, art. 1: „Les députés aux États-Généraux seront reconnus personnes sacrées et inviolables“. Ср. наказъ tiers-état Либурнскаго сенешоссэ, Ibid., III, 507, 40 („que la personne des députés aux É.-G. soit déclarée inviolable et placée sous la sauvegarde spéciale du Roi et de la nation“).

3) Ibid, IV, 237, art. 3:—15 дней до начала и 15 дней послѣ закрытія генеральныхъ штатовъ. Ср. среднее сословіе Базаскаго (Bazas) сенешоссэ, Ibid, VI, 495, art. 12 (до отдачи отчета избирателямъ).

4) Ibid, VI, 99, art. 3: „ils demanderont qu'aucun membre des États ne puisse être inquiété ni recherché pour ce qu'il aura dit ou soutenu dans les États-Généraux“.

5) Ibid., VI, 75. Ср. наказъ дворянства балльяжа Реймса, Ibid., V, 526, art. 12.

отдѣльно и независимо другъ отъ друга. Такъ, среднее сословіе провинціи Руссильонъ высказываетъ пожеланіе, чтобы члены генеральныхъ штатовъ были признаны и объявлены неприкосновенными съ момента ихъ избранія депутатами и чтобы они ни въ коемъ случаѣ не были отвѣтственны за то, что совершатъ, предложатъ или скажутъ на генеральныхъ штатахъ, развѣ только передъ самими штатами[1]). Буквально тоже самое повторяется въ инструкціяхъ Тріэльскаго прихода[2]), духовенства провинціи Першъ[3]), средняго сословія города Руана[4]) и въ цѣломъ рядѣ другихъ наказовъ.

Четвертая группа „cahiers“ къ двумъ разсмотрѣннымъ требованіямъ присоединяетъ и третье, а именно, чтобы депутаты не подлежали преслѣдованію за частно-правовыя обязательства. Къ этой категоріи относятся наказы средняго сословія Версаля[5]) и St.-Germain - en - Laye[6]), дворянства Ліонскаго сенешоссэ[7]), балльяжа Quesnoy[8]) и нѣк. др.

§ 56. Въ качествѣ корректива къ неограниченной свободѣ слова многія инструкціи требуютъ признанія за генеральными штатами дисциплинарной власти надъ своими членами. Такъ, духовенство балльяжа Дурданъ высказываетъ пожеланіе, чтобы само собраніе примѣняло нужныя мѣры, вплоть до исключенія изъ своей среды провинившихся членовъ[9]). Наказъ дворянства балльяжа Монтаржи идетъ еще дальше и требуетъ созданія, въ средѣ собранія, особой „личной полиціи“ (police personelle), которая слѣдила бы за порядкомъ и передавала бы въ руки судебной власти, по

1) Ibid., V, 374.
2) Ibid., V, 144.
3) Ibid., V, 319.
4) Ibid., V, 597.
5) Ibid., V, 181: „La personne des députés sera inviolable. Ils ne pourront être inquiétés pour aucune affaire civile pendant la durée de leur députation; ils ne seront comptables au pouvoir exécutif d'aucuns discours qu'ils auraient tenu dans l'assemblée“.
6) Ibid., V, 75.
7) Ibid., III, 603, col. 1.
8) Ibid., V, 504.
9) Ibid., III, 245, № 26: „que l'assemblée fera justice elle même de ceux qu'elle croîrait coupables, jusqu'à les exclure de son sein, si elle le jugeait à propos“.

исключеніи ихъ изъ собранія, тѣхъ членовъ, которые того заслужатъ[1]).

Особо долженъ быть отмѣченъ наказъ средняго сословія прихода Монтлери: депутаты считаются священными и неприкосновенными, поскольку они не отступаютъ отъ должнаго уваженія къ королю и націи; въ противномъ случаѣ, они судятся генеральными штатами. Послѣднимъ, такимъ образомъ, присваиваются судебныя, а не дисциплинарныя только функціи по отношенію къ своимъ членамъ.

Иногда „cahiers“ заключаютъ въ себѣ изложеніе мотивовъ, по которымъ выставляется то или другое требованіе. По мнѣнію дворянства балльяжа Клермонъ-Бовуази, „такъ какъ уничтоженіе всѣхъ недостатковъ конституціи и злоупотребленій на ея почвѣ мыслимо только путемъ разоблаченія ихъ передъ генеральными штатами, то подобное разоблаченіе должно быть сдѣлано возможнымъ; этого не было бы, если бы депутаты могли во время сессіи генеральныхъ штатовъ быть обезпокоиваемы въ своихъ правахъ (inquiétés dans leurs droits) даже судами, и если бы боязнь какихъ либо послѣдствій мѣшало имъ свободно высказываться по государственнымъ дѣламъ; отъ мудрости генеральныхъ штатовъ зависитъ установить особыя полицейскія постановленія, которыя сдерживали бы выраженія депутатовъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые штаты найдутъ приличными“[2]). Ту же мыслъ, но въ нѣсколько иной редакціи, высказываетъ дворянство балльяжа Блоа[3]).

Ближайшее опредѣленіе существа привилегій, въ особенности неприкосновенности, встрѣчается довольно рѣдко. Въ нѣкоторыхъ наказахъ, какъ мы уже видѣли, неприкос-

1) Ibid.. IV, 21. Chap. I, art. 2 in fine.

2) Ibid., II, 751, col. 2.

3) Ibid., II, 385, col. 2: „considérant en outre qu'il n'existerait pas de véritable liberté aux États-Généraux, si le suffrage des députés pouvait être gêné par la crainte de dénonciations faites dans les tribunaux, ou par des actes émanés de l'autorité ministérielle, noblesse du bailliage de Blois demande que tous les députés aux États-Généraux soient mis sous la sauvegarde de la nation; qu'ils soient à l'abri de toute dénonciation, de tout décret, de tout acte d'autorité, et qu'ils ne puissent être recherchés dans aucun tems pour tout ce qui pourrait avoir été dit et avancé par eux dans l'assemblée de la nation, etc.“.

новенность отождествляется или, по крайней мѣрѣ, сближается со свободой слова; но въ другихъ она упоминается особо, причемъ кое-гдѣ получаетъ и болѣе точное опредѣленіе. Такъ, напр., среднее сословіе Монпеллье, высказываетъ пожеланіе, чтобы особа депутатовъ была признана неприкосновенною и чтобы судебное и предварительное слѣдствіе были отложены на время засѣданій генеральныхъ штатовъ, а также на мѣсяцъ до начала и на мѣсяцъ послѣ закрытія сессіи [1]). Община Сіота требуетъ, чтобы члены генеральныхъ штатовъ ни въ коемъ случаѣ не подлежали аресту во время слѣдованія къ мѣсту ихъ собранія, пребыванія ихъ здѣсь и возвращенія домой [2]). Наконецъ, Орлеанское дворянство постановляетъ, что, въ случаѣ совершенія депутатомъ преступленія, одни только генеральные штаты будутъ имѣть право разслѣдовать дѣло и передать виновнаго въ руки правосудія [3]).

III.

Конституція 1791 г.

§ 57. Не успѣли генеральные штаты собраться, какъ возникъ конфликтъ съ правительствомъ по поводу повѣрки полномочій депутатовъ. Tiers-état требовалъ поголовной повѣрки, дворянство и духовенство стояли за повѣрку по сословіямъ. Пять недѣль длились переговоры, пока 17 іюня 1789 г. среднее сословіе не провозгласило себя Національнымъ Собраніемъ. Это, какъ извѣстно, послужило сигналомъ къ революціи. Правительство рѣшило не уступать, и 23 іюня король, явившись въ собраніе, произнесъ програмную рѣчь полную угрозъ по адресу оппозиціи и приказалъ представителямъ сословій разойтись и приступить къ занятіямъ, каждому чину отдѣльно. Дворянство и духовенство повиновались, но tiers остался на своихъ мѣстахъ и, повинуясь гордому призыву Сійеса — „vous êtes aujourd'hui ce que vous étiez hier, délibérez“ — приступилъ къ работѣ. Первымъ дѣломъ было обезпеченіе неприкосновенности и свободы

1) Ibid., IV, 50.
2) Ibid., VI, 321, col. 2.
3) Ibid., IV, 274.

слова. По предложенію Мирабо принята была безъ преній декларація слѣдующаго содержанія: „Собраніе заявляетъ, что особа каждаго депутата неприкосновенна; что всякое частное лицо, корпорація, судъ или коммисія, которыя осмѣлятся во время или послѣ текущей сессіи преслѣдовать, розыскивать, арестовать или распорядиться объ арестѣ, лишить свободы или распорядиться о лишеніи свободы депутата за сдѣланныя имъ на генеральныхъ штатахъ предложенія или высказанныя имъ сужденія, мнѣнія или произнесенныя рѣчи, равно какъ всѣ лица, которыя окажутъ содѣйствіе при совершеніи одного изъ этихъ посягательствъ, откуда бы оно ни исходило, признаются безчестными и измѣнниками по отношенію къ націи и виновными въ преступленіи, подлежащемъ уголовному наказанію. Національное Собраніе постановляетъ, что въ указанныхъ случаяхъ имъ будутъ приняты всѣ соотвѣтственныя мѣры для розыска, преслѣдованія и наказанія виновниковъ такихъ дѣяніи, подстрекателей или исполнителей“[1]).

Содержаніе и объемъ неприкосновенности, какъ видно, не были опредѣлены[2]) — предполагалось, вѣроятно, что тутъ все ясно и безспорно. Вскорѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, пришлось въ этомъ разочароваться. Свобода слова зато въ декларации 23 іюня обставлена была всевозможными

1) A. P., t. VIII, p. 147: „L'Assemblée nationale déclare que la personne de chacun des députés est inviolable: que tous particuliers, toute corporation, tribunal, cour ou commission qui oseraient, pendant ou après la présente session, poursuivre, rechercher, arrêter ou faire arrêter, détenir ou faire détenir un député pour raison d'aucune proposition, avis, opinion ou discours fait par lui aux États-Généraux, de même que toutes personnes qui prêteraient leur ministère à aucun desdits attentats, de quelque part qu'il soit ordonné, sont infâmes et traitres envers la nation, et coupables de crime capital. L'Assemblée nationale arrête que dans les cas susdits, elle prendra toutes les mesures nécessaires pour faire rechercher, poursuivre et punir ceux qui en seront les auteurs, instigateurs ou exécuteurs“.

2) По одной версіи, впрочемъ, декларація заканчивалась слѣдующими словами: „Arrête pareillement que toutes poursuites civiles et criminelles contre lesdits députés seront interdites à toutes personnes, en quelque qualité qu'elles soient, et à tous tribunaux pendant la session si elles ne sont expressément autorisées par l'Assemblée nationale“, A. P., ibid. Однако, если бы такой пунктъ былъ принятъ собраніемъ, то трудно думать, что впослѣдствіи могли возникнуть тѣ споры, которые вызвало опредѣленіе понятія неприкосновенности (см. ниже).

гарантіями; сравнительно съ наказами, вопросъ разработанъ былъ весьма тщательно, и, что самое важное, за нарушеніе иммунитета депутата установлялось наказаніе. Собраніе ясно сознавало необходимость перенести все дѣло на практическую почву и не ограничилось одними принципіальными заявленіями. Это было тѣмъ болѣе желательно, что рѣчь шла о жизненномъ вопросѣ. Дворъ и правительство, крайне недовольные тѣмъ оборотомъ, который вообще принимали дѣла, болѣе чѣмъ недружелюбно были настроены по отношенію къ Національному Собранію. Послѣднему каждая минута грозилъ роспускъ, и болѣе независимыхъ и смѣлыхъ членовъ ея могла постигнуть весьма печальная участь: Бастилья, быть можетъ, не была уже столь грозна какъ прежде, но lettres de cachet все еще продолжали процвѣтать. При такихъ обстоятельствахъ необходимо было себя обезопасить отъ возможныхъ послѣдствій чрезмѣрной рѣзвости слова и неосторожной критики существующаго строя; нужно было обезпечить свободу сужденій ради тѣхъ цѣлей, для которыхъ, вообще говоря, были созваны народные представители.

Декларація 23 іюня преслѣдовала, такимъ образомъ, чисто практическія цѣли. Провозглашенные ею принципы отнюдь не вытекали, такъ думаютъ Зейдлеръ[1]) и Губрихъ[2]), изъ какихъ либо теоретическихъ предпосылокъ представительнаго строя. Основная мысль была та, что депутатовъ слѣдуетъ обезпечить отъ возможныхъ преслѣдованій за неугодныя правительству рѣчи и заявленія, причемъ предусматривалась и возможность жалобъ и исковъ со стороны частныхъ лицъ. Послѣднія, конечно, легко могли явиться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правящей партіи и царедворцевъ. Эта мысь была совершенно ясно подчеркнута Мирабо въ той краткой рѣчи, которую онъ предпослалъ чтенію текста декларація. Признать депутатовъ неприкосновенными, говорилъ онъ, не значитъ обнаруживать страхъ — „c'est agir avec prudence, c'est un frein contre les conseils violents qui assiègent le trône“.

§ 58. Однако, неясность, которая заключалась въ понятіи inviolabilité не замедлила сказаться. На засѣданіи

1) Op. cit., 27.
2) Op. cit., 78 seq.

9 октября того же 1789 г. одинъ изъ ораторовъ заявилъ, что нападенія парижской черни на народныхъ представителей, которыя имѣли мѣсто за послѣдніе дни, предусмотрѣны декретомъ 23 іюня, и Мирабо вынужденъ былъ разъяснить, что неприкосновенность касается только уголовнаго и административнаго воздѣйствія. Вскорѣ пришлось путемъ декрета установить предѣлы и объемъ неприкосновенности. Поводомъ къ этому послужили дѣла депутатовъ виконта Мирабо (младшаго) и графа Toulouse-Lautrec. Первый былъ арестованъ въ Castelnaudary. Въ засѣданіи Національнаго Собранія 19 іюня 1790 г. братъ его, Мирабо старшій, сославшись на декретъ 23 іюня, потребовалъ принятія резолюціи, въ которой собраніе напоминало муниципалитетамъ о провозглашенной имъ неприкосновенности его членовъ и предлагало Мирабо младшему немедленно явиться для представленія объясненій о своемъ поведеніи [1]). Черезъ нѣсколько дней (25 и 26 іюня) вниманіе собранія занято было инцидентомъ съ Тулузъ-Лотрекомъ. Этотъ послѣдній былъ арестованъ Тулузскимъ муниципалитетомъ по обвиненію въ заговорѣ и подстрекательствѣ къ возстанію. Но какъ только онъ заявилъ о своемъ званіи, муниципалитетъ тотчасъ же прекратилъ всѣ преслѣдованія и о случившемся представилъ Національному Собранію. Дѣло было передано въ Comité des Recherches, который, совершенно не понявъ смысла и значенія привилегіи, предложилъ собранію декретировать, что Тулузъ-Лотрекъ, какъ законно обвиняемый въ преступленіи, не долженъ пользоваться гарантіей неприкосновенности, и поручить предсѣдателю отправиться къ королю съ просьбой приказать возобновить начатое Тулузскимъ муниципалитетомъ предварительное слѣдствіе, а затѣмъ дѣло передать въ Châtelet [2]).

Это предложеніе, однако, встрѣтило рѣзкій отпоръ со стороны Робеспьера, поставившаго вопросъ на принципіальную точку зрѣнія. „Нельзя, говорилъ онъ, не нарушая основъ хорошей конституціи, не опрокидывая зданія общественной свободы, предположить, чтобы какой либо судъ

1) A. P., XVI, 364.
2) Ibid., 461.

могъ, безъ предварительнаго испрошенія мнѣнія о томъ народныхъ представителей, захватить и судить депутата. Что такое неприкосновенность? Это не привилегія, и вмѣстѣ съ тѣмъ это нѣчто большее, чѣмъ общее право другихъ гражданъ. Въ принципѣ никакая власть не можетъ стоять надъ представительнымъ собраніемъ націи, никакое учрежденіе не можетъ опредѣлять судьбу представителей. Но, скажутъ, если они виновны, они должны быть наказаны. Да, конечно: вопросъ сводится къ слѣдующему: возможно ли существованіе суда, который могъ бы признать виновными представителей націи? Если на этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно, ясно, что подобный судъ окажется распорядителемъ ихъ судьбы. Если бы онъ и не оказался въ состояніи рѣшить ихъ участь безъ соблюденія должной процедуры, онъ сдѣлаетъ это съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, при посредствѣ несправедливыхъ рѣшеній; разъ неприкосновенность будетъ уничтожена, исчезнетъ и независимость представителей. Чтобы народные представители пользовались неприкосновенностью, нужно чтобы никакая власть не могла на нихъ покушаться. Никакое рѣшеніе не можетъ ихъ коснуться, если оно не исходитъ отъ власти имъ равной. Но такой власти не существуетъ.“ Въ заключеніе, Робеспьеръ требовалъ, чтобы собраніемъ была принята резолюція, согласно которой никакой представитель націи не можетъ подвергнуться преслѣдованію со стороны судебной власти безъ предварительнаго постановленія законодательнаго корпуса о томъ, что дѣлу долженъ быть данъ надлежащій ходъ [1]).

Въ приведенной рѣчи Робеспьера впервые былъ поставленъ вопросъ о точномъ значеніи и смыслѣ депутатской неприкосновенности. Политическій принципъ претворился въ юридическую норму, и неприкосновенность получила характеръ формально-правовой, процессуальной привилегіи, направленной къ огражденію народныхъ представителей отъ несправедливыхъ и пристрастныхъ судебныхъ рѣшеній. Мотивы, которыми продиктована была такая конструкція иммунитета, принадлежали къ двумъ категоріямъ. Одни изъ нихъ были чисто доктринальнаго свойства и вытекали изъ общаго политическаго міросозерцанія Робес-

1) Ibid., 462.

пьера. Послѣднее сложилось, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ воззрѣній Монтескье, Руссо, Мабли и американизма[1]) и представляло собой, какъ у большинства дѣятелей революціоннаго періода, пеструю смѣсь, въ составъ которой входили и теорія раздѣленія властей, и ученіе о народномъ суверенитетѣ, и представленія, почерпнутыя изъ изученія англійскаго строя и американской конституціи. Сторонникъ представительнаго образа правленія, Робеспьеръ вмѣстѣ съ тѣмъ преклонялся и передъ догматомъ народнаго верховенства; въ своей политической дѣятельности онъ стремился примирить эти оба начала. Депутатскую неприкосновенность онъ выводилъ изъ ученія о равноправіи государственныхъ властей: народные представители не могутъ быть подсудны общимъ судамъ потому, что власть законодательная не подчинена власти судебной. Надъ законодателемъ стоитъ только народъ, и если бы нація могла собираться, она являлась бы естественнымъ судей своихъ представителей[2]). Но такъ какъ это невозможно, то послѣдніе могутъ быть переданы общимъ судамъ только съ ихъ собственнаго согласія.

Такова была идеологія. За ней, однако, скрывались мотивы чистаго практическаго свойства и для людей того времени гораздо болѣе убѣдительные. Это — недовѣріе къ тогдашнимъ судебнымъ инстанціямъ. Въ нихъ дѣятели революціи усматривали опасныхъ носителей реакціонныхъ тенденцій и всячески старались себя отъ нихъ оградить. Въ безпристрастіе судей не вѣрили: они слишкомъ долгое время были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства и королей.

Рѣчь Робеспьера повела къ тому, что вопросъ былъ переданъ въ комитеты „de Constitution“ и „des Recherches“ для составленія соотвѣтственнаго проекта декрета. На слѣдующій день (26 іюня) комитетъ представилъ текстъ резолюціи, который былъ принятъ безъ существенныхъ измѣ-

1) См. Deymes, Les doctrines politiques de Robespierre, Bord. 1907.

2) Ср. слѣдующій passus изъ рѣчи 25 іюня: „Il existe un pouvoir supérieur aux représentants de la nation, c'est la nation elle même, si elle pouvait se rassembler elle serait leur véritable juge.“ Нужно ли говорить о томъ, что представленіе о націи, какъ высшей сущности государства, цѣликомъ взято у Руссо?

неній. Декретъ этотъ, чрезвычайно характерный, гласилъ слѣдующее:

„Собраніе оставляетъ за собой право издать де-
„тальныя постановленія относительно конституціонныхъ
„способовъ обезпеченія независимости и свободы чле-
„новъ законодательнаго корпуса; заявляетъ, что до
„введенія суда присяжныхъ по уголовнымъ
„дѣламъ и верховнаго національнаго суда, депутаты
„могутъ, въ случаѣ, *если они будутъ застигнуты на*
„*мѣстѣ преступленія*, быть арестуемы, въ соотвѣтствіе
„съ прежними ордонансами; что можно даже, за ис-
„ключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ декретѣ 23 іюня
„1789 г., принимать жалобы противъ нихъ и произво-
„дить дознаніе, но что никакой судъ не можетъ сдѣ-
„лать постановленіе (о явкѣ, приводѣ или заключеніи
„ихъ подъ стражу въ качествѣ обвиняемыхъ) прежде,
„чѣмъ Законодательный Корпусъ, по разсмотрѣніи ре-
„зультатовъ дознанія и доказательствъ, не рѣшитъ, что
„имѣется достаточно основаній для обвиненія. Вслѣд-
„ствіе сего, признавая декретъ 17-го текущаго мѣсяца
„относительно г. Тулуза-Лотрека — одного изъ
„своихъ членовъ — ничтожнымъ, предписываетъ ему
„явиться для отдачи отчета въ своихъ дѣйствіяхъ Со-
„бранію, которое, выслушавъ его и разсмотрѣвъ дан-
„ныя начатаго предварительнаго слѣдствія, каковое
„можетъ быть возобновлено, несмотря на возвращеніе
„свободы Т.-Л., опредѣлитъ, имѣется ли основаніе для
„обвиненія и, въ утвердительномъ случаѣ, укажетъ
„соотвѣтственный судъ“ [1]).

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что декретъ былъ изданъ на время — до введенія суда присяжныхъ по уго-

1) „L'A. N., se réservant de statuer en détail sur les moyens constitutionnels d'assurer l'indépendance et la liberté des membres de la législature, déclare que jusqu'à l'établissement des jurés en matière criminelle et d'une haute cour nationale, les députés, dans le cas de flagrant délit, pourront être arrêtés conformément aux anciennes ordonnances; qu'on peut même, excepté dans les cas désignés par le décret du 23 juin, faire des informations et recevoir des plaintes contre eux, mais que néanmoins tout jugement sera suspendu, jusqu'à ce que sur le vu de l'information et des pièces de conviction, l'assemblée ait décidé qu'il y a lieu à accusation, etc.“

ловнымъ дѣламъ. Теоретическіе доводы Робеспьера, очевидно, не убѣдили собранія. Основная мысль декрета — не изъятіе преступныхъ дѣяній изъ компетенціи суда вообще во имя равенства властей въ государствѣ, а огражденіе депутатовъ отъ возможнаго пристрастія данныхъ, наличныхъ въ то время судовъ, способныхъ возбуждать преслѣдованіе противъ нн въ чемъ не повинныхъ лицъ изъ партійныхъ и политическихъ соображеній.

Второй пунктъ, обращающій на себя вниманіе, это то, что привилегія не ограничена никакимъ срокомъ. Депутатъ, не выданный судебной власти, никогда не можетъ подлежать преслѣдованію за данное дѣяніе. Этимъ декретъ 26 іюня отличается отъ позднѣйшаго права, установившаго въ качествѣ незыблемой нормы, что палатамъ предоставляется лишь право отсрочить судебное разбирательство до окончанія сессіи. Это объясняется тѣмъ же мотивомъ, который вызвалъ въ свѣтъ и самъ декретъ: если данные суды негодны, то отъ нихъ можно ждать и мести по отношенію къ бывшимъ депутатамъ. Естественно было поэтому оградить этихъ послѣднихъ и на будущее время отъ недобросовѣстныхъ преслѣдованій.

Что же касается клаузулы о flagrant délit, то она попала въ декретъ совершенно случайно [1]). Первоначальный проектъ ея не содержалъ, и лишь въ засѣданіи 26 іюня депутатъ Fréteau потребовалъ ея включенія. Мотивомъ для своей поправки Фрето привелъ то обстоятельство, что даже въ старину, когда существовали привилегированныя лица и корпораціи, поимка на мѣстѣ преступленія уничтожала всякую исключительную подсудность [2]).

Фрето былъ совершенно правъ. По старо-французскому каноническому праву, достигшему въ данномъ отношеніп своего кульминаціоннаго пункта въ XII ст., преступленія, совершаемыя клприками, были подсудны духовному суду. „In criminalibus causis, говоритъ декретъ Григорія, in

1) Ср. Weissmann, loc. cit., 383, 384.

2) „Dans les temps même où des individus et des corps privilégiés se préparaient l'impunité aprês le crime le droit de main-mise était en vigueur. La fameuse déclaration de 1145 l'atteste assez, puisqu'elle porte que la main-mise aura lieu même à l'égard des ecclésiastiques, nonobstant leur dignité du moment où il y aura flagrant délit". A. P., XVI, 467.

nullo casu possunt clerici ab aliquo quam ab ecclesiastico judice condemnari, etiamsi consuetudo regia habeat ut fures a judicibus secularibus judicentur“ [1]). Эта привилегія охотно признавалась королями, но за исключеніемъ случая поимки на мѣстѣ преступленія: клирикъ, застигнутый in flagrante, подлежалъ свѣтской, а не духовой юрисдикціи. Это было подтверждено въ цѣломъ рядѣ актовъ [2]).

Воспоминанія объ этихъ историческихъ фактахъ побудили Фрето внести свое предложеніе. Но нужно думать, что принимая его, собраніе руководилось болѣе вѣскими мотивами, чѣмъ крайне сомнительная аналогія съ институтомъ стараго каноническаго права. На самомъ дѣлѣ, клаузуля о flagrant délit вполнѣ гармонировала съ общимъ духомъ декрета, всецѣло построеннаго на недовѣріи къ суду: тамъ, гдѣ виновность очевидна, такому недовѣрію нѣтъ мѣста [3]). Вмѣшательство палаты, поэтому, допустимо лишь тогда, когда есть сомнѣніе.

Вскорѣ Національному Собранію пришлось самому истолковать свой декретъ и точнѣе установить его смыслъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мѣстными властями департамента Сенъ-и-Лоаръ, оказалось, что депутатъ Гуларъ, находившійся въ отпуску, занимается преступной пропагандой, прикрываясь своей неприкосновенностью. Это сообщеніе вызвало бурю негодованія и цѣлый рядъ предложеній. Такъ, Voidel заявилъ, что неприкосновенность не покрываетъ дѣйствій Гулара, совершенныхъ имъ въ качествѣ част-

1) Ср. Beaumanoir, Coutumes de Beauvoisis, ch. XI, № 30: „Ne s'en doit sainte Église meller, excepté les persones privilegiés si come clercs, liquel demeurent en toz cas en li juridiction de sainte Église“. Цит. у Faustin Hélie, Traité de l'instruction criminelle, Brux. 1863, t. I, № 299.

2) См. указъ Филиппа-Августа отъ 1 мая 1210 г. у Hélie, loc. cit. Ср. R. G. Dove, De jurisdictionis ecclesiasticae apud germanos gallosque progressu, Berol. 1855, p. 180. Поимка на мѣстѣ преступленія играло большую роль и въ сеньёріальной юстиціи. По общему правилу, всякій сеньёръ судилъ своихъ вассаловъ, а также всѣхъ кто „couchoient et levaient“ на его земляхъ, т. е. всѣхъ пребывавшихъ на нихъ. Однако, лицо, пойманное in flagrante на чужой землѣ, здѣсь же и судилось. Впослѣдствіи французскіе короли воспользовались этимъ правиломъ для расширенія своей юрисдикціи на счетъ феодальной, см. Esmein, Histoire de la procédure criminelle en France, Par. 1882, p. 4, 5, 33.

3) Это вѣрно подмѣчено Зейдлеромъ, назв. соч., 38.

наго лица, и что поэтому противъ него должно быть начато судебное преслѣдованіе. Prieur сталъ доказывать, что привилегія не касается преступленій противъ общественнаго порядка (ordre social), совершенныхъ депутатами не при исполненіи ими своихъ обязанностей. Другіе ораторы, однако, напомнили собранію, что хотя преступленія народныхъ представителей и подсудны общимъ судамъ, тѣмъ не менѣе послѣдніе могутъ лишь производить дознанія, результаты которыхъ должны быть представлены собранію. Самое же преданіе суду можетъ послѣдовать лишь съ согласія Законодательнаго Корпуса. Въ этомъ смыслѣ и былъ вотированъ 22 марта 1791 г. особый декретъ, въ разъясненіе постановленія 26 іюня [1]).

§ 59. Между тѣмъ, начавшіяся еще въ 1789 году работы по составленію конституціи шли своимъ чередомъ. 21 мая 1791 г. Турэ представилъ собранію проектъ декрета объ организаціи Законодательнаго Корпуса [2]). Вопросу о юридическомъ положеніи депутатовъ посвящены были четыре статьи (44—47). Первая изъ нихъ установляла, въ качествѣ общаго правила, начало неприкосновенности представителей отъ момента провозглашанія ихъ избранія до окончанія той легислатуры, членами которой они состоятъ, а также во время необходимаго для ихъ возвращенія домой срока. Вторая касалась неприкосновенности въ отношеніи дѣяній, совершаемыхъ депутатами во время исполненія ими своихъ обязанностей (т. е. свободы слова), третья (46) постановляла, что представители могутъ быть, за преступленія, совершаемыя ими не при исполненіи своихъ обязанностей, арестуемы на мѣстѣ преступленія или въ силу приказа о задержаніи; продолженіе преслѣдованія, однако, разрѣшалось только въ томъ случаѣ, если Законодательный Корпусъ признавалъ, что есть основаніе для обвиненія. Статьи

1) A. P., XXIV, 289: „Considérant que l'inviolabilité des représentants de la nation, relativement aux délits commis hors de leurs fonctions n'empêche point les tribunaux d'informer sur ces mêmes délits suivant les formes ordinaires, cette inviolabilité les obligeant seulement de soumettre, avant le décret, les informations au Corps législatif, qui seul a le droit de déclarer qu'il y a lieu à accusation contre un de ses membres, l'Assemblée passe à l'ordre du jour".

2) Ibid., XXVI, 267.

эти были приняты безъ преній и составили (съ незначительными измѣненіями)[1]) ст. 51—53 декрета 13 іюня 1791 г.[2]).

5 августа Турэ, отъ имени комитетовъ „de Constitution“ и „de Revision“ представилъ собранію проектъ конституціи[3]). Статьи 7 и 8 секціи V, гл. I, тит. III, касавшіяся привилегіи депутатовъ, были приняты безъ преній; онѣ почти совпадали съ соотвѣтственными постановленіями закона 13 іюня и безъ всякихъ измѣненій вошли въ конституцію $^{3}/_{14}$ сентября 1791 г.[4]). Отпало лишь опредѣленіе срока, въ теченіе котораго депутаты пользуются неприкосновенностью. Правила конституціи $^{3}/_{14}$ сентября носили уже не временный, а постоянный характеръ. Къ тому времени Учредительное Собраніе успѣло разсмотрѣть законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ и установить два вида жюри: jury d'accusation и jury de jugement. Тѣмъ не менѣе, привилегія неприкосновенности была сохранена, конечно потому, что судебная власть продолжала внушать опасенія и подозрѣваться въ реакціонныхъ тенденціяхъ. При этомъ иммунитету придана была своеобразная конструкція: запрещенъ былъ н е а р е с т ъ депутатовъ, не лишеніе ихъ свободы безъ разрѣшенія законодательнаго собранія, а с а м о е р а з с м о т р ѣ н і е д ѣ л а п о с у щ е с т в у. Позднѣйшее право, какъ мы увидимъ, перенесло вопросъ на совершенно другую почву.

Въ тѣсной связи съ уголовной неприкосновенностью представителей стоитъ вопросъ о свободѣ ихъ отъ ареста по гражданскимъ взысканіямъ. Нѣкоторые наказы, какъ мы выше видѣли, находясь подъ несомнѣннымъ вліяніемъ ан-

1) По ст. 51 привилегіи длятся въ теченіе мѣсяца послѣ окончанія легислатуры.

2) A. P. XXVII, 154.

3) Ibid., XXIX, 207.

4) Art. 8, sect. 5, tit. III., chap. I. „Ils pourront pour faits criminels être saisis en flagrant délit, ou en vertu d'un mandat d'arrêt, mais il en sera donné avis sans délai au Corps législatif et la poursuite ne pourra être continuée qu'après que le Corps législatif aura décidé qu'il y a lieu à l'accusation“. S e i d l e r, op. cit., 40, подозрѣваетъ здѣсь вліяніе англійскаго права; насколько это такъ, трудно сказать при наличномъ состояніи матеріаловъ. Дебаты свѣта на вопросъ не проливаютъ.

глійскаго права, требовали чтобы депутаты не могли быть подвергаемы лишенію свободы за долги.

Однако, уже 7 іюля 1790 г. Національное Собраніе высказалось въ томъ смыслѣ, что по гражданскимъ дѣламъ задержаніе депутатовъ вполнѣ возможно, а проектъ декрета объ организаціи Законодательнаго Корпуса заключалъ въ себѣ статью (47) разрѣшавшую обращать взысканіе какъ на самаго депутата, такъ и на его имущество. По этому поводу, впрочемъ, въ собраніи возникъ споръ[1]). Нѣкоторые члены (Дюпоръ, Муженъ-де-Рокфоръ, Ле Шапелье и др.) доказывали, что задержаніе депутата ни въ коемъ случаѣ не допустимо. Имъ возражалъ докладчикъ Турэ. Статья, съ небольшимъ редакціоннымъ измѣненіемъ, принята была собраніемъ[2]). Въ конституціи 1791 г., однако, соотвѣтственное постановленіе было опущено, какъ само собою разумѣющееся.

§ 60. Что касается другой привилегіи, а именно свободы слова, то, какъ мы выше видѣли, декларація 23 іюня 1789 г. весьма тщательно регламентировала вопросъ и устанавливала даже строгія кары за всякое покушеніе на иммунитетъ. Принятый собраніемъ 29 іюля того же года наказъ вручилъ дисциплинарную власть надъ его членами предсѣдателю. Затѣмъ, закономъ 13 іюня 1791 г., твердо установлено было правило, что народные представители отвѣчаютъ за дѣйствія, совершаемыя ими при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, только передъ Законодательнымъ Корпусомъ. Постановленіе это принято было почти безъ преній[3]). Конституція $^{3}/_{14}$ сентября ограничилась его повтореніемъ. Согласно ст. 7 секціи V гл. I тит. III этого акта „представители народа неприкосновенны; они не будутъ подлежать ни преслѣдованію, ни обвиненію, ни суду за то, что скажутъ, напишутъ или сдѣлаютъ при исполненіи ими своихъ обязанностей (fonctions) представителей“. Какъ видно, статья эта шла дальше декларації 23 іюня, такъ

1) A. P., XXVI, 267, 268.

2) „En matière civile, toute contrainte légale et même la contrainte personnelle, tant qu'elle aura lieu, pourra être poursuivie et exécutée contre la personne d'un représentant ou sur ses biens, comme contre les autres citoyens“.

3) Ibid., XXVI, 267; XXVII, 154.

какъ предусматривала не только мнѣнія и рѣчи депутатовъ но и ихъ голосованія: подъ выраженіемъ „сдѣлаютъ“ могутъ быть подведены только вотумы.

Одновременно съ конституціей издано было (25-го сентября 1791 г.) и уголовное уложеніе, въ которомъ спеціально предусмотрѣно было лихоимство со стороны народныхъ представителей[1]). За это преступленіе уложеніе грозило смертной казнью, причемъ, само собою разумѣется, преданіе виновника суду могло послѣдовать только съ разрѣшенія Законодательнаго Корпуса. Здѣсь по совершенно справедливому замѣчанію Зейдлера[2]), не заключалось никакого отсупленія отъ выраженнаго въ конституціи принципа свободы слова; преступнымъ признавалось самое принятіе дара или денегъ, но не тѣ или другія мнѣнія или голосованія депутата, явившіяся послѣдствіями подкупа. Такимъ образомъ, преслѣдованію могъ подвергнуться депутатъ, не успѣвшій даже еще высказаться или учинить какія-либо дѣйствія во исполненіе даннаго обѣщанія.

1) Part. II, tit. I, sect. 5, art. 7.: „Tout membre de la législature qui sera convaincu d'avoir moyennant argent, présent ou promesse, trafiqué de son opinion sera puni de mort“. Дебаты см. A. P., XXVII, 297 et suiv.

2) Op. cit., 29.

Глава шестая.

Эпоха Конвента.

I.

Конституція 1793 г.

§ 61. Конституція 3 сентября 1791 г., какъ извѣстно, оказалась весьма недолговѣчной. 21 сентября слѣдующаго года собрался Конвентъ, а на другой день провозглашена была республика. Было рѣшено немедленно приступить къ выработкѣ новой конституціи; для этой цѣли избрана была (11 октября) коммисія, въ составъ которой вошли, главнымъ образомъ, жирондисты. Труды этой коммисіи до насъ не дошли[1]); извѣстно лишь, что докладчикомъ своимъ она избрала Кондорсэ, идеи котораго получили весьма яркое отраженіе въ представленномъ коммисіей проектѣ конституціи[2]). Ст. 13 и 14 секц. I тит. VII проекта посвящены были юридическому положенію депутатовъ. Первая изъ этихъ статей, касавшаяся свободы слова, почти буквально повторяла соотвѣтственное постановленіе конституціи 1791 г.; вторая, говорившая о неприкосновенности, возвращалась къ системѣ декрета 26 іюня 1790 г. и предусматривала только flagrant délit: депутатъ могъ въ этомъ случаѣ подвергнуться аресту, но дальнѣйшее преслѣдованіе ставилось въ зависимость отъ согласія палаты. Точно также въ привилегированное поло-

---

1) Оларъ, Политическая исторія французской революціи, переводъ Н. Кончевской, изд. 2-ое, стр. 312.

2) Текстъ этого проекта отпечатанъ у Duguit et Monnier, Les constitutions et les principales lois politiques de la France, 2-me éd., Par. 1908, p. 36, et suiv.

женіе ставились члены національнаго конвента, который по проекту, имѣлъ быть созываемъ для пересмотра или измѣненія конституціи. Ст. 14 тит. IX гарантировала имъ свободу слова, а преданіе суду ихъ во всѣхъ случаяхъ, не исключая поимки на мѣстѣ преступленія, было поставлено въ зависимость отъ согласія самаго конвента.

Жирондистскій проектъ, какъ извѣстно, Конвентомъ принятъ не былъ. Обсужденіе его было прервано возстаніемъ Парижской коммуны, и въ началѣ іюня 1793 г. Комитету Общественнаго Спасенія было поручено составить новый проектъ конституціи. 10 іюня работа была готова, и Hérault de Séchelles выступилъ въ качествѣ докладчика: 24 іюня новая конституція была вотирована собраніемъ.

Но и до изданія этого акта Конвенту не разъ пришлось заняться вопросомъ о привилегіяхъ народныхъ представителей. Собравшись 21 сентября 1792 г., 4 декабря того же года онъ уже, по предложенію Бюзо, издалъ декретъ, согласно которому смертной казни подлежалъ всякій, кто предложитъ или попытается возстановить во Франціи монархію или какую бы то ни было власть, ограничивающую суверенитетъ народа [1]). Изъ рѣчи Бюзо и вызванныхъ ей преній видно, что имѣлись въ виду также и предложенія, исходящія отъ депутатовъ [2]).

Между тѣмъ, партійная рознь и политическія страсти разгорались съ необычайной силой. Подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ и грозившей со стороны коалиціи опасности, броженіе во французскомъ обществѣ достигло крайнихъ предѣловъ. Засѣданія Конвента приняли чрезвычайно бурный характеръ, и въ пылу страстей вотированъ былъ цѣлый рядъ постановленій относительно неприкосновенности депутатовъ, шедшихъ въ разрѣзъ съ принципами, ранѣе его установленными. Такъ, прежде всего, въ засѣданіи 1 апрѣля 1793 г., послѣ того какъ Ласурсъ бросилъ Дантону въ лицо обвиненіе въ участіи въ заговорѣ, по предложенію Марата и Бирото, поддержанныхъ жирондистами, принятъ былъ слѣдующій декретъ:

1) Moniteur, 2-me période, éd. Milan 1804, t. IX, p. 104.

2) „On dit qu'il y a ici des partisans de la royauté. Avant d'entrer dans le fond de la question, je demande, etc.“. Ibid., p. 97.

„Національный Конвентъ, принимая во вниманіе, что народное благо есть высшій законъ, постановляетъ, что, не взирая на неприкосновенность представителей французскаго народа, онъ предастъ суду того или тѣхъ изъ своихъ членовъ, противъ которыхъ будутъ основательныя подозрѣнія въ томъ, что они дѣйствуютъ за одно съ врагами свободы, равенства и республиканскаго правленія, если эти подозрѣнія будутъ вытекать изъ донесеній или письменныхъ доказательствъ, представленныхъ Комитету Общественной Обороны, на коего возложены доклады по обвинительнымъ приказамъ Конвента“ [1]).

Декретъ носилъ временный характеръ и въ глазахъ Конвента вызванъ былъ исключительными обстоятельствами — это явствовало изъ рѣчей обоихъ иниціаторовъ предложенія [2]). Тотъ же самый характеръ присущъ и декрету 23-го же апрѣля, принятому по иниціативѣ Робеспьера и согласно которому всякія предложенія вступить въ сношеніе съ враждебными державами, безъ предварительнаго съ ихъ стороны признанія независимости французской націи, суверенитета, недѣлимости и единства республики, основанной на свободѣ и равенствѣ, наказывалось смертной казнью [3]).

§ 62. Черезъ два мѣсяца послѣ изданія этихъ регулятивовъ Конвенту пришлось приступить къ выработкѣ новой конституціи. Послѣдняя, конечно, была расчитана на мирное время и нормальныя отношенія. Само собою разумѣется, что она не могла санкціонировать какихъ либо временныхъ постановленій и боевыхъ мѣръ, вродѣ только что приведенныхъ декретовъ. И на самомъ дѣлѣ, ст. 43 и 44 акта 24 іюня 1793 г. возстановляютъ какъ свободу слова депу-

1) Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la Révolution française, t. XXV, p. 235.

2) Marat: „Lorsque le feu de la sédition est allumé dans plusieurs parties de la République, lorsque les ennemis extérieurs nous pressent . . . nous n'avons besoin que de lois révolutionnaires. Frappons les traitres, quelque part qu'ils se trouvent“.

Biroteau . . . „Dans un moment où la liberté est menacée de tout côté, toute espèce d'inviolabilité cesse; le peuple ne doit pas laisser sa confiance à un deputé contre lequel sont portées de nombreuses accusations“.

3) Buchez et Roux, XXV, 445.

татовъ, какъ и ихъ неприкосновенность, и притомъ въ формѣ, весьма близко подходящей къ жирондистскому проекту[1]).

Тѣмъ не менѣе, событія послѣднихъ лѣтъ не прошли безслѣдно. Якобинцы и „Гора“ были проникнуты духомъ недовѣрія ко всѣмъ тѣмъ, которыхъ они считали стоящими правѣе себя, и стремились во что бы то ни стало оградить народное представительство отъ ихъ вліянія, хотя бы цѣной нарушенія депутатскаго иммунитета. Съ другой стороны, привилегированное положеніе извѣстной категоріи гражданъ не мирилось съ принципомъ абсолютнаго равенства, который былъ положенъ во главу угла конституціи, какъ не соотвѣтствовало оно, строго говоря, началу народнаго суверенитета, по крайней мѣрѣ въ чистомъ его видѣ[2]). И на самомъ дѣлѣ, ст. 31 декларації правъ человѣка и гражданина, приложенной къ акту 1793 г., категорически заявляла, что „преступленія повѣренныхъ (mandataires) народа и его агентовъ (agents) никогда не должны оставаться безнаказанными. Никто не имѣетъ права считать себя болѣе неприкосновеннымъ, чѣмъ прочіе граждане“. Статья эта, по существу своему діаметрально противоположная статьямъ 43 и 44, установляла лишь принципъ, но не юридическую норму. Она въ Конвентѣ прошла совершенно незамѣченной и, какъ вообще вся декларація, не вызвала никакихъ преній. Но, строго говоря, она гораздо болѣе соотвѣтствовала, общему духу демократическаго радикализма, позаимствованному у Руссо, чѣмъ вышеуказанныя постановленія, касавшіяся иммунитета. Да и самое юридическое положеніе этихъ послѣднихъ носило двойственный

1) Art. 43: Les député ne peuvent être recherchés, accusés ni jugés en aucun temps pour les opinions qu'ils ont énoncées dans le sein du Corps législatif.

Art. 44: Ils peuvent, pour fait criminel, être saisis en flagrant délit; mais le mandat d'arrêt ni le mandat d'amener ne peuvent être décernés contre eux qu'avec l'autorisation du Corps législatif.

2) Cp. Lechevallier, La constitution de 1793 et la science sociale, Caen 1898, p. 109: „De la même idée de délégation de pouvoir, de mandat, résultent encore d'autres conséquences; telles sont: la responsabilité de tous les fonctionnaires et des représentants du peuple, la publicité des séances de tous les corps délibérants et la courte durée des fonctions publiques. Tous les fonctionnaires et les représentants n'étant, en effet, que des mandataires du peuple, il est juste qu'ils soient responsables“.

характеръ. Въ глазахъ составителей конституціи депутаты являлись истинными представителями — représentants — лишь поскольку они совершали административные акты и издавали декреты[1]). Въ области законодательства они являлись только повѣренными, агентами народа, которому они только предлагали на утвержденіе законопроекты[2]). Неприкосновенностью же пользоваться могли только представители — распространять эту привилегію на простыхъ мандатаріевъ было, до извѣстной степени, нелогично. Но, съ другой стороны, расчленить функціи депутатовъ и покрыть иммунитетомъ лишь одну ихъ категорію было, конечно, совершенно невозможно.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что тѣ практическія соображенія, которыя лежали въ основаніи требованій авторовъ наказовъ 1789 г. и конституціи 1791 г., теперь, въ значительной степени, утратили свое значеніе. Королевская власть была сломлена, и опасаться гнета исполнительной власти не было основаній, тѣмъ болѣе, что по конституціи монтаньяровъ Исполнительный Совѣтъ (Conseil exécutif) избирался самимъ Законодательнымъ Корпусомъ изъ списка, составляемаго избирательными собраніями департаментовъ, и былъ ему вполнѣ подчиненъ. Согласно ст. 65-ой на его обязанности лежало лишь исполненіе законовъ и декретовъ собранія. Полнота власти, такимъ образомъ, сосредоточивалась въ народѣ и его главнѣйшемъ органѣ — Законодательномъ Корпусѣ. При такихъ обстоятельствахъ, власть исполнительная не была страшна.

Всѣ указанныя вліянія и направленія своеобразно преломились въ проектѣ конституціи, представленномъ Конвенту Эро-де-Сешеллемъ. Глава VIII заключала въ себѣ двѣ статьи — V и VI —, посвященныя иммунитету: онѣ буквально воспроизводили соотвѣтственныя постановленія жирондистской конституціи. Можно думать, что эти статьи попали въ проектъ какъ бы по инерціи: съ одной стороны, коммисія имѣла въ своемъ распоряженіи чрезвы-

1) Предметы вѣдѣнія Законодательнаго Корпуса, подлежавшіе регулированію посредствомъ декретовъ, были перечислены въ ст. 55.

2) Ст. 53.: Le corps législatif propose des lois, et rend des décrets. Ср. Новгородцевъ, назв. соч., 82 и слѣд.

чайно мало времени, съ другой, она по своему политическому міровоззрѣнію мало чѣмъ отличалась отъ авторовъ потерпѣвшаго крушеніе проекта. На самомъ дѣлѣ, конституція монтаньяровъ исходила изъ тѣхъ же самыхъ принциповъ, что жирондистская, и не менѣе ея стремилась къ демократизаціи государственнаго строя Франціи. Разногласіе между Кондорсэ и его друзьями, съ одной стороны, и Горой — съ другой, носили гораздо болѣе партійный, чѣмъ принципіальный характеръ [1]).

Статья V, говорившая о свободѣ слова, принята была собраніемъ лишь послѣ довольно жаркихъ преній. Рюлемъ (Rulh) предложена была поправка, смыслъ которой заключался въ томъ, что иммунитетъ не долженъ распространяться на мнѣнія, клонящіяся къ возстановленію монархіи. Тюріо предложилъ распространить это правило на сужденія, разрушающія единство и недѣлимость республики. Раффронъ же категорически высказался противъ всей статьи, какъ представляющей собой патентъ на безнаказанность для дурныхъ гражданъ, предающихъ интересы націи. Рѣчь свою онъ закончилъ требованіемъ, чтобы всѣ депутаты, которые проявятъ устно или письменно въ засѣданіяхъ палаты „des sentiments inciviques“ были самимъ собраніемъ преданы суду національнаго жюри [2]). Ораторамъ возражалъ Робеспьеръ. Вѣрный той точкѣ зрѣнія, которую онъ развивалъ передъ учредительнымъ собраніемъ 28 іюня 1790 г., онъ сталъ доказывать, что хотя въ принципѣ и было бы крайне желательно, чтобы депутаты привлекались къ отвѣтственности за преступныя предложенія и рѣчи, однако, такой власти или инстанціи, которая могла бы судить депутата, безъ нарушенія свободы мнѣній и свободы народа не существуетъ. Единственное, что было бы возможно — это, чтобы по окончаніи легислатуры каждый представитель давалъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ народу, который, не присуждая его ни къ какимъ наказаніямъ, высказывался бы относительно характера поведенія депутата и заявлялъ бы: такой то исполнилъ мои намѣренія, а такой то обманулъ мои ожиданія.

1) Оларъ, назв. соч., 338 и слѣд.; 429 и слѣд.

2) Объ этомъ жюри см. ниже, стр. 195.

Противъ подобной постановки вопроса, однако, рѣзко выступилъ Тиріонъ, который сталъ доказывать, что единственнымъ судьей народныхъ представителей является общественное мнѣніе [1]).

Статьи V и VI приняты были безъ всякихъ измѣненій и составили ст. 43 и 44 конституціи 1793 г. [2])

§ 63. Какъ выше упомянуто, одновременно съ конституціей вотированъ былъ актъ, въ которомъ заключалось постановленіе, по существу своему діаметрально противоположное приведеннымъ статьямъ. Мы имѣемъ въ виду декларацію правъ, служащую введеніемъ къ конституціи 1793 г. Ст. 32 категорически установляла, что преступленія „повѣренныхъ“ (mandataires) народа и его агентовъ никогда не должны оставаться безнаказанными. Никто, продолжала статья, не вправѣ считать себя болѣе неприкосновеннымъ, чѣмъ другіе граждане. — Проектъ монтаньяровъ въ этомъ отношеніи шелъ еще дальше. Въ немъ содержалась глава (15-ая), озаглавленная: „Du grand juré (sic) national“. Жюри этотъ учреждался въ цѣляхъ огражденія гражданъ отъ притѣсненій со стороны Законодательнаго Корпуса и Исполнительнаго Совѣта; къ нему имѣлъ также право прибѣгнуть всякій гражданинъ, притѣсняемый другимъ частнымъ лицомъ. Въ составъ его входили лица, выбираемыя на первичныхъ собраніяхъ по одному на каждый департаментъ; на его обязанности лежала передача виновныхъ правосудію, самъ же онъ никакихъ наказаній назначать не могъ.

Проектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ засѣданіи 16 іюня и встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны Тиріона и

---

1) Moniteur, XXXI, 306 et suiv. Слова эти здѣсь приписаны Тюріо, но это явная опечатка. Ср. рѣчь Тиріона въ засѣданіи 16 іюля (см. ниже, стр. 196).

2) 43 ст. говорила только объ „opinions“. Существуетъ мнѣніе, будто конституція сузила привилегію, сравнительно съ актомъ 1791 („ce qu'ils auront dit, écrit ou fait“). По справедливому замѣчанію Hubrich'a, op. cit., 93, нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы составители радикальной конституціи имѣли въ виду ограничить иммунитетъ только „мнѣніями“ и исключить изъ него, напр., голосованія и сообщеніе тѣхъ или другихъ свѣдѣній. Споръ, впрочемъ, возникъ въ Германіи, во Франціи, сколько намъ извѣстно, никто никогда не сомнѣвался въ истинномъ значеніи термина „opinions“.

Тюріо. Первый находилъ, что подобный жюри могъ бы оказаться опаснымъ для свободы сужденій членовъ законодательнаго собранія. Второй доказывалъ всю принципіальную несостоятельность проекта, стремившагося создать рядомъ и надъ суверенной палатой контролирующую ее высшую инстанцію.

Подъ вліяніемъ этихъ рѣчей и согласно предложенію Робеспьера рѣшено было, отвергнувъ мысль о жюри, приступить къ изысканію средствъ для огражденія народа отъ насилія со стороны Законодательнаго Корпуса. 24 іюня Эро представилъ новый проектъ[1]), согласно которому каждому избирательному собранію предоставлялось право судить о поведеніи своего представителя по окончаніи легислатуры, съ тѣмъ, чтобы депутатъ могъ быть переизбранъ лишь въ случаѣ одобренія его дѣйствій со стороны собранія. При обсужденіи этого предложенія, однако, однимъ изъ ораторовъ было указано на принципіальную недопустимость такой постановки вопроса: депутатъ, говорилъ Тюріо, представляетъ народъ въ его цѣломъ; поэтому часть націи, которая осудила бы члена Законодательнаго Корпуса, присвоила бы себѣ непринадлежащее ей право. Пусть, закончилъ ораторъ, общественное мнѣніе судитъ о людяхъ — не будемъ декретомъ нашимъ вызывать рѣшеній, пагубныхъ для добродѣтелей.

Несмотря на защиту Раффрона и нѣкоторыхъ другихъ, проектъ Эро былъ отвергнутъ собраніемъ[2]).

II.

Законъ 22 преріаля и декретъ 8 брюмера II года.

§ 64. Тѣмъ временемъ, однако, декретъ 1 апрѣля продолжалъ усердно примѣняться. Введеніе въ дѣйствіе конституціи было отсрочено на неопредѣленное время, и декретомъ 10 октября было учреждено, впредь до заключенія мира, временное революціонное правительство. Политическія стра-

1) Проектъ носилъ заглавіе: „de la censure du peuple contre ses députés et de la garantie contre l'oppression du Corps législatif".

2) Moniteur, XXXII, 313 et suiv.

сти разгорѣлись съ невиданной до того силой; 9 марта 1793 г. въ Парижѣ вспыхнулъ мятежъ, а на слѣдующій день учрежденъ былъ по предложенію Дантона особый чрезвычайный уголовный судъ, получившій впослѣдствіи названіе революціоннаго трибунала, для разбора всѣхъ антиреволюціонныхъ замысловъ и посягательствъ противъ свободы, равенства, единства, нераздѣльности республики и т. п. Это учрежденіе вскорѣ сдѣлалось орудіемъ личной мести, и Робеспьеръ имъ воспользовался для осужденія на смерть своихъ противниковъ — гебертистовъ и дантонистовъ. Принципъ депутатской неприкосновенности былъ совершенно забытъ, и членамъ Конвента пришлось на себѣ испытать послѣдствія равенства передъ гильотиной.

Впрочемъ, на короткій срокъ — а именно на два дня — собраніе вспомнило объ иммунитетѣ: 20 брюмера II года (10 ноября 1793 г.) оно издало декретъ, согласно которому никакой представитель народа не могъ подвергнуться задержанію, если онъ предварительно не былъ выслушанъ Конвентомъ. 12 ноября, однако, этотъ декретъ былъ отмѣненъ, какъ противорѣчащій принципу равенства [1]).

Закономъ 22 преріаля того же года (10 іюня 1794 г.) революціонный трибуналъ былъ преобразованъ. Конвенту, Комитетамъ Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, коммисарамъ Конвента и прокурору суда было предоставлено привлекать къ отвѣтственности всякаго „врага народа“. 23 того же преріаля Бурдономъ поднятъ былъ въ Конвентѣ вопросъ о томъ, требуется ли, въ случаѣ обвиненія народнаго представителя, предварительное постановленіе собранія. Послѣ обмѣна мнѣній, вынесена была резолюція въ положительномъ смыслѣ. Такъ какъ, говорилось здѣсь, исключительное право народнаго представительства предавать своихъ членовъ суду есть право неотчуждаемое, то декретомъ 22 преріаля Конвентъ не имѣлъ въ виду отступить отъ законовъ, которые запрещаютъ предавать революціон-

1) „La Convention Nationale, considérant que l'intérêt national, la justice due au peuple et le principe sacré de l'égalité ne sauraient permettre que dans la recherche des coupables et dans la punition des crimes il soit établi une distinction injuste entre un représentant du peuple et tout autre citoyen, rapporte le décret du 20 brumaire“.

ному трибуналу депутатовъ безъ предварительнаго согласія палаты [1]).

На слѣдующій день, однако, Кутонъ, отъ имени Комитета Общественнаго Спасенія, выразилъ въ засѣданіи Конвента протестъ противъ этого декрета. Здѣсь, говорилъ Кутонъ, намекая на рѣчь Бурдона, утверждалось, что Комитетъ имѣлъ въ виду уничтожить конституціонное начало и нарушить наиболѣе священные принципы. Это клевета. Комитетъ жаждетъ только одного — упражненія власти самимъ народомъ; онъ отнюдь не желаетъ посягнуть на права Конвента, т. е. народнаго представительства. Поэтому мотивы, приведенные въ постановленіи 23 преріаля, должны были быть, по мнѣнію Кутона, вычеркнуты изъ декрета какъ излишніе, съ одной стороны, и оскорбительные для Комитета Общественнаго Спасенія — съ другой. По тому же поводу произнесена была длинная рѣчь Робеспьеромъ, и собраніе, невзирая на протестъ нѣкоторыхъ его членовъ, постановило вычеркнуть „considérants“, столь взволновавшіе всесильный Комитетъ [2]).

Имѣлъ ли въ виду Робеспьеръ, предлагая законъ 22 преріаля, создать такое орудіе власти, при помощи котораго онъ могъ бы безъ труда очистить Конвентъ отъ враждебныхъ ему элементовъ; или же онъ преслѣдовалъ только цѣль наказанія нѣкоторыхъ лицъ, являвшихся въ его глазахъ особенно преступными и опасными для дѣла революціи — вопросъ спорный [3]). Несомнѣнно, однако, что Бурдонъ и его друзья держались перваго изъ этихъ взглядовъ и въ молчаніи закона усматривали опасную для враговъ Робеспьера заднюю мысль. Насколько же Кутонъ былъ искрененъ въ своей рѣчи — вопросъ, который на основаніи имѣющагося матеріала рѣшить трудно.

§ 65. Между тѣмъ наступили термидорскіе дни, Робеспьеръ и его ближайшіе сподвижники пали, и власть перешла въ руки болѣе умѣренныхъ элементовъ: значительная

---

1) Buchez et Roux, XXXIII, 205 et suiv.

2) Ibid.

3) См., съ одной стороны, Buchez et Roux, XXXIII, 183, съ другой — Louis Blanc, Histoire de la révolution française, t. X., Par. 1858, p. 482 et suiv.

часть революціонныхъ законовъ была отмѣнена[1]), якобинскій клубъ закрытъ, началась реакція и связанный съ ней бѣлый терроръ. Одинъ за другимъ стали поступать въ Конвентъ доносы на дѣйствія его коммисаровъ въ провинціяхъ, разоблачая безчеловѣческую дѣятельность Каррьэ, Коллод'Эрбуа, Лебона и цѣлаго ряда другихъ лицъ. Конвентъ вынужденъ былъ уступить бушевавшему общественному мнѣнію и принять крутыя мѣры противъ наиболѣе ненавистныхъ дѣятелей террора. Въ первую голову арестованы были Лебонъ и Давидъ; та же участь грозила постичь и другихъ депутатовъ: въ средѣ собранія неоднократно раздавались обвиненія противъ Биллье-Варена, Колло д'Эрбуа, Баррера и Вадьэ[2]). Все это сильно обезпокоило термидорцевъ лѣваго крыла, которые стали опасаться за свою собственную судьбу. Поэтому Талліеномъ внесено было предложеніе урегулировать процедуру преданія суду народныхъ представителей. Въ засѣданіи 2 брюмера Мерленъ (изъ Дуэ) внесъ, отъ имени Комитетовъ Общественнаго Спасенія, Общественной Безопасности и Законодательства, проектъ декрета, согласно которому всякій доносъ на депутата имѣлъ быть переданъ названнымъ Комитетамъ, отъ коихъ должно было зависѣть признать доносъ заслуживающимъ уваженія или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, Комитеты представляли объ этомъ Конвенту, который назначалъ коммисію изъ 11 членовъ для разсмотрѣнія обвиненія; по выслушаніи обвиняемаго и доклада коммисіи, Конвентъ постановлялъ о преданіи депутата суду.

Проектъ этотъ вызвалъ возраженія со стороны Переса, который произнесъ по этому поводу длинную и довольно характерную рѣчь. „Утверждаютъ, говорилъ ораторъ, что депутатъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго гражданина и что, когда онъ виновенъ, онъ долженъ судиться на общемъ основаніи. Я далекъ отъ всякой мысли о неприкосновенности — но все же народъ говоритъ устами своихъ представителей, и нація стоитъ за ними. Поэтому

1) Въ томъ числѣ и законы 1 апрѣля и 22 преріаля.

2) Декретомъ 12 жерминаля III г. эти четыре лица были приговорены къ ссылкѣ. Это былъ первый случай наложенія наказанія самимъ Конвентомъ.

они должны быть поставлены въ особыя условія и судиться судомъ равныхъ". Исходя изъ этихъ соображеній, Пересъ предлагалъ, чтобы всякій доносъ на депутата представлялся непосредственно Конвенту, который, по истребованіи заключенія Комитетовъ, самостоятельно долженъ былъ не только рѣшать вопросъ о преданіи суду обвиняемаго, но также и играть роль судебной инстанціи по отношенію къ нему [1]).

Оба проекта послужили предметомъ чрезвычайно бурныхъ преній. Противъ предложенія Переса особенно рѣзко выступилъ, въ засѣданіи 6 брюмера, Мерленъ, который доказывалъ, что, въ случаѣ принятія этого предложенія, конвенту придется одновременно играть роль jury d'accusation и jury de jugement. Для всѣхъ гражданъ вообще обѣ инстанціи раздѣлены: тоже должно имѣть мѣсто и для народныхъ представителей, такъ какъ нѣтъ никакого основанія предоставлять имъ меньшія гарантіи, чѣмъ простымъ смертнымъ.

Мнѣніе Мерлена взяло перевѣсъ, и 8 брюмера вотированъ былъ регулятивъ, главнѣйшія постановленія котораго заключались въ слѣдующемъ [2]).

Всякій доносъ противъ народнаго представителя имѣлъ быть доставленъ или пересланъ въ Комитеты Общественнаго Спасенія, Общественной Безопасности и Законодательства, до сообщенія о немъ Конвенту. Если всѣ три Комитета признавали, что дѣлу долженъ быть данъ ходъ, они обязаны были, не мотивируя, однако, своего мнѣнія, представить о семъ Конвенту. Составленіе доклада по дѣлу поручалось коммисіи изъ 21 члена, назначенныхъ по жребію, ка-

---

1) См. Moniteur (оригин. изд.) отъ 3, 8 и 9 брюмера. Levasseur въ своихъ мемуарахъ (t. IV, Par. 1831, p. 53—55) совершенно неправильно описываетъ засѣданія Конвента по данному вопросу. Проекты Мерлена и Переса онъ считаетъ декретами, принятыми собраніемъ, причемъ расточаетъ Конвенту большія похвалы за эти мѣропріятія. На стр. 111, однако, онъ обрушивается на декретъ 8 брюмера (см. ниже), совершенно сходный съ предложеніемъ Мерлена, и называетъ его порожденіемъ реакціоннаго духа. Левассеръ ввелъ въ заблужденіе многихъ изслѣдователей, не обращавшихся къ первоисточникамъ.

2) Полный текстъ, помимо Moniteur'a, можно найти у Buchez et Roux, XXXIV, 132.

ждый разъ особо, изъ среды Конвента. Предварительно представленія доклада, коммисія должна была выслушать обвиняемаго, которому имѣли быть сообщены всѣ документы. По выслушаніи доклада, Конвентъ рѣшалъ вопросъ о предварительномъ задержаніи подсудимаго. Самое же постановленіе о преданіи суду должно было быть принято не иначе, какъ путемъ поименнаго голосованія. Въ случаѣ вынесенія Конвентомъ такого постановленія, коммисія имѣла на слѣдующій же день представить обвинительный актъ, въ которомъ должны были заключаться тѣ именно факты, по поводу которыхъ обвиняемый былъ выслушанъ въ Конвентѣ и которые должны были служить основаніемъ для предварительнаго слѣдствія. Наконецъ, судебная инстанція, которой поручалось разсмотрѣніе дѣла, могла касаться только фактовъ, упомянутыхъ въ обвинительномъ актѣ.

Декретъ этотъ, какъ видно, былъ, главнымъ образомъ, направленъ противъ всемогущихъ Комитетовъ, деспотизмъ которыхъ сталъ невыносимъ для умѣренныхъ элементовъ Конвента. Понятно, что т. наз. „партія Комитетовъ“ была крайне недовольна новой мѣрой[1]) и всячески старалась ей противодѣйствовать. Ей ясно было, что благодаря отводимой Конвенту роли, многимъ изъ ея членовъ грозятъ преслѣдованія, отъ которыхъ Комитетамъ уже не будетъ возможности ихъ укрыть[2]). Когда же вопросъ объ изданіи декрета оказался рѣшеннымъ въ принципѣ, лѣвое крыло употребило всѣ усилія къ тому, чтобы какъ можно больше осложнить процедуру разсмотрѣнія доносовъ и обставить обвиняемыхъ депутатовъ наибольшими гарантіями. Противная же сторона, напротивъ того, стремилась по возможности все упростить, дабы легче и скорѣе посадить на скамью

1) Когда въ засѣданіи 29 вандемьера Талліенъ впервые предложилъ образовать въ средѣ Конвента особую коммисію для разсмотрѣнія жалобъ на представителей, его предложеніе встрѣтило чрезвычайно рѣзкій отпоръ со стороны нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ. Леженъ обвинялъ его даже въ желаніи создать новыя chambres ardentes. См. Moniteur отъ 3 брюмера.

2) Она не ошибалась, такъ какъ 8-го же брюмера вечеромъ была избрана коммиссія для сужденія по дѣлу Каррьэ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ процессовъ противъ бывшихъ коммисаровъ.

подсудимыхъ нѣкоторыхъ изъ коммисаровъ Конвента, особенно сильно возбудившихъ противъ себя общественное мнѣніе.

Самъ по себѣ, декретъ едва ли можетъ быть причисленъ къ числу реакціонныхъ мѣръ. Онъ былъ естественнымъ протестомъ противъ того порядка вещей, который установился благодаря правленію Комитетовъ и, во всякомъ случаѣ, давалъ обвиняемымъ весьма серьезныя гарантіи. Правда, примѣненіе его мало что измѣняло въ революціонномъ хаосѣ того времени, и положеніе народныхъ представителей оставалось по прежнему болѣе чѣмъ прекарнымъ. Но причина крылась, конечно, не въ декретѣ 8 брюмера, а въ общемъ характерѣ событій этой смутной эпохи.

III.

Конституція III года.

§ 66. Для большинства членовъ Конвента съ самаго начала было совершенно ясно, что о примѣненіи конституціи 1793 г. не можетъ быть и рѣчи. Просвѣщенные круги общества успѣли извѣриться во всемогущество радикально-демократическихъ началъ, а воцарившаяся анархія отрезвляющимъ образомъ подѣйствовала на тѣхъ, которые въ принципахъ 93 года склонны были видѣть палладіумъ свободы и незыблемыхъ правъ человѣка. Но настроеніе законодателей не соотвѣтствовало настроенію народа [1]). Для большихъ массъ конституція 23 іюня продолжала служить непревзойденнымъ идеаломъ. Никто, поэтому, на первыхъ порахъ и не рѣшался открыто выступить съ критикой конституціи [2]).

14 жерминаля III года Конвентомъ избрана была особая коммисія для выработки органическихъ законовъ, необходимыхъ для приведенія въ дѣйствіе акта 23 іюня. Черезъ двѣ недѣли Камбасересъ представилъ отъ имени этой

1) Zweig, Die Lehre vom Pouvoir Constituant, Tüb. 1909, S. 404, совершенно справедливо замѣчаетъ, что „die Entstehungsgeschichte der Direktorialverfassung ist die Geschichte eines Verfassungs-Konflikts zwischen Volk und Volksvertretung“.

2) Оларъ, назв. соч., 599.

коммисіи докладъ, въ которомъ онъ, не предлагая измѣнить конституцію, ограничивался изложеніемъ плана выработки органическихъ статей. Какъ говоритъ Оларъ, коммисія какъ бы признавала свое безсиліе или свою робость и требовала, чтобы возложенная на нее работа была передана въ другія руки [1]). Конвентъ уступилъ этому желанію и избралъ новую коммисію изъ одиннадцати членовъ. Весьма скоро, однако, эта коммисія пришла къ убѣжденію о непригодности конституціи 1793 г. и о необходимости приступить къ выработкѣ новаго фундаментальнаго закона [2]). Послѣ преріальскихъ дней, когда Конвентъ, окруженный повстанцами, едва не сдѣлался жертвой народнаго гнѣва, отрицательное отношеніе къ демократическому радикализму вылилось въ совершенно опредѣленную форму. Умѣренная идеологія владѣющихъ классовъ одержала полную побѣду, и коммисія, открыто порвавъ съ якобинскимъ міровоззрѣніемъ, начертала проектъ конституціоннаго закона, который она представила Конвенту 5 мессидора III года. 5 фруктидора того же года (22 августа 1795) проектъ этотъ былъ утвержденъ собраніемъ.

Новая конституція представляла во многихъ отношеніяхъ возвратъ къ акту 1791 г. Она была чрезвычайно тщательно редактирована — по мнѣнію Эсмена лучше всѣхъ конституцій, которыя когда либо имѣла Франція [3]) — и по вопросу о положеніи народныхъ представителей содержала въ себѣ цѣлый рядъ статей, точно опредѣлявшихъ объемъ ихъ привилегій. Хотя не сохранилось ни журналовъ засѣданій, ни какихъ либо слѣдовъ преній коммиссіи одиннадцати [4]), однако не трудно догадаться, какими соображеніями она руководствовалась при составленіи упомянутыхъ статей — принятыхъ, кстати замѣтить, Конвентомъ безъ всякихъ дебатовъ. Пере-

1) Назв. соч., стр. 601.

2) См. Larevellière-Lépeaux, Mémoires, t. I, Par. 1895, p. 229: „Dès le premier jour de notre réunion, nous convinmes, à la presque unanimité, qu'il ne devait être question entre nous ni de lois organiques, ni de constitution de 93, mais de préparer le plan d'une constitution raisonnable, aussi promptement qu'il serait possible, sans nuire à la perfection que nous étions capables de lui donner". Ср. Оларъ, назв. соч., 603 и слѣд.; Zweig, op. cit., 405.

3) Esmein, Précis élémentaire de l'histoire du droit français de 1789 à 1814, Par. 1908, p. 50.

4) Оларъ, назв. соч., 602.

житое смутное время показало, къ чему могутъ повести отступленія отъ начала парламентской неприкосновенности. Провозгласивъ терроръ, Конвентъ вскорѣ самъ сдѣлался его жертвой. Отсутствіе свободы слова повлекло за собой принятіе такихъ мѣръ и декретовъ, которые явно претили правосознанію большинства собранія[1]).

Съ другой стороны, политическій опытъ показалъ, что народному представительству можетъ грозить опасность не только отъ исполнительной власти. Послѣдняя за все время существованія Конвента была всецѣло въ его рукахъ — и тѣмъ не менѣе забвеніе принципа неприкосновенности привело къ самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ. Безконечныя преслѣдованія и казни депутатовъ были дѣломъ не постороннихъ силъ, а самого Конвента. Поэтому, при выработкѣ новой конституціи, страхъ передъ исполнительной властью, которымъ продиктованы были многія постановленія предыдущихъ конституцій, уступилъ мѣсто стремленію организовать ее на началахъ независимости отъ власти законодательной.

„Независимость исполнительной власти, говорилъ докладчикъ коммисіи одиннадцати — Боасси д'Англа — въ засѣданіи Конвента 5 мессидора III г. (23 іюля 1795 г.), не должна вамъ внушать никакого недовѣрія, забудьте впечатлѣніе, которое на васъ производили былыя наименованія, нынѣ совершенно измѣнившія свой смыслъ. Прежде, исполнительная власть была опорой престола, теперь она станетъ опорой республики. Вы напали на нее и ее ослабили, потому что хотѣли разрушить угрожавшій вамъ престолъ; теперь вы должны ее укрѣпить, такъ какъ ваша цѣль уже больше не заключается въ уничтоженіи, а въ сохраненіи правительства; вы должны окружить его властью, уваженіемъ и блескомъ; вы должны устранить все, что могло бы его притѣснить или унизить, ибо оно также является носителемъ значительной части народнаго достоянія[2])." Статьи консти-

1) Въ доносѣ, представленномъ Конвенту вскорѣ послѣ термидорскихъ событій Lecointre на нѣкоторыхъ изъ членовъ Комитетовъ Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, прямо указывалось на то, что эти лица „de concert avec Robespierre, (ont) anéanti la liberté des opinions dans la Convention, en ne permettant point la discussion des projets de loi". Barante, Histoire de la Convention, t. V, p. 45.

2) Barante, op. cit., t. VI, p. 150 et suiv.

туціи, опредѣлявшія юридическое положеніе депутатовъ, такимъ образомъ, едвали были продиктованы недовѣріемъ къ правительству. Чѣмъ руководились составители конституціи при редактированіи этихъ статей (110—123, подъ общимъ заглавіемъ „de la garantie des membres du Corps législatif"), изъ опубликованныхъ до сихъ поръ матеріаловъ въ точности неизвѣстно[1]). Но можно предположить, что принципъ неприкосновенности получилъ въ глазахъ коммисіи особую цѣнность, благодаря тѣмъ ужаснымъ для самого Конвента послѣдствіямъ, которыя вызвало отступленіе отъ него за предшествовавшіе три года[2]). Для нея уже было ясно, что народное представительство должно быть гарантировано не только отъ правительственнаго произвола, но и отъ всякихъ, вообще, попытокъ воздѣйствія на него, откуда бы эти попытки ни исходили. Это стремленіе ясно сказывается въ тѣхъ статьяхъ, которыя касаются жалобъ на депутатовъ, приносимыхъ Законодательному Корпусу.

Да и вообще необходимо замѣтить, что къ тому времени общественное мнѣніе уже успѣло признать въ т. наз. привилегіяхъ народныхъ представителей существенную гарантію свободы и необходимую принадлежность предста-

1) Какъ выше упомянуто, протоколы засѣданій коммисіи одиннадцати до сихъ поръ не найдены. Мемуары же современниковъ, касающіеся вообще исторіи составленія конституціи III года (Thibaudeau, Mémoires sur la Convention et le Directoire, Par. 1824, t. I, ch. XV; Durand de Maillane, Histoire de la Convention Nationale, Par. 1875; Larevellière-Lépeaux, Mémoires, t. I, ch. XI), вопроса о привилегіяхъ депутатовъ не затрагиваютъ.

2) Louis Blanc, въ своей Histoire de la révolution française, t. XII, Par. 1862, p. 523, возмущается ст. 110: „Un article, dans la constitution de l'an III, говоритъ онъ, mérite qu'on s'y arrête: c'est celui qui met les membres du corps législatif à l'abri de toute recherche pour ce qu'ils auraient dit ou écrit dans l'exercice de leurs fonctions. Comment les réacteurs purent-ils voter un pareil article sans que le rouge leur montât au front? Comment purent-ils oublier à ce point que c'était en s'armant contre leurs adversaires de ce que ceux-ci „auraient dit ou écrit dans l'exercice de leurs fonctions", qu'ils étaient parvenus à mettre, selon le langage des temps, la proscription à l'ordre du jour? Il était un peu tard pour s'apercevoir que la liberté de la tribune est une condition sans laquelle il n'est pas d'assemblée délibérante possible!" Лучше поздно, чѣмъ никогда, можно на это отвѣтить. И составители конституціи лучше, чѣмъ кто бы то ни было, знали, къ чему привели декреты II года.

вительнаго строя. Всѣ конституціонные проекты, которые были представлены въ Конвентъ[1]), всѣ брошюры публицистическаго содержанія, которыя появились одновременно съ актомъ 5 фруктидора, признаютъ неприкосновенность депутатовъ незыблемой основой новаго строя. При этомъ авторы даже рѣдко даютъ себѣ трудъ привести какія либо разсужденія въ доказательство необходимости привилегіи: эта необходимость какъ бы подразумѣвается сама собою[2]).

§ 67. Обратимся теперь къ анализу соотвѣтственныхъ постановленій конституціи III года.

Ст. 110, санкціонировавшая привилегію безотвѣтственности, близко подходила къ аналогичной статьѣ конституціи 1791 г. „Граждане, говорилось въ ней, которые состоятъ или были членами Законодательнаго Корпуса, не могутъ быть преслѣдуемы, обвиняемы или судимы за сказанное или написанное ими во время исполненія ихъ обязанностей". О „дѣйствіяхъ" (faits) депутатовъ, совершенныхъ ex officio, здѣсь, въ противоположность акту 1791 г., не говорится, но едва ли изъ этого умолчанія можно вывести заключеніе, что ст. 110 не покрываетъ голосованій. Слѣдуетъ также отмѣтить, что безотвѣтственность впервые здѣсь не приведена въ связь съ неприкосновенностью — inviolabilité. Этотъ послѣдній терминъ отнынѣ сталъ употребляться исключительно для обозначенія права депутатовъ подвергаться судебному преслѣдованію лишь съ разрѣшенія законодательнаго собранія.

Ст. 111—114 касались именно этой второй привилегіи. На основаніи ихъ, члены Законодательнаго Корпуса (т. е. какъ Совѣта Пятисотъ, такъ и Совѣта Старѣйшинъ), съ мо-

---

1) См., напр., Réflexions sur les bases d'une Constitution, par le cit. *** et présentées par Bresson, député à la convention nationale, Paris, prairial, l'an III, p. 63 et 64.

2) См. напр., Adrien Lezay, Qu'est ce que la constitution de 95? Par. an III, p. 29: „Ainsi la pluralité, l'amovibilité, l'inviolabilité des Représentants, l'intégrité de la Représentation, tels sont les principes du gouvernement représentatif". По мнѣнію этого публициста „la Représentation prend tous les caractères du peuple qu'elle représente": такъ какъ народъ не можетъ грѣшить (pécher) по отношенію къ самому себѣ, то и представители не могутъ этого дѣлать; потому они неприкосновенны. Ср. Opinion du général Miranda sur la situation actuelle de la France, Par. an III, p. 9 (неприкосновенность есть послѣдствіе свободы).

мента ихъ назначенія до истеченія 30 дней со времени окончанія ихъ полномочій, могли быть преданы суду лишь съ соблюденіемъ особыхъ формальностей. Аресту за преступныя дѣянія они подлежали только въ случаѣ flagrant délit; но немедленно объ этомъ должно было быть доведено до свѣдѣнія Законодательнаго Корпуса, и преслѣдованіе могло продолжаться лишь послѣ состоявшаго со стороны Совѣта Пятисотъ предложенія о преданіи суду и утвержденія такового предложенія Совѣтомъ Старѣйшинъ. Внѣ указаннаго случая, члены Законодательнаго Корпуса не могли ни быть приведены къ полицейскимъ чинамъ, ни подвергнуты аресту прежде, чѣмъ Совѣтъ Пятисотъ не предложитъ предать ихъ суду, а Совѣтъ Старѣйшинъ не вынесетъ соотвѣтственнаго постановленія [1]). Компетентнымъ судомъ для разбора такого рода дѣлъ былъ признанъ исключительно Верховный Судъ, организація котораго была опредѣлена статьями 265—273 конституціи.

Тому же суду депутаты объявлены были подсудными за измѣну, расхищеніе государственнаго достоянія, дѣйствія, направленныя къ уничтоженію конституціи и посягательства противъ внѣшней безопасности республики (ст. 115). Никакой доносъ на члена Законодательнаго Корпуса не могъ дать основаніе къ возбужденію преслѣдованія, если онъ не былъ изложенъ въ письменной формѣ, подписанъ и адресованъ въ Совѣтъ Пятисотъ (ст. 116). Совѣтъ, по обсужденіи доноса въ порядкѣ, установленномъ ст. 77 [2]), отвергалъ или принималъ его (ст. 117). Въ послѣднемъ случаѣ,

1) Art. 111. Les membres du Corps législatif depuis le moment de leur nomination jusqu'au trentième jour après l'expiration de leurs fonctions, ne peuvent être mis en jugement que dans les formes prescrites par les articles qui suivent.

Art. 112. Ils peuvent, pour faits criminels, être saisis en flagrant délit: mais il en est donné avis, sans délai, au Corps législatif et la pour suite ne pourra être continuée qu'après que le Conseil des Cinq-Cents aura proposé la mise en jugement et que le Conseil des Anciens l'aura décrétée.

Art. 113. Hors le cas du flagrant délit, les membres du Corps législatif ne peuvent être amenés devant les officiers de police, ni mis en état d'arrestation, avant que le Conseil des Cinq-Cents ait proposé la mise en jugement et que le Conseil des Anciens l'ait décrétée.

2) Эта статья установляла систему трехъ чтеній, съ промежутками не короче 10 дней между каждымъ изъ нихъ.

обвиняемаго вызывали въ Совѣтъ для дачи показаній въ трехдневный срокъ (ст. 118). По истеченіи этого срока, Совѣтъ, независимо отъ того, явился ли обвиняемый или нѣтъ, постановлялъ о томъ, подлежитъ ли поведеніе обвиняемаго обсужденію или не подлежитъ (ст. 119). Въ утвердительномъ случаѣ, обвиняемый вызывался въ двухдневный срокъ, причемъ, въ случаѣ явки, ему предоставлялось право дать показанія въ залѣ засѣданій Совѣта (ст. 120). Но и въ томъ случаѣ, когда обвиняемый уклонялся, Совѣтъ, по истеченіи срока и по обсужденіи дѣла въ порядкѣ ст. 91 [1]), постановлялъ, въ подлежащихъ случаяхъ, объ обвиненіи и предавалъ депутата Верховному Суду, который обязанъ былъ немедленно приступить къ разсмотрѣнію дѣла (ст. 122).

Наконецъ, ст. 348 регулировала положеніе членовъ тѣхъ собраній, которыя созывались для пересмотра конституціи. Имъ гарантирована была безотвѣтственность въ предѣлахъ ст. 110, а судебному преслѣдованію они подвергались только съ разрѣшенія самого собранія.

Какъ видно изъ этихъ постановленій, вопросъ о парламентскомъ иммунитетѣ былъ чрезвычайно тщательно разработанъ въ конституціи III года. Свобода слова была обезпечена абсолютная; всякое же вмѣшательство судебной власти, въ случаѣ совершенія депутатомъ преступленія или проступка, было поставлено въ зависимость отъ согласія Законодательнаго Корпуса. Исключеніе сдѣлано было лишь для flagrant délit, при которомъ арестъ виновнаго могъ имѣть мѣсто. Но и тутъ всякое дальнѣйшее судебное дѣйствіе зависѣло отъ разрѣшенія Совѣта Старѣйшинъ.

Послѣ провозглашенія конституціи 5 фруктидора Конвенту, казалось, оставалось только разойтись и уступить мѣсто вновь созданному Законодательному Корпусу. Однако, реакціонныя партіи успѣли къ тому времени настолько окрѣпнуть, что роялисты, только что привлекшіе на свою сторону генерала Pichegru и нѣкоторыя секціи парижской національной гвардіи, твердо надѣялись получить большинство на предстоящихъ выборахъ въ Совѣты Пятисотъ и Старѣйшинъ. Чтобы этого не допустить, Конвентъ, 5 фруктидора IV года, издалъ декретъ (дополненный 13 того же мѣсяца), по кото-

1) Статья устанавливала три чтенія, съ промежуткомъ въ 5 дней.

рому избирательныя собранія должны были послать въ Законодательный Корпусъ не менѣе двухъ третей наличныхъ членовъ Конвента, причемъ къ числу таковыхъ не причислялись депутаты, преданные суду или арестованные [1]). Этотъ законъ вызвалъ взрывъ негодованія и привелъ къ возстанію 13 вандемьера (5 октября 1795 г.), которое было подавлено благодаря энергичнымъ мѣрамъ Наполеона Бонапарта. Черезъ три недѣли Конвентъ, признавъ свою миссію оконченною, разошелся, но наканунѣ роспуска (3 брюмера IV г.) успѣлъ вотировать декретъ, согласно которому родственникамъ эмигрантовъ, а также лицамъ, которыя взяли на себя инициативу мѣръ, противныхъ законамъ, или подписали таковыя, запрещалось, вплоть до заключенія общаго мира, нести какія бы то ни было обязанности въ законодательныхъ, муниципальныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, а также быть присяжными засѣдателями при Верховномъ Судѣ и иныхъ судебныхъ инстанціяхъ [2]). Цѣль этого закона, предложеннаго и проведеннаго наиболѣе революціоннымъ крыломъ собранія, заключалась въ томъ, чтобы устранить отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ роялистовъ и умѣренныхъ. Встрѣченный негодованіемъ, какъ возстановлявшій революціонный режимъ, актъ 3 брюмера незамедлилъ повести къ крупнымъ столкновеніямъ въ самой средѣ Законодательнаго Корпуса, открывшаго свои засѣданія въ томъ же мѣсяцѣ. Первое изъ нихъ возникло изъ за нѣкоего Эмэ (Aymé), подписавшаго протестъ противъ декретовъ 5 и 13 фруктидора [3]). Коммисія, назначенная для повѣрки полномочій депутатовъ, потребовала исключенія его изъ числа членовъ Совѣта Пятисотъ. Умѣренная партія вступилась за Эмэ, доказывая, во первыхъ, что выборы, состоявшіеся до 3 брюмера, ни въ коемъ случаѣ не подпадаютъ подъ дѣйствіе новаго закона и, во вторыхъ, что самый декретъ былъ изданъ незаконно и противорѣчитъ конституціи. Однако, собраніе не убѣдилось этими доводами, 14 и 18 нивоза оба Совѣта признали, что декретъ имѣетъ обратную силу, и Эмэ, а за нимъ 8

1) См. Barante, op. cit., t. XI, 239 et suiv.

2) Текстъ декрета см. у Buchez et Roux, XXXVII, 85.

3) Thibaudeau, op. cit., t. II, 62 et suiv.; Sciout, Le Directoire, t. I, Par. 1895, p. 507 et suiv.

другихъ представителей, лишились своихъ мандатовъ [1]). Во время преній неоднократно возникалъ вопросъ о депутатскомъ иммунитетѣ. Такъ, въ засѣданіи Совѣта Пятисотъ 13 нивоза, Пасторетомъ дана ему была совершенно правильная характеристика: гарантія народныхъ представителей, говорилъ онъ, покоится на общественной пользѣ, а не на индивидуальномъ интересѣ депутата [2]). Въ Совѣтѣ Старѣйшинъ, 17-го того же мѣсяца, Ренье, останавливаясь на резолюціи нижней палаты, пріостановившей мандатъ Эмэ, высказалъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ депутатовъ эта резолюція заключаетъ въ себѣ косвенныя нарушенія гарантіи неприкосновенности. Если это такъ, то резолюція должна быть безусловно отвергнута; „я — продолжалъ ораторъ — всегда буду преклоняться передъ священнымъ догматомъ гарантіи членовъ Законодательнаго Корпуса и всегда буду помнить печальныя времена тиранніи Робеспьера; я никогда не забуду, что это чудовище смогло осуществить свои отвратительные замыслы лишь послѣ того, какъ оно уничтожило гарантію и, подъ самыми негодными предлогами, обезсилило Конвентъ“ [3]).

Въ томъ же смыслѣ высказался цѣлый рядъ другихъ ораторовъ. Это не помѣшало, однако, Старѣйшинамъ одобрить резолюцію. Но въ данномъ случаѣ важенъ не столько результатъ дебатовъ, сколько высказанныя во время ихъ воззрѣнія. Не прошло двухъ лѣтъ со дня изданія закона 8 брюмера, какъ отношеніе къ иммунитету совершенно измѣнилось: неприкосновенность признается теперь существенной гарантіей свободы и неотъемлемою принадлежностью конституціоннаго строя [4]).

Вскорѣ произошелъ инцидентъ, едва не имѣвшій серьезныхъ послѣдствій. Послѣ того какъ былъ раскрытъ заговоръ Бабёфа, начались усиленныя преслѣдованія анархистовъ. 21 преріаля полиціей данъ былъ приказъ объ арестѣ

---

1) Декретъ былъ отмѣненъ только въ флореалѣ V года.

2) Moniteur (Milan 1805), 3-me période, VII, 149.

3) Ibid., 270.

4) Ср. заявленіе Тіаппъ 16 брюмера IV г.: „l'article le plus sacré (de la constitution), celui de la liberté, de la sûreté des membres du Corps législatif“ (Ibid., I, 155); — Мадіэ, 4 нивоза: „le palladium de la liberté, le plus ferme appui de la constitution“ (Ibid., VI, 124).

четырехъ членовъ Законодательнаго Корпуса. Эта мѣра вызвала цѣлую бурю въ Совѣтѣ Пятисотъ, причемъ Талліенъ выступилъ съ рѣчью, въ которой онъ обвинялъ правительство въ заговорѣ противъ народнаго представительства. Однако, по наведеніи справокъ оказалось, что приказы были даны полиціей по ошибкѣ [1]).

Между тѣмъ, положеніе Директоріи становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Правда, она безъ особаго труда справилась съ лѣвыми революціонными партіями, но зато оказалась безсильной въ дѣлѣ возстановленія порядка и, въ особенности, финансовъ страны. Выборы V года обезпечили роялистамъ большинство въ обоихъ Совѣтахъ, и реставрація Бурбоновъ казалась неизбѣжной. Директорія рѣшилась, для предотвращенія готовившагося переворота, сама устроить coup d'état. 18 фруктидора Augereau, во главѣ 12-ти тысячной арміи, окружилъ мѣсто засѣданій Совѣтовъ и, несмотря на ихъ протестъ, арестовалъ цѣлый рядъ депутатовъ, принадлежащихъ къ большинству [2]) [3]). Восторжествовавшее меньшинство незамедлило воспользоваться своей побѣдой. Тотчасъ же были кассированы всѣ выборы въ 49 департаментахъ, и 53 депутата были сосланы безъ всякаго суда, простымъ декретомъ Законодательнаго Корпуса [4]). Начались порядки, весьма напоминавшіе режимъ террора, причемъ роль Комитета Общественнаго Спасенія выпала на долю Директоріи, проявившей чисто диктаторскія наклонности. Вскорѣ, однако, среди республиканцевъ образовались двѣ партіи — правая, поддерживавшая Директорію, и лѣвая, ей враждебная. На выборахъ VI года перевѣсъ получила послѣдняя. Тогда Директорія рѣшила повторить переворотъ 18 фруктидора, и 13 флореаля обратилась къ Законодательному Корпусу съ предложеніемъ принять столь же дѣйстви-

1) Подробно объ этомъ инцидентѣ см. у А. Борового, Исторія личной свободы во Франціи, М. 1910, т. I, ч. II, стр. 201 и слѣд.

2) Sciout, op. cit., II, 643 et suiv.

3) Барбэ-Марбуа разсказываетъ, что когда онъ спросилъ, на основаніи какого закона его арестуютъ, одинъ офицеръ отвѣтилъ ему: законъ этотъ — сабля (la loi, c'est le sabre). Journal d'un déporté, I, 34 (цит. у Taine, La Révolution, III, 588).

4) Декретъ одобренъ былъ Старѣйшинами не безъ нѣкотораго колебанія, см. Sciout, op. cit., II, 653.

тельныя мѣры, какъ въ прошломъ году [1]). 19-го того же мѣсяца Совѣтъ Пятисотъ вотировалъ декретъ (утвержденный Старѣйшинами 22-го), на основаніи котораго въ 7 департаментахъ выборы были совершенно уничтожены, а въ остальныхъ департаментахъ утверждены были лишь выборы угодныхъ Директоріи лицъ.

Несмотря, однако, на эти мѣры, Директорія все болѣе и болѣе теряла подъ собою почву. Вновь избранная въ VII году треть депутатовъ [2]) была уже ей явно враждебна, и 30 преріаля Совѣтъ Пятисотъ потребовалъ отставки двухъ виднѣйшихъ членовъ Директоріи — Мерлена и Ларевельера-Лепо — и вотировалъ резолюцію, согласно которой, всякая власть, всякое лицо, которое посягнуло бы на безопасность и свободу Законодательнаго Корпуса или тѣхъ или другихъ изъ его членовъ, путемъ отдачи соотвѣтственнаго приказанія или исполненія его, объявлялось внѣ закона [3]).

Ничто, однако, не могло измѣнить положеніе вещей. Анархія продолжалась, и 18 брюмера Бонапарту не трудно было произвести переворотъ, положившій конецъ директоріальному режиму.

---

1) Оларъ, назв. соч., 750, 650, 651.

2) Согласно конституціи (ст. 53—55), оба Совѣта возобновлялись ежегодно по третямъ.

3) Buchez et Roux, XXXVIII, 68.

Глава седьмая.

Законодательство Наполеона I и эпохи реставраціи.

I.

Консульство и Имперія.

§ 68. На основаніи декрета, изданнаго 19 брюмера, исполнительная власть была временно передана особой Консульской Коммисіи, въ составъ которой вошли Сійесъ, Роже-Дюко и Бонапартъ. Засѣданія Законодательнаго Корпуса были отсрочены до 1 вантоза, причемъ каждому Совѣту было предложено делегировать свои полномочія избранной изъ его среды коммисіи изъ 25 членовъ. На коммисіи возложенъ былъ и пересмотръ тѣхъ постановленій дѣйствующей конституціи, которыя, при примѣненіи на практикѣ, оказались неудовлетворительными. Но работа коммисіи не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. 22 фримера VIII года была провозглашена новая конституція, составленная лично Наполеономъ и построенная на совершенно иныхъ принципахъ, чѣмъ ея предшественницы [1]).

Законодательная власть, прежде всего, оказалась раздѣленной между тремя органами: Государственнымъ Совѣ-

---

1) На конституціи VIII года отразились, до извѣстной степени, идеи Сійеса. Послѣднимъ были представлены два проекта, цѣликомъ, впрочемъ, до насъ не дошедшіе (относительно перваго см. Mignet, Histoire de la Révolution française, t. II, ch. XIV и appendice, также Miot de Mélito, Mémoires, t. I, Par. 1858, p. 258 et suiv.; второй отпечатанъ въ извлеченіи у Boulay de la Meurthe, Théorie constitutionelle de Sieyès, Par. 1836). Наполеонъ, однако, не одобрилъ ни того, ни другого, и самъ продиктовалъ свой проектъ. На этотъ послѣдній воззрѣнія Сійеса оказали нѣкоторое вліяніе. См. Buchez et Roux, XXXVIII, 279; Оларъ, назв. соч., 778.

томъ, Трибунатомъ и Законодательнымъ Корпусомъ. Инициатива законовъ была предоставлена одному только правительству, которое выработанные имъ законопроекты должно было представлять на предварительный просмотръ и обсужденіе Государственнаго Совѣта (ст. 44 и 53). Затѣмъ, законопроектъ переходилъ въ Трибунатъ, который, высказавшись за или противъ, назначалъ изъ своей среды трехъ ораторовъ для защиты принятаго рѣшенія передъ Законодательнымъ Корпусомъ (ст. 27 и 28). Послѣдній не обсуждалъ представленныхъ ему законопроектовъ, но, выслушавъ представителей правительства и Трибуната, постановлялъ свое рѣшеніе закрытой баллотировкой (ст. 34). Наконецъ, надзоръ за конституціонностью дѣйствій Трибуната и Законодательнаго Корпуса былъ порученъ Охранительному Сенату (Sénat Conservateur), который состоялъ изъ 80 пожизненныхъ членовъ и пополнялся путемъ кооптаціи изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ, въ случаѣ открывшейся вакансіи, первымъ Консуломъ, Трибунатомъ и Законодательнымъ Корпусомъ (ст. 15, 16 и 21).

Что же касается состава Трибуната и Законодательнаго Корпуса, то оба эти учрежденія состояли изъ лицъ, избиравшихся Сенатомъ въ количествѣ 100 для перваго и 300 для второго изъ числа гражданъ, занесенныхъ въ національные списки (ст. 20, 27 и 31).

О народномъ представительствѣ въ истинномъ значеніи слова, какъ видно, и рѣчи быть не могло. Законодательному Корпусу отведена была безмолвная роль судьи надъ цѣлесообразностью предлагавшихся правительствомъ законопроектовъ, и вся полнота власти, фактически, сосредоточивалась въ рукахъ перваго Консула.

14 термидора X года Наполеонъ былъ провозглашенъ пожизненнымъ первымъ Консуломъ, и черезъ два дня

---

1) Согласно ст. 7—9 конституціи, граждане каждаго коммунальнаго округа избирали изъ своей среды тѣхъ, кого они считали наиболѣе способными къ управленію общественными дѣлами. Эти лица, составлявшіе $^1/_{10}$ всего состава округа, заносились въ коммунальный списокъ. Въ свою очередь, они должны были избирать $^1/_{10}$ своего состава, и этимъ путемъ составлялся департаментный списокъ. Наконецъ, $^1/_{10}$ департаментскихъ списковъ составляла національный списокъ. Списки составлялись разъ на всегда.

изданъ былъ особый органическій сенатусъ-консультъ, измѣнившій многія изъ постановленій конституціи VIII года. Сенатъ былъ лишенъ всякой самостоятельности, число членовъ Трибуната было сокращено, и система списковъ подверглась значительнымъ измѣненіямъ: на каждую должность избиратели имѣли представлять по два кандидата, причемъ окончательный выборъ лежалъ на обязанности Сената или исполнительной власти, по принадлежности. Законодательный Корпусъ, и безъ того представлявшій, по выраженію самого Наполеона, собраніе глухо-нѣмыхъ[1]), утратилъ всякое значеніе, и отъ представительнаго строя остались одни жалкіе обломки. Съ провозглашеніемъ Имперіи и изданіемъ сенатусъ-консульта 28 флореала XII года (18 мая 1804) вся власть фактически сосредоточилась въ рукахъ монарха, а Законодательный Корпусъ пересталъ вовсе собираться и съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на хронически повторявшіяся нарушенія его правъ и компетенціи. Въ 1807 г. Трибунатъ былъ вовсе уничтоженъ.

Юридическое положеніе членовъ квази-представительныхъ учрежденій Наполеоновской эпохи регулировалось ст. 69 и 70 конституціи 22 фримэра VIII г. Содержаніе этихъ статей, входившихъ въ составъ VI титула, озаглавленнаго „объ отвѣтственности должностныхъ лицъ“ заключалось въ слѣдующемъ.

Обязанности членовъ Сената, Законодательнаго Корпуса, Трибуната и Государственнаго Совѣта, гласила ст. 69, не могутъ влечь за собой никакой отвѣтственности (ne donnent lieu à aucune responsabilité). Согласно же ст. 70, личныя преступленія, влекущія за собой болѣе тяжелыя уголовныя кары (délits personnels emportant peine afflictive ou infamante), въ случаѣ совершенія ихъ тѣми же лицами, подлежали преслѣдованію въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, при условіи полученія соотвѣтственнаго разрѣшенія отъ того учрежденія, къ которому принадлежалъ обвиняемый. Постановленія эти, какъ видно, шли весьма далеко — они обезпечивали не только свободу слова, но и полную неприкосновенность, причемъ не дѣлалось исключенія даже для flagrant

1) Duvergier de Hauranne, Histoire du gouvernement parlementaire en France, 2-me éd., t. I, Par. 1870, p. 506.

délit. Отъ разрѣшенія соотвѣтственнаго учрежденія зависѣли не только арестъ обвиняемаго или, вообще принятіе мѣръ пресѣченія, но и самое возбужденіе судебнаго преслѣдованія. Интересно отмѣтить, что такія гарантіи были предоставлены совершенно безсильнымъ и лишеннымъ всякой независимости учрежденіямъ. Можно думать, что здѣсь сказалось вліяніе Сійеса, столь горячо отстаивавшаго въ свое время иммунитетъ народныхъ представителей.

§ 69. Послѣдняя изъ конституцій, изданныхъ Наполеономъ, возвращается къ прежней системѣ. „Дополнительный Актъ къ имперскимъ конституціямъ“ 1815 г., редактированный, какъ извѣстно, Бенжаменомъ Констаномъ[1]), въ ст. 14 постановлялъ, что никто изъ членовъ той или другой палаты не можетъ быть арестованъ — за исключеніемъ flagrant délit —, ни прислѣдуемъ за преступленія, подсудныя уголовнымъ или исправительнымъ судамъ, иначе какъ по постановленію той палаты, въ составъ которой онъ входитъ. На редакцію этой статьи, несомнѣнно, повліяла хартія 1814 г. (см. ниже). Что же касается свободы слова, то „Дополнительный Актъ“ не содержалъ въ себѣ никакихъ указаній — также какъ и хартія 1814 г. Но можно думать, что этотъ пропускъ объясняется спѣшностью составленія текста конституціи, а не сознательнымъ желаніемъ лишить народныхъ представителей привилегіи безотвѣтственности. Что Наполеонъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, рѣшился вернуть Франціи свободу и представительный строй, это видно изъ разговора, который онъ имѣлъ съ Б. Констаномъ[2]). Съ другой стороны, принципъ парламентской свободы рѣчи настолько уже успѣлъ пріобрѣсти всеобщее признаніе, что его можно было и не обезпечивать особой конституціонной нормой: его провозглашалъ, какъ мы выше видѣли, даже актъ 22 фримера VIII года, сводившій политическое значеніе народнаго представительства почти къ нулю[3]).

---

1) Duvergier de Hauranne, op. cit., t. II, 492 et suiv.; Lajoux, Rapports du gouvernement et des chambres dans l'acte additionnel aux constitutions de l'Empire de 1815, Par. 1903, p. 9 et suiv.

2) B. Constant, Lettre sur les cent jours (цит. у Duvergier de Hauranne, loc. cit., 493).

3) Въ іюнѣ 1815 г. особой коммисіей, избранной палатой представителей, былъ составленъ проектъ конституціи, представленный палатѣ

II.

Реставрація.

§ 70. Немедленно послѣ капитуляціи Парижа, Сенатомъ назначено было временное правительство, и признана была реставрація Бурбонскаго дома. Въ три дня составленъ былъ проектъ конституціи, который въ апрѣлѣ 1814 г. былъ принятъ Сенатомъ, а на слѣдующій день Законодательнымъ Корпусомъ. Актъ этотъ, обыкновенно называемый „Сенаторіальной конституціей" остался, какъ извѣстно, мертвой буквой. Онъ интересенъ лишь какъ памятникъ, свидѣтельствующій о господствовавшихъ въ то время настроеніяхъ въ извѣстной части французскаго общества. Конституція возстановляла монархію, и законодательную власть вручала Сенату, состоявшему изъ 150—200 несмѣняемыхъ и пожизненныхъ членовъ, и Законодательному Корпусу, избиравшемуся населеніемъ. Юридическое положеніе представителей опредѣлялось ст. 13, въ которой постановлялось, что члены Сената и Законодательнаго Корпуса могли подлежать а р е с т у лишь съ согласія той палаты, къ которой они принадлежали (o flagrant délit не упоминалось). При этомъ единственной компетентной инстанціей для суда надъ ними признавался Сенатъ. Неприкосновенность, такимъ образомъ, получала здѣсь особый характеръ: согласіе палаты требовалось только для лишенія свободы обвиняемаго, но не для возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Что же касается свободы слова, то ст. 11 ограничивалась указаніемъ на то, что Законодательному Корпусу принадлежитъ право обсужденія (droit de discussion). Правда, ст. 25 постановляла, что „никакой французъ не можетъ подвергнуться преслѣдованію за высказанныя имъ мнѣнія или голосованія", но здѣсь едва ли можно видѣть что нибудь похожее на парламентскую безотвѣтственность. Статья имѣла въ виду общій принципъ свободы мнѣній, но не безнаказанность за совершенныя депутатами словесные преступленія и проступки.

въ началѣ іюля. Разсмотрѣны, однако, были только 54 статьи (изъ 104, текстъ см. у Duguit et Monnier, op. cit., 198). Также какъ и въ „Дополнительномъ Актѣ", безотвѣтственность не была особо оговорена. Неприкосновенность же предусматривалась ст. 46 и 61.

Хартія 4 іюня 1814 г., какъ извѣстно, демократическому принципу, лежавшему въ основѣ революціоннаго законодательства, противопоставила принципъ монархическій [1]). Порвавъ съ догматомъ народнаго суверинитета, она провозгласила себя добровольнымъ пожалованіемъ короля и полноту власти сосредоточила въ рукахъ послѣдняго.

Съ другой стороны, на ней весьма ярко отразилось вліяніе англійскаго права и англійскихъ политическихъ ученій. Въ самомъ дѣлѣ, эпоха реставраціи знаменуетъ собой небывалое до сихъ поръ во Франціи увлеченіе великобританской конституціей. Англоманіей были заражены рѣшительно всѣ, отъ самаго короля до послѣдняго чиновника. Какъ говоритъ Vitrolles въ своихъ мемуарахъ, „тѣ, которые, изъ ненависти къ Наполеоновскому деспотизму, желали конституціи, находили таковую въ готовомъ видѣ: эта была конституція Англіи, единственная, которой не сокрушили ни время, ни испытанія послѣдней эпохи и которой приписывали процвѣтаніе этой страны. Она настолько всѣми была усвоена, что никто не могъ себѣ представить иной, начиная съ Россійскаго Императора, который со мной о ней бесѣдовалъ, и кончая послѣднимъ изъ служащихъ въ моей канцеляріи“ [2]).

При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что законодательство эпохи отразило въ себѣ вліяніе англійскихъ образцовъ. Этому вліянію должна, въ значительной мѣрѣ, быть приписана усвоенная хартіей двупалатная система съ ин-

---

1) Во введеніи хартія характеризуется какъ продуктъ исторической эволюціи („en recherchant ainsi à renouer la chaine des temps, etc.“). Полнота власти (l'autorité tout entière) во Франціи находится въ рукахъ короля, предшественники же Людовика XVIII лишь видоизмѣняли осуществленіе ея, сообразуясь съ условіями времени. О монархическомъ принципѣ во Франціи см. Еллинекъ. Общее ученіе о государствѣ, изд. 2-ое, Спб. 1908, стр. 343; Erich Kaufmann, Studien zur Staatslehre des monarchischen Prinzip, Lpz. 1906, S. 36 ff.; А. С. Алексѣевъ, Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ, Яр. 1910, стр. 1 и слѣд.; А. А. Алексѣевъ, Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ, Х. 1910, стр. 56 и слѣд.

2) Цит. у Bonnefon, Le régime parlementaire sous la restauration, Par. 1905, p. 87 et suiv.; ср. Barthélemy, L'introduction du régime parlementaire en France, Par. 1904, p. 14 et suiv.

ститутомъ пожизненной и наслѣдственной пэріи; ему, точно также, Франція обязана введеніемъ парламентаризма.

§ 71. Что же касается иммунитета, то неприкосновенность была признана какъ за членами палаты пэровъ, такъ и за депутатами. Относительно первыхъ ст. 34 постановляла что они могутъ быть арестованы только съ разрѣшенія палаты и ею же судятся по уголовнымъ дѣламъ. Здѣсь, очевидно, сказалось вліяніе англійскаго права, послужившаго образцомъ при созданіи верхней палаты. Что же касается депутатовъ, то ст. 52 возвращалась къ прежней системѣ и постановляла, что, за исключеніемъ flagrant délit, народный представитель подлежитъ преслѣдованію или аресту по дѣламъ уголовнымъ лишь съ согласія палаты [1]). При этомъ впервые былъ указанъ срокъ привилегіи: послѣдняя распространялась только на время сессіи парламента [2]). Ст. же 51 воспрещала, въ теченіе сессіи и шести недѣль до начала и шести недѣль послѣ ея окончанія, прибѣгать по отношенію къ депутату къ contrainte par corps, т. е. къ лишенію свободы [3]).

Постановленія эти были буквально повторены въ хартіи 14 августа 1830 г. (ст. 29, 43, 44).

§ 72. Но если неприкосновенность была обставлена точно формулированными юридическими нормами, нельзя того-же сказать о свободѣ слова. Также какъ и сенаторіальная конституція, хартія 4 іюня не заключаетъ въ себѣ традиціоннаго постановленія о томъ, что за сказанное съ трибуны депутаты не подлежатъ уголовной отвѣтственности. Ст. 18 ограничивалась указаніемъ на то, что „всякій законъ

1) „Aucun membre de la chambre ne peut pendant la durée de la session, être poursuivi ni arrêté en matière criminelle, sauf le cas de flagrant délit, qu'après que la chambre a permis sa poursuite".

2) Слѣдуетъ замѣтить, что конституціи 1791, 1793 и III гг. не знали періодическихъ сессій. Представительныя собранія засѣдали непрерывно въ теченіи всей легислатуры. — По конституціи VIII г. Трибунатъ засѣдалъ непрерывно, Законодательный же Корпусъ имѣлъ каждый годъ лишь одну сессію, длившуюся 4 мѣсяца. Хартія 1814., слѣдуя англійскимъ образцамъ, впервые установила систему ежегодныхъ сессій для обѣихъ палатъ.

3) Въ виду имѣлось не только личное задержаніе за долги, но всякое вообще лишеніе свободы по гражданскимъ взысканіямъ. См. Lanjuinais, Constitution de la nation française, t. I, Par. 1819, № 302.

долженъ быть свободно обсужденъ и вотированъ большинствомъ обѣихъ палатъ", изъ чего едва-ли можно было заключить, что ораторы покрыты безотвѣтственностью за свои рѣчи, независимо отъ ихъ содержанія. Далѣе, ст. 11 постановляла, что „всякое преслѣдованіе за мнѣнія или голосованія, имѣвшія мѣсто до реставраціи, запрещены. То же забвеніе предписывается судамъ и гражданамъ". Статья эта имѣла въ виду прошлое, но принципъ, изъ котораго она проистекала, несомнѣнно, лежалъ въ одной плоскости съ началомъ безотвѣтственности. Справедливость требуетъ признать, что ст. 11 въ первые годы эпохи реставраціи систематически нарушалась. Бѣлый терроръ былъ, главнымъ образомъ, направленъ противъ политическихъ дѣятелей революціи и имперіи, и 12 января 1816 г. былъ изданъ актъ, стоявшій въ явномъ противорѣчіи съ указанной статьей. Мы имѣемъ въ виду знаменитый законъ объ амнистіи, послужившій предметомъ оживленныхъ и продолжительныхъ дебатовъ въ палатѣ депутатовъ[1]); согласно ст. 7 этого регулятива, отъ амнистіи исключались тѣ изъ „цареубійцъ" (подразумѣвались лица, голосовавшія въ Конвентѣ за преданіе Людвика XVI смертной казни), которые высказались въ свое время за „Дополнительный Актъ" 1815 г. или приняли на себя тѣ или другія должности при вторичномъ воцареніи Наполеона. Эти лица подлежали вѣчному изгнанію изъ предѣловъ Франціи.

Законъ этотъ носилъ явный противо-конституціонный характеръ и въ литературѣ того времени встрѣтилъ, съ этой точки зрѣнія, должную оцѣнку[2]).

Возвращаемся къ вопросу о свободѣ слова. — Былъ ли пропускъ соотвѣтственной статьи въ хартіи намѣренный или случайный — сказать трудно. Коммисія, выработавшая хартію, протоколовъ не вела, и все что намъ извѣстно о составленіи этого акта — это воспоминанія современниковъ (Бёньо, Феррона и др.). На практикѣ, однако, привилегія признавалась, и депутаты за все время дѣйствія хартіи къ отвѣтственности не привлекались. Такъ, напр., въ надѣлавшее въ свое время много шума дѣло депутата Manuel'я судебныя

1) См. Duvergier de Hauranne, op. cit., III, 307 et suiv.
2) См. напр., Lanjuinais, op. cit., № 303.

власти не вмѣшались[1]). Во время преній, вызванныхъ въ палатѣ рѣчью Манюэля, нѣкоторые ораторы прямо указывали на то, что его поступокъ — восхваленіе цареубійства —, какъ неподлежащій вѣдѣнію судебныхъ установленій, долженъ повлечь за собой высшую дисциплинарную кару[2]). Противъ самой постановки вопроса никто не возражалъ, и всѣ дебаты вертѣлись вокругъ вопроса о мѣрѣ наказанія.

§ 73. Пробѣлъ, существовавшій въ хартіи, вскорѣ былъ отчасти заполненъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ опубликованнымъ рѣчамъ депутатовъ. Уже закономъ 21 октября 1814 г. о свободѣ прессы отъ предварительной цензуры изъяты были всѣ "opinions" членовъ обѣихъ палатъ (ст. 2, § 5). Пять лѣтъ спустя, а именно 17 мая 1819, былъ изданъ новый законъ о печати, точно установившій безотвѣтственность представителей за ихъ рѣчи съ трибуны. Согласно ст. 21, рѣчи, произнесенныя въ той или другой палатѣ, равно какъ доклады и всякаго рода документы, опубликованные по распоряженію парламента, не могли служить основаніемъ для вчиненія какого бы то ни было иска[3]). Имѣлось въ виду воспрещеніе какъ публичнаго, такъ и частнаго обвиненія. Изданіе этого закона послужило поводомъ для весьма интересныхъ дебатовъ, въ которыхъ, при участіи многихъ выдающихся членовъ палаты, вопросъ подвергся подробному анализу, какъ съ принципіальной, такъ и съ техни-

---

1) Въ 1823 году Манюэль произнесъ въ палатѣ депутатовъ рѣчь, въ которой консервативное большинство усмотрѣло восхваленіе цареубійства. Въ нарушеніе наказа, Манюэль былъ исключенъ изъ палаты, согласно ея постановленію, и выведенъ изъ залы засѣданія manu militari. См. Viel-Castel, Histoire de la Restauration, t. XII, Par. 1877, p. 195 et suiv.

2) Такъ, напр., Де-ла-Бурдоннэ заявилъ, что „c'est par cela-même que cette inviolabilité des opinions le soustrait encore à la juridiction des tribunaux, qu'il doit exister quelque part une haute juridiction à laquelle soient soumis de pareils délits. C'est en vous qu'elle réside, messieurs, cette haute juridiction". Viel-Castel, loc. cit., 215.

3) „Ne donneront ouverture à aucune action, les discours tenus dans le sein de l'une des deux Chambres, ainsi que les rapports ou toutes autres pièces imprimées par ordre de l'une des deux Chambres". Статья эта вошла въ составъ нынѣ дѣйствующаго во Франціи закона о печати 29 іюня 1881 г. (ст. 41).

ческой стороны. Поводомъ къ этому послужило предложеніе Lainé распространить привилегію безотвѣтственности на тѣ рѣчи депутатовъ, которыя не были ими произнесены, но только написаны и напечатаны по распоряженію палаты. Противъ этой поправки рѣзко выступили министръ юстиціи, Royer-Collard и другіе ораторы. Министръ произнесъ двѣ пространныя рѣчи, въ которыхъ подробно изложилъ теорію депутатской привилегіи. „Принципъ, говорилъ de Serre, согласно которому мнѣнія народныхъ представителей не подлежатъ юрисдикціи общихъ судовъ, заключается въ суверенномъ характерѣ осуществляемой палатой власти. Ея дебаты потеряли бы свою свободу и независимость, если бы они могли быть представлены на усмотрѣніе судьи, взятаго не изъ ея среды [1]). Нѣтъ свободы для націи, если она не принимаетъ никакого участія въ управленіи. Когда она въ немъ участвуетъ непосредственно, на лицо имѣется чистая демократія. При представительномъ образѣ правленія участіе народа выражается черезъ посредство особыхъ легальныхъ органовъ, функціи которыхъ сводятся къ совмѣстному обсужденію и голосованію законопроектовъ. Распространить привилегію на такія мнѣнія, которыя, не были высказаны въ палатѣ или не подвергались ея суду, было бы равносильно допущенію аппеляціи со стороны депутатовъ къ самому народу и открыть легальную возможность прибѣгать безнаказанно къ революціоннымъ, по существу, средствамъ“.

Аналогичныя соображенія были высказаны и королевскимъ коммисаромъ Кювьэ. Неприкосновенность палатъ въ ихъ цѣломъ, аргументировалъ ораторъ, основаны на необходимости свободнаго ихъ участія въ составленіи законовъ. Безотвѣтственность отдѣльныхъ депутатовъ за произнесенныя ими рѣчи основывается отчасти на мотивахъ, совпадающихъ съ предыдущими — ибо результатъ дебатовъ зависитъ отъ участія и содѣйствія каждаго члена палаты — отчасти на соображеніяхъ иного рода; а именно, весьма возможно, что ораторъ, въ пылу спора, проронитъ такія слова, отъ которыхъ онъ воздержался бы, если бы онъ свое мнѣніе изложилъ письменно при полномъ спокойствіи. Но въ данномъ случаѣ имѣется спеціальная гарантія въ видѣ

1) См. Moniteur отъ 21 апрѣля 1819 г., № 111.

юрисдикціи палаты надъ своимъ членомъ. Если произнесенная съ трибуны рѣчь заключаетъ въ себѣ ложное изобличеніе третьихъ лицъ, то эти послѣднія могутъ отвѣтить и направить свой отвѣтъ въ палату, гдѣ онъ получитъ ту же самую гласность, что рѣчь депутата; этого не будетъ, если безотвѣтственность распространить на не произнесенныя, а лишь напечатанныя рѣчи народныхъ представителей [1]).

Несмотря на энергичную поддержку Манюэля, поправка Лэнэ была отвергнута палатой, и ст. 21 прошла въ вышеизложенной редакціи.

Приведенные нами дебаты интересны прежде всего въ томъ отношеніи, что въ нихъ весьма ярко отражается взглядъ оффиціальной Франціи эпохи Людовика XVIII на существо одной изъ важнѣйшихъ парламентскихъ привилегій. Безотвѣтственность требуется представителями всѣхъ направленій, какъ послѣдствіе представительнаго строя. При этомъ та глубокая идейная пропасть, которая раздѣляла строгихъ конституціоналистовъ отъ сторонниковъ парламентаризма [2]), по отношенію къ данному вопросу роли не играетъ. Необходимость иммунитета признается одинаково всѣми, споръ вызываетъ лишь его бо́льшій или меньшій объемъ.

Во французской литературѣ, однако, былъ высказанъ взглядъ, согласно которому съ изданіемъ хартіи 1814 г. характеръ депутатскихъ привилегій совершенно измѣнился. По мнѣнію Массунь-де-Фонтэна [3]), въ революціонную пору привилегія носила характеръ защиты меньшинства палаты отъ его большинства, тогда какъ, начиная съ эпохи реставраціи, она является институтомъ, оберегающимъ законодателя отъ посягательствъ исполнительной власти. Парламентскій иммунитетъ, говоритъ авторъ, мыслимъ только при кабинетномъ управленіи и составляетъ существенную принадлежность парламентаризма.

Воззрѣнія де-Фонтэна должны быть признаны

---

1) Ibid., № 111.

2) См. Barthélemy, op. cit., 18 et suiv., гдѣ дается характеристика боровшихся въ палатѣ партій.

3) Vicomte de Massougnes des Fontaines, De l'immunité parlementaire et des autorisations de poursuite, etc., Par. 1900, p. 6 et suiv.

абсолютно невѣрными, и притомъ въ двоякомъ отношеніи. Прежде всего, установленіе принциповъ неприкосновенности и безотвѣтственности въ 1789 г. имѣло какъ разъ въ виду огражденіе парламента отъ возможныхъ посягательствъ правительства. На этомъ вопросѣ мы останавливались съ достаточной подробностью. Далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что составители хартіи были весьма далеки отъ мысли ввести во Франціи парламентаризмъ[1]). Послѣдній возникъ случайно, какъ результатъ партійныхъ домогательствъ и на почвѣ стремленій ультра-роялистическаго большинства подчинить себѣ министерство. Съ другой стороны, поставленіе депутатовъ въ особое привилегированное положеніе ни въ коемъ случаѣ не стояло въ какой бы то ни было теоретической связи съ доктриной парламентаризма. Въ Англіи, какъ мы видѣли, привилегія свободы слова возникла тогда, когда о кабинетномъ управленіи не было и помину, а т. наз. неприкосновенность неизвѣстна и по сіе время. Во Франціи же необходимость иммунитета сознается какъ сторонниками, такъ и противниками парламентаризма, внѣ всякой зависимости отъ вопроса объ отношеніи палатъ къ исполнительной власти. Достаточно впомнить о томъ, что, при обсужденіи закона 1819 года, за безотвѣтственность, въ принципѣ, высказывались какъ де Серръ и Ройэ-Колларъ, такъ и Манюэль и Лэнэ.

§ 74. Либеральныя вѣянія въ правительственныхъ сферахъ, вызвавшія въ жизнь законы о печати 1819 г., вскорѣ послѣ убійства герцога Беррійскаго (13 февраля 1820), внука Карла X, смѣнились весьма опредѣленнымъ реакціоннымъ теченіемъ. Правила 1819 г. были признаны недостаточными для обузданія печатнаго слова и, въ особенности, періодической прессы, и 25 марта 1822 г. изданъ былъ новый законъ, значительно увеличившій наказуемость дѣяній, направленныхъ противъ религіи, царствующей династіи, правительства, должностныхъ лицъ и т. п.[2]). Согласно ст. 6, оскорбленіе, нанесенное публично одному или нѣсколькимъ членамъ той или другой палаты по поводу ихъ

1) См. Barthélemy, op. cit., 7 et suiv.; Bonnefon, op. cit., 65 et suiv.

2) Объ этомъ законѣ см. Hélie, Les Constitutions etc., 956 et suiv.

обязанностей или званія, влекло за собой тюремное заключеніе отъ 15 дней до 2 лѣтъ и штрафъ отъ 100 до 4000 франковъ; точно также обложены были наказаніемъ недобросовѣстность[1]) въ отчетахъ періодической печати о засѣданіяхъ палатъ (ст. 7), на основаніи же ст. 15 преслѣдованіе виновныхъ, въ случаѣ нанесенія оскорбленій, было предоставлено усмотрѣнію палатъ, которыя могли либо разрѣшить привлеченіе даннаго лица къ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ, либо потребовать его къ своей рѣшеткѣ. Въ послѣднемъ случаѣ палата имѣла выслушать обвиняемаго и приговорить его, буде признаетъ виновнымъ, къ установленному закономъ наказанію[2]). Точно также, согласно ст. 16, примѣненіе постановленія закона о недобросовѣстныхъ отчетахъ о засѣданіяхъ было предоставлено самимъ палатамъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что приведенныя правила были всецѣло навѣяны англійскимъ правомъ. Они совершенно не соотвѣтствовали французскимъ традиціямъ и включены были въ законъ 1822 г., несмотря на сильную оппозицію со стороны лѣваго крыла палаты. Со второй половины XIX в. палаты примѣняютъ указанныя постановленія лишь крайне рѣдко и весьма неохотно. Послѣдній случай наложенія палатой наказанія относится къ 1850 г.; съ тѣхъ поръ было нѣсколько попытокъ привлечь журналистовъ къ отвѣтственности за оскорбительныя для палаты статьи, но всѣ онѣ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не привели[3]).

Закономъ о печати 1881 г. упразднена была юрисдикція палатъ и, равнымъ образомъ, уничтоженъ былъ и самый деликтъ „оскорбленія палаты“[4]).

---

1) L'infidélité et la mauvaise foi.

2) „Dans le cas d'offense envers les Chambres ou l'une d'elles par l'une des moyens énoncés en la loi du 17 mai 1819, la Chambre offensée, sur la simple réclamation d'un de ses membres, pourra, si mieux elle n'aime autoriser les poursuites par la voie ordinaire, ordonner que le prévenu sera traduit à sa barre. Après qu'il aura été entendu ou dûment appelé, elle le condamnera s'il y a lieu, aux peines portées par la loi. La décision sera exécutée sur l'ordre du président de la Chambre“.

3) См. Weil, op. cit., 3, 4; отдѣльные прецеденты у Pierre, Traité de droit politique, électoral et parlementaire, 3-me éd., Par. 1908, № 1155.

4) Правда, ст. 30 закона 29 іюня 1881 г. говоритъ о „diffamation envers . . . les corps constitués“, каковое понятіе, казалось бы,

Что же касается до недобросовѣстныхъ газетныхъ отчетовъ, то въ настоящее время они могутъ подать поводъ только къ предъявленію гражданскаго иска.

§ 75. Небезъинтересной представляется справка съ литературой того времени по разбираемому нами вопросу. Какъ смотрѣла публицистика первой половины XIX столѣтія на юридическое положеніе депутатовъ, какъ относилась она къ парламентскимъ привилегіямъ и въ чемъ усматривала ихъ внутреннее основаніе?

Вопросу, въ общемъ, удѣлялось мало вниманія. Ни у Б. Констана, ни у Шатобріана — виднѣйшихъ теоретиковъ парламентаризма и толкователей хартіи — никакихъ указаній найти нельзя. Первый ограничивается въ своихъ „Réflexions sur les constitutions et les garanties", появившихся въ 1814 году, замѣчаніемъ, что никакое отозваніе или исключеніе членовъ нижней палаты не можетъ имѣть мѣсто, кромѣ случая совершенія ими предусмотрѣнныхъ закономъ преступленій[1]). Второй, какъ въ своей „Monarchie selon la Charte", такъ и въ политическихъ памфлетахъ, обходитъ вопросъ полнымъ молчаніемъ.

Въ спеціальной юридической литературѣ, иммунитетъ находитъ себѣ довольно разнообразныя оправданія[2]). Такъ, напр., Ланжюинэ безотвѣтственность за рѣчи и мнѣнія основываетъ на естественномъ правѣ[3]), для Шассана этотъ принципъ вытекаетъ изъ начала народнаго суверенитета

обнимаетъ собой и парламентъ. Французскіе юристы, однако, по большей части придерживаются иной точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ рѣшеніе вопроса, будь таковой возникъ бы на практикѣ, зависѣлъ бы отъ подлежащей палаты, такъ какъ, согласно ст. 47 закона 1881 г., возбужденіе преслѣдованія исходитъ отъ самихъ „corps constitués". Pierre, op. cit., № 1153. Ср. его-же, Supplément, Par. 1906, p. 502.

1) „Aucune révocation, expulsion ni exclusion ne peut avoir lieu contre les membres de la seconde chambre si ce n'est pour des délits prévus par les lois". Cours de politique constitutionnelle, éd. Laboulaye, Par. 1872, t. I, p. 228.

2) Совершенно одиноко звучитъ голосъ португальскаго публициста (писавшаго и по французски) Pinheiro-Ferreira, который въ своемъ Cours de droit public interne et externe, Par. 1882, t. I, § 30, рѣзко высказывается противъ иммунитета въ случаѣ совершенія депутатомъ дѣянія, направленнаго противъ отдѣльныхъ лицъ.

3) Op. cit., t. I, № 303.

и можетъ быть оправданъ только соображеніями общей пользы[1]). Тотъ же мотивъ сквозитъ и въ аргументаціи Макареля, ссылающагося, для оправданія неприкосновенности депутатовъ, съ одной стороны, на возможность нарушенія правильнаго хода занятій въ парламентѣ въ случаѣ частыхъ арестовъ его членовъ, съ другой — на участіе народныхъ представителей въ наиболѣе важной функціи суверенной власти[2]).

Нужно сказать, что, несмотря на энергичный походъ, предпринятый школой либерализма, догматъ народнаго суверенитета все же продолжалъ, въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ, витать надъ современной литературой. Какъ замѣтилъ еще Ройе-Колларъ, ему безсознательно поклонялись даже тѣ, которые противъ него боролись. Правда, со времени Руссо онъ значительно видоизмѣнился: за народными представителями признавалось значеніе уже не простыхъ повѣренныхъ — commis — а, напротивъ того, лучшихъ и наиболѣе способныхъ выразителей народной воли[3]). Этотъ взглядъ не только проводится въ литературѣ, но онъ получаетъ еще и полуоффиціальное признаніе. Его вліяніе ясно сказывается въ тѣхъ рѣчахъ, которые были произнесены въ палатѣ депутатовъ при обсужденіи закона 1819 г. о печати. Не даромъ де-Серръ говорилъ о „l'élite de la nation“ и подчеркивалъ участіе депутатовъ въ осуществленіи высшей государственной функціи.

То внутреннее противорѣчіе, которое скрывалось въ самомъ ученіи, обнаружилось лишь гораздо позднѣе, когда понятіе народнаго верховенства было подвергнуто исторической и юридической критикѣ. Но на этомъ вопросѣ намъ впослѣдствіи придется подробно остановиться.

---

1) Chassan, Traité des délits et contraventions de la parole, de l'écriture et de la presse, 2-me éd., Par. 1846, t. I, p. 62: „Le privilège exorbitant de n'être pas responsable devant les tribunaux de nos paroles ou de nos écrits, ne peut se justifier que par un grand motif d'utilité publique et par un principe tiré de la Souveraineté nationale“.

2) Macarel, Éléments de droit politique, Brux. 1834, tit. III, ch. II, № 9.

3) Объ этой эволюціи см. Новгородцевъ, назв. соч., стр. 113 и слѣд.

Глава восьмая.

Бельгійская конституція и новѣйшее французское законодательство.

I.

Конституція 7 февраля 1831 г.

§ 76. Бельгійская конституція 1831 г., сдѣлавшаяся конституціоннымъ идеаломъ революціонной эпохи средины прошлаго столѣтія[1]), оказала, какъ извѣстно, огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе европейскаго публичнаго права. Въ ней самой отразились какъ англійскія правовыя представленія, такъ и французская политическая доктрина, причемъ вліяніе историческаго туземнаго права сказалось въ удержаніи многихъ прежнихъ учрежденій[2]).

Актъ 1831 г. исходитъ изъ обоихъ традиціонныхъ началъ — народнаго суверенитета и раздѣленія властей. „Всѣ власти исходятъ отъ народа“ гласитъ ст. 25. Распредѣлены онѣ, согласно ст. 26—30, между королемъ, палатами и судами, причемъ первый облеченъ полномочіями лишь постольку, поскольку таковыя ему прямо и непосредственно делегированы (ст. 78)[3]). Такова общая теоретическая схема. Въ ея предѣлахъ Національному Конгрессу удалось организовать

1) Еллинекъ, назв. соч., 2 изд., стр. 389.

2) См. Errera, Traité de droit public belge, Par. 1909, p. 13. Ср., Biedermann въ изданіи Haxthausen, Das constitutionelle Prinzip, Lpz. 1864, B. I, S. 140 ff.

3) Объ этомъ понятіи делегаціи см. Vauthier, Das Staatsrecht des Königreichs Belgien, Freib. i. B. 1892, S. 19 ff. Ср. Orban, Le droit constitutionnel de la Belgique, Par. 1908, t. II, p. 239 et suiv.

парламентарную монархію съ довольно сильной королевской властью и демократическимъ народнымъ представительствомъ.

Что касается депутатскихъ привилегій, то таковыя нашли вполнѣ опредѣленную и точную формулировку въ ст. 44 и 45 конституціи. Согласно первой изъ нихъ, „никто изъ членовъ той или другой палаты не можетъ подвергнуться розыску или преслѣдованію за мнѣнія или голосъ, поданные при исполненіи имъ своихъо бязанностей". На основаніи же ст. 45, „никто изъ членовъ той или другой палаты не можетъ, во время сессіи, подвергнуться по уголовнымъ правонарушеніямъ преслѣдованію или аресту иначе, какъ съ разрѣшенія той палаты, въ составъ которой онъ входитъ, за исключеніемъ поимки на мѣстѣ преступленія.

Никакое личное задержаніе (по гражданскимъ взысканіямъ) члена той или другой палаты не можетъ имѣть мѣсто во время сессіи, иначе, какъ съ такового же согласія.

Задержаніе или преслѣдованіе члена той или другой палаты пріостанавливается во время сессіи и на всю продолжительность ея, если палата того потребуетъ [1])".

§ 77. Каковы были мотивы, которыми руководствовалось Національный Конгрессъ, вотируя приведенныя статьи, сказать невозможно. Дебаты собранія на этотъ вопросъ свѣта не проливаютъ. Извѣстно только, что въ центральной секціи, гдѣ сосредоточено было разсмотрѣніе всѣхъ доставлявшихся подкоммисіями проектовъ, ст. 44 никакихъ замѣчаній не возбудила. Что же касается ст. 45, то, повидимому, первоначально существовало предположеніе распространить неприкосновенность и на гражданскіе иски, т. е. разсмот-

1) Art. 44: „Aucun membre de l'une ou de l'autre chambre ne peut être poursuivi ou recherché à l'occasion des opinions et votes émis par lui dans l'exercice de ses fonctions."

Art. 45: „Aucun membre de l'une ou de l'autre chambre ne peut, pendant la durée de la session, être poursuivi ni arrêté en matiére de répression, qu'avec l'autorisation de la chambre dont il fait partie, sauf le cas de flagrant délit.

Aucune contrainte par corps ne peut être exercée contre un membre de l'une ou de l'autre chambre durant la session, qu'avec la même autorisation.

La détention ou la poursuite d'un membre de l'une ou de l'autre chambre est supendue pendant la session et pour toute sa durée, si la chambre le requiert." Thonissen, La constitution belge annotée, 3-me éd., Brux. 1879, p. 160 et suiv.

рѣніе таковыхъ поставить въ зависимость отъ разрѣшенія палаты. Центральная секція, однако, признала необходимымъ ограничиться уголовными правонарушеніями, по гражданскимъ же дѣламъ требовать согласія палаты лишь для личнаго задержанія. Одинъ изъ членовъ секціи при этомъ сдѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы личное задержаніе было запрещено безусловно, внѣ зависимости отъ согласія палаты и въ теченіе 15 дней до начала сессіи и того же срока послѣ ея окончанія. Это предложеніе, однако, принято не было[1]).

Въ пленарномъ засѣданіи конгресса обѣ статьи были приняты безъ всякихъ преній по существу; внесено было лишь одно редакціонное измѣненіе въ ст. 45; а именно, проектъ распространялъ неприкосновенность на „matière criminelle, correctionnelle ou de simple police“, — принята была болѣе общая формула: „en matière de répression“[2]).

Какъ видно изъ приведеннаго матеріала, нѣтъ никакой возможности сдѣлать сколько нибудь опредѣленное заключеніе объ отправной точкѣ зрѣнія конгресса на существо привилегій, въ частности — смотрѣлъ ли онъ на нихъ, какъ на логически-необходимое послѣдствіе началъ народнаго суверенитета и раздѣленія властей, или же видѣлъ въ нихъ институтъ, выдвигаемый потребностями политической жизни. Зейдлеръ, а за нимъ и Губрихъ, исходя изъ того общаго соображенія, что актъ 1831 г. узаконяетъ оба принципа, считаютъ постановленія 44 и 45 ст. непосредственно изъ нихъ вытекающими. Но доказательствъ своего мнѣнія ни тотъ, ни другой не приводитъ[3]).

---

1) См. Huyttens, Discussions du congrès national de Belgique, Brux. 1844, t. IV, p. 70.

2) Huyttens, op. cit., I, 17.

3) Seidler, op. cit., 52, n. 2 ссылается на слѣд. слова Leclercq'a: „ce que chacun d'eux (des pouvoirs) fait dans ces limites est présumé la vérité, est réputé conforme au droit et ne peut avoir, sous ce rapport, à subir le contrôle des deux autres“. Passus этотъ, однако, никакого отношенія къ вопросу объ иммунитетѣ не имѣетъ. Leclercq имѣетъ въ виду разъяснить соотношеніе между отдѣльными властями и, въ частности, независимость администраціи отъ судебныхъ инстанцій. Его слова служатъ комментаріемъ къ ст. 92 и 93 конституціи, говорящимъ о компетенціи судовъ, и всего менѣе являются теоретическимъ обоснованіемъ иммунитета. См. Thonnissen, op. cit., 265 et suiv.; Hubrich, op. cit., § 5, только повторяетъ аргументацію Seidler'a.

Правда, въ самой Бельгіи иногда высказывается мнѣніе о неразрывной связи иммунитета и принциповъ народовластія и раздѣленія властей[1]). Но, не говоря уже о томъ, что въ научной литературѣ большинство публицистовъ депутатскія привилегіи объясняетъ соображеніями цѣлесообразности, усматривая въ нимъ не логическую дедукцію изъ отвлеченнаго начала, а средство для наилучшаго исполненія народными представителей ихъ обязанностей[2]), это еще нисколько не служитъ доказательствомъ того, что такъ смотрѣлъ на дѣло законодатель въ 1831 г. И если онъ дѣйствительно иммунитету придавалъ значеніе рефлекса основныхъ принциповъ конституціоннаго строя, то это, вѣроятно, такъ или иначе отразилось бы на матеріалахъ и дебатахъ.

§ 78. Гораздо важнѣе, однако, тѣхъ теоретическихъ соображеній, которыми руководствовался Національный Конгрессъ, вопросъ о юридической структурѣ иммунитета по конституціи 1831 г. Бельгійская формулировка, какъ мы уже упоминали, послужила образцомъ для цѣлаго ряда позднѣйшихъ конституцій. Статьи 44 и 45 сдѣлались, такимъ образомъ, какъ бы составной частью европейскаго публичнаго права. Это налагаетъ на насъ обязанность нѣсколько подробнѣе на нихъ остановиться.

Что касается, прежде всего, безотвѣтственности, то ст. 44, придерживаясь примѣра французскихъ конституцій (1791 и III г.г.), условіемъ иммунизаціи ставитъ совершеніе даннаго поступка (т. е. заявленіе мнѣнія или вотума) при *исполненіи депутатомъ своихъ обязанностей*. Смыслъ постановленія, однако, не вполнѣ ясенъ. На самомъ дѣлѣ, статья говоритъ только о „opinions“ и „votes“; между тѣмъ депутатъ, въ силу лежащихъ на немъ обязанностей, можетъ

1) Такъ, напр., въ мотивахъ къ проекту закона объ иммунитетѣ, представленнаго бельгійскому Сенату *Дешаномъ* (Deschamps) 4 апрѣля 1900 г. мы читаемъ: „Les immunités parlementaires se rattachent intimement aux exigences primordiales du régime représentatif et au jeu normal des institutions dans les gouvernements représentatifs. Elles tiennent à l'économie de la division des pouvoirs et au principe de la souveraineté législative“. Цит. у *Pierre*, op. cit., 1211. Ср. *Macarel*, Éléments de droit politique, tit. III, ch. II, № 9, см. выше стр. 227.

2) Такъ, напр., *Thonissen*, op. cit., 161 et suiv.; *Vauthier*, op. et loc. cit.; *Orban*, op. cit., II, 472 et suiv.; *Errera*, op. cit., 171 et suiv.

оказаться въ необходимости не только высказывать мнѣнія или голосовать, но и совершать другія дѣйствія, въ частности производить по порученію палатъ анкеты, допрашивать при этомъ тѣхъ или другихъ лицъ и т. п. Обнимаются ли и эти дѣйствія формулой 44 ст.? Бельгійская парламентская практика весьма рано стала на точку зрѣнія распространительнаго толкованія. Уже въ 1833 г. министромъ юстиціи Lebeau было заявлено съ трибуны, что безотвѣтственность покрываетъ все „парламентское поведеніе“ депутата [1]). Въ 1881 г. вопросъ подвергся подробному обсужденію въ нижней палатѣ по поводу обвиненія, предъявленнаго къ одному изъ ея членовъ (Lucq) въ неправильныхъ дѣйствіяхъ при предсѣдательствованіи въ одной изъ секцій школьной анкетной коммисіи. Центральной секціей былъ представленъ по этому дѣлу докладъ, въ которомъ она высказалась въ томъ же смыслѣ, что министръ юстиціи въ 1833 г. „Постановленіе ст. 44, читаемъ мы здѣсь, не есть исключеніе изъ общаго правила, а принципъ, это правило конституціоннаго права, необходимое для правильнаго функціонированія учрежденій; это — освященіе независимости обѣихъ вѣтвей законодательной власти; видѣть здѣсь только личную привилегію, предоставленную конгрессомъ членамъ обѣихъ палатъ и подлежащую ограничительному толкованію, значитъ совершенно не понимать природы и важности самого постановленія. Палаты не были бы независимыми, еслибы сенаторы и депутаты могли вслѣдствіе дѣйствій, совершенныхъ ими при исполненіи своихъ обязанностей, быть подсудны иной юрисдикціи, чѣмъ той палаты, въ составъ которой они входятъ ... По мнѣнію центральной секціи, статья 44 освящаетъ иммунитетъ реальный, всеобщій, абсолютный по отношенію ко всѣмъ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя члены той или другой палаты призваны совершать при исполненіи ими своихъ обязанностей [2])“.

Отправный пунктъ всей этой аргументаціи, какъ видно,

1) „L'art. 44 assure une inviolabilité légale à la personne de chaque membre du chef de sa conduite parlementaire, c. à. d. que ses actes ne peument pas devenir la matière d'une poursuite judiciaire.“ Thonissen, op. cit., 161.

2) Reynaert, op. cit., II, 232—235.

тотъ, что иммунитетъ установленъ не въ частномъ, а въ общемъ интересѣ, что онъ составляетъ поэтому не привилегію отдѣльныхъ депутатовъ, а право самихъ законодательныхъ собраній. Отсюда и распространительное толкованіе соотвѣтственныхъ статей, свойственное бельгійской и, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, также и французской парламентарной и судебной практикѣ.

Приведенная точка зрѣнія, хотя и является господствующей, однако, отъ времени до времени вызываетъ сомнѣнія какъ въ самихъ палатахъ, такъ и среди судебныхъ инстанцій. Поэтому въ 1900 г., послѣ продолжительнаго обсужденія вопроса въ Сенатѣ, внесенъ былъ особый законопроектъ, имѣющій цѣлью окончательно разъяснить смыслъ спорной 44 статьи [1]). До сихъ поръ, однако, онъ палатами разсмотрѣнъ не былъ.

При томъ широкомъ толкованіи безотвѣтственности, которое превалируетъ въ Бельгіи, не вполнѣ ясными представляются понятія „парламентскаго поведенія“ и „дѣйствій (faits), относящихся къ исполненію депутатами ихъ обязанностей“. Конституція 1791 г., которая, до извѣстной степени, послужила образцомъ для бельгійской, также говорила о „сдѣланномъ“ народнымъ представителемъ. Но во Франціи, какъ мы видѣли [2]), подъ этимъ выраженіемъ всегда подразумѣвались голосованія. Въ Бельгіи же послѣднія оговорены особо, поэтому дѣйствія депутата должны обнимать собою еще и нѣчто другое. Въ точности, однако, это и до сихъ поръ не опредѣлено. Несомнѣнно лишь одно, что рѣчь можетъ итти только о дѣйствіяхъ, совершаемыхъ при посредствѣ слова [3]): т. наз. voies de fait и несловесные деликты подъ привилегію ни въ коемъ случаѣ не подпадаютъ. Это категорически признается какъ практикой, такъ и доктриной [4]). Равнымъ образомъ, ст. 44 не относится къ напечатаннымъ

1) Объ немъ см. Lammasch въ Allgemeine oesterreichische Gerichtszeitung, 1900, № 22.

2) См. выше, стр. 188.

3) Orban, op. cit., II, 475, даетъ слѣдующую формулу: „dès qu'il s'agit d'opinions, de discours, d'appréciations, d'actes rentrant dans la fonction représentative, de faits se rattachant aux débats, aux discussions, la justice n'a plus à intervenir“.

4) См. Errera, op. cit., 173.

рѣчамъ членовъ парламента; рѣчи эти только тогда не могутъ вызвать преслѣдованія ихъ авторовъ, если онѣ воспроизведены въ оффиціальномъ изданіи — Annales parlamentaires[1]).

§ 79. Ст. 45 даетъ неприкосновенности чрезвычайно широкую постановку. Такъ, она распространяетъ ее на всѣ безъ исключенія уголовныя правонарушенія, независимо отъ ихъ тяжести, отступая отъ этого правила только для flagrant délit. Съ другой стороны, запрещается, безъ согласія палаты, не только арестъ, но и самое возбужденіе преслѣдованія противъ депутата. Наконецъ, арестъ или преслѣдованіе народнаго представителя, начатые до начала сессіи, пріостанавливаются на всю продолжительность ея, буде того потребуетъ палата. Таковы общіе контуры привилегіи.

Что касается ея юридической сущности, то слѣдуетъ замѣтить, что она должна быть всецѣло отнесена къ праву процессуальному: — совершенныя народнымъ представителями дѣянія отнюдь не иммунизируются и не теряютъ своего преступнаго характера; судебная процедура лишь отсрочивается до окончанія сессіи, буде того пожелаетъ заинтересованная палата.

II.

Новѣйшее французское законодательство.

§ 80. Какъ только вспыхнула революція 1848 г., въ Парижѣ собралось Національное Собраніе; 12 мая назначена была коммисія для выработки проекта конституціи. Послѣдній былъ представленъ собранію 30 августа, а въ октябрѣ начались пренія по поводу тѣхъ постановленій, которыя регулировали положеніе депутатовъ. Ст. 34 гласила, что „народные представители неприкосновенны. Они ни въ какое время не могутъ быть преслѣдуемы, обвиняемы и судимы за мнѣнія, которыя они высказали въ Національномъ Собраніи“. Постановленіе это было принято безъ всякихъ преній и составило ст. 36 конституціи 4 ноября 1848 г. Безотвѣтственность, какъ видно, распространена была не только на мнѣнія, но и на голосованія, которыя были спеціально оговорены.

---

1) Orban, loc. cit.; Errera, loc. cit.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ разсматриваемой статьѣ понятіе „inviolabilité“ вновь пріурочено было къ свободѣ слова.

Статья 35 проекта касалась другой обычной привилегіи и гласила, что „они (т. е. народные представители) не могутъ быть ни преслѣдуемы, ни арестуемы по уголовнымъ дѣламъ, за исключеніемъ flagrant délit, иначе какъ съ разрѣшенія палаты“.

Какихъ либо преній общаго характера статья эта не вызвала. Въ необходимости и цѣлесообразности иммунитета, повидимому, никто изъ членовъ Національнаго Собранія не сомнѣвался. Разномысліе вызвалъ только вопросъ о flagrant délit. Flandin, ссылаясь на неопредѣленность этого понятія, внесъ предложеніе, согласно которому объ арестованіи депутата, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, должно было быть немедленно доведено до свѣдѣнія собранія, которое имѣло рѣшить вопросъ о сохраненіи или снятіи ареста. По мнѣнію оратора, въ дѣйствовавшей до того времени хартіи заключался въ данномъ отношеніи крупный пробѣлъ, который велъ къ тому, что вопросъ о наличности flagrant délit разрѣшался исключительно судебными инстанціями. Между тѣмъ, продолжалъ Фландень, такое положеніе вещей противорѣчитъ принципу независимости депутатовъ, лежащему въ основѣ статьи. Несмотря на возраженія Дюпена (старшаго), ссылавшагося на безполезность поправки Фландена[1]), а также на то, что вырабатывался особый декретъ, имѣвшій регулировать всѣ подробности уголовнаго преслѣдованія народныхъ представителей[2]), поправка была принята собраніемъ.

Въ томъ же засѣданіи сдѣлано было также предложеніе включить въ конституцію статью, согласно которой неприкосновенность распространялась бы также и на жилище депутата[3]). Но иниціаторъ его (Реналь) вскорѣ затѣмъ

1) Дюпенъ доказывалъ, что вопросъ о преслѣдованіи депутата долженъ во всякомъ случаѣ быть поставленъ на разрѣшеніе палаты, и что послѣдняя, даже въ случаѣ flagrant délit, имѣетъ возможность отмѣнить арестъ, признавъ его незаконность или неумѣстность.

2) Такой декретъ никогда изданъ не былъ.

3) „Le domicile du représentant du peuple ne pourra être soumis aux visites de l'autorité que sur l'autorisation de l'Assemblée Nationale“.

самъ предложилъ пріобщить поправку къ разрабатываемому проекту декрета [1]).

Второе чтеніе разбираемыхъ статей состоялось 3 ноября. Ст. 34 проекта (= 36 конституціи) была принята безъ измѣненій, ст. 35 (= 37 конституціи) въ нѣсколько измѣненной редакціи, предложенной самой коммисіей. Окончательный текстъ ея былъ слѣдующій:

„Они (народные представители) не подлежатъ, по уголовнымъ дѣламъ, ни аресту — за исключеніемъ поимки на мѣстѣ преступленія — ни преслѣдованію иначе, какъ съ разрѣшенія собранія. Въ случаѣ задержанія на мѣстѣ преступленія, объ этомъ немедленно доводится до свѣдѣнія собранія, которое разрѣшаетъ продолжать дѣло, или отказываетъ въ этомъ. Это постановленіе примѣняется также и въ томъ случаѣ, когда арестованный гражданинъ избранъ представителемъ". Послѣдній абзацъ былъ включенъ по предложенію самой коммисіи [2]).

§ 81. Что касается конституціи 14 января 1852 г., то она составлена была, какъ извѣстно, чрезвычайно поспѣшно, и авторы ея позабыли включить въ нее какія бы то ни было постановленія касательно иммунитета народныхъ представителей. Этотъ пробѣлъ былъ восполненъ органическимъ декретомъ 2 февраля того же года. Ст. 9 декрета почти буквально воспроизводила ст. 36 конституціи 1848 года, ст. же 11, касавшаяся неприкосновенности, возвращалась къ прежней формулировкѣ [3]), причемъ продолжительность привилегіи ограничивала сессіей. Согласно же ст. 10, никакое личное содержаніе (contrainte par corps) не могло имѣть мѣста по отношенію къ члену Законодательнаго Корпуса какъ во время сессіи, такъ и въ теченіи 6 недѣль до и послѣ нея. Сенаторовъ декретъ не касался, и до 1858 года ихъ положеніе не регулировалось никакими правовыми нормами. 4 іюня изданъ былъ особый сенатусъ-консультъ, признавшій подвѣдомственнымъ Верховному Уголовному Суду, учрежденному въ 1852 г., преступленія и проступки, совершенныя

1) Moniteur отъ 5 октября 1848 г.

2) Moniteur отъ 4 ноября 1848 г.

3) „Aucun membre du Corps législatif ne peut, pendant la durée de la session être poursuivi ni arrêté en matière criminelle, sauf le cas de flagrant délit, qu'après que le Corps législatif a autorisé la poursuite".

членами верхней палаты. На основаніи ст. 6, сенаторы могли быть преслѣдуемы или арестуемы за преступленія, проступки или правонарушенія, влекущія за собой тюремное заключеніе, лишь съ разрѣшенія Сената. Въ случаѣ задержанія in flagrante, протоколъ немедленно препровождался министромъ юстиціи Сенату, которой постановлялъ о продолженіи или прекращеніи преслѣдованія. Разрѣшенія не требовалось въ тѣхъ случаяхъ, когда къ сенатору предъявлено было обвиненіе въ преступленіи, касающемся военной службы.

Постановленія декрета 1852 г. дѣйствовали вплоть до изданія закона 16 іюля 1875 г. Конституція 1870 г., также какъ и ея предшественница, не касалась вовсе иммунитета. Тѣмъ же декретомъ руководствовалось созванное въ 1871 г. для выработки новой конституціи Національное Собраніе.

§ 82. Дѣйствующее право по вопросу о привилегіяхъ народныхъ представителей заключается въ ст. 13 и 14 конституціоннаго закона 16 іюля 1875 г. „о взаимныхъ отношеніяхъ государственныхъ властей".

Согласно первой изъ этихъ статей, „никто изъ членовъ той или другой палаты не можетъ подвергнуться розыску или преслѣдованію за мнѣнія или голосъ, поданные имъ при исполненіи имъ своихъ обязанностей".

По ст. 14 „никто изъ членовъ той или другой палаты не можетъ, во время сессіи, подвергнуться, по дѣламъ уголовнымъ или исправительной полиціи, судебному преслѣдованію или аресту иначе, какъ съ разрѣшенія той палаты, въ составъ которой онъ входитъ, за исключеніемъ случая поимки на мѣстѣ преступленія.

Задержаніе или преслѣдованіе члена той или другой палаты пріостанавливается во время сессіи и на всю продолжительность ея, если палата того потребуетъ" [1]).

---

1) Art. 13: „Aucun membre de l'une ou de l'autre Chambre ne peut être poursuivi ou recherché à l'occasion des opinions ou votes émis par lui dans l'exercice de ses fonctions".

Art. 14: „Aucun membre de l'une ou de l'autre Chambre ne peut, pendant la durée de la session, être poursuivi ou arrêté en matière criminelle ou correctionnelle qu'avec l'autorisation de la Chambre dont il fait partie, sauf le cas de flagrant délit.

La détention ou la poursuite d'un membre de l'une ou de l'autre Chambre est suspendue, pendant la session, et pour toute sa durée, si la Chambre le requiert".

На редакцію этихъ статей оказало весьма значительное вліяніе постановленія бельгійскаго права. На самомъ дѣлѣ, ст. 44 и 45 конституціи 7 февраля 1831 г. почти буквально совпадаютъ съ ст. 13 и 14 закона 1875 г. Повидимому, коммисія, составлявшая проектъ французскаго конституціоннаго закона, реципировала бельгійскія постановленія чисто механически. По крайней мѣрѣ въ томъ докладѣ, который былъ представленъ Національному Собранію отъ имени коммисіи Лабулэ, вопросу объ иммунитетѣ было удѣлено чрезвычайно мало вниманія. „Бо́льшая часть статей, которую мы предлагаемъ вамъ вотировать, говорилъ докладчикъ, взяты изъ нашихъ прежнихъ конституцій. Это — правила, которыя вамъ давно извѣстны и которыя, до извѣстной степени, составляютъ общее право всѣхъ свободныхъ народовъ . . . Безотвѣтственность сенаторовъ и депутатовъ за всѣ мнѣнія и голосованія, прерогатива, которая покрываетъ ихъ во время сессіи, — все это конституціонныя гарантіи, которыя давно уже не оспариваются [1]).“ Коммисія, такимъ обрызомъ, не сочла нужнымъ войти въ теоретическое разсмотрѣніе вопроса. Она ограничилась ссылкой на всеобщее правосознаніе, самую же редакцію статей заимствовала изъ бельгійскаго законодательства. Предположенія ея были приняты собраніемъ безъ всякихъ преній и составили вышеприведенныя ст. 13 и 14 закона 16 іюля.

Санкціей этихъ поставленій является 121 ст. уголовнаго кодекса, грозящая лишеніемъ правъ всѣмъ должностнымъ лицамъ, виновнымъ въ привлеченіи къ отвѣтственности народнаго представителя безъ соотвѣтственнаго разрѣшенія палаты [2]).

---

1) Annales de l'Assemblée Nationale, t. XXXVIII, Annexe, p. 221.

2) Code pénal, art. 121: „Seront, comme coupables de forfaiture, punis de la dégradation civique, tout officier de police judiciaire, tous procureurs généraux ou du Roi, touts substituts, tous juges, qui auront provoqué, donné ou signé un jugement, une ordonnance ou un mandat tendant à la poursuite personnelle ou accusation soit d'un ministre, soit d'un membre de la Chambre des Pairs, de la Chambre des Députés ou du Conseil d'État, sans les autorisations prescrites par les lois de l'État; ou qui hors le cas de flagrant délit ou de clameur publique, auront, sans les mêmes autorisations, donné ou signé l'ordre ou le mandat de saisir ou arrêter un ou plusieurs ministres, ou membres de la Chambre des Pairs, de la Chambre des Députés ou du Conseil d'État.“

Что же касается объема привилегій, то въ общемъ французское право близко подходитъ къ своему прототипу — праву бельгійскому. Во Франціи, также какъ и въ Бельгіи, на иммунитетъ смотрятъ какъ на институтъ, построенный на публичномъ интересѣ и имѣющій въ виду народное представительство какъ таковое [1]).

Отсюда вытекаетъ, что отказъ отъ привилегіи со стороны заинтересованнаго лица не допустимъ — и въ этомъ сходятся какъ теорія [2]), такъ и парламентская и судебная практика [3]). Принципъ проводится настолько строго, что члену парламента, къ которому предъявленъ встрѣчный искъ, не разрѣшается безъ дозволенія палаты отвѣчать по нему. Такъ, напр., сенаторъ или депутатъ, возбудившій противъ кого-нибудь уголовное преслѣдованіе (напр. за оскорбленіе) не могъ бы, безъ предварительнаго испрошенія согласія палаты, быть привлеченъ къ отвѣтственности по встрѣчной жалобѣ этого лица. Вопросъ разрѣшенъ былъ въ указанномъ смыслѣ еще въ 1865 г. Безансонскимъ судомъ и съ тѣхъ поръ, повидимому, сомнѣній не возбуждаетъ.

Той же отправной точкой зрѣнія объясняется и стремленіе французской юриспруденціи придавать постановленіямъ, касающимся иммунитета, по возможности широкое толкованіе [4]).

---

1) Вполнѣ отчетливая постановка вопроса у Duguit, L'état, les gouvernants et les agents, Par. 1903, p. 195 et suiv., также Traité de Droit constitutionnel, Par. 1911. t. II, p. 284 et suiv. Ср. Curet, L'immunité accordée par la législation française aux discours et à la reproduction des discours tenus dans les chambres, Aix, 1908, p. 51 et suiv., и Savelli, Della immunità parlamentare in Francia, Fir. 1908, p. 21, 22.

2) См., напр., Moreau, Précis élémentaire de droit constitutionnel, 5-me éd., Par. 1905, p. 244; Pierre, op. cit., № 1063. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ communis opinio doctorum. Само собою разумѣется при этомъ, что практическое значеніе можетъ имѣть только отказъ отъ неприкосновенности, такъ какъ существо безотвѣтственности состоитъ въ томъ, что суды вообще лишены возможности принимать къ своему разсмотрѣнію какія бы то ни было жалобы на депутатовъ по поводу сказаннаго ими съ трибуны.

3) См., напр., рѣшенія судовъ: Reims, 29. III. 62; Besançon, 10. IV. 65; Paris, 24. VI. 92. Chartier, Les immunités parlementaires en France dans leur développement historique, Par. 1905, p. 61.

4) Къ этому вопросу намъ придется еще не разъ вернуться къ догматической части нашего изслѣдованія.

§ 83. Не входя въ подробности, отмѣтимъ здѣсь основныя черты юридической структуры иммунитета по французскому праву и начнемъ съ безотвѣтственности.

Сущность ея издавна состоитъ въ томъ, что рѣчи, произносимыя депутатами при исполненіи ими своихъ обязанностей, а равно документы и отчеты о засѣданіяхъ, отпечатанные по распоряженію палаты, по принадлежности, не могутъ служить поводомъ къ привлеченію ихъ авторовъ къ какой бы то ни было отвѣтственности, хотя бы они и заключали въ себѣ полный составъ преступленія или проступка. Исключенными являются при этомъ какъ уголовное преслѣдованіе — безразлично, въ порядкѣ публичнаго или частнаго обвиненія —, такъ и гражданскій искъ. Единственная кара, которой можетъ подвергнуться народный представитель — дисциплинарное взысканіе со стороны предсѣдателя палаты.

Этимъ, однако, еще не предрѣшается юридическая конструкція института. Въ Англіи, какъ мы видѣли, все дѣло сводится къ неподсудности дѣяній, совершаемыхъ членами парламента иной инстанціи, кромѣ той палаты, въ составъ которой они входятъ. Какъ относится къ вопросу французское (и бельгійское) право?

Въ данномъ отношеніи мы имѣемъ дѣло съ двумя воззрѣніями. Согласно одному изъ нихъ, привилегія носитъ матеріально-правовой характеръ. Иммунизированными являются сами рѣчи, произносимыя депутатами при отправленіи ими своихъ служебныхъ обязанностей. Эта конструкція въ настоящее время можетъ считаться господствующею, ее защищаютъ такіе авторитеты, какъ напр., Эсменъ, усматривающій въ безотвѣтственности своего рода dispensatio generalis отъ уголовнаго закона, установленную въ пользу народныхъ представителей [1]).

Другое направленіе исходитъ изъ принципа неподсудности дѣйствій народныхъ представителей судебнымъ властямъ. Неподсудность эта, въ свою очередь, выводится

---

1) Éléments, p. 805: „Sous la forme que lui donne notre loi constitutionelle, c'est en quelque sorte une dispense générale de la loi pénale pour tous les actes que le sénateur ou le député accomplit dans l'exercice même de ces fonctions, et qui peuvent contenir un délit faisant corps avec l'exercice de ces fonctions".

изъ самостоятельности и независимости палатъ, входящихъ въ составъ властей — носительницъ суверенитета [1]).

Ни та, ни другая точка зрѣнія, однако, не является выдержанной до конца. Какъ мы сейчасъ увидимъ, законъ и судебная практика не признаютъ рѣчей народныхъ представителей самихъ по себѣ покрытыми безотвѣтственностью, такъ какъ иммунитетомъ онѣ пользуются лишь при наличности извѣстныхъ условій. Съ другой стороны, не всѣ дѣйствія, совершаемыя въ палатахъ народными представителями, являются иммунизированными: — безотвѣтственность покрываетъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ.

Чтобы разобраться въ этихъ конструкціяхъ, остановимся прежде всего на вопросѣ объ объемѣ свободы слова.

Согласно буквальному смыслу ст. 13 закона 16 іюля 1875 г. [2]), иммунитетъ распространяется на всѣ дѣйствія, совершенныя депутатомъ или сенаторомъ при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей, безотносительно къ тому, гдѣ эти дѣйствія совершены. Безразлично, поэтому, произнесена ли была рѣчь или имѣло мѣсто голосованіе въ пленарномъ собраніи, въ засѣданіи коммисіи или отдѣла или даже во время парламентской анкеты. До 1875 г. вопросъ могъ считаться спорнымъ: законъ 1819 г., конституція 1848 г. и декретъ 2 февраля 1852 г. говорили о „opinions émises au sein de l'assemblée“ [3]). На практикѣ, повидимому, превалировано ограничительное толкованіе. Во время преній по поводу закона 1819 г. ораторы постоянно возвращались къ той мысли, что свобода слова потому не представляетъ опасности, что все сказанное съ трибуны контролируется собраніемъ и его предсѣдателемъ [4]). Наиболѣе видный толкователь закона 1819 г., Шассанъ;

1) Связь этого воззрѣнія съ ученіемъ о раздѣленіи властей очевидна. Типичны утвержденія Chartier, op. cit., 24: L'irresponsabilité qui couvre d'une façon générale les paroles et les votes des représentants du pays ne permet pas que les actes du Sénat et de la Chambre des députés soient appréciés par les tribunaux; ils échappent à la compétence de toutes les juridictions parce que les deux chambres font partie des pouvoirs publics dans l'ensemble desquels réside la souveraineté“. Ср. Pierre, op. cit., № 1118.

2) „Opinions ou votes émis . . . . dans l'exercice de ses fonctions“.

3) Хартіи 1814 и 1830 г.г. вовсе обходили вопросъ молчаніемъ.

4) См. засѣданіе 19 апрѣля 1819 г. Министръ Юстиціи: Mais il ne

говоря о положеніи членовъ парламента, исходитъ все время изъ предположенія, что рѣчи, покрытыя безотвѣтственностью, произнесены были въ присутствіи всей палаты [1]).

Въ настоящее время, благодаря широкой формулировкѣ закона 1875 г., не подлежитъ сомнѣнію, что существеннымъ реквизитомъ для иммунизированія дѣйствія депутата является совершеніе его при исполненіи имъ своихъ обязанностей. Съ этимъ положеніемъ согласны рѣшительно всѣ толкователи французскаго права [2]). Но зато, если упомянутое условіе достаточно, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и необходимо: дѣйствія, совершенныя в н ѣ исполненія депутатами ихъ профессіональныхъ обязанностей, привилегіей не покрываются. Сюда относятся не только поступки депутата, входящіе въ сферу его частной жизни, но также и всевозможнаго рода обращенія къ избирателямъ, рѣчи на митингахъ, въ различныхъ собраніяхъ и даже въ зданіи парламента, если только депутатъ, въ данномъ случаѣ, выступалъ какъ частное лицо [3]). Однако, понятіе „при исполненіи обязанностей“ толкуется практикой довольно широко. Она относитъ сюда не только непосредственное участіе народныхъ представителей въ преніяхъ палатъ и ихъ коммисій, но и выступленія ихъ въ качествѣ экспертовъ [4]).

---

faut pas étendre ce privilège à ce qui ne fait point partie de nos délibérations: or elles se composent uniquement de ce qui est proféré à haute voix dans cette chambre“. Королевскій коммисаръ Кювье: „.... il est très possible qu'un député entraîné par le sentiment de justice et de sagesse qu'il croit voir dans son opinion, laisse échapper des paroles indiscrètes qu'il auraît retenues dans le calme de l'opinion écrite. Ici, il y a encore une garantie: la chambre peut reprendre l'orateur, elle peut le censurer, etc.“. Moniteur отъ 21 апрѣля, № 111.

1) Chassan, op. cit., 61 et suiv.

2) Duguit, Traité, II, 282; Pierre, op. cit., № 1113; Barbier, Code expliqué de la presse, Par. 1887, t. II, p. 259; Chartier, op. cit., 33; Garraud, Précis de droit criminel, 10-me éd., Par. 1909, p. 113.

3) Въ 1896 г. Тулузскій судъ призналъ по дѣлу Resseguier-Jaurès, что депутатъ, склоняющій рабочихъ къ организаціи стачки, подлежитъ отвѣтственности за свои рѣчи. Кассаціонный судъ 29 мая 1897 г. утвердилъ это рѣшеніе.

4) Въ 1903 г. администрація газеты „Le Français“ возбудила дѣло противъ сенатора Е.-В., заявившаго въ одной коммисіи, куда онъ вызванъ былъ въ качествѣ эксперта, что авторъ одной изъ статей, появившихся въ этой газетѣ, былъ подкупленъ. Образованная для раз-

Такимъ образомъ, иммунитетъ покрываетъ собой все сказанное народнымъ представителемъ ex professo. Иное дѣло рѣчи не произнесенныя, но впослѣдствіи опубликованныя ихъ авторами. Уже въ 1819 г. Лэнэ, какъ мы видѣли [1]), предложено было распространить привилегію на рѣчи, которыя депутаты, хоты и не успѣли произнести, но напечатали и роздали своимъ коллегамъ. Противъ этой поправки выступилъ министръ юстиціи де-Серръ. „Рѣчь, говорилъ онъ, отдѣльно напечатанная, обойдетъ отдѣльно и все королевство; однако, она была произнесена не отдѣльно. Если въ ней заключаются оскорбленія, на нихъ, быть можетъ, было тотчасъ же отвѣчено въ палатѣ. Преимущество вашихъ дебатовъ заключается въ томъ, что они полны; — если зло совершено, оно тотчасъ же можетъ быть исправлено“ [2]).

Аргументація эта убѣдила палату, которая и отвергла предложеніе Лэнэ. Съ тѣхъ поръ, какъ теорія, такъ и практика, твердо держатся той точки зрѣнія, что только произнесенныя рѣчи не влекутъ за собой отвѣтственности. Рѣчи же, опубликованныя депутатомъ proprio motu или какимъ нибудь другимъ лицомъ, напротивъ того, привилегіей не покрываются [3]).

Такимъ образомъ, иммунизированными являются парламентскіе дебаты въ ихъ цѣломъ, включая сюда весь матеріалъ, легшій въ основу преній, буде таковой былъ представленъ кѣмъ-либо изъ членовъ той или другой палаты [4]). Но отрывки парламентскаго дѣлопроизводства, будь

смотрѣнія этого дѣла парламентская коммисія высказалась противъ выдачи Е.-В. судебной власти. Pierre, op. cit., Supplément, № 1114.

1) См. выше, стр. 222.

2) Moniteur отъ 21 апрѣля 1819 г.

3) См. напр., Chassan, op. cit., I, 63 et suiv.; Barbier, op. cit., II, 259. Правда, ст. 150 наказа палаты постановляетъ, что „депутатъ можетъ на свой счетъ отпечатать и свободно роздать произнесенную имъ рѣчь“, однако эта статья иммунитета не обезпечиваетъ. Sic: Meynier de Salinelles, Les garanties d'indépendance et de liberté des membres du parlement, Poit. 1892, p. 100.

4) Документы, исходящіе отъ посторонниихъ лицъ, иммунитетомъ не пользуются. Сюда относятся всякаго рода петиціи, протесты по поводу избирательныхъ операцій и т. п. См. Barbier, op. cit., II, 260, и приведенная у него юриспруденція; Chartier, op. cit., 35 et suiv.

то отдѣльная рѣчь, или часть ея, или фигурировавшій во время преній документъ, не подпадаютъ подъ дѣйствіе привилегіи, и ни авторъ, ни издатель ихъ не освобождаются отъ отвѣтственности въ случаѣ опубликованія ихъ. Такъ, напр., Сенскій исправительный судъ приговорилъ въ 1897 г. за диффамацію нѣкоего Берто, издателя журнала „Revue antisémite“ за напечатаніе въ этомъ органѣ статьи депутата Кастелэна, состоявшей изъ выписокъ изъ его рѣчей [1]).

Абсолютный характеръ привилегіи, устраняющій всякую отвѣтственность народнаго представителя, приводитъ современную французскую доктрину, равно какъ и судебную практику, къ отказу заинтересованнымъ лицамъ въ правѣ возраженія на заявленія, сдѣланныя съ трибуны и попавшія затѣмъ въ печать [2]). До 1852 г. вопросъ представлялся довольно спорнымъ, такъ какъ въ то время оффиціальныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ палатъ не существовало, и каждый органъ печати воспроизводилъ на свой страхъ и рискъ доставлявшійся его корреспондентами матеріалъ. При такихъ условіяхъ понятно, что суды склонялись къ разрѣшенію вопроса о правѣ отвѣта въ положительномъ смыслѣ. Дѣло измѣнилось послѣ изданія конституціи 1852 г. Согласно ст. 42 этого акта, отчетность о засѣданіяхъ Законодательнаго Корпуса при посредствѣ газетъ или иныхъ способовъ гласности должна была заключаться въ воспроизведеніи протокола, составляемаго въ концѣ каждаго засѣданія подъ руководствомъ предсѣдателя. Соотвѣтственно этому измѣнилась и юриспруденція, которая стала на ту точку зрѣнія,

---

При обсужденіи проекта закона 1819 г. Манюэлемъ сдѣлано было предложеніе распространить привилегію и на петиціи, подаваемыя въ палаты, но собраніе единодушно высказалось противъ этой поправки, Moniteur, loc. cit.

1) „Attendu, говоритъ рѣшеніе, qu'il ne peut être licite de s'approprier les termes et assertions d'un discours ayant joui, lors qu'il a été prononcé, d'une immunité pour le rééditer plusieurs mois après, même dans un but patriotique, dans une brochure soumise aux obligations et aux responsabilités de la loi de 1881“. Curet, op. cit., 103.

2) Согласно ст. 13 закона о печати 1881 г. (= ст. 11 зак. 1819 г.), издатель обязанъ въ трехдевный срокъ или въ ближайшемъ номерѣ помѣстить возраженіе всякаго названнаго или указаннаго въ данномъ органѣ лица.

что разъ опубликованный какимъ либо органомъ печати отчетъ представляетъ собой не плодъ творчества, а оффиціальный документъ, то не можетъ быть рѣчи объ обязанности издателя печатать какія-бы то ни было возраженія, исходящія отъ частныхъ лицъ [1]).

Въ настоящее время издаются лишь необязательные, но оффиціальные отчеты, которые публикуются въ Journal Officiel. Эти отчеты покрыты иммунитетомъ и, буде составлены bona fide, не могутъ вызвать привлеченія къ отвѣтственности издателя или редактора газеты, ихъ воспроизведшей. Равнымъ образомъ они, какъ это признано современной практикой, не даютъ заинтересованнымъ лицамъ права возраженія.

§ 84. Что касается неприкосновенности, то она, по дѣйствующему праву, имѣетъ совершенно ту же структуру, что въ Бельгіи. Дѣяніе не перестаетъ быть наказуемымъ. но преслѣдованіе виновниковъ, а также ихъ арестъ во время сессіи, зависитъ отъ усмотрѣнія палаты. Разрѣшеніе послѣдней необходимо для принятія всѣхъ тѣхъ процессуальныхъ дѣйствій, которыя требуютъ личнаго присутствія или участія обвиняемаго [2]). Ст. 14 категорически гласитъ: „aucun membre . . . . ne peut . . . être poursuivi ou arrêté“. Преслѣдованіе, такимъ образомъ, пріостанавливается до окончанія сессіи, поскольку оно, т. сказ., затрагиваетъ личность депутата. Всѣ же прочія процессуальныя дѣйствія, какъ-то составленіе тѣхъ или другихъ протоколовъ, осмотры на мѣстахъ, экспертизы, допросы свидѣтелей и т. д., могутъ имѣть мѣсто, если, по обстоятельствамъ дѣла, они не требуютъ участія обвиняемаго.

---

1) Esmein, Éléments, 805.

2) Прекрасную формулировку даетъ Massougnes des Fontaines, op. cit., 60: „Toutefois la garantie politique n'empêche pas tout exercice de l'action publique, mais seulement les actes d'instruction ou de poursuite qui exigent la présence de l'inculpé; en d'autres termes, elle suspend seulement la poursuite personelle. Toutes les opérations d'une instruction criminelle gênante pour la liberté du mandataire de la nation sont donc interdites; celui-ci ne doit être soumis ni à un interrogatoire, ni à une visite domiciliaire; aucun mandat ne peut être décerné contre lui, pas plus le mandat de comparution que le mandat d'arrêt; aucune poursuite devant la juridiction répressive ne peut être commencée à son encontre“. Буквальное повтореніе этого опредѣленія у Savelli, op. cit., 35.

Необходимо замѣтить, что всякое лишеніе или стѣсненіе свободы депутата путемъ ли ареста, привода въ судъ, допроса и т. д., совершенное безъ предварительнаго испрошенія согласія палаты, считается юридически ничтожнымъ. Поэтому, въ случаѣ постановленія заочнаго рѣшенія, таковое не только подлежало бы отмѣнѣ, въ случаѣ протеста со стороны депутата, но и все производство должно было бы быть признано ничтожнымъ.

Что касается о б ъ е м а привилегіи, то вопросъ этотъ какъ былъ прежде, такъ и понынѣ остался спорнымъ[1]). Хартіи 1814 и 1830 гг., конституція 1848 г. и декретъ 1852 г. говорили о „matières criminelles“, не опредѣляя ближайшимъ образомъ этого понятія. По мнѣнію одной группы писателей, опиравшихся на одно кассаціонное рѣшеніе отъ 1833 г., привилегія не распространялась на полицейскія правонарушенія. Другіе авторы, напротивъ того, противопоставляя „matières criminelles“ „matières civiles“, толковали соотвѣтственныя статьи распространительно. Эта послѣдняя точка зрѣнія была усвоена сенатусъ-консультомъ 4 іюня 1858 г., опредѣлившимъ компетенцію Верховнаго Суда. Этимъ актомъ предусматривались не только преступленія и проступки, но и „contraventions entrainant la peine d'emprisonnement“ (ст. 6). Такимъ образомъ, постановленія декрета 2 февраля 1852 г. получили аутентическое распространительное толкованіе[2]).

Дѣйствующій нынѣ законъ 1875 г. упоминаетъ, какъ мы видѣли, лишь о „matière criminelle et correctionelle“. На первый взглядъ, казалось бы, подведеніе подъ это понятіе полицейскихъ правонарушеній совершенно исключено. Многіе авторы, какъ, напр., Дюги[3]) и Эсменъ[4]), и придерживаются этой точки зрѣнія. Оба при этомъ указываютъ на то, что сколько нибудь серьезное значеніе, въ смыслѣ покушенія на независимость депутата, могутъ имѣть лишь преслѣдованія по болѣе важнымъ дѣламъ, ибо въ данномъ

1) Французское право, какъ извѣстно, различаетъ преступленія (crimes), проступки (délits) и полицейскія правонарушенія (contraventions de simple police).

2) См. C h a r t i e r, op. cit., 94 et suiv.

3) Traité, II, 286.

4) Éléments, 810.

случаѣ какъ мѣры пресѣченія, такъ и самн наказанія затрагиваютъ существенныя права личности [1]).

Съ другой стороны, однако, слѣдуетъ замѣтить, что по французскому праву нѣкоторыя правонарушенія обложены, сравнительно, тяжелымъ наказаніемъ, а именно арестомъ [2]); лица же, приговоренныя къ штрафу, въ случаѣ неуплаты такового, подлежатъ задержанію на срокъ не свыше 15 дней [3]). Наконецъ, въ случаѣ подачи аппеляціонной жалобы, виновный можетъ оказаться подсуднымъ высшей инстанціи, а именно суду исправительной полиціи [4]). Въ виду этихъ соображеній нѣкоторые писатели и высказываются за распространительное толкованіе закона 1875 г., признавая вмѣстѣ съ тѣмъ такое толкованіе болѣе соотвѣтствующимъ общему духу парламентской неприкосновенности [5]).

На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и новѣйшая практика. Въ 1886 г. въ этомъ смыслѣ категорически высказался предсѣдатель Палаты депутатовъ, и съ нимъ согласился департаментъ уголовныхъ дѣлъ министерства юстиціи. Далѣе, въ 1892 г. были привлечены къ отвѣтственности два депутата — одинъ за нарушеніе закона о собраніяхъ, другой за нарушеніе обязательнаго постановленія, изданнаго префектомъ. Узнавъ объ этомъ, предсѣдатель Палаты увѣдомилъ министра юстиціи, что, по его мнѣнію, нарушены прерогативы парламента. Министръ отказался войти въ обсужденіе юридической стороны вопроса, но, тѣмъ не менѣе, распорядился о томъ, чтобы вызовъ обвиняемыхъ въ судъ былъ произведенъ лишь по окончаніи сессіи [6]). Аналогическій случай имѣлъ мѣсто въ 1904 г. Одинъ изъ членовъ Палаты депутатовъ былъ вызванъ въ Дурданскій полицейскій судъ за нарушеніе постановленій, регулирующихъ автомобильную

1) Того же мнѣнія Meynier de Salinelles, op. cit., 139 et suiv.; Massougnes des Fontaines, op. cit., 88 et suiv.; Moreau, op. cit., 245; Garraud, Traité d'instruction criminelle et de procédure pénale, Par. 1907, t. I, p. 374.

2) Code pénal, art. 464.

3) Ibid., art. 467.

4) Code d'instruction criminelle, art. 174.

5) Сюда относятся, напр., Pierre, op. cit., № 1081, и Chartier, op. cit., 96.

6) Pierre, op. cit., №№ 1081, 1082.

ѣзду. Предсѣдатель Палаты возбудилъ ходатайство о пріостановкѣ дѣла до окончанія сессіи, на что министерство юстиціи выразило свое согласіе [1]).

Несмотря, однако, на всѣ эти прецеденты, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что распространительное толкованіе постановленія ст. 14 закона 1875 г. вѣскихъ юридическихъ основаній за собой не имѣетъ. Къ этому выводу приводитъ какъ буквальный смыслъ статьи, такъ и исторія ея составленія. На самомъ дѣлѣ, бельгійская конституція, послужившая въ данномъ случаѣ образцомъ [2]), говоритъ о неприкосновенности „en matière de répression", причемъ эта формула была признана эквивалентной предложенной коммисіей редакціи „en matière criminelle, correctionelle et de simple police". Отсюда, a contrario, можно сдѣлать выводъ, что французскій законодатель не безъ намѣренія опустилъ послѣдній терминъ формулы, упомянувъ лишь о преступленіяхъ и проступкахъ. Принятое же практикой направленіе является однимъ изъ проявленій отмѣченнаго нами уже выше стремленія французскаго парламента какъ можно упорнѣе ограждать себя отъ воздѣйствія исполнительной и судебной властей.

Такимъ образомъ, вопросъ о полицейскихъ правонарушеніяхъ можетъ считаться открытымъ. Если его оставить всторонѣ, то слѣдуетъ отмѣтить, что иммунитетъ покрываетъ собой всѣ преступныя дѣянія, совершенныя народными представителями, безотносительно къ тому, имѣютъ ли они отношеніе къ ихъ служебнымъ обязанностямъ или нѣтъ. Онъ распространяется и на тѣ случаи, когда сенаторъ и членъ палаты, несущій какія-либо обязанности по администраціи (напр., префекта полиціи), совершитъ преступленіе противъ долга службы. На этой точкѣ зрѣнія твердо стоитъ какъ доктрина, такъ и практика [3]).

§ 85. Послѣдній вопросъ, на которомъ мы въ данной связи позволимъ себѣ остановиться, касается публичности засѣданій парламента. Въ противоположность Англіи, Франція съ первыхъ дней введенія конституціоннаго строя при-

1) Pierre, op. cit., Supplément, № 1081.
2) См. выше, стр. 230.
3) Pierre, op. cit., № 1064.

знала публичность дебатовъ законодательныхъ собраній однимъ изъ устоевъ правопорядка. Уже 25 іюня 1789 г. генеральные штаты обращаются къ королю съ жалобой, что на ихъ засѣданія публика не допускается. Конституціей 1791 г. (тит. III, гл. III, секц. II, ст. 1) было постановлено въ видѣ общаго правила, что дебаты Законодательнаго Корпуса происходятъ публично, и протоколы его засѣданій подлежатъ напечатанію; аналогичное постановленіе было включено въ конст. 1793 г. (ст. 45 и 46). Мотивы, которыми руководствовался законодатель, носили принципіальный характеръ и исходили изъ господствовавшаго въ то время взгляда на депутатовъ, какъ на мандатаріевъ народа. У послѣдняго, какъ носителя всеобщей воли и суверенитета, имѣется неотъемлемое право контроля надъ дѣйствіями своихъ повѣренныхъ. Lacretelle, историкъ Учредительнаго Собранія, разсказываетъ о томъ, что многочисленная толпа, присутствовавшая на засѣданіяхъ Собранія, постоянно вмѣшивалась въ дебаты, выражая ораторамъ одобреніе или порицаніе: слушайте, слушайте голосъ суверенаго народа![1]) Подробно развита была эта точка зрѣнія Робеспьеромъ въ одной изъ его рѣчей въ Конвентѣ. „Вся нація, говорилъ онъ, имѣетъ право знать о поведеніи своихъ представителей. Желательно было бы, если бы это было возможно, чтобы собраніе делегатовъ народа засѣдало въ присутствіи всей націи . . . подъ взорами столь значительнаго числа свидѣтелей ни подкупъ, ни интриги, ни коварство не посмѣли бы себя проявить, — справлялись бы лишь съ всеобщей волей“ [2]).

Благодаря этимъ воззрѣніямъ, двери законодательныхъ палатъ во время революціи оказались широко раскрытыми для постороннихъ, и это обстоятельство самымъ печальнымъ образомъ отразилось на ходѣ дебатовъ. Толпа постоянно въ нихъ вмѣшивалась, терроризировало депутатовъ и весьма часто свободу слова превращала въ пустой звукъ. Напрасно собраніе старалось въ своихъ регламентахъ принимать мѣры противъ этихъ эксцессовъ: постановленія наказовъ оказы-

1) Histoire de l'Assemblée constituante, I, 318 et suiv. Цит. у Reynaert, op. cit., II, 5.

2) Esmein, op. cit., 795.

вались мертвой буквой. Наученный опытомъ, Конвентъ рѣшился противодѣйствовать такому положенію вещей законодательнымъ путемъ, и въ конституцію III года была включена статья (64), по которой количество постороннихъ въ залѣ засѣданій не должно было превышать половины числа членовъ данной палаты.

По конституціи VIII г. засѣданія Сената должны были быть закрытыми; публика допускалась только въ Трибунатъ и въ Законодательный Корпусъ, но въ количествѣ, не превышающемъ 200 человѣкъ. Хартія 1814 г., точно также, ограничила публичность засѣданій нижней палатой (ст. 32 и 44); принципъ полной гласности для обѣихъ палатъ былъ возстановленъ хартіей 1830 г. (ст. 27). Конституція 1848 г., само собой разумѣется, также признала начало публичности, и на той же точкѣ зрѣнія стоитъ и дѣйствующій нынѣ законъ 16 іюля 1875 г. Согласно ст. 5 „засѣданія Сената и Палаты депутатовъ публичны“, — однако, каждая палата можетъ обратиться въ секретный комитетъ, если того потребуетъ нѣсколько ея членовъ, въ количествѣ, опредѣленномъ наказомъ [1]). — Палата рѣшаетъ затѣмъ, абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, должно ли быть возобновлено засѣданіе по тому же вопросу въ присутствіи публики.

Подъ публичностью французское законодательство всегда понимало право любого лица на входъ въ залу засѣданій; единственное допускаемое ограниченіе — это размѣры отводимыхъ для постороннихъ трибунъ или галлерей [2]). Такимъ образомъ, теоретически, всякій имѣетъ право присутствовать на засѣданіяхъ палатъ — этимъ французская система отличается отъ принятой во многихъ другихъ странахъ (напр., въ Германіи, Австріи, Японіи, Россіи и т. д.), гдѣ право входа въ залу засѣданій имѣютъ лишь лица, снабженныя особыми входными карточками [3]).

1) Согласно наказу Сената (ст. 45), заявленіе должно быть подписано пятью членами, для Палаты депутатовъ (ст. 110) требуется 20 подписей.

2) Какъ говоритъ Pierre, op. cit., № 787, „la publicité requise par la lois constitutionnelle s'entend au sens du code civil, elle résulte, non point de la présence dans les tribunes de personnes munies de billets, lesquelles sont de simples invités, mais de l'ouverture des portes de l'une des tribunes à tout inconnu qui se présente et réclame le droit d'entrer“.

3) На практикѣ, это право „любого“ лица“ довольно эфемерно. Для

Это традиціонное пониманіе публичности коренится во Франціи во взглядѣ на депутатовъ, какъ на повѣренныхъ націи, ея истинныхъ „представителей“, передъ ней отвѣтственныхъ и подлежащихъ въ каждый данный моментъ ея контролю. Съ этой точки зрѣнія гласность есть одинъ изъ устоевъ представительнаго строя, непреложное слѣдствіе основныхъ началъ французской государственности [1]). Принципіально, поэтому, она ограничена быть не можетъ.

Практика, однако, показала, что ограниченія безусловно необходимы. И въ настоящее время все болѣе и болѣе приходятъ во Франціи къ убѣжденію, что истиннымъ обезпеченіемъ гласности является не публичность засѣданій, а оглашеніе путемъ печати всего происходящаго въ законодательномъ собраніи [2]).

большой публики отведены лишь крайне тѣсныя помѣщенія; остальныя трибуны открыты только для лицъ, снабженныхъ особыми входными билетами.

1) „Cette règle, говоритъ Duguit, loc. cit., 347, est la conséquence même du principe représentatif et la condition indispensable pour le fonctionnement normal du système. Les chambres délibèrent au nom et pour le compte de la nation; il faut donc que la nation tout entière connaisse l'objet et l'esprit de ces délibérations, non seulement les décisions prises, mais aussi les raisons qui les ont inspirées“.

2) Ср., напр., характерныя замѣчанія Esmein, op. cit., 794 et suiv.

Раздѣлъ третій.

Рецепція французскаго права прочими государствами Европейской культуры.

Глава девятая.

Введеніе конституціоннаго строя въ Германіи.

I.

Политическая доктрина начала XIX в.

§ 86. Ко времени созыва Вѣнскаго конгресса Германія въ политическомъ отношеніи представляли весьма пеструю картину [1]). Въ однихъ государствахъ, какъ, напр., въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Мекленбургѣ, обоихъ Рейсахъ, Саксоніи и др., сохранились старые сословные чины (Landstände). Въ другихъ, какъ въ Ольденбургѣ, Шаумбургъ-Липпе, Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, Шварцбургъ-Рудольштадтѣ, Гогенцоллернъ-Зигмариненъ, Липпе-Детмольдѣ и др., сословное представительство либо вовсе исчезло, либо окончательно дезорганизовалось. Точно также въ Нассау, Вюртембергѣ, Баденѣ, Баваріи и Гессенъ-Дармштадтѣ, со вступленія ихъ въ составъ Рейнскаго союза, прежніе сеймы были уничтожены; введенъ былъ квази-представительный строй, по созданному Наполеономъ образцу.

Между тѣмъ, ст. XIII акта 7 іюня 1815 категорически постановляла, что „in allen Bundesstaaten wird eine landständische Verfassung stattfinden“. Смыслъ этой статьи, несомнѣнно, былъ неясенъ [2]). О какой конституціи шла рѣчь?

— —

1) См. v. Kaltenborn, Einleitung in das constitutionelle Verfassungsrecht, Lpz. 1863, S. 291 ff.

2) Какъ замѣчаетъ v. Zwiedineck-Südenhorst, Deutsche Geschichte, Berl. 1903, B. II, S. 20 „als sie (i. e. die Bestimmung des Art. XIII) in die Bundesakte aufgenommen wurde, konnte niemand wissen, was damit gemeint sei, auch die Verfasser der geistreichsten aller Verfassungen, die

О старой, сословной, или о новой, демократической? Къ чему обязывались государства, входившія въ составъ союза: къ возстановленію прежнихъ ландштэндовъ, или къ созыву парламентовъ, по французскому образцу? Оба рѣшенія вопроса нашли себѣ горячихъ сторонниковъ и убѣжденныхъ апологетовъ. Общественное мнѣніе раскололось, и образовалось два крупныхъ теченія, въ значительной степени предопредѣлившія собой и самый ходъ развитія политической жизни въ Германіи.

§ 87. Публицистическая литература первой половины XIX в. представляетъ собой картину борьбы двухъ главныхъ направленій — т. наз. школы историческихъ правъ со школой права идеальнаго или разумнаго (Vernunftrecht) [1]). Первая олицетворяла умѣренный либерализмъ и своимъ идеаломъ ставила Англію, вторая представляла радикальное направленіе и находилась, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ французскихъ доктринъ.

Во главѣ этого послѣдняго направленія стояла цѣлая плеяда ученыхъ и публицистовъ съ Роттекомъ, Велькеромъ, Пёлицемъ, Кругомъ и Іорданомъ въ качествѣ духовныхъ вождей. Непосредственными ихъ предшественниками были Ахенвалль, Шлёцеръ, Кантъ, Фихте [2]); основой же ихъ теоретической концепціи госу-

das in dieser Hinsicht so produktive neunzehnte Jahrhundert geschaffen hat, waren nicht in der Lage, über den Sinn dieser Worte Auskunft zu geben; jeder von ihnen war berechtigt, sich etwas anderes darunter vorzustellen. Die notwendige Folge davon war, dass die Ansichten, die über diesen wichtigen Punkt im Staatsleben des deutschen Volkes allenthalben geäussert wurden, weit auseinander gingen".

1) Объ этой борьбѣ см. Treitschke, Deutsche Geschichte im XIX. Jahrh., B. II, Lpz. 1882, S. 3 ff.; Biedermann, Fünfundzwanzig Jahre deutscher Geschichte, B. II, Bresl. 1890, S. 21 ff. Особнякомъ стояла явно реакціонная школа v. Haller'a и Adam Müller'a, см. v. Mohl, Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, Erl. 1856, B. II, S. 529 ff. Первый въ своей „Restauration der Staatswissenschaften" (1816—1820) призывалъ къ возстановленію средневѣковаго патримоніальнаго государства, съ княземъ, правящимъ по частному личному праву. Второй („von der Notwendigkeit einer theologischen Grundlage der gesammten Staatswissenschaften," Lpz. 1819) требовалъ организаціи государства на теократическихъ началахъ. Оба единственной разумной и допустимой формой правленія считали абсолютизмъ.

2) Biedermann, loc. cit., 29.

дарства служили воззрѣнія Руссо и доктрины Contrat Social, главнѣйше, теорія народнаго суверенитета. Полной ясности и опредѣленности ученію этому, однако, достигнуть не удалось. Примыкая къ механически-атомистическому воззрѣнію на государство французской политической философіи XVIII в., оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, вынуждено было итти на уступки, обусловливаемыя реальнымъ положеніемъ вещей, и стараться слить воедино другъ-друга исключающія начала — догматъ народнаго суверенитета и т. наз. монархическій принципъ [1]).

Политическое credo тогдашняго либерализма получило свое первое опредѣленное выраженіе въ появившихся въ 1814 г. „Ideen über Landstände“ Роттека и дальнѣйшее свое развитіе и завершеніе въ Staats-Lexikon, изданномъ имъ же и Велькеромъ, при участіи корифеевъ германской науки, примыкавшихъ къ лѣвому крылу. „Ideen“ оказали громадное вліяніе на развитіе политической доктрины и дали едва ли не первую въ Германіи законченную теорію представительства [2]).

Основная мысль Роттека та, что естественнымъ обладателемъ государственной власти является самъ народъ, парламентъ же есть его представитель — другими словами, воля парламента совпадаетъ съ волей народной [3]), а потому

1) Положеніе, въ которомъ очутились германскіе конституціоналисты было весьма сходно съ тѣмъ, въ которомъ оказались дѣятели французской революціи, когда имъ пришлось попытаться примирить начало національнаго суверенитета съ ученіемъ о раздѣленіи властей, см. выше, стр. 166—168. Ср. Treitschke, loc. cit., 109: „Wie einst Sieyes das Feuer der Rousseau'schen Volkssouveränität mit dem Wasser der Montesquieu'schen Gewaltentheilung verschmolzen hatte, so suchte Rotteck die Doctrin des Contrat Social durch einige Begriffe des monarchischen Staatsrechts zu verdünnen“.

2) „Die Schrift, говоритъ Mohl, op. cit., II. 567, hat zur Zeit ihrer Erscheinung grosses Aufsehen, und zwar nicht blos in Deutschland, gemacht; und auch mit vollem Rechte. Sie stellte den Gedanken der Volksvertretung, zu einer Zeit, als man in Deutschland noch sehr unklar über eine scharfe Fassung und die notwendigen Folgen desselben war, mit grosser Bestimmtheit auf, entwickelte ihn mit kecker Folgerichtigkeit, und beantwortete eine Reihe von Streitfragen mit Entschiedenheit“. Историческое значеніе школы Роттека совершенно не понято Трейчке.

3) „Jeder wahre Volksausschuss nämlich ist natürlicher, ja allein natürlicher Stellvertreter der Nation; d. h. sein Wille ist identisch, aber gilt

каждый депутатъ представляетъ всю націю, а не какую-либо опредѣленную группу избирателей.

Такимъ образомъ, было твердо установлено различіе между сословнымъ и народнымъ представительствомъ, причемъ послѣднее понятіе было построено по французскому образцу.

Новое ученіе, однако, приходилось такъ или иначе связать съ монархическимъ принципомъ. Послѣдовательное проведеніе догмата народнаго суверенитета несомнѣнно вело къ признанію республиканской формы правленія единственной правильной и допустимой. Этого вывода, однако, германскіе либералы, само собою разумѣется, сдѣлать не могли. Въ новомъ государствѣ оставался одинъ старый и прочный элементъ: власть монарха. Съ ней приходилось считаться не только жизни, но и теоріи. Если ученіе о полновластіи народа было моментомъ прогрессивнымъ и даже революціоннымъ, то монархическій принципъ былъ моментомъ консервативнымъ и сдерживающимъ.

Отправнымъ пунктомъ монархизма было сосредоточеніе въ рукахъ правителя всей полноты государственной власти[1]). Это воззрѣніе составляло антиподъ теоріи народнаго суверенитета[2]), и уже напередъ можно было сказать, что cесі tuera cela. Такъ оно и случилось: нѣмецкой конституціонной доктринѣ пришлось совершенно отказаться отъ принципа народовластія и теорію представительства построить на иномъ фундаментѣ. Къ этому вопросу намъ еще придется вернуться.

§ 88. Среднее мѣсто между феодально-реакціонными тенденціями фонъ-Галлера и радикальными воззрѣніями Роттека занималъ сѣверо-германскій либерализмъ, нашедшей себѣ яркаго представителя въ лицѣ Dahlmann'a. Это теченіе вдохновлялось, главнымъ образомъ, англійскими

(auch ohne positive Einsetzung, schon rein vernunftgemäss) als identisch mit dem wahren Nationalwillen". Ideen, S. 7.

1) См. А. С. Алексѣевъ, Къ вопросу о юридической природѣ и т. д., стр. 17 и слѣд.

2) По справедливому выраженію Шталя, „Die Souveränität des Königs schliesst die Volkssouveränität und schliesst die Theilung der Gewalt aus". Алексѣевъ, назв. соч., 20; у него же цитаты изъ другихъ авторовъ.

образцами и стояло въ тѣсной связи съ исторической школой юристовъ. Сѣверъ Германіи, какъ извѣстно, избѣгъ тѣхъ переворотовъ, которые вызвали на югѣ потрясеніе всѣхъ основъ государственности[1]); здѣсь тѣснѣе сохранилась связь съ прошлымъ, и этимъ обезпеченъ былъ успѣхъ тѣмъ доктринамъ, которыя въ основу своихъ построеній клали принципъ эволюціи политическихъ учрежденій.

Взгляды Дальмана нашли себѣ впервые выраженіе въ появившейся въ 1815 г. въ „Kieler Blätter“ статьѣ подъ заглавіемъ „Ein Wort über Verfassung“[2]) и позднѣе въ его „Politik auf den Grund und das Mass der gegebenen Zustände zurückgeführt“ (1-ое изд. 1835, 2-ое 1847 г.). Цѣль всякой конституціи, по мнѣнію Дальмана, заключается въ томъ, чтобы лучшіе въ государствѣ участвовали въ управленіи[3]). Образцомъ въ данномъ отношеніи можетъ служить Англія съ ея системой двухъ законодательныхъ палатъ: ибо здѣсь заложены основы той конституціи, къ которой стремятся всѣ государства Европы[4]). Идеаломъ поэтому должно быть не абстрактно-созданное государство, а тотъ строй, который является продуктомъ историческаго развитія. Относительно Германіи Дальманъ вполнѣ ясно сознавалъ, что время сословныхъ чиновъ окончательно прошло. Категорически отвергая принципъ народнаго суверенитета, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуетъ, чтобы въ государствѣ, построенномъ на публично-правовомъ принципѣ, представительство было организовано въ интересахъ цѣлаго, а не отдѣльныхъ его частей[5]).

---

1) Какъ говоритъ Трейчке, op. cit., II, 110, „hier war die Kette der Zeiten nicht ganz zerrissen, von den alten ständischen Institutionen noch vieles erhalten, ein warmes Gefühl historischer Piétät fast überall im Volke lebendig. Die Ideen der Revolution hatten hier niemals so tiefe Wurzeln geschlagen; die Liberalen vermassen sich nicht den Staat nach den Abstraktionen des Vernunftrechts völlig neu zu gestalten, sondern verlangten nur die Wiederbelebung und Fortbildung des alten Ständewesens“.

2) „Ein Wort“ перепечатано въ „Kleine Schriften und Reden“, Stuttg. 1886. Наши ссылки относятся къ этому изданію.

3) „Jede Verfassung, auch die rohste, will Volkssprache sein; den besseren Teil des Volks zur Sprache bringen, ist die Kunst der Verfassung“. Ein Wort, 18.

4) Ibid.

5) Характерно слѣдующее мѣсто изъ „Politik“ (2. Ausg.), § 139, гдѣ Д. проходитъ различіе между понятіями landständisch и repräsentativ:

Воззрѣнія Дальмана встрѣтили сочувственный откликъ среди многихъ историковъ и юристовъ[1]). Почва для этого была хорошо подготовлена. Гёттингенская школа и безъ того находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Монтескье[2]), а зарождавшееся историческое направленіе въ юриспруденціи могло только привѣтствовать внесеніе ея методовъ и лозунговъ въ науку политики. И увлеченіе Дальмана англійскимъ строемъ ему охотно готовы были простить за его отрицательное отношеніе къ французскимъ революціоннымъ образцамъ, столь ненавистнымъ Савиньи и его послѣдователямъ.

§ 89. Таковы были тѣ умственныя теченія, подъ вліяніемъ которыхъ совершилось зарожденіе конституціонализма въ Германіи. Возникшія въ первой половинѣ XIX ст. конституціи носятъ на себѣ ясные слѣды указанныхъ направленій. Наиболѣе характерной чертой ихъ, однако, является твердое проведеніе монархическаго начала, на подобіе французской хартіи 1814 г. И дѣйствительно, обстоятельства, сопровождавшія введеніе этихъ конституцій, во многомъ напоминали ту обстановку, при которой издана была хартія. Какъ та, такъ и другія были октроированы монархами, признававшими себя единственными носителями верховной власти, суверенитета. Такъ обстояло дѣло во Франціи, такъ было оно и въ Германіи. Въ обѣихъ странахъ въ ту пору усердно открещивались отъ догмата раздѣленія властей, усматривая въ немъ подрывъ идеѣ государственно-монархическаго единства. Теорія Монтескье о distribution des pouvoir съ самаго начала нашла въ Германіи крайне неблагопріятную для себя почву. Ее формально осудила правительственная

„... allerdings beruht die landständische Verfassung auf einer Verkehrung von Privatrechten und Privatinteressen, die vom Landesfürsten an durch alle zur Entwickelung gelangte Stände läuft und die Bedeutung dieser Einzelheiten für das Staatsganze, das Verhältnis der Gliedmassen zum Körper, überall hintenan gehen lässt. Und allerdings ganz diesem Nebeneinander entgegengesetzt geht die Repräsentativverfassung vom Rechte des öffentlichen und Ganzen aus.

1) Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи ко 2-му изд. „Politik“.

2) См. Новгородцевъ, Историческая школа юристовъ, М. 1896, стр. 34 и слѣд.

идеологія, какъ революціонную и разрушительную, и заключительный Вѣнскій Актъ 15 мая 1820 г. въ ст. 52 категорически призналъ, что полнота власти находится въ рукахъ монарха, который можетъ быть связанъ согласіемъ чиновъ только при осуществленіи опредѣленныхъ правъ [1]). И когда, послѣ іюльской революціи, конституціонное движеніе снова ожило, франкфуртскій сеймъ, постановленіемъ отъ 28 іюня 1832 г., снова напомнилъ германскимъ правительствамъ, что всякая конституція должна сообразоваться съ принципомъ, выраженнымъ въ ст. 57 [2]).

Отрицательно къ ней относилась и политическая литература первой половины XIX в. [3]). Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ со стороны представителей радикально-раціоналисти-

1) „Da der deutsche Bund, mit Ausnahme der freien Städte, aus souveränen Fürsten besteht, so muss, dem hierdurch gegebenen Grundbegriffe zufolge, die gesammte Staatsgewalt in dem Oberhaupte des Staats vereinigt bleiben, und der Souverän kann durch eine landständische Verfassung nur in der Ausübung bestimmter Rechte an die Mitwirkung der Stände gebunden werden".

2) Hubrich, Deutsches Fürstentum und deutsches Verfassungswesen, Lpz. 1905, S. 85.

3) Неправильно утвержденіе В. М. Гессена, Теорія правового государства, въ сборникѣ „Политическій строй современныхъ государствъ", т. I, Спб. 1905, стр. 131, будто „впервые Р. ф. Молемъ [въ Geschichte und Literatur, I, 274] было категорически указано, что раздробленіе государственной власти на три другъ отъ друга обособленныхъ и независимыхъ власти разлагаетъ государственный организмъ, превращаетъ единство во множество и практически ведетъ къ анархіи и разрушенію". О невозможности раздѣленія государственной власти говорилось и значительно раньше, см., напр., анонимные Beyträge zum constitutionellen deutschen Staatsrechte, I. Heft, Darms. 1833, S. 25. „Bevor man aber in eine Trennung der Gewalten eingeht, und gar den Kammern in constitutionellen Staaten einzelne Gewalten zuschreibt, dürfte doch wohl erst zu untersuchen seyn, ob es denn wirklich überhaupt im Staate verschiedene Gewalten giebt?.. Es kann nur eine Staatsgewalt geben, denn sobald es zwei oder mehrere solche Gewalten gebe, so müssten dieselben entweder einander gleich, oder eine davon müsste die stärkere seyn. Im letzten Falle wäre diese die eigentliche und bald auch die einzige Staatsgewalt, im ersten Falle aber würde durch das Nebeneinanderseyn gleicher Gewalten, deren jede, um fest zu stehen, auch wieder ihre besondern Garantieen haben müsste, notwendig ein Kampf entstehen, der den Staat erschüttern und so lange fortwähren würden, bis eine der bestehenden Gewalten den Sieg über die anderen erhalten hätte. Nur verschiedene Funktionen lassen sich in der Einen Staatsgewalt unterscheiden".

ческаго направленія отстоять французскую точку зрѣнія [1]), позиція была сдана. Теорія дѣленія власти на равноцѣнныя и равносильныя части, другъ друга уравновѣшивающія, смѣняется ученіемъ о классификаціи функцій и объ относительномъ раздѣленіи властей [2]). Это вполнѣ соотвѣтствовало основнымъ философско-политическимъ тенденціямъ, которыя въ то время господствовали въ Германіи. Ни ученіе Гегеля о приматѣ королевской власти, стоящей надъ всѣми другими властями, и о телеологическомъ единствѣ государства [3]), ни воззрѣнія Шталя на существо монархическаго принципа [4]), не давали нужныхъ предпосылокъ для укрѣпленія французской доктрины. Послѣдняя могла получить значеніе исключительно школьной теоріи, такъ какъ жизнь ее явно и категорически отрицала. А съ жизнью догматика положительнаго публичнаго права не считаться не могла [5]): ей пришлось поэтому все ученіе о раздѣленіи властей выкинуть за бортъ и свои конструкціи возвести на иномъ фундаментѣ [6]).

§ 90. Вновь воздвигнутое зданіе германскаго конституціонализма силой вещей должно было во многомъ раз-

---

1) См., напр., разсужденія Welcker'a въ Staats-Lexikon (2. Ausg.) s. v. Cabinets-Justiz, въ особенности стр. 778—784 (направлено противъ автора Beyträge).

2) Анализъ воззрѣній отдѣльныхъ писателей см. у Ворошилова, Критическій обзоръ ученія о раздѣленіи властей, Яр. 1871, гл. IX.

3) См. Grundlinien der Philosophie des Rechts, §§ 272—279. Ср. Новгородцевъ, Кантъ и Гегель, М. 1901, стр. 238: „Основной принципъ единства проводится Гегелемъ, прежде всего, въ отношеніи къ устройству власти. Организація власти требуетъ расчлененія ея на основные моменты. Различныя дѣла и связанныя съ ними полномочія поручаются отдѣльнымъ органамъ. Но это раздѣленіе властей нельзя понимать какъ абсолютную ихъ самостоятельность. Всѣ онѣ суть лишь моменты единаго цѣлаго".

4) Вопросъ о раздѣленіи властей есть чуть-ли не единственный, по которому въ области политическихъ построеній сходятся оба мыслителя. Ср. Erich Kaufmann, Studien, S. 88.

5) Ср. интересныя замѣчанія Bornhak, Die Entwickelung der konstitutionellen Theorie, въ Zeitschrift f. d. ges. Staatswissenschaft, B. 51 (1895), S. 613.

6) На современныхъ попыткахъ Otto Mayer'a, Anschütz'a, Arndt'a и др. возродить ученіе о раздѣленіи властей мы остановимся въ догматической части нашего изслѣдованія.

ниться отъ французскаго образца. Прежде всего, по сю сторону Рейна съ прошлымъ не могли и не хотѣли порвать столь рѣзко и опредѣленно, какъ во Франціи. Здѣсь, введеніе новаго строя было результатомъ одного изъ величайшихъ потрясеній государственной жизни, которое когда либо видѣла исторія; тамъ, оно совершилось мирнымъ путемъ, безъ особой борьбы и сопротивленія, въ силу сознанной необходимости, благодаря чему историческая преемственность учрежденій, до извѣстной степени, была сохранена [1]) По этому многое изъ того, что было позаимствовано изъ чужого (французскаго или англійскаго) права, получило на германской почвѣ своеобразное очертаніе.

Сказанное, въ частности, относится и къ парламентскимъ привилегіямъ. Какъ мы видѣли во Введеніи, сословные сеймы ни безотвѣтственности, ни неприкосновенности въ современномъ смыслѣ не знали. Иммунитетъ, который германскія конституціи гарантировали членамъ законодательныхъ палатъ, представлялъ собой отнюдь не историческое право представительства, а институтъ, цѣликомъ заимствованный изъ Франціи.

Однако, послѣдовательное и неуклонное проведеніе той конструкціи, которая ко второму десятилѣтію XIX в. — времени зарожденія конституціонализма въ Германіи — успѣла окончательно здѣсь укрѣпиться, было, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, не подъ силу нѣмецкому правосознанію. Рецепція, поэтому, получилась неполная и, до извѣстной степени, искаженная [2]). Такъ, ни свобода слова, ни гарантія отъ уголовнаго преслѣдованія въ первыхъ конституціяхъ, за немногими исключеніями, не получаютъ той структуры и того облика, которые во Франціи къ тому времени твердо установились. Законодатель какъ бы останавливается на полпути и ищетъ компромисса. И лишь послѣ революціонной бури 1848 г. и окончательнаго торжества конституціоннаго принципа одерживаетъ верхъ и въ Германіи французская конструкція иммунитета.

1) См. совершенно справедливыя замѣчанія Ѳ. В. Тарановскаго, Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Очеркъ развитія его въ Германіи, Варш. 1904, стр. 303 и слѣд.

2) Ср. приведенныя нами на стр. 171, прим. 2, слова Гнейста.

II.

Первыя германскія конституціи. Теоретическое обоснованіе иммунитета.

§ 91. Точно также какъ и во Франціи, юридическая структура и соціально-политическое значеніе парламентскихъ привилегій выясняется въ Германіи далеко не сразу, несмотря на то, что готовые образцы были подъ рукой. Учредительное Собраніе, какъ мы видѣли, провозглашая принципъ неприкосновенности депутатовъ, въ содержаніи этого понятія яснаго отчета себѣ не отдавало; равнымъ образомъ первыя нѣмецкія конституціи, узаконяя Unverantwortlichkeit и Unverletzlichkeit членовъ сеймовъ и ландтаговъ [1]), пускали въ оборотъ термины, смыслъ коихъ представлялся довольно туманнымъ не только для большой публики, но и для профессіональныхъ политиковъ и юристовъ.

Всего менѣе ясна была соціально-политическая сторона вопроса. Чѣмъ обусловливается поставленіе депутатовъ въ особое положеніе, какими соображеніями оправдывается институтъ иммунитета — на все это первые германскіе теоретики конституціонализма либо отвѣта не даютъ вовсе, ограничиваясь констатированіемъ факта и изложеніемъ содержанія соотвѣтственныхъ нормъ, либо приводятъ доводы самаго общаго характера, ссылаясь на существо представительнаго строя и т. п.

Такъ, напр., Klüber, въ своемъ классическомъ „Oeffentliches Recht des deutschen Bundes“, появившемся въ 1817 г., ограничивается краткимъ замѣчаніемъ, что свобода слова и свобода отъ ареста лежатъ въ природѣ представительнаго образа правленія [2]). Нѣсколько подробнѣе останавливается

---

1) Термины эти встрѣчаются не только въ догматическихъ обработкахъ публичнаго права тѣхъ или другихъ государствъ, но и въ самихъ конституціяхъ. Такъ, напр., согласно § 49 конст. 8. VI. 19. Липпе-Детмольдъ „Die Landesabgeordneten sind wegen ihrer Aeusserungen in der Ständeversammlung nicht verantwortlich ... Jeder Abgeordnete ist während der Dauer des Landtags für seine Person unverletzlich“. Pölitz, 2. Ausg., I, 1100.

2) „... so liegen auch gemässigte Opposition, Meinung-, Rede- und Pressfreiheit, desgleichen, in der Natur, Arrestfreiheit der Mitglieder der

на вопросѣ Pölitz[1]): народные представители, говоритъ онъ, съ того момента, какъ открыто собраніе, суть независимые, самостоятельные, неприкосновенные и безотвѣтственные за всѣ высказываемые ими по долгу службы и законно подаваемые голоса представители всего народа; ибо въ качествѣ таковыхъ они должны имѣть въ виду исключительно установленіе, сохраненіе и обезпеченіе правъ и возможнаго благосостоянія всего народа, отъ имени котораго и по избранію коего они говорятъ и дѣйствуютъ.

Отъ Роттека, главы либеральной школы, можно было, казалось бы, ожидать болѣе вдумчиваго отношенія къ институту. Однако, и у него дѣло ограничивается бѣглыми замѣчаніями. Безотвѣтственность депутатовъ въ „Ideen über Landstände“ онъ старается вывести изъ безотвѣтственности народа; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, эту безотвѣтственность онъ отказывается распространять на преступленія и на превышеніе членами ландтаговъ данныхъ имъ полномочій[2]). Другой же привилегіи, неприкосновенности, онъ не касается вовсе. По данному вопросу, такимъ образомъ, Роттекъ всецѣло вращается еще въ рамкахъ старыхъ, до-конституи-

Ständeversammlung, in der Natur einer Repräsentations-Verfassung“. S. 418, 3. Ausg., Frankf. 1831.

1) Die Staatswissenschaften im Lichte unsrer Zeit, Bd. I, 2. Aufl., Lpz. 1827, § 28.

2) „Die Landstände als Körper sind unverantwortlich, wie das Volk selbst, dessen Gesammtheit sie vorstellen. Auch die einzelnen Glieder sind es als solche, d. h. in ihren Amtshandlungen und gegen die Regierung. Wohl aber sind sie verantwortlich wegen Verbrechen überhaupt, — wenn die Mehrheit der Mitstände die Anklage als zulässig erkennt — dann auch gegen ihre Kommittenten, insofern sie die Vollmacht überschreiten oder verletzen. Im zweyten Fall kann zwar die Klage wider sie vor den gewöhnlichen Gerichten angebracht werden; besser hierfür ist jedoch die Konstituirung ausserordentlicher Gerichtshöfe“. S. 31. Въ своемъ Lehrbuch der allgemeinen Staatslehre, Stuttg. 1830, P., возвращаясь къ вопросу, ограничивается краткимъ замѣчаніемъ, что „die Volksrepräsentanten sind in der Sphäre der landständischen oder parlamentarischen Thätigkeit unverantwortlich, d. h. die Regierung darf sie darüber nicht zur Verantwortung ziehen, wiewohl nach der reinen Theorie (deren praktische Realisierung jedoch grossen Schwierigkeiten unterliegt) eine Verantwortlichkeit der Abgeordneten gegen ihre Kommittenten vernunftrechtlich begründet ist. Die Verantwortlichkeit wegen jedes anderen als rein landständischen Thuns oder Unterlassens bleibt freilich vorbehalten“. S. 246.

ціонныхъ понятій и представленій, лишь внѣшнимъ образомъ связывая ихъ съ французской конструкціей представительства.

У главы сѣвернаго либерализма, Дальмана, вопросъ о привилегіяхъ трактуется въ „Политикѣ“, причемъ здѣсь вниманіе обращается исключительно на т. наз. неприкосновенность. „Члены палатъ, читаемъ мы здѣсь, во время пути къ собранію чиновъ и во время сессіи свободны отъ ареста по гражданскимъ взысканіямъ. Если же въ случаѣ совершенія тяжкаго преступленія подслѣдовалъ бы арестъ депутата, то объ этомъ должна безотлагательно быть увѣдомлена та палата, въ составъ которой онъ входитъ[1])“. Дальманъ, такимъ образомъ, совершенно игнорируетъ свободу слова, а свободу отъ ареста конструируетъ по англійскому образцу, отнюдь не заботясь о томъ, соотвѣтствуетъ ли это германской правовой дѣйствительности или нѣтъ.

Что же касается первыхъ толкователей положительнаго права германскихъ государствъ, то и у нихъ, по большей части, вопросъ разработкѣ не подвергается. Наиболѣе подробно останавливается на немъ R. v. Mohl въ своемъ „Staatsrecht des Königreichs Würtemberg“[2]). Характеризуя личное положеніе членовъ законодательныхъ палатъ, Моль подчеркиваетъ важность и отвѣтственность возложенныхъ на нихъ функцій, чѣмъ, по его мнѣнію, и объясняются тѣ отступленія отъ общихъ законовъ, которыя дѣлаютъ для нихъ какъ теорія, такъ и законодательства большинства государствъ. Такъ, защита народныхъ правъ (der Volksrechte) соединена для отдѣльныхъ депутатовъ съ различными неудобствами и можетъ даже, по крайней мѣрѣ при склонномъ къ насилію правительствѣ, т. е. именно тогда, когда нужнѣе всего рѣ-

1) Politik, 2. Aufl., S. 169, 170. Ср. Schmitthenner, Grundlinien des allgemeinen oder idealen Staatsrechts, Giess. 1848, S. 589: „Nach der Bestimmung des landständischen Institutes muss dem einzelnen Mitgliede zustehen: 1) Politische Redefreiheit, so dass es wegen der geäusserten Ansichten, namentlich sofern dieselben die Regierung betreffen, keiner Verantwortung unterliegt. Nach uraltem deutschen Recht und nach der Bestimmung neuerer Verfassung ist ihm auch, als eine Garantie jenes Rechtes, die Haftfreiheit während der Dauer des Landtags, die nur durch Beschluss der Kammer aufgehoben werden kann, zugestanden“.

2) Первое изд. Tüb. 1829, второе — 1840. Мы пользовались послѣднимъ.

шительныя дѣйствія и рѣчи, повлечь за собою непосредственную опасность для ихъ личности. Конституція обязана, по скольку можетъ, ихъ отъ этого охранять; этого требуетъ ея собственный интересъ, ибо самопожертвованіе и гражданское мужество слишкомъ рѣдкія добродѣтели, чтобы строить государственное зданіе исключительно на нихъ [1]). Въ частности, говоря о свободѣ слова, Моль указываетъ на то, что законъ намѣренно (въ Вюртембергѣ) избралъ меньшее зло — не наказывать словесныхъ проступковъ депутатовъ, дабы не сдѣлать защиты народныхъ правъ невозможной, или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени непрочной [2]). Теоретическая же сторона неприкосновенности оставляется имъ совершенно незатронутой [3]).

Довольно сходна аргументація Bühlau. По его мнѣнію, при исполненіи высшей изъ возложенныхъ на нихъ задачъ, а именно при осуществленіи конституціоннаго права гражданъ, законодательныя палаты легко могутъ вызвать неудовольствіе со стороны отдѣльныхъ лицъ, находящихся у кормила правленія. Обязанныя заботиться о благѣ отечества, палаты могутъ проявить плодотворную дѣятельность, только изыскивая причины общественныхъ бѣдствій и знакомясь съ нуждами населенія. При изображеніи дѣйствительности онѣ должны быть вполнѣ искренны и откровенны, даже если это и можетъ кого-либо обидѣть. Для достиженія этой цѣли народное представительство должно, по крайней мѣрѣ, быть гарантировано отъ непосредственной мести правительственныхъ органовъ, съ коими оно, неся общественную свою службу, можетъ притти въ столкновеніе; равнымъ образомъ, оно должно быть увѣрено въ томъ, что никто ему не помѣшаетъ исполнить лежащія на немъ обязанности [4]).

1) Op. cit., 608.

2) Ibid., 610.

3) Позднѣе на этой сторонѣ вопроса Mohl остановился въ статьѣ „Die Geschäftsordnungen der Stände-Versammlungen“, помѣщенной въ сборникѣ Staatsrecht, Völkerrecht und Politik, B. I, Tüb. 1860, см. ниже.

4) „Um dass der Volksvertreter dieser Verpflichtung mit Sicherheit genügen könne, muss er wenigstens gegen die unmittelbare Rache der öffentlichen Behörden, denen er in gleichfalls öffentlichem Berufe entgegentritt, geschützt und gewiss sein, bei der Erfüllung seiner Pflichten gehindert zu werden“. Verfassung und Verfassungsrecht des Königreichs Sachsen, Lpz. 1833, S. 174.

Отсюда — узаконяемыя конституціями безотвѣтственность и неприкосновенность.

У большинства же публицистовъ разсматриваемой эпохи дѣло ограничивается простымъ пересказомъ соотвѣтственныхъ статей конституцій, безъ всякой попытки такъ или иначе теоретически обосновать привилегіи [1]). Справедливость требуетъ признать, что найти для нихъ теоретическое оправданіе и вывести ихъ изъ какихъ либо обще-политическихъ предпосылокъ для германскихъ государствовѣдовъ было дѣломъ не легкимъ. Институтъ былъ, несомнѣнно, французскаго происхожденія. Но тогда какъ во Франціи къ услугамъ теоретиковъ были догматы народнаго суверенитета и раздѣленія властей, служившіе крайне удобнымъ базисомъ для всевозможныхъ построеній, въ Германіи приходилось подъ привилегіи подводить совершенно новый идейный фундаментъ.

§ 92. Первая попытка всесторонне освѣтить вопросъ съ теоретической точки зрѣнія была сдѣлана въ 1834 г. K. S. Zachariae по отношенію къ свободѣ слова [2]).

Цахаріэ начинаетъ съ противопоставленія двухъ формъ правленія: свободнаго представительнаго государства (repräsentativer Freistaat) и монархіи. Первая есть видъ демократіи или народоправства, т. е. такого строя, при которомъ полнота власти принадлежитъ народу. Лица, имъ избранныя для осуществленія верховныхъ правъ, суть его представители (а не простые уполномоченные), въ томъ смыслѣ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности непосредственно народомъ, т. е. такимъ судомъ, гдѣ народъ самъ судилъ бы, ибо дѣятельность народа

1) См., напр., Schweitzer, Oeffentliches Recht des Grossherzogthumes Sachsen-Weimar-Eisenach, Weimar 1825, B. I, § 65 (пересказъ статей 67 и слѣд. основного закона 8 мая 1816 г.); Milhauser, Das Staatsrecht des Königreichs Sachsen, Lpz. 1839, B. I, § 46; Dresch, Grundzüge des bayerischen Staatsrechts, 2. Ausg., Ulm 1835, § 40; K. S. Weiss, System des deutschen Staatsrechts, Regensb. 1843, S. 184: объ привилегіи установлены въ цѣляхъ „Sicherung der Freiheit der Stimme“; Wilda въ Weiske's Rechtslexikon, Lpz. 1845, B. VI, 884.

2) Статья „Sind in den deutschen constitutionellen Monarchien die Gerichte befugt, über Klagen zu entscheiden, welche von ihnen wegen gesetzwidriger Aeusserungen eines Mitgliedes der I. oder der II. Kammer erhoben werden?“ въ Archiv für die civilistische Praxis, B. XVII, 1834, S. 173 ff.

ограничивается выборами [1]). Народные представители, однако, раздѣляются на двѣ группы. Одна изъ нихъ избирается народомъ для осуществленія законодательной власти — это представители въ тѣсномъ смыслѣ слова. Такъ какъ законъ есть единственное мѣрило права для членовъ государства, какъ таковыхъ, то было бы противорѣчіемъ, если бы тѣ, которые избраны народомъ для осуществленія законодательной власти и которые вслѣдствіе этого представляютъ народъ въ данномъ отношеніи и должны быть отождествляемы съ народомъ [2]), могли привлекаться къ отвѣтственности. Къ нимъ, напротивъ того, примѣнимо то начало, которое имѣетъ силу и для самаго народа, т. е. для суверена: princeps legibus solutus est.

Что же касается второй категоріи представителей, то она состоитъ изъ тѣхъ, которые избраны для исполненія законовъ, т. е. изъ судей и чиновниковъ исполнительной власти. Тѣ и другіе являются безусловно отвѣтственными за свои дѣйствія, ибо они не над-, а подзаконны [3]).

Воззрѣнія Цахаріэ на существо представительства въ демократіяхъ, какъ видно, буквально воспроизводили ученія французскихъ публицистовъ конца XVIII ст.: полнота власти находится въ рукахъ народа, который делегируетъ ее своимъ представителямъ. Послѣдніе безотвѣтственны потому, что имъ не передъ кѣмъ отвѣчать [4]).

---

1) Diejenigen, welche das Volk zur Ausübung seiner Hoheitsrechte wählt, sind insgesammt Repräsentanten oder Vertreter (und nicht blos Bevollmächtigte) des Volkes in dem Sinne, dass keiner derselben von dem Volke unmittelbar, d. i. von einem Gerichte, in welchem das Volk selbst Recht spräche, zur Verantwortung gezogen werden kann und darf. (Denn nach dem Wesen dieser Verfassung ist die Thätigkeit des Volkes auf die Wahlen beschränkt)". Loc. cit., 197.

2) „ . . . als eine und dieselbe Person mit dem Volke zu betrachten sind". Ibid., 198.

3) „Für sie giebt es eine Regel, nach welcher über Recht und Unrecht entschieden werden kann, das von der Volksrepräsentation bekräftigte Gesetz". Ibid.

4) Аргументація Ц. почти тождественна съ ученіемъ Робеспьера, выставленнымъ имъ 26 іюня 1790 по дѣлу Тулузъ-Лотрека, см. выше, стр. 179. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что безотвѣтственность Ц. распространяетъ только на словесные деликты: депутаты, въ качествѣ таковыхъ, не подчинены тѣмъ законамъ, которые вообще ограничиваютъ свободу мнѣній. Если же законъ ставитъ арестованіе представителя, ви-

Такъ обстоитъ, однако, дѣло лишь въ демократіяхъ. Въ монархіяхъ, члены палаты суть не народные преставители, а депутаты (Abgeordnete) народа, народъ же представленъ только княземъ [1]). Палаты призываются лишь для того, чтобы высказать мнѣніе народа, но не его волю, и конституціонная монархія перестала бы быть монархіей, если какое-нибудь постановленіе палаты обязывало бы народъ и было бы исполнимо принудительнымъ путемъ, безъ санкціи князя. Несмотря, однако, на такое отличіе монархіи отъ демократіи, члены палаты въ ней точно также не подлежатъ отвѣтственности за мнѣнія, ими высказываемыя при исполненіи своихъ обязанностей, ибо, поскольку рѣчь идетъ о свободѣ слова, теоретическія послѣдствія, вытекающія изъ представительной системы совершенно совмѣстимы съ монархіей [2]). Логическій скачекъ, совершаемый здѣсь Цахаріэ, очевиденъ [3]): безотвѣтственность дедуцируется имъ изъ народ-

---

новнаго въ иномъ правонарушеніи, въ зависимость отъ тѣхъ или другихъ условій, то онъ это дѣлаетъ по политическимъ соображеніямъ, въ интересахъ конституціи. „Allerdings ist ein Vergehen, das von einem Volksrepräsentanten begangen worden ist, nichts desto weniger strafbar. (Wenn — der gewöhnliche Fall — die Verhaftung eines Volksrepräsentanten, der sich eines Vergehens verdächtig gemacht hat, an besondere Bedingungen geknüpft ist, so beruht das auf politischen Gründen, auf dem Interesse der Verfassung.) Aber, was die in Frage stehenden Aeusserungen betrifft, kann überall nicht von einem Vergehen die Rede sein. Denn ein Vergehen kann nur unter der Voraussetzung begangen werden, dass eine gewisse Handlung nicht blos von einem Gesetze mit einer Strafe bedroht ist, sondern dass auch das Strafgesetz den Thäter verpflichtet. Nun ist der Sinn der obigen Deduktion gerade der, dass die Volksrepräsentanten als solche nicht unter den Gesetzen stehen, welche die Freiheit der Meinungen beschränken". Ibid., 200. Любопытно то, что Ц. свою аргументацію относитъ исключительно къ безотвѣтственности, какъ бы отвергая ее для неприкосновенности. Между тѣмъ французскіе предшественники, въ томъ числѣ и Робеспьеръ, аналогичными соображеніями оправдывали именно „inviolabilité".

1) „... so sind in dieser Verfassung z. B. die Mitglieder der II. Kammer nicht Volks repräsentanten, sondern nur Abgeordnete des Volkes. Nur von dem Fürsten wird das Volk repräsentirt". Ibid., 203.

2) „Denn, was diese Redefreiheit betrifft, sind sie aus dem Repräsentativsysteme sich ergebenden Folgerungen (theoretisch) mit der Monarchie vollkommen vereinbar". Ibid., 204.

3) На это совершенно опредѣленно указано было Gerau, въ статьѣ „Können in den deutschen constitutionellen Monarchien die Mitglieder ständischer Kammern wegen gesetzwidriger Aeusserungen vor den Gerichten

наго суверенитета; но монархіи на этомъ принципѣ не построена. Отсюда единственный возможный выводъ — что въ монархическихъ странахъ нѣтъ мѣста парламентской свободѣ рѣчи. Тѣмъ не менѣе, Цахаріэ считаетъ возможнымъ результаты, полученные имъ для демократіи, цѣликомъ перенести на ея антиподъ — конституціонную монархію.

Свои окончательные выводы онъ формулируетъ, примѣнительно къ германскимъ конституціямъ, въ слѣдующихъ четырехъ правилахъ.

1°. Если конституція обходитъ молчаніемъ вопросъ объ отвѣтственности народныхъ представителей, то слѣдуетъ признать, что она этой отвѣтственности не допускаетъ.

2°. Если конституція установляетъ отвѣтственность за нѣкоторые виды противозаконныхъ сужденій членовъ палаты, то подобная отвѣтственность не должна быть распространяема на иные виды — другими словами, соотвѣтственное постановленіе должно быть толкуемо ограничительно.

3°. Если конституція указываетъ способъ привлеченія къ отвѣтственности членовъ палатъ, то всѣ другія средства, извѣстныя законодателю данной страны, примѣненію не подлежатъ.

4°. Если конституція допускаетъ привлеченіе членовъ палатъ въ отвѣтственности, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы виновные, вообще, подлежали дѣйствію общаго права.

Они не отвѣчаютъ за сужденія, за которыя всякій другой былъ бы въ отвѣтѣ, поскольку обязанности по отношенію къ народу и князю, на нихъ лежащія въ качествѣ членовъ палатъ, имъ повелѣваютъ высказывать такія сужденія, которыхъ другіе лица высказывать не вправѣ. На ихъ сторонѣ находится презумпція, что они не преступили границъ лежащихъ на нихъ обязанностей, такъ что другая сторона (т. е. обвинитель) долженъ опровергнуть эту презумпцію доказательствомъ противнаго [1]).

---

des Landes zur Verantwortung gezogen werden", Zeitschrift f. Civilrecht und Process, Neue Folge, I, 1845: „Wie kann man aber nur mit einigem Scheingrunde sagen, die aus dem Repräsentativsysteme sich ergebende Folgerungen seien theoretisch mit der Monarchie vollkommen vereinbar? (S. 21.)" Ср. ниже.

1) Ibid., 208—212. Всѣ четыре правила, какъ видно, составляютъ лишь дальнѣйшее развитіе того общаго положенія, что всѣ ограниченія

Несмотря на теоретическую слабость аргументаціи Цахаріэ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ конституціоннымъ монархіямъ, его воззрѣнія оказали, на первыхъ порахъ, извѣстное вліяніе на развитіе германской доктрины [1]). Къ нему примкнули лидеры радикальнаго направленія, и въ статьѣ „Verantwortlichkeit der Landstände“, помѣщенной въ „Staats-Lexikon“, Велькеръ выступилъ горячимъ его защитникомъ. Какъ замѣчаетъ Губрихъ, въ либеральной прессѣ того времени установилось непреложное убѣжденіе, что депутаты вообще не подлежатъ привлеченію къ отвѣтственности за свои мнѣнія и сужденія, хотя бы конституція привилегіи и не узаконяла [2]). И та же точка зрѣнія проводилась въ Баденской палатѣ депутатовъ представителями лѣвыхъ фракцій [3]).

Въ спеціально-юридической литературѣ, однако, воззрѣнія Цахаріэ нашли лишь слабый отголосокъ [4]). Громадное

свободы слова, содержащіяся въ законахъ, должны быть толкуемы ограничительно.

1) Подробности у Hubrich, op. cit., 256 ff.

2) Op. cit., 257.

3) Конституція 1818 г. не заключала въ себѣ никакихъ указаній по данному вопросу. Въ 1833 г., по дѣлу депутата Mörder'a, за признаніе безотвѣтственности членовъ палаты высказалось не только большинство депутатовъ, но и представитель правительства. Въ 1843 г., въ виду возбужденнаго противъ Велькера, бывшаго въ то время членомъ палаты, обвиненія въ оскорбленіи, была образована особая коммисія, которая, всецѣло усвоивъ точку зрѣнія Цахаріэ, признала, что депутаты пользуются безусловно и абсолютно безотвѣтственностью. Staats-Lexikon, 2. Ausg., XII, 715—726.

4) Hubrich держится иного взгляда. „Selbst Schriftsteller, говоритъ онъ, deren Erörterungen einen mehr positiven Charakter trugen und die sich bemühten, politische und Rechtsgrundsätze ausernanderzuhalten, entzogen sich nicht der fast zu literarischen Tagesmeinung gewordenen Ansicht, dass die Natur des Repräsentativstaats schlechthin die absolute Redefreiheit der Volksrepräsentanten als unabweisbare Consequenz mit sich bringe, wenngleich bei der Begründung hier eine directe Berufung auf das Princip der Volkssouveränität, auf eine Antheilhaberschaft des Volkes an der Souveränen Staatsgewalt nicht hervortrat“. Op. cit. 258. Однако, какъ мы видѣли, почти ни у одного изъ писателей этой эпохи нельзя найти теоретическаго оправданія института безотвѣтственности; съ другой стороны, свобода слова, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какъ мы дальше увидимъ, понималась не въ качествѣ свободы абсолютной, а лишь весьма относительной.

Громадное большинство писателей какъ до, такъ и послѣ появленія его статьи, оставляетъ теоретическую сторону вопроса совершенно всторонѣ и ограничивается простымъ констатированіемъ факта узаконенія привилегіи положительнымъ правомъ страны [1]).

§ 93. Въ 1845 г. вопросъ о принципіальныхъ основахъ свободы слова вновь былъ поднятъ Gerau. Въ статьѣ, появившейся въ Zeitschrift für Civilrecht und Prozess [2]), онъ подвергъ подробному анализу аргументацію Цахаріэ и категорически высказался какъ противъ его отправныхъ точекъ зрѣнія, такъ и конечныхъ его результатовъ.

Gerau, прежде всего, выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ того ученія, согласно которому члены законодательныхъ палатъ являются legibus soluti: онъ отрицаетъ это не только для конституціонныхъ монархій, но и для государствъ, построенныхъ на принципѣ народнаго суверенитета [3]). По его мнѣнію, основная ошибка этой теоріи заключается въ совершенно невѣрной конструкціи понятія представительства. Согласно ученію Цахаріэ, каждый депутатъ представляетъ собой весь народъ — на самомъ же дѣлѣ, представительный характеръ присущъ не отдѣльнымъ членамъ палатъ, а самимъ палатамъ въ ихъ цѣломъ [4]). Въ противномъ

1) Исключеніе представляетъ собой Stahl. Въ первомъ изданіи (появ. въ 1837 г.) его Philosophie des Rechts мы находимъ слѣдующій passus: „Weder die Versammlung der Stände noch ihre einzelnen Glieder haben zwar irgend einen Character von Souveränetät und Majestät. Dessenungeachtet sollen die letztern während der Dauer der Versammlung für ihre Person der Gewalt der Regierung entzogen und nur der Standschaft selbst verantwortlich seyn. Die Natur der Vertretung, als einer unabhängigen Mittelmacht, fordert diese Unverletzlichkeit". B. II, Abt. 2, S. 204.

2) N. F., B. I, 1845, S. 1 ff.: „Können in den deutschen constitutionellen Monarchien die Mitglieder ständischer Kammern wegen gesetzwidriger Aeusserungen vor den Gerichten des Landes zur Verantwortung gezogen werden?"

3) „Dass nun aber die Mitglieder ständischer Kammern keine rechtliche Verpflichtung zur Achtung der Rechte der anderen Staatsangehörigen hätten und gleichsam legibus soluti seyen, was gewissermassen die Grundlage des ganzen Raisonnements von Zacharien bildet, das ist eben, was ich entschieden verneine, und zwar nicht blos für constitutionelle Monarchie, sondern auch, wenigstens was die Einzelhandlungen oder einzelnen Mitglieder betrifft, für auf das Prinzip der Volkssouveränität gebaute Staaten". Loc. cit., 6, 7.

4) „Nur die Kammern als solche in ihrem verfassungs-

случаѣ пришлось бы признать, что законодательная палата состоитъ изъ суверенныхъ лицъ, изъ которыхъ ни одно не могло бы ничего повелѣвать другимъ, причемъ сама палата не вправѣ была бы осуществлять дисциплинарную власть надъ своими членами. Отсюда слѣдуетъ, что, въ случаѣ отсутствія въ конституціи особаго постановленія, отдѣльные члены палатъ подчинены, также какъ и остальные граждане, дѣйствію общаго законодательства страны и отвѣчаютъ за свои сужденія и мнѣнія въ общемъ порядкѣ [1]).

Если сказанное справедливо по отношенію къ демократіямъ, продолжаетъ Герау, то въ еще большей мѣрѣ оно примѣнимо къ конституціоннымъ монархіямъ. Здѣсь авторъ совершенно справедливо указываетъ на отмѣченный нами выше логическій скачекъ, совершаемый Цахаріэ. По ученію этого послѣдняго, говоритъ Герау, въ конституціонныхъ монархіяхъ князь является носителемъ всѣхъ державныхъ правъ, а члены палатъ не имѣютъ даже характера представителей, а суть простые „Abgeordnete“, такъ какъ только монархъ представляетъ народъ. Поэтому, о перенесеніи на нихъ тѣхъ свойствъ, которыми надѣленъ народъ въ демократіяхъ, не можетъ быть и рѣчи. Въ частности, признаніе за ними безотвѣтственности, какъ непосредственно вытекающей изъ ихъ положенія, являлось бы логическимъ противорѣчіемъ.

Оспаривая, такимъ образомъ, ученіе Цахаріэ объ абсолютной безотвѣтственности депутатовъ, Герау, тѣмъ не менѣе, признаетъ, что членамъ палатъ предоставлена бо́льшая свобода, чѣмъ прочимъ гражданамъ государства: также какъ въ отношеніи судей и защитниковъ, на ихъ сторонѣ имѣется презумпція добросовѣстнаго исполненія ими своихъ обязанностей. Жалоба противъ депутата пріемлема только тогда, когда ложность сдѣланныхъ имъ заявленій основана на зломъ умыслѣ [2]).

---

mässigen Bestehen und Gesammthandeln repräsentiren also das Volk, denn nur in ihrer verfassungsmässigen Zusammensetzung und ihrem Gesammtwirken ist ihnen die Machtvollkommenheit übertragen“. Ibid., 14.

1) Логическимъ послѣдствіемъ ученія Ц. являлось бы, по мнѣнію Г., признаніе безотвѣтственности также и за представителями исполнительной власти, ibid., 11.

2) Ibid., 40.

Статья Герау оказала большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе доктрины. Она нанесла смертельный ударъ ученію о національномъ суверенитетѣ, поскольку, по крайней мѣрѣ, рѣчь шла о примѣненіи его къ иммунитету. Къ тому же эта была послѣдняя сколько нибудь крупная работа по данному вопросу, появившая до 1848 г. Революціонное движеніе этого года ознаменовало собой торжество конституціонализма и съ тѣмъ вмѣстѣ и окончательную побѣду началъ неприкосновенности и безотвѣтственности какъ на практикѣ, такъ и въ доктринѣ.

III.

Первыя конституціи и парламентскія привилегіи. Неприкосновенность.

§ 94. Составители первыхъ германскихъ конституцій имѣли передъ собой, по вопросу о неприкосновенности депутатовъ, готовый образецъ: ст. 52 французской хартіи 1814 г., которая, какъ мы видѣли, постановляла, что никто изъ членовъ нижней палаты не можетъ быть ни преслѣдуемъ, ни арестуемъ по уголовнымъ дѣламъ, за исключеніемъ flagrant délit, иначе, какъ съ разрѣшенія палаты [1]).

На путь подражанія по данному вопросу, однако, рѣшились вступить далеко не всѣ конституціи. Въ девяти государствахъ, а именно: въ Саксенъ-Альтенбургѣ, Ангальтѣ, Шварцбургъ-Рудольштадтѣ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенѣ, Вальдекѣ, Липпе, Любекѣ, Бременѣ и Гамбургѣ — привилегія неприкосновенности осталась неизвѣстной и понынѣ [2]). Въ другихъ она была реципирована, но не въ той

1) См. выше, стр. 219.

2) Не знаетъ, въ сущности, привилегіи и конституція Саксенъ-Гильдбургаузена отъ 19 марта 1818 г. Правда, § 22 гласитъ, что „bei Landtagen und Conventen sind die landschaftlichen Deputierten und Beamten für ihre Person unverletzlich“. Однако, подъ Unverletzlichkeit понимается не неприкосновенность въ современномъ смыслѣ, а скорѣе обезпеченіе отъ произвола, ибо, продолжаетъ статья, задержаніе депутата можетъ послѣдовать только въ случаѣ совершенія имъ преступленія или при „sehr dringende Umstände“. Pölitz, I, 786. Аналогичное постановленіе въ конституціи Липпе-Детмольда отъ 8 августа 1819, § 49: „... jeder Abgeordnete ist während der Dauer des Landtags für seine Person unverletzlich, nur die Begehung eines Verbrechen könnte Verhaft ihm zuziehen“. Pölitz, I, 1100.

формѣ, которая установлена была хартіей 1814 г., а въ значительно болѣе узкой.

Такъ, первая основанная, до извѣстной степени, на новомъ понятіи представительства конституція, а именно Саксенъ-Веймарская отъ 5 мая 1816 г., хотя и не провозглашала самого принципа, однако давала иммунитету довольно своеобразную формулировку. Согласно § 69 этого акта, депутаты сейма, въ томъ числѣ ландмаршалъ и его помощники, пользовались какъ въ своей совокупности, такъ и отдѣльно, полною неприкосновенностью ихъ личности съ открытія ландтага до истеченія восьми дней по его закрытіи. Лишь съ согласія ландтага могъ, въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ, быть начато противъ его членовъ преслѣдованіе, закономъ установленнымъ путемъ [1]).

Изъ буквальнаго смысла статьи, такимъ образомъ, вытекало, что, по общему правилу, преступленія, совершаемыя депутатами во время засѣданій сейма, преслѣдованію не подлежали вовсе; лишь въ исключительныхъ случаяхъ могли приниматься какія либо мѣры со стороны компетентныхъ властей, да и это лишь при условіи согласія на то палаты. Подобная конструкція была совершенно неизвѣстна французскому праву, и едва ли авторы конституціи 1816 г. отдавали себѣ ясный отчетъ въ соціально-политическомъ значеніи занесеннаго имъ въ § 69 постановленія [2]).

Саксенъ-Веймарскій основной законъ не нашелъ, въ данномъ отношеніи, многихъ подражателей: правило § 69 было воспроизведено лишь въ Саксенъ-Мейнингенской конституціи 1824 г. [3]) Прочія же конституціонные акты усвоили, какъ мы сейчасъ увидимъ, совершенно иную формулировку и конструкцію неприкосновенности.

---

1) „Die landständischen Abgeordneten mit Einschluss des Landmarschalles und seiner Gehülfen, geniessen sowohl in ihrer Gesammtheit, als einzeln, völlige Unverletzlichkeit der Person vom Anfange des Landtags bis acht Tage nach dem Schlusse desselben. Nur mit Einwilligung des Landtags, auf dem Wege Rechtens, kann, in dringenden Fällen, gegen sie verfahren werden". Pölitz, I, 769. Ландмаршалъ и его два помощника составляли президіумъ ландтага.

2) Единственный толкователь конституціи 1816 г., Schweitzer, op. cit., 102, на вопросѣ не останавливается вовсе и ограничивается дословнымъ воспроизведеніемъ статьи.

3) Pölitz, I, 830.

§ 95. Уже Нассаускимъ патентомъ 1/2 сентября 1814 г., этимъ первымъ проявленіемъ конституціонализма, было установлено, что въ то время, когда засѣдаютъ чины, никто изъ числа ихъ членовъ не можетъ, по какому бы то ни было основанію или поводу, быть подвергнутъ тюремному заключенію безъ согласія того отдѣленія, къ которому онъ принадлежитъ [1]). Формула была довольно неопредѣленна: о какомъ именно видѣ тюремнаго заключенія — о предварительномъ ли, или о назначаемомъ по судебному приговору — шла рѣчь, изъ буквальнаго смысла статьи видно не было. Но въ виду общности выраженій, употребленныхъ законодателемъ, можно думать, что имъ имѣлось въ виду всякое лишеніе свободы вообще.

Какъ бы то ни было, но одно несомнѣнно: это то, что привилегія распространена была только на случай арестованія депутата, но не на самое возбужденіе уголовнаго преслѣдованія, какъ по французскому праву. На этой точкѣ зрѣнія твердо стоитъ большинство конституцій, изданныхъ до 1848 г.

Такъ, § 26 тит. VII Баварскаго основнаго закона 26 мая 1818 г. установляетъ правило, согласно которому во время засѣданія парламента депутатъ не можетъ быть арестованъ безъ согласія соотвѣтственной палаты, за исключеніемъ того случая, когда онъ будетъ пойманъ на мѣстѣ преступленія [2]).

Вліяніе французскихъ образцовъ здѣсь было несомнѣнно, и клаузуля о flagrant délit является наглядным указаніемъ на источникъ постановленія. Баварская формула была усвоена ближайшими къ ней по времени изданія конституціями, прежде всего Баденской 22 августа 1818 г. [3]), а

1) § 3. „Während der Versammlung der Landstände kann kein Mitglied, ohne Zustimmung der Abteilung, wozu es gehört, aus irgend einem Grunde oder Veranlassung, zu gefänglicher Haft gebracht werden". Pölitz, I, 1013.

2) „Kein Mitglied der Ständeversamlung kann während der Dauer der Sitzungen ohne Einwilligung der betreffenden Kammer zu Verhaft gebracht werden, den Fall der Ergreifung auf frischer That bei begangenem Verbrechen ausgenommen".

3) § 49: „Kein Ständeglied kann während der Dauer der Versammlung ohne ausdrückliche Erlaubniss der Kammer wozu es gehört, verhaftet werden; den Fall der Ergreifung auf frischer That bei begangenen peinlichen Verbrechen ausgenommen".

затѣмъ и Вюртембергской 25 сентября 1819 г. Послѣдняя, какъ извѣстно, явилась результатомъ весьма продолжительныхъ переговоровъ между королемъ и сословіями [1]). Составленный въ 1815 г. правительствомъ Фридриха I проектъ заключалъ въ себѣ статью, согласно которой члены сейма, во время засѣданій, за долги не подлежали вовсе аресту, а по прочимъ преслѣдованіямъ (Anschuldigungen) лишь съ вѣдома и согласія сейма [2]). Конституція эта, однако, единогласно отвергнута была сословіями, какъ несоотвѣтствующая исконнымъ ихъ правамъ и привилегіямъ [3]). Король распустилъ сеймъ и вновь созваннымъ въ октябрѣ того же года чинамъ предложилъ 14 основныхъ положеній [4]), имѣвшихъ служить почвой для дальнѣйшихъ переговоровъ. Образована была смѣшанная коммисія изъ представителей сословій и правительственныхъ коммисаровъ, которая принялась за составленіе проекта конституціи. Тѣмъ временемъ, однако, умеръ Фридрихъ I, и на престолъ вступилъ Вильгельмъ I. 3 марта 1817 королемъ предложенъ былъ чинамъ новый конституціонный проектъ; § 310 касался неприкосновенности членовъ нижней палаты и почти буквально повторялъ соотвѣтственное постановленіе конституціи 1815 г. Проектъ этотъ, однако, принятъ не былъ, и лишь въ 1819 г. Вюртембергъ получилъ конституцію, составленную по образцу баварской и въ основныхъ чертахъ дѣйствующую и понынѣ. § 184 сохранилъ формулировку проекта 1817 г., но при этомъ отпало запрещеніе подвергать членовъ палатъ задержанію за долги и вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что, въ случаѣ задержанія депутата на мѣстѣ преступленія, объ этомъ должно немедленно быть сообщено палатѣ, съ указаніемъ причины ареста [5]). Послѣдній пунктъ былъ нововведеніемъ:

1) Подробную исторію Вюртембергской конституціи см. у Fricker und v. Gessler, Geschichte der Verfassung Würtemberg's, Stuttg. 1894, S. 150 ff.

2) I, C, 6. Pölitz, I, 367.

3) О принципіально-юридической сторонѣ конфликта между королемъ и сословіями см. Ѳ. В. Тарановскій, назв. соч., 30 и слѣд.

4) Fricker und v. Gessler, op. cit., 180—181.

5) „Kein Mitglied der beiden Kammern kann, während der Dauer der Ständeversammlung, ohne Einwilligung der betreffenden Kammer zu Verhaft gebracht werden, den Fall der Ergreifung auf frischer That wegen eines Ver-

ни въ Баварской, ни въ Баденской конституціяхъ о подобной обязанности подлежащихъ властей не упоминалось.

Аналогичныя постановленія восприняты были конституціями вел.-герц. Гессенскаго [1]), королевства Саксонскаго [2]), курф. Гессенскаго [3]), герц. Брауншвейгскаго [4]) и Саксенъ-Кобургъ-Заальфельдскаго [5]).

Во всѣхъ приведенныхъ актахъ конструкція неприкосновенности, какъ видно, довольно проста. Привилегія касается исключительно лишенія свободы депутатовъ, причемъ иногда, наряду съ арестомъ по уголовнымъ дѣламъ, спеціально оговаривается арестъ по гражданскимъ взысканіямъ (вексельное производство). Лишеніе свободы (но не преслѣдованіе) можетъ состояться только съ согласія палаты, причемъ въ нѣкоторыхъ конституціяхъ дѣлается исключеніе для тѣхъ случаевъ, когда преступникъ-депутатъ застигнутъ на мѣстѣ совершенія преступленія: арестъ тогда можетъ послѣдовать и безъ предварительнаго разрѣшенія парламента. Объ

brechens ausgenommen. In letzterem Falle ist aber die Kammer von der geschehenen Verhaftung, mit Angabe des Grundes, unverzüglich in Kenntniss zu setzen". Pölitz, I, 454. Въ 1874 г. изданъ былъ законъ, давшій неприкосновенности иную структуру. Въ 1906 г. конст. подверглась новому пересмотру.

1) См. ст. 24 королевскаго эдикта 18 марта 1820, буквально соотвѣтствующую ст. 84 конституціи 17 декабря того же года, Pölitz, I, 676, 686 (въ случаѣ ареста in flagrante палата немедленно извѣщается о семъ).

2) § 84 конституціи 4 сентября 1831, соотвѣтствующій первоначальному проекту отъ 1 марта того-же года: „Die Stände geniessen sowohl in ihrer Gesammtheit als einzeln, völlige Unverletzlichkeit der Person während der Dauer des Landtages. Daher darf insbesondere, ausser dem Fall der Ergreifung auf frischer That bei einem begangenen peinlichen Verbrechen und dem Falle des Wechselverfahrens, kein Mitglied der Ständeversammlung während der Dauer derselben, ohne ausdrückliche Zustimmung der Kammer, der er angehört, verhaftet werden". Первый абзацъ статьи введенъ былъ, очевидно, подъ вліяніемъ болѣе раннихъ саксонскихъ конституцій, см. ниже. § 811 дѣйствуетъ и по нынѣ.

3) Конст. 5 января 1831, § 87. Проектъ 1816 г. неприкосновенности не касался вовсе; проектъ 1830 г. въ § 17 кратко упомпналъ о томъ, что депутаты могутъ быть арестуемы лишь съ согласія палаты. Pölitz, I, 560, 611, 625. Особенностью конст. 1831 г. являлось то, что она установляла шестинедѣльный срокъ до начала и послѣ окончанія сессіи.

4) § 135 конст. 12 октября 1832 г.; Posener, 164, Stoeck, 346. § 135 дѣйствуетъ и понынѣ.

5) Конст. 8 августа 1821, Pölitz, I, 816.

немъ надлежитъ лишь ему сообщить для свѣдѣнія, съ указаніемъ мотивовъ лишенія свободы его члена.

§ 96. Дальнѣйшую разновидность представляетъ собой Ганноверское законодательство. Здѣсь довольно ясно сказалось вліяніе англійскаго права, что вполнѣ естественно, въ виду существовавшей до 1836 г. личной уніи между Ганновером и Великобританіей. Вскорѣ послѣ реставраціи (1813 г.) въ обществѣ ходили даже слухи о предстоящемъ введеніи англійской конституціи[1]). Однако, въ 1814 г. былъ возстановленъ старый сословный строй, причемъ 7 декабря 1819 г. былъ изданъ королевскій патентъ, опредѣлившій провизорную организацію ландтага[2]). 23 декабря 1829 г. патентъ былъ въ значительной степени восполненъ особымъ регламентомъ для общаго собранія чиновъ[3]). Согласно § 6 этого наказа, члены ландтага не подлежатъ личному задержанію (persönlicher Arrest), за исключеніемъ случая, когда, вслѣдствіе совершеннаго депутатомъ тяжкаго уголовнаго преступленія, судъ признаетъ необходимымъ прибѣгнуть къ немедленному аресту преступника, въ виду намѣренія этого послѣдняго бѣжать; объ этомъ, однако, палата должна быть безотлагательно поставлена въ извѣстность.

Переходъ къ истинно-конституціонному режиму совершился лишь послѣ вспыхнувшихъ въ 1831 г. народныхъ волненій. Дальману, занимавшему въ то время каѳедру въ Гёттингенскомъ университетѣ, поручено было составить проектъ основного закона[4]). § 31 этого проекта буквально воспроизвелъ § 6 регламента 1829, равно какъ и § 111 конституціи 25 сентября 1833 г.[5]). Выраженный здѣсь принципъ былъ сохраненъ и основнымъ закономъ 6 августа 1840, съ той лишь разницей, что привилегія признана была примѣ-

1) Pölitz, I, 261. Ср. Кауфманъ, назв. соч., 159 и слѣд.

2) Патентъ содержалъ въ себѣ лишь постановленія общаго свойства и юридическаго положенія членовъ ландтага не затрагивалъ. Какъ было категорически заявлено въ § 6, въ намѣренія правительства не входило дать новое государственное устройство; имѣлось лишь въ виду упорядочить существующее. Текстъ патента у Pölitz, I, 263—265.

3) Reglement für die allgemeine Stände - Versammlung, текстъ у Pölitz, IV, 1, 96—103.

4) Кауфманъ, назв., соч., 167.

5) Pölitz, III, 591.

нимой только къ наличнымъ членамъ собранія, но не къ находящимся въ отсутствіи[1]).

§ 97. Особую формулировку, наконецъ, привилегія получила въ Саксенъ-Мейнингенской конституціи 23 августа 1829. Согласно ст. 100, теченіе правосудія по отношенію къ депутатамъ не должно быть задерживаемо; когда депутаты присутствуютъ въ ландтагѣ, они не подлежатъ личному вызову въ судъ по гражданскимъ и полицейскимъ дѣламъ и не могутъ по этимъ дѣламъ быть взяты подъ стражу, за исключеніемъ случая взысканія по векселю[2]).

Такимъ образомъ, иммунитетъ не распространяется на уголовныя дѣла; онъ касается лишь полицейскихъ правонарушеній и гражданскихъ тяжбъ и охраняетъ депутата только отъ личнаго вызова въ судъ и отъ ареста по этимъ дѣламъ. Второй особенностью приведеннаго постановленія является то, что въ С.-М. привилегія покрываетъ собою не всѣхъ депутатовъ а лишь тѣхъ которые присутствуютъ на ландтагѣ[3]). Поэтому лица, избранныя въ депутаты, но не явившіяся въ палату, подъ дѣйствіе иммунитета не подпадаютъ.

IV.

Первыя конституціи и парламентскія привилегіи. Безотвѣтственность[4]).

§ 98. Французская хартія 1814 г., какъ извѣстно, не заключала въ себѣ никакихъ постановленій относительно свободы слова. Лишь въ 1819 г. изданъ былъ законъ о

1) § 103. „Während der Dauer einer Versammlung der allgemeinen Stände soll kein anwesendes Mitglied verhaftet werden, es sei denn, dass in dem Falle eines Criminal-Verbrechens eine schleunige Verhaftung notwendig sein sollte, welcher Fall jedoch den Cammern ohne Aufschub anzuzeigen ist". Pölitz, IV, 1, 173. Первоначальные проекты конституціи тамъ же, 106 и слѣд.

2) Pölitz, I, 851; Stoerk, 279. Конституція дѣйствуетъ и понынѣ.

3) Одинаковое ограниченіе, какъ мы сейчасъ видѣли, заключается и въ Ганноверской конституціи 1840 г.

4) Вопросъ съ исчерпывающею полнотой разсмотрѣнъ у Hubrich'a, op. cit., § 7. Мы ограничиваемся поэтому краткимъ очеркомъ его исторіи за время съ 1815 по 1848 г.

печати, покрывшій иммунитетомъ рѣчи, произносимыя съ парламентской трибуны[1]).

Французскому образцу послѣдовали Нассаускій патентъ 1814 г., затѣмъ конституціи Бадена (1818 г.)[2]) и Лихтенштейна (1818 г.)[3]). Всѣ они обошли вопросъ полнымъ молчаніемъ[4]).

На иную точку зрѣнія стала Баварская конституція. Въ § 27 [5]) категорически было постановлено, что за свои слова и рѣчи депутатъ подсуденъ исключительно той палатѣ, въ

1) См. выше, стр. 221 и слѣд.

2) § 48 гласитъ: „die Ständeglieder sind berufen über die Gegenstände ihrer Beratungen nach eigener Ueberzeugung abzustimmen. Sie dürfen von ihren Committenten keine Instruktionen annehmen". Stoerk, 217. § 48a, узаконяющій безотвѣтственность, былъ введенъ только въ 1867 г.

3) Pölitz, I, 1092.

4) Положеніе депутатовъ въ этихъ государствахъ осталось тѣмъ же, чѣмъ было положеніе членовъ прежнихъ сословныхъ сеймовъ. Какъ говоритъ Hubrich, op. cit. 179, „es bestand auch hier Abstimmungs- und Redefreiheit, aber mit denselben formellen und materiellen Schranken, welche der Freiheit der landständischen Stimme zur Zeit des alten deutschen Reichs eigen gewesen war. Der Volksvertreter war verantwortlich, sowohl wenn er ausserhalb der äusseren ständischen Berufsformen handelte, als auch wenn er bei Wahrung dieser äusseren Formen materiell die Schranken durchbrach, die ihm durch die ständische Berufspflicht einer- und die Unterthanenpflicht anderseits gezogen waren, und somit eine in den Gesetzen verbotene Handlung beging". Подъ вліяніемъ радикальной доктрины, однако, въ Баденскомъ ландтагѣ было сдѣлано нѣсколько попытокъ истолковать молчаніе закона какъ признаніе полной безотвѣтственности. См. вышеупомянутую статью Велькера, Unverantwortlichkeit der Landstände, въ Staats-Lexikon.

5) Tit. VII, § 27: „Kein Mitglied der Ständeversammlung kann für die Stimme, welche es in seiner Kammer geführt hat, anders als in der Folge der Geschäftsordnung durch die Versammlung selbst zur Rede gestellt werden". Stoerk, 80. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что на формулировку статьи оказало вліяніе англійское право: подчеркивается подсудность дѣла палатѣ, а не безотвѣтственность депутата. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, согласно эдикту, изданному 26 мая 1818 г. и установившему, между прочимъ, основныя черты парламентской дисциплины, палатамъ была предоставлена весьма широкая карательная власть надъ ихъ членами, вплоть до исключенія провинившихся ораторовъ изъ ихъ среды, см. § 21, tit. II. Изъ постановленій эдикта, касающихся дисциплины засѣданій ясно, что подъ „Stimme" конституція подразумѣваетъ не голосованіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, а всякія вообще выступленія, совершаемыя депутатами при исполненіи ими своихъ обязанностей, ср. M. Seydel, Bayerisches Staatsrecht, Freib. i. B., 1887, II, 191, Anm. 4; ср. Dresch, op. cit., § 40.

составъ которой онъ входитъ, и согласно ея наказу. На тотъ же путь вступила конституція Саксенъ-Мейнингена отъ 23 августа 1829[1]). Всѣ же остальныя конституціи избрали среднюю позицію и свободу слова обставили различными ограниченіями. Среди нихъ можно отмѣтить нѣсколько группъ. Въ одной, провозглашается принципъ безотвѣтственности; однако, тутъ же дѣлается оговорка, ограничивающая его значеніе. Такъ, напр., согласно ст. 21 конституціи Саксенъ-Гильдбургаузена (1818 г.), депутаты отвѣтственны за свои мнѣнія и рѣчи (Aeusserungen) въ ландтагѣ; но, продолжаетъ статья, само собою разумѣется, что эти „Aeusserungen" будутъ сдѣланы при соблюденіи должнаго приличія, безъ нанесенія оскорбленія высочайшей особѣ монарха и правительству. — Каковы, однако, послѣдствія отступленія отъ этого предписанія, въ конституціи не говорится[2]). Съ аналогичнымъ постановленіемъ мы встрѣчаемся и въ Саксенъ-Мейнингенской конституціи 1824 г.[3]).

Ко второй группѣ относятся тѣ государства, которыя отказываются распространять привилегію на обиды и оскорбленія, наносимыя частнымъ лицамъ[4]) Типичнымъ является постановленіе Дармштадтской конституціи 1820 г. Согласно § 83, сословные чины не отвѣчаютъ за содержаніе своихъ голосованій. Но у частныхъ лицъ сохраняется право жаловаться въ судъ, въ случаѣ учиненія со стороны депутата клеветы. Аналогичное правило воспроизводится § 87 конституціи 1831 г. курф. Гессенскаго[5]) и § 183 конституціи 1833 г. Гогенцоллернъ-Зигмаринена[6]).

Третью группу составляютъ конституціи, хотя и провозглашающія принципъ свободы слова, но не дѣлающія изъ него соотвѣтственнаго вывода о безотвѣтственности депутатовъ. Такъ, § 134 Брауншвейгской конституціи 1882 г. гласитъ, что члены ландтага имѣютъ право при своихъ совѣщаніяхъ

1) § 99; Pölitz, I, 850. Иначе было по основному закону 1824 г., см. ниже.

2) См. K. S. Zachariae въ Archiv f. d. civ. Praxis, XVII, 190.

3) § 68; Pölitz, I, 830.

4) Zachariae, loc. cit.; Hubrich, loc. cit.

5) „ . . . den Fall der beleidigten Privatehre angenommen".

6) „ . . . Privatverletzungen ausgenommen, welche vor die ordentlichen Gerichte gezogen werden können".

свободно высказывать мнѣнія и за нарушенія наказа, не заключающія въ себѣ особаго преступленія или личнаго оскорбленія, подлежатъ привлеченію къ отвѣтственности лишь передъ самимъ собраніемъ [1]). Аналогичныя постановленія, только болѣе подробныя, находятся въ Саксонской конституціи 4 сентября 1831 г.[1]).

1) § 83, отмѣненный закономъ 12 октября 1874. Приводимъ важнѣйшія постановленія этой любопытной статьи. Первый абзацъ содержитъ въ себѣ указаніе на право членовъ ландтага свободно высказывать свои мнѣнія; во второмъ дается рядъ указаній относительно внѣшней формы преній и дисциплинарной власти предсѣдателя. При этомъ, если депутатъ позволитъ себѣ личныя нападки на монарха, королевскую фамилію, палату или отдѣльныхъ членовъ палатъ и, несмотря на предостереженіе со стороны предсѣдателя, не остановится, то предсѣдатель обязанъ закрыть немедленно засѣданіе и въ слѣдующемъ засѣданіи представить о наказаніи виновнаго палатѣ, отъ которой будетъ зависить присудить виновнаго къ простому взятію своихъ словъ обратно или къ временному или полному исключенію изъ палаты.

Если же, продолжаетъ статья „die gerügte Aeusserung ein besonderes Verbrechen oder eine persönliche Beleidigung in sich begreift, so kann das fragliche Mitglied der Kammer, es mag nun dessen Ausschliessung erfolgt sein, oder nicht, deshalb noch vor seinem ordentlichen Richter belangt werden“, Pölitz, I, 235. Словесные деликты, такимъ образомъ, по приведенной статьѣ наказуемы, и привилегія безотвѣтственности ей не узаконяется. Достойно вниманія, однако, то, что первые толкователи Саксонской конституціи, совершенно искренно полагали, что § 83 ставилъ депутатовъ въ особо-привилегированное положеніе; такъ Bühlau, Verfassung und Verfassungsrecht des Königreichs Sachsen, Lpz. 1833, § 35, указываетъ на то, что „freimüthige Offenheit ist eine Pflicht der Stände, darum muss sie auch ein Recht derselben sein“, ограничительныя же постановленія § 83 считаетъ необходимыми, въ виду возможнаго злоупотребленія свободой слова. Milhauser, Das Staatsrecht des Königreichs Sachsen, Lpz. 1839, B. I, § 46, опредѣляетъ предоставляемую статьей свободу какъ „Recht . . . ohne rechtlichen Nachtheil für ihre Person oder Unterbrechung befürchten zu müssen. Alles sagen zu dürfen, was ausser der Kammer, aus politischen gründen geheim zu halten, oder wegen Berührung und Veröffentlichung von Privat- u. Familienangelegenheiten nicht öffentlich zu besprechen sei, oder sonst durch die Veröffentlichung den Charakter einer Beleidigung annehmen, oder einem Staatsdiener, wenn das Kammermitglied ein solcher ist, die Verantwortung vor seinen Vorgesetzten ausserdem zuziehen würde“! Это свидѣтельствуетъ о томъ, что и самой доктринѣ первой половинѣ XIX в. принципъ иммунитета былъ не вполнѣ ясенъ. Позднѣйшіе писатели совершенно правильно признаютъ, что § 83 привилегіи безотвѣтственности не узаконялъ вовсе. См., напр., Opitz, Das Staatsrecht des Königreichs Sachsen, Lpz. 1887, B. II, S. 47, Anm. 12.

Къ четвертой категоріи должны быть отнесены тѣ конституціонные акты, которые, признавая въ общемъ начало безотвѣтственности, дѣлаютъ исключеніе для нѣкоторыхъ словесныхъ преступленій. Такъ, Саксенъ-Веймарская конституція 1816 г. (§ 68) къ числу дѣяній, непокрытыхъ иммунитетомъ, относитъ оклеветаніе монарха и оскорбленіе правительства, ландтага или частныхъ лицъ; ей слѣдуетъ конституція Вюртемберга (§ 185). Аналогичное постановленіе содержится въ Ганноверской конституціи 1833 г.[1]), наконецъ, конституція Вальдека (19 апрѣля 1816 г.) предусматриваетъ нарушеніе вѣрности и благоговѣнія къ монарху, а также неуваженіе къ властямъ: въ этихъ случаяхъ виновный отвѣчаетъ передъ государствомъ[2]).

§ 99. Какъ видно изъ приведеннаго обзора, принципъ безотвѣтственности попалъ на довольно неблагопріятную почву. Съ одной стороны, старыя традиціи все еще были весьма сильны: многимъ казалось недопустимымъ, чтобы съ парламентской трибуны можно было безнаказанно говорить то, что въ другомъ мѣстѣ влекло бы за собою уголовную репрессію. Память о старыхъ сословныхъ чинахъ была еще слишкомъ свѣжа[3]).

Съ другой стороны, наступившая въ двадцатыхъ годахъ реакція охлаждающимъ образомъ подѣйствовала на контитуціонныя стремленія и начинанія германскихъ правительствъ. На

---

1) § 110: „ . . . ausgenommen ist jedoch der Fall, wenn ein Mitglied sich Aeusserungen erlauben sollte, welche hochverräterischen Inhalts sind. Ausserdem versteht es sich von selbst, dass, beleidigende Aeusserungen oder schwere Beschuldigungen gegen irgend ein Individuum vorgebracht werden sollten, dem Beleidigten der Weg Rechtens nicht versperrt werden kann". Pölitz, III, 591. Аналогичная статья всключена была въ первый конституціонной проектъ 1838 г. (§ 81), во второмъ отпали всякія постановленія касательно свободы слова, ibid, IV, I, 116, 138.

2) Ibid, I, 1121.

3) Характерно слѣдущее замѣчаніе K. Vollgraff'а, Die Täuschungen des Repräsentatif-Systems, Marb. 1832, § 16: „Germanische Stände hörten aber für die Dauer eines Landtages ganz und gar nicht auf, getreue Unterthanen ihres Herrn und Beschützers zu seyn, oder gar unverantwortliche und unverletzbare Personen zu werden. Man sprach jedoch deshalb nicht minder derb und deutlich seine Desiderien, Beschwerden und Weigerungen gegen den Landesherrn so gut wie über seine Diener aus". V., очевидно, политическое значеніе иммунитета было совершенно не ясно.

Карлсбадскихъ совѣщаніяхъ была сдѣлана попытка истолковать ст. 13 Союзнаго Акта 1815 г. въ томъ смыслѣ, что подъ „landständische Verfassung“ подразумѣется не представительная конституція по французскому образцу, а исконное германское сословное представительство[1]).

Эта точка зрѣнія съ восторгомъ была усвоена дипломатами школы Меттерниха и нашла себѣ сочувственный отголосокъ у многихъ германскихъ правительствъ. Создалось особое противоконституціонное настроеніе, которое повело къ включенію въ Вѣнскій Заключительный Актъ 8 іюня 1820 г. ряда соотвѣтственныхъ статей. Такъ, пунктомъ 57 постановлялось, что такъ какъ Германскій Союзъ состоитъ, за исключеніемъ вольныхъ городовъ, изъ суверенныхъ князей, то вся государственная власть должна сосредоточиваться въ рукахъ главы государства, и суверенъ можетъ, на основаніи конституціи, быть связанъ участіемъ чиновъ только при осуществленіи опредѣленныхъ правъ. Этимъ категорически осуждался принципъ раздѣленія властей. Что же касается иммунитета, то Заключительный Актъ коснулся его лишь косвеннымъ образомъ. Не отвергая самого принципа, ст. 59 постановляла, что „тамъ, гдѣ конституція допускаетъ публичность преній земскихъ чиновъ, наказъ долженъ озаботиться тѣмъ, чтобы законныя границы свободы слова не были нарушаемы ни во время самихъ преній, ни при опубликованіи ихъ въ печати способомъ, опаснымъ для спокойствія отдѣльнаго союзнаго государства или всей Германіи.“ Постановленіе это въ 1824 и 1832 гг. было подтверждено Союзнымъ Совѣтомъ[2]), и во исполненіе его многія изъ перешедшихъ къ конституціонному образу правленія государства поспѣшили издать соотвѣтственныя правила. Такъ, въ Баваріи, на основаніи эдикта о дѣлопроизводствѣ палаты депутатовъ отъ 28 февраля 1825 г., точно опредѣлены были дисциплинарныя права предсѣдателя самой палаты надъ ея членами[3]). Въ конституціяхъ, издан-

1) v. Gentz'омъ была представлена собранію особая записка, въ которой онъ доказывалъ, что представительныя конституціи, какъ основанныя на идеѣ народнаго суверенитета, повсюду являются порожденіемъ насилія и произвола. Treitschke, op. cit., II, 557.

2) Hubrich, op. cit., 183, 188.

3) Pölitz, I, 176—197.

ныхъ послѣ 1820 года, мы точно также находимъ, по большей части, цѣлый рядъ правилъ, относящихся къ порядку преній и къ соблюденію депутатами должной сдержанности и уваженія къ закону. Въ ихъ числу относятся, напр., конституціи Саксонская 1831 г. (§ 83), Гогенцоллернъ-Зигмаринеиская 1833 г. (§ 163) и др.[1]).

Небезинтересно отмѣтить, что бельгійская конституція, оказавшая вообще столь значительное вліяніе на развитіе представительнаго строя въ Германіи, по вопросу объ иммунитетѣ, вплоть до великаго переворота 1848 г., не находитъ себѣ подражанія[2]). Какъ и свои предшественницы, конституціи, возникшія послѣ 1831 г., принимаютъ свободу слова лишь съ тѣми или другими оговорками; равнымъ образомъ и доктрина, какъ мы только что видѣли, не отдаетъ себѣ пока еще яснаго отчета въ политическомъ смыслѣ и значеніи привилегіи.

---

1) Подробности см. у Weigel, Die Lehre von der parlamentarischen Disciplin, Lpz. 1909, S. 37 ff.

2) На это совершенно справедливо указываютъ Hubrich, loc. cit. 185, и Weigel, op. cit., 45.

Глава десятая.

1848-ой годъ въ Германіи.

§ 100. Непосредственнымъ отголоскомъ вспыхнувшей въ февралѣ 1848 г. во Франціи революціи явился почти одновременный созывъ учредительныхъ собраній въ Берлинѣ и въ Франкфуртѣ на Майнѣ.

Въ Пруссіи, конституціонное движеніе началось вскорѣ послѣ того какъ во главѣ управленія сталъ Штейнъ. Въ своемъ знаменитомъ „политическомъ завѣщаніи“[1]) онъ вполнѣ опредѣленно высказался за необходимость перехода Пруссіи къ представительной системѣ. На ту же точку зрѣнія всталъ и Гарденбергъ, назначенный въ 1810 г. государственнымъ канцлеромъ: эдикты 27 октября 1810 г. и 7 сентября 1811 г. категорически заявили о намѣреніи правительства ввести представительный строй[2]). Въ томъ же 1811 г. созвано было въ Берлинѣ особое „Landesdeputirten-Versammlung“ въ составѣ 11 рыцарей, 9 горожанъ, 8 крестьянъ и 8 представителей провинціальныхъ казенныхъ управленій для обсужденія финансовыхъ реформъ. 11 сентября собраніе было распущено, а въ слѣдующемъ году созвано было особое „временное представительство“[3]) съ совѣщательнымъ голосомъ, которое просуществовало до 15 іюля 1815 г.

1) Циркуляръ, разосланный 24 ноября 1808 г. высшимъ административнымъ учрежденіямъ королевства, см. Treitschke, op. cit., I, 288; v. Rönne, Das Staatsrecht der preussischen Monarchie, 5. Ausg., Lpz. 1899, B. I, S. 38; Ernst v. Meier, Französische Einflüsse auf die Staats- und Rechtsentwickelung Preussens im XIX. Jahrhundert, B. II, Lpz. 1908, S. 300 ff.; Кауфманъ, назв. соч., 64.

2) E. v. Meier, op, cit., II, 442.

3) „Interimistische Landes- und Nationalrepräsentation“. Оно состояло изъ 4 представителей отъ каждой провинціи и по одному представителю отъ Кёнигсберга, Берлина и Бреславля.

Собранію этому, прозванному Штейномъ „мертворожденнымъ суррогатомъ здороваго и истиннаго представительства“, предлагались на обсужденіе проекты эдиктовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство находило это нужнымъ; права его были еще болѣе ограничены, чѣмъ права государственныхъ чиновъ Вестфаліи, которыя послужили образцомъ при созданіи его[1]). При такихъ условіяхъ, само собой разумѣется, ни о неприкосновенности, ни о безотвѣтственности и рѣчи быть не могло.

Мысль о переходѣ къ представительному строю, однако, не покидала правительства. 22 мая 1815 г. издано было королевское распоряженіе объ образованіи въ Берлинѣ особой коммисіи для организаціи провинціальныхъ чиновъ и народнаго представительства, а также выработки конституціонной грамоты[2]). Коммисія собралась, однако, лишь въ 1817 г. и имѣла всего одно засѣданіе, на которомъ было рѣшено, что государственные чины будутъ имѣть только совѣщательный голосъ[3]). Несмотря на то, что мысль о народномъ представительствѣ явно начинала терять почву въ правительственныхъ сферахъ, всетаки въ законъ 1820 г. о государственныхъ долгахъ было включено постановленіе, согласно которому будущимъ государственнымъ чинамъ должны были ежегодно представляться отчеты объ управленіи этими долгами, новые же долги безъ согласія чиновъ не могли быть заключаемы. Но, какъ говоритъ Кауфманъ, „то, что здѣсь предлагалось, было только слабымъ утѣшеніемъ, отсрочкою на неопредѣленное время, и вскорѣ послѣ смерти Гарденберга (1822) мысль о государственныхъ чинахъ была совершенно оттѣснена распоряженіемъ 5 іюня 1823 г., предписавшимъ, чтобы въ отдѣльныхъ провинціяхъ были устроены провинціальные чины въ духѣ прежнихъ германскихъ учрежденій“[4]) [5]) [6]).

1) Кауфманъ, назв. соч., 65, 66.

2) Кауфманъ, ibid. Текстъ у Pölitz, I, 55, 56. Слѣдуетъ отмѣтить, что постановленіе ст. 13 акта 8 іюня 1815 г. (см. выше) было принято по настоянію Пруссіи.

3) Bornhak, Preussische Staats- und Rechtsgeschichte, Berl. 1903, S. 389; v. Rönne, op. cit., I, 44; Treitschtke, op. cit., II, 288 ff.

4) Назв. соч., 68. О причинахъ этой перемѣны политики см. Bornhak, op. cit., 390 ff.

§ 101. Переходъ къ конституціонному строю совершился лишь въ 1848 г. Несмотря на всѣ старанія удержать прежній абсолютно-патріархальный строй, Фридриху-Вильгельму IV пришлось въ 1847 г. согласиться на созваніе „соединеннаго Ландтага“ (vereinigter Landtag), т. е. на соединенное собраніе провинціальныхъ чиновъ [1]). Мѣра эта, однако, оказалась лишь запоздалымъ палліативомъ [2]).

5) Конституціонные проекты Штейна, Гарденберга и др., выработанные за разсматриваемый періодъ, заключали въ себѣ лишь основныя черты намѣчаемаго строя, мало касаясь детальной организаціи народнаго представительства. Въ частности, ни въ одномъ изъ нихъ не говорится объ депутатскомъ иммунитетѣ. Текстъ Штейновской Memoire über eine deutsche Verfassung, Prag 1813, см. у W. A. Schmidt, Geschichte der deutschen Verfassungsfrage, Stuttg. 1890, S. 59 ff.; записку В. фонъ Гумбольдта о будущей конституціи Германіи — тамъ же, стр. 100 и слѣд.; проектъ Гарденберга отъ 3 мая 1819 г. — у Stern, Geschichte Europas seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden von 1871, B. I, Berl. 1894, S. 649 ff. (единственное постановленіе, имѣвшее болѣе или менѣе отдаленное отношеніе къ вопросу о привилегіяхъ заключались въ слѣдующемъ: „sowohl die Deputierten der Kreis-Versammlungen, als der Provinzial-Landtage und des allgemeinen Landtags folgen blos ihrer eigenen Ueberzeugung und dürfen sich an Mandate oder Instruktionen ihrer Wähler nicht halten“ ibid., 654.) Его-же проектъ отъ 12 окт. 1819 г. у Treitschke, op. cit., II, 635 ff.

6) Текстъ организаціонныхъ законовъ для отдѣльныхъ провинцій см. у Pölitz, I, 57—92. Въ отличіе отъ прежнихъ сословныхъ сеймовъ, члены провинціальныхъ ландтаговъ не были связаны мандатами отъ своихъ избирателей, ср. Hubrich, op. cit., 205: „Durch die Vorschrift war wenigstens indirekt der Satz anerkannt, dass die einzelnen Ständemitglieder der Provinzialstände bei der Ausübung des ständischen Berufs nur der eigenen ehrlichen Ueberzeugung zu folgen hätten, und die Möglichkeit geschaffen, dass die einzelnen Ständemitglieder sich in ihrem Berufe durch die Rücksicht auf das allgemeine Beste der Provinz leiten lassen könnten.“ Vermöge des den Provinzialständen eingeräumten Rechts der Beschwerdeführung namentlich durften die einzelnen Ständemitglieder fortan rügend und mahnend in Angelegenheiten eingreifen, deren rügende und mahnende Abur-theilung zur Zeit der absoluten Monarchie dem Privatmann wohl mancherlei Nachtheile eingebracht hätte, und es ward damit ein nicht unbedeutendes Mass materieller Freiheit der Rede für die Provinzialstände geschaffen. Aber zur Anerkennung des Prinzips der parlamentarischen Redefreiheit in dem von der constitutionellen Doctrine festgesetzten Sinne fehlte noch viel“.

1) Эдиктъ о созваніи ландтага у Pölitz, IV, 1, 32 ff.

2) „Надежды, которыя возлагалъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV на новое установленіе, говоритъ Назимовъ, не оправдались; никто рѣшительно не былъ удовлетворенъ нововведеніемъ. Либералы, увле-

Наступили мартовскіе дни и правительство вынуждено было созвать въ Берлинѣ учредительное собраніе. Послѣднее открыло свои засѣданія 22 мая 1848 г.; въ тотъ же день ему представленъ былъ проектъ конституціи, выработанный правительствомъ [1]).

Проектъ въ сильной степени отражалъ на себѣ вліяніе бельгійской конституціи, ставшей во время революціонныхъ движеній 1848—1849 гг. политическимъ идеаломъ демократически настроенныхъ слоевъ общества. Въ частности, это отразилось на конструкціи депутатскаго иммунитета.

Проектъ заключалъ въ себѣ двѣ статьи слѣдующаго содержанія:

„Члены палатъ, гласилъ § 57, не могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности ни за ихъ голосованія въ палатѣ, ни за высказанныя имъ здѣсь мнѣнія“ [2]).

Согласно же § 58, „никакой членъ (палатъ) не можетъ во время сессіи подвергнуться судебному преслѣдованію или быть арестованъ за преступленіе или проступокъ безъ предварительнаго разрѣшенія той палаты, въ составъ которой онъ входитъ. Исключеніе составляетъ только случай поимки на мѣстѣ преступленія. Точно также, задержаніе члена палаты

ченные франко-бельгійскими конституціонными идеями, и слышать ничего не хотѣли о сословномъ представительствѣ; среди дворянъ, одни роптали на уступчивость короля вѣяніямъ времени, другіе негодовали на ничтожность сеймовой компетенціи. Недовольны были, наконецъ, и наиболѣе умѣренные, выражавшіе опасеніе, чтобы централизація пропровинціальныхъ установленій не послужила преддверьемъ къ полному ихъ упраздненію въ виду того, что за сеймомъ не было обезпечено даже періодичности, а вторичный созывъ его всецѣло зависѣлъ отъ королевской милости“. Реакція въ Пруссіи (1848—1858), Яр. 1886, стр. 77. Ср. Hubrich, Deutsches Fürstentum und deutsches Verfassungswesen, Lpz. 1905, S. 124 ff. Въ общемъ, дебаты въ соединенномъ ландтагѣ протекли довольно оживленно, не вызвавъ никакихъ репрессій со стороны правительства по отношенію къ отдѣльнымъ представителямъ. См. Eberty, Geschichte des preussischen Staats, B. VII, Bresl. 1873, S. 267 ff. Протоколы засѣданій ландтага у Bleich, Der erste vereinigte Landtag.

1) Текстъ см. въ Stenographische Berichte über die Verhandlungen der zur Vereinbarung der preussischen Staats-Verfassung berufenen Versammlung, Berl. 1848, B. I, S. 1—4.

2) „Die Mitglieder der Kammern können weder für ihre Abstimmung in der Kammer noch für ihre darin ausgesprochenen Meinungen zur Rechenschaft gezogen werden.“

за долги во время сессіи допустимо лишь съ подобнаго же разрѣшенія (палатъ)“ [1]).

Такимъ образомъ, съ одной стороны категорически провозглашался принципъ абсолютной свободы слова [2]), — съ другой неприкосновенность получала новую, сравнительно съ прежними германскими конституціями, конструкцію: согласіе палатъ признавалось необходимымъ не только для ареста депутата, но и для самого привлеченія къ отвѣтственности. — Къ проекту не было приложено никакихъ мотивовъ, такъ что неизвѣстно какими именно соображеніями руководились его составители. Одно можно съ увѣренностью сказать, это то, что Фридрихъ-Вильгельмъ IV всего менѣе думалъ при этомъ о ненавистномъ для него догматѣ народнаго суверенитета. Вѣроятнѣе всего, что статьи объ иммунитетѣ были механически заимствованы изъ бельгійской конституціи подъ вліяніемъ всеобщаго увлеченія актомъ 1831 г.

Правительственный проектъ былъ переданъ Національнымъ Собраніемъ на разсмотрѣніе особой коммисіи изъ 24 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Вальдека. Но уже въ засѣданіи 29 мая депутатомъ Kruhl'емъ сдѣлано было предложеніе издать особый законъ о неприкосновенности членовъ Собранія [3]).

---

1) „Kein Mitglied kann während der Sitzungs-Periode ohne vorgängige Erlaubniss der Kammer, welcher es angehört, wegen eines Verbrechens oder Vergehens gerichtlich verfolgt oder verhaftet werden. Ausgenommen davon der Fall der Ergreifung auf frischer That. Auch die Verhaftung eines Kammer-Mitgliedes wegen Schulden ist während der Sitzungs-Periode nur unter gleicher Genehmigung zulässig“.

2) Впослѣдствіи, впрочемъ, смыслъ и значеніе выраженія „Meinungen“ сдѣлался предметомъ спора. См., ниже, стр. 304, рѣшеніе прусскаго оберъ-трибунала по дѣлу Твестена. Однако безъ достаточныхъ основаній. Ст. 57 была редактирована фонъ-Аммономъ, который въ статьѣ, помѣщенной въ № 63 Nationalzeitung за 1866 г. сообщаетъ по этому поводу слѣдующее: „Es galt damals mildes Oel auf die Wogen zu giessen . . . Als erstes dringendes Bedürfniss in dieser Beziehung stellte sich eine ehrliche Verfassung dar. Unbedingte Redefreiheit der Abgeordneten in den Kammern, unter deren alleiniger Disciplin, war eines der ersten Erfordernisse dieser Verfassung“. Цит. у Hubrich, op. cit., 296.

3) К. предложена была слѣдующая формула: „Die Mitglieder der Versammlung für die Vereinbarung der Verfassung mit der Krone sind unverletzlich. Für die Meinungen und Grundsätze, welche sie während der Versammlungs-Periode aussprechen, sind sie weder während der Sitzung, noch

Это предложеніе встрѣтило сочувственную поддержку, и 16 іюня Собранію былъ представленъ выработанный центральный секціей проектъ закона. Проектъ былъ принятъ безъ всякихъ измѣненій и утвержденъ 23 іюня. Пренія вопроса съ принципіальной стороны не затронули вовсе и коснулись лишь редакціи тѣхъ или иныхъ постановленій[1]).

§ 1 закона гласилъ, что, „никакой членъ Собранія не подлежитъ какой бы то ни было отвѣтственности за сказанныя имъ во время засѣданій слова, равно какъ за свои голосованія".

Согласно § 2, „никакой членъ Собранія, пока таковое длится, не можетъ быть безъ его согласія привлеченъ къ отвѣтственности или арестованъ за дѣяніе, обложенное наказаніемъ, за исключеніемъ случая поимки на мѣстѣ преступленія или въ теченіе ближайшихъ 24 часовъ.

Подобное же согласіе должно быть испрошено и при задержаніи за долги".

§ 3: „всякое уголовное преслѣдованіе противъ члена Собранія и всякій арестъ должны, въ случаѣ Собраніе этого потребуетъ, быть пріостановлены на все время, пока длится Собраніе".

---

nachher, irgend einer Behörde verantwortlich; auch können sie in keinem Falle und aus keiner Ursache ohne die Zustimmung der Versammlung verhaftet werden, es sei denn im Falle des Ergriffenwerdens auf frischer verbrecherischer That". Sten. Ber., I, 47. Крулль, въ отношеніи неприкосновенности, стоялъ, такимъ образомъ на почвѣ дѣйствовавшихъ въ то время въ Германіи конституцій. Слѣдуетъ замѣтить, что два дня передъ тѣмъ, а именно 26 мая, Собранію было доложено, что одинъ изъ депутатовъ, Valdenaire, не можетъ прибыть въ виду того, что онъ былъ арестованъ на слѣдующій день послѣ избранія за участіе въ уличныхъ безпорядкахъ. По этому поводу въ палатѣ возникли весьма бурныя пренія, во время которыхъ многіе ораторы ссылались на принятыя во всѣхъ конституціонныхъ странахъ правила, на естественное право депутата на неприкосновенность и т. п. Такъ, напр., Rodbertus, заявилъ, что „kein Volksvertreter von den gewöhnlichen Behörden verhaftet werden darf, und glaube, dass dies in allen constitutionellen Staaten ein natürliches Recht sei", ibid., 23. Но такъ какъ фактическія обстоятельства не были въ точности извѣстны, то дѣло было передано въ коммисію, которая 5 іюня представила мотивированный докладъ, въ коемъ признала вмѣшательство палаты въ отправленіе правосудія до изданія особаго закона о депутатской неприкосновенности недопустимымъ и предложила простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ, ibid., 108, съ чѣмъ собраніе согласилось. Вальденаеръ впослѣдствіи былъ освобожденъ по требованію палаты, ibid., 532—537.

1) Ibid, 226—228.

§ 4: „Собраніе, какъ таковое, также неприкосновенно, и всякое насильственное посягательство на него наказуемо какъ государственная измѣна (Hochverrath)“.

Сравнительно съ правительственнымъ конституціоннымъ проектомъ, законъ 23 іюня, представляющій собой какъ бы сколокъ съ ст. 44 и 45 бельгійской конституціи, дѣлалъ, по отношенію къ неприкосвенности, дальнѣйшій шагъ впередъ: онъ не только ставилъ въ зависимость отъ согласія палаты арестъ депутата и начатіе преслѣдованія противъ него, но давалъ также Національному Собранію право пріостанавливать начатыя до созыва его дѣла и временно освобождать арестованныхъ изъ заключенія[1]).

Выработанный коммисіей Вальдека проектъ конституціи воспринялъ точку зрѣнія закона 23 іюня и въ ст. 79. почти буквально повторилъ его постановленія[2]).

До обсужденія въ пленарномъ засѣданіи указанныхъ постановленій Національное Собраніе не дошло, вскорѣ оно было переведено въ Бранденбургъ, а 5 декабря 1848 г. и вовсе закрыто. Въ тотъ же день опубликованъ былъ правительствомъ текстъ „октроированной“ конституціи[3]).

Ст. 83 этого акта касалась юридическаго положенія депутатовъ и почти буквально повторяла содержаніе § 57 и 58 правительственнаго проекта 1847 г.[4]).

---

1) На основаніи этого закона 28 іюня 1848 г. дано было разрѣшеніе на преслѣдованіе депутата Kuhr. Депутатомъ Borhardt'омъ сдѣлана была при этомъ попытка войти въ разсмотрѣніе вопроса по существу, но Собраніе отказалось встать на его точку зрѣнія и признало, что задача палаты ограничивается формальной стороной дѣла, ibid, 625—630. Къ иному рѣшенію, однако, Собраніе пришло въ сентябрѣ того же года по дѣлу деп. Piegsa, ibid, II, 1262.

2) Былъ лишь точнѣе опредѣленъ срокъ дѣйствія привилегіи („für die Dauer der Sitzungs-Periode“) и право палаты пріостановливать дѣло было распространено и на задержаніе по гражданскимъ взысканіямъ, ibid., Въ мотивахъ, представленныхъ коммисіей, находимъ слѣдующее краткое указаніе по поводу ст. 76—79: „die Bestimmungen tragen ihre Rechtfertigung in sich selbst. Der letzte Paragraph ist mit einigen Redaktions-Verbesserungen dem unter Mitwirkung der National-Versammlung beschlossenen dessfallsigen Gesetze entnommen“, ibid, 733.

3) См. Eberty, op. cit., VII, 496 ff.

4) „Die Mitglieder der Kammer können weder für ihre Abstimmungen, noch für ihre ausgesprochenen Meinungen zur Rechenschaft gezogen werden; sie können während der Sitzungsperiode ohne Genehmigung der Kammer

7 августа 1849 собрался въ Берлинѣ парламентъ, который тотчасъ принялся за ревизію конституціи[1]). 22 октября коммисія, образованная для пересмотра тит. V конституціи, представила нижней палатѣ докладъ. Проектированныя ею постановленія воспроизводили соотвѣтственныя статьи закона 23 іюня 1873 г.[2]). Въ пленарномъ засѣданіи 30 октября 1849 они не вызвали никакихъ почти дебатовъ и были приняты безъ всякихъ поправокъ[3]); точно также и въ верхней палатѣ никакихъ преній по этому поводу не возникло[4]). Таковы были условія, при которыхъ вотирована была знаменитая ст. 84 конституціи 31 января 1850 г., послужившая образцомъ для цѣлаго ряда позднѣйшихъ основныхъ законовъ.

Точный текстъ этой статьи слѣдующій: „Они (т. е. члены обѣихъ палатъ) никогда не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за свои голосованія въ палатѣ, а за высказываемыя ими здѣсь мнѣнія или сужденія [привлекаются къ отвѣтственности] только въ самой палатѣ на основаніи наказа (ст. 78)[5]).

Безъ разрѣшенія палаты никто изъ ея членовъ не можетъ во время сессіи быть привлеченъ къ судебному слѣдствію или подвергнуться аресту за дѣяніе, обложенное наказаніемъ, за

---

nicht in Untersuchung gezogen oder verhaftet werden, ausser bei der Ergreifung auf frischer That.“ Отпало постановленіе относительно ареста по гражданскимъ взысканіемъ.

1) Согласно ст. 112 конституціи 5 декабря, послѣдняя имѣла подвернуться пересмотру немедленно послѣ перваго созыва палатъ.

2) Въ коммисіи сомнѣніе возбудилъ только вопросъ о свободѣ слова. Предложенная ею формула: Sie (члены палатъ) können weder für ihre Abstimmungen in der Kammer, noch für ihre darin ausgesprochenen Meinungen zur Rechenschaft gezogen werden“ — вызвала среди нѣкоторыхъ членовъ опасеніе, что она будетъ понята въ смыслѣ упраздненія всякой вообще дисциплины въ палатѣ. Въ видахъ избѣжанія подобнаго толкованія предложены были различныя поправки, см. Stenographische Berichte über die Verhandlungen der durch die Allerhöchste Verordnung vom 30. Mai 1849 einberufenen zweiten Kammer, Berl. 1849, B. II, S. 800, 801. Ср. Hubrich, Redefreiheit, 209, 210. Въ концѣ концовъ принята была та формулировка, которая составила ст. 84 конституціи 1850 г.

3) Предложеніе Вегенера исключить абзацъ, касающійся задержанія за долги, было отвергнуто 145 голосами противъ 136, Sten. Ber, II, 910—912.

4) Sten. Ber. der I. Kammer, IV. 1639.

5) Ср. 78: „... Каждая палата ... опредѣляетъ порядокъ своихъ занятій и дисциплину внутреннимъ наказомъ ...“

исключеніемъ случая поимки на мѣстѣ преступленія или въ теченіе слѣдующаго же дня послѣ его совершенія.

Таковое же разрѣшеніе необходимо и для задержанія за долги.

Всякое уголовное преслѣдованіе противъ члена той или другой палаты, равно какъ и всякое подслѣдственное задержаніе или арестъ по гражданскому дѣлу пріостанавливаются на время сессіи, если того потребуетъ палата“ [1]).

§ 102. Одновременно съ Берлинскимъ засѣдало Франкфуртское учредительное собраніе. Послѣднее преслѣдовало еще болѣе широкія задачи, а именно созданіе обще-имперской конституціи [2]). Послѣ февральскихъ дней въ Парижѣ, общественное мнѣніе Германіи стало настойчиво требовать реформы всего государственнаго союзнаго строя. Съ начала марта 1847 г. стали устраиваться частныя собранія политическихъ дѣятелей. Одно изъ нихъ состоялось 5 марта въ Гейдельбергѣ [3]). Здѣсь было принято рѣшеніе созвать въ Франкфуртѣ на Майнѣ собраніе изъ представителей ландтаговъ отдѣльныхъ государствъ и наиболѣе выдающихся общественныхъ дѣятелей. 31 марта открылъ въ Франкфуртѣ свои засѣданія т. наз. „Предварительный Парламентъ“ (Vorparlament), причемъ для выработки основъ обще-германской конституціи избрана была особая коммисія изъ 50 членовъ [4]).

1) „Sie können für ihre Abstimmungen in der Kammer niemals, für ihre darin ausgesprochenen Meinungen nur innerhalb der Kammer auf den Grund der Geschäftsordnung (Art. 78) zur Rechenschaft gezogen werden. Kein Mitglied einer Kammer kann ohne deren Genehmigung während der Sitzungsperiode wegen einer mit Strafe betrohten Handlung zur Untersuchung gezogen oder verhaftet werden, ausser wenn er bei Ausübung der Tat oder im Laufe des nächstfolgenden Tages nach derselben ergriffen wird. Gleiche Genehmigung ist bei einer Verhaftung wegen Schulden nothwendig. Jedes Strafverfahren gegen ein Mitglied der Kammer und jede Untersuchungs- oder Civilhaft wird für die Dauer der Sitzungsperiode aufgehoben, wenn die betreffende Kammer es verlangt“. Не вполнѣ точенъ и отчасти неправиленъ переводъ этой статьи у Гессена и Нольде, Современныя конституціи, I, 403.

2) См. v. Völderndorff, Deutsche Verfassungen und Verfassungsentwürfe, въ Annalen des Deutschen Reichs, 1890, S. 241 ff.

3) Подробности см. у v. Zwiedineck-Südenhorst, op. cit. II, 402.

4) Протоколы засѣданій коммисіи, равно какъ и Предварительнаго Парламента, изданы въ Франкфуртѣ въ 1848 г. подъ заглавіемъ „Verhandlungen des deutschen Parlaments“. Изъ нихъ видно, что вопросъ объ юридическомъ положеніи членовъ будущаго парламента не поднимался вовсе.

Одновременно приступила къ работѣ и „Коммисія 17 довѣренныхъ людей“ [1]), избранная Бундестагомъ 10 марта для пересмотра союзной конституціи. Коммисія имѣла 11 засѣданій и 25 апрѣла закончила разсмотрѣніемъ проектъ имперской конституціи [2]), который она на слѣдующій же день представила сейму.

Согласно § 11 проекта, обще-имперское представительство — Рейхстагъ — долженъ былъ состоять изъ двухъ палатъ, верхней (Oberhaus) и нижней (Unterhaus), причемъ каждый изъ ихъ членовъ считался представителемъ всего германскаго народа и не былъ связанъ инструкціями. § 20 предусматривалъ депутатскія привилегіи: за исключеніемъ поимки in flagrante, депутаты какъ во время засѣданій Рейхстага, такъ и во время пути туда и обратно, не подлежали аресту безъ согласія палаты. Равнымъ образомъ, они, за выраженныя ими мнѣнія, не могли быть привлекаемы къ отвѣтственности въ иномъ мѣстѣ, кромѣ самой палаты [3]) [4]).

19 мая 1848 г. собрался въ Франкфуртѣ обще-имперскій парламентъ. Вопросъ о депутатскихъ привилегіяхъ подвергся здѣсь подробному обсужденію, причемъ во время преній принципіальныя основы иммунитета получили всестороннее освѣщеніе.

Въ засѣданіи 30 сентября заслушанъ былъ докладъ коммисіи о петиціяхъ [5]) по вопросу о процедурѣ, имѣющей быть примѣняемой въ случаѣ судебнаго преслѣдованія кого-либо изъ членовъ собранія. По мнѣнію коммисіи, необходимость установленія привилегій для народныхъ представите-

1) „Männer des allgemeinen Vertrauens“.

2) Текстъ въ Verhandlungen, II, 274—281.

3) Проектъ былъ выработанъ особой коммисіей, въ составъ которой вошли Дальманъ, Іорданъ, Бассерманъ, Альбрехтъ и фонъ-Гагернъ. Можно думать, что § 20 былъ редактированъ подъ вліяніемъ Дальмана. По крайней мѣрѣ Springer, op. cit., II, 215, сообщаетъ, что „desto eifriger nahm er (Dahlmann) sich als Mitglied der Siebzehner der Geschäfte an und lehnte, um sich derselben ganz widmen zu können, jeden sonst ihm zugedachten Wirkungskreis entschieden ab“.

4) О другихъ конституціонныхъ проектахъ, представленныхъ сейму, см. v. Völderndorff, loc. cit., 260.

5) Prioritäts- und Petitionsausschuss. Текстъ доклада см. въ Stenogr. Ber. über die Verhandl. der deutschen constituirenden Nationalversammlung zu Frankfurt a. M., herausg. v. Wigard, Frankf. 1850, B. III, S. 2350.

лей не можетъ подлежать сомнѣнію[1]); вопросъ только въ томъ, какую слѣдуетъ избрать систему: норвежско-американскую[2]) или французско-бельгійскую. Послѣдняя продолжаетъ докладъ, безусловно заслуживаетъ предпочтеніе, такъ какъ она не ставитъ ходу правосудія непреодолимаго препятствія, предоставляя усмотрѣнію собранія разрѣшеніе каждаго отдѣльнаго случая.

Что же касается свободы слова, то коммисія не сочла даже нужнымъ привести въ оправданіе ея какіе-либо доводы и ограничилась простымъ замѣчаніемъ о томъ, что въ проектъ закона включено соотвѣтственное постановленіе: вопросъ она, очевидно, считала теоретически окончательно разрѣшеннымъ. Проектъ, выработанный коммисіей, предлагалъ слѣдующую формулировку.

„Депутатъ имперскаго Собранія (Reichsversammlung)“ съ момента его избранія, во время засѣданій и въ теченіе слѣдующихъ [за закрытіемъ Собранія] 8 дней не можетъ, безъ согласія Собранія, подвергнуться ни аресту, ни уголовному преслѣдованію, за единственнымъ исключеніемъ поимки на мѣстѣ преступленія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Собраніе немедленно должно быть поставлено въ извѣстность о принятой мѣрѣ, и отъ него зависитъ потребовать пріостановки ареста или слѣдствія до закрытія засѣданій. Такое же право принадлежитъ Собранію по отношенію къ аресту или слѣдствію уже начатымъ до избранія депутата. Для замѣстителей, правило это вступаетъ въ дѣйствіе съ того момента, какъ истекаютъ полномочія депутата.

Никто изъ депутатовъ не подлежитъ ни въ какое время судебному или иному внѣ Собранія преслѣдованію за свои голосованія въ Собраніи или за сдѣланныя имъ при исполненіи своихъ обязанностей заявленія (Aeusserungen)“.

Нѣкоторыми изъ членовъ Собранія былъ представленъ

1) „ . . . erfordert doch die Würde und der hohe Zweck der Volksvertretung, dass kein Mitglied der Versammlung und ihrer Thätigkeit, ohne ihrer Zustimmung entzogen werden könnte, etc.“ Ibid.

2) Сущность этой системы, полагала коммисія, заключается въ томъ, что арестованіе депутата недопустимо вовсе, за исключеніемъ случая совершенія имъ одного изъ тягчайшихъ предступленій. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что коммисія жестоко ошибалась.

особый контръ-проектъ, который отъ приведеннаго отличался, главнымъ образомъ, въ редакціонномъ отношеніи, а также тѣмъ что постановленія Собранія о согласіи на лишеніе депутата свободы имѣли быть принимаемы $^2/_3$ голосовъ, постановленія же касательно освобожденія его — $^1/_3$ [1]).

30 сентября всѣ эти предположенія подверглись обсужденію со стороны Національнаго Собранія и вызвали довольно оживленныя пренія. На принципіальной сторонѣ вопроса остановилось нѣсколько ораторовъ. Такъ, Lette было указано на то, что проектируемыя постановленія имѣютъ въ виду интересы народа и обезпеченіе безопасности и независимости Собранія [2]); та же точка зрѣнія развита была Grumbrecht'омъ, который вмѣстѣ съ этимъ сослался и на достоинство собранія [3]), и Mittermaier'омъ. Въ своей рѣчи знаменитый юристъ совершенно ясно и опредѣленно указалъ на основаніе привилегіи: послѣдняя существуетъ для огражденія депутатовъ отъ посягательствъ со стороны правительствъ и суда и должна предупреждать возможность тенденціозныхъ судебныхъ преслѣдованій, обезпечивая тѣмъ самымъ свободу и независимость народнаго представительства [4]).

Съ этой точки зрѣнія, по мнѣнію Миттермайера, преимущество должно быть отдано французско-бельгійской системѣ, какъ наиболѣе обезпечивающей положеніе депутата и не позволяющей отрывать его отъ занятій въ самые нужные моменты [5]).

1) Ibid., 2351.

2) Ibid., 2352.

3) Ibid., 2353.

4) „Im öffentlichen Interesse wird dieses Gesetz verlangt, im Interesse der Würde und Unabhängigkeit der Versammlung; es wird verlangt im Interesse der Freiheit und Gründlichkeit der Berathungen, im Interesse des Volkes, das nur wählte im Interesse der Wähler, die einen jeden Einzelnen von uns hierher gesendet haben. In allen Zeiten hat es Fälle gegeben, in welchen der Regierung missliebige Personen, wenn sie als Abgeordnete gewählt waren, verfolgt wurden, und gerade die Lage des Abgeordneten, die nicht auf Rosen liegen, ist eine solche, die ihn am meisten dazu bringt, Missbräuche mit Feuer und Kraft anzugreifen, sich mit den Ansichten der Machthaber in Widerspruch zu setzen, und eben darum missliebig zu werden. Hier, meine Herren, bedarf es des Schutzes gegen Tendenzprozesse". Ibid., 2353.

5) Ibid. 2354. Миттермайеромъ при этомъ было подчеркнуто, что при той системѣ, которая ограждаетъ депутата только отъ ареста, въ

Изъ проектированныхъ коммисіей предположеній критикѣ подверглось, прежде всего, то, которое установляло конечнымъ моментомъ дѣйствія иммунитета восьмидневный срокъ послѣ закрытія сессіи. Справедливо было указано на то, что подобное удлиненіе срока дѣйствія привилегіи не соотвѣтствуетъ болѣе современнымъ условіямъ (Lette, Mittermaier); это соображеніе убѣдило Собраніе, которое отвергло постановленіе.

Далѣе, сдѣлано было предложеніе [1]), чтобы Собранію предоставлено было право, въ случаѣ ходатайства потерпѣвшаго, разрѣшать преслѣдованіе за частныя обиды. Однако, несмотря на энергичную поддержку со стороны Миттермайера, эта поправка принята не была.

Изданный Собраніемъ законъ былъ почти буквально воспроизведенъ §§ 117—120 конституціи 28 марта 1849 г. [2]). Вопросъ о неприкосновенности прошелъ въ Національномъ Собраніи какъ при первомъ [3]), такъ и при второмъ [4]) чтеніяхъ

случаѣ неявки его въ судъ ему все равно грозитъ лишеніе свободы или приказъ о приводѣ; то и другой одинаково затронули бы свободу и достоинство народнаго представителя.

1) Grumbrecht'омъ: „Die gerichtliche Verfolgung von Privatinjurien kann jedoch auf Antrag des Beileidigten von der Reichsversammlung zugelassen". Ibid., 2353.

2) § 117. Ein Mitglied des Reichstages darf während der Dauer der Sitzungsperiode ohne Zustimmung des Hauses, zu welchem es gehört, wegen strafrechtlicher Anschuldigungen weder verhaftet, noch in Untersuchung gezogen werden, mit alleiniger Ausnahme der Ergreifung auf frischer That.

§ 118. In diesem letzteren Falle ist dem betreffenden Hause von der angeordneten Maasregel sofort Kenntniss zu geben. Es steht demselben zu, die Aufhebung der Haft oder Untersuchung bis zum Schlusse der Sitzungsperiode zu verfügen.

§ 119. Dieselbe Befugniss steht jedem Hause in Betreff einer Verhaftung oder Untersuchung zu, welche über ein Mitglied desselben zur Zeit seiner Wahl verhängt gewesen, oder nach dieser bis zur Eröffnung der Sitzungen verhängt worden ist.

§ 120. Kein Mitglied des Reichstages darf zu irgend einer Zeit wegen seiner Abstimmung oder wegen der in Ausübung seines Berufes gethanen Aeusserungen gerichtlich oder disciplinarisch verfolgt oder sonst ausserhalb der Versammlung zur Verantwortung gezogen werden. См. Binding, Deutsche Staatsgrundgesetze, Heft II, S. 24, 25.

3) 28 декабря 1848 г., Stenogr. Ber., VI, 4384 ff.

4) 28 марта 1849, ibid., VIII, 6040 ff.

совершенно гладко, безъ всякихъ преній[1]). Разномыслiе вызвало за то § 120, касавшiйся свободы слова. Какъ мы выше видѣли, уже при обсужденiи закона 23 iюня 1848 г., нѣкоторые члены Собранiя высказались за отступленiе отъ принципа безотвѣтственности въ случаѣ совершенiя депутатомъ словеснаго деликта по отношенiю къ частнымъ лицамъ. Тотъ же взглядъ поддерживали въ коммисiи нѣкоторые изъ ея членовъ, и въ засѣданiи 23 декабря 1848 г. были внесены двѣ поправки, направленныя на ограниченiе иммунитета именно въ данномъ отношенiи[2]). Обѣ онѣ, однако, были отклонены. Зато принято было предложенiе послѣ слова „gerichtlich“ включить слова „oder disciplinarisch“, причемъ въ качествѣ мотива выставлены были новѣйшiе прецеденты въ Пруссiи[3]). При второмъ чтенiи никакихъ преній по данному вопросу не возникло[4]).

Принципъ абсолютной свободы слова, такимъ образомъ, прошелъ не безъ борьбы. Для многихъ членовъ Нацiональнаго Собранiя — и къ числу ихъ принадлежали весьма видные представители научной мысли — казалось неправильнымъ и несправедливымъ, чтобы депутатская три-

1) Меньшинство коммисiи, коей поручено было выработать проектъ конституцiи, высказалось за увеличенiе срока привилегiи — со дня избранiя до истеченiя 8-и дня по окончанiи сессiи, ibid., VI, 4384. Это предложенiе отклонено было при первомъ чтенiи и аналогичное — при второмъ, ibid., VIII, 6081.

2) v. Baumbach'омъ предложено было включить въ статью слова: „den Fall der beleidigten Privatehre ausgenommen“, v. Linde — „das Recht dieser Meinungsäusserung schützt aber nicht gegen den Vorwurf der Verleumdung, welche Einzelne in solcher Aeusserung etwa finden sollten. In folgenden Fällen bleibt dem Einzelnen das Klagerecht, welches ihm nach den Gesetzen gegen Verleumdung zusteht“. Ibid., VI, 4385.

3) Ibid.

4) Слѣдуетъ замѣтить, что 1 марта 1849 г. поступила коллективная нота отъ Пруссiи и 23 другихъ государствъ съ предложенiемъ замѣнить выраженiе „gethane Aeusserung“ словами „ausgesprochene Meinungen“ дабы не вводить безнаказанности за оскорбленiе и клевету. Конституцiонная коммисiя Собранiя оставила это заявленiе безъ вниманiя, причемъ въ своемъ докладѣ разъяснила, что „einer ungebührlichen Benutzung der parlamentarischen Redefreiheit durch die disciplinarische Ordnung des Hauses hinlänglich vorgebeugt werden könne. Böswillige Verleumdung werde am besten durch einfache Veröffentlichung der Thatsachen zurückgewiesen und finde ihre verdiente Strafe in der allgemeinen Verachtung, die den Urheber treffe“. Hubrich, op. cit., 229.

буна являлась мѣстомъ, откуда можно безнаказанно злословить и клеветать. Политическое значеніе иммунитета, повидимому, было имъ не вполнѣ ясно: въ немъ, они, согласно французской традиціи, усматривали средство защиты отъ произвола исполнительной власти, совершенно забывая, съ одной стороны, что у послѣдней всегда имѣются среди частныхъ лицъ многочисленные сторонники, готовые во всемъ поддерживать политику правительства и при случаѣ наносить возможный вредъ оппозиціоннымъ фракціямъ парламента, а съ другой — что въ центрѣ политической борьбы находятся партіи, весьма часто не брезгующія никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей.

Что касается, наконецъ, спеціальнаго упоминанія о дисциплинарной отвѣтственности, то у Собранія въ данномъ отношеніи имѣлись весьма вѣскіе мотивы. Во многихъ германскихъ государствахъ первые парламенты оказались буквально переполненными чиновниками, избранными въ депутаты и сохранившими, вмѣстѣ съ тѣмъ, свои мѣста на государственной службѣ. Такъ, напр., нижняя палата Ганновера въ 1833 г. состояла изъ 34 государственныхъ и 18 городскихъ чиновниковъ, 5 адвокатовъ, 5 купцовъ и фабрикантовъ, 4 священниковъ и 18 землевладѣльцевъ [1]). Правительство, само собою разумѣется, не стѣснялось оказывать на своихъ подчиненныхъ всевозможныя давленія; такъ, напр., въ Баденѣ въ 1841 г. дѣло дошло даже до острaго столкновенія между министерствомъ и нижней палатой [2]). Понятно, что при такихъ условіяхъ Національное Собраніе признало необходимымъ подчеркнуть, что и дисциплинарное производство недопустимо по отношенію къ народнымъ представителямъ [3]).

1) Кауфманъ, назв. соч., 170. О роли и значеніи чиновниковъ въ качествѣ членовъ палатъ см. W. Clauss, Der Staatsbeamte als Abgeordneter in der Verfassungsentwickelung der deutschen Staaten, Karlsruhe 1906. Ср. Pfeiffer, Geschichte der landständischen Verfassung in Kurhessen, Cassel 1834, S. 311.

2) См. Treitschke, op. cit., V, 328.

3) Слѣдуетъ замѣтить, что постановленія конституціи 1849 г. были буквально повторены въ проектахъ т. наз. Эрфуртской союзной конституціи, §§ 115—118, текстъ см. у Binding, loc. cit., 70, 71.

Глава одиннадцатая.

Дѣйствующее право Германіи.

I.

Безотвѣтственность.

§ 103. Движеніе 1848 г. оказало могучее вліяніе на дальнѣйшее развитіе конституціонной жизни Германіи. По примѣру Пруссіи, представительный строй вводится въ тѣхъ государствахъ, которыя до тѣхъ поръ отъ него отворачивались; многія конституціи пересматриваются и видоизмѣняются, примѣнительно къ акту 30 января 1850 г.

По вопросу о депутатскихъ привилегіяхъ законодатели, однако, не рѣшаются сразу порвать съ установившимися конституціями и точками зрѣнія. Происходитъ довольно медленная и болѣзненная эволюція, приводящая въ концѣ концовъ къ повсемѣстному почти торжеству французской системы.

Остановимся сперва на исторіи института безотвѣтственности.

Принципъ абсолютной свободы слова, какъ мы видѣли, не безъ борьбы былъ признанъ Франкфуртскимъ Національнымъ Собраніемъ. Въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ онъ до конца шестидесятыхъ годовъ продолжаетъ встрѣчать упорную оппозицію. Такъ, конституціи Рейса мл. линіи (1849 г., § 111), Ангальта (1850 г., § 66), Вальдека (1852 г., § 68), провозглашая безотвѣтственность въ качествѣ общаго принципа, дѣлаютъ тѣмъ не менѣе исключенія для цѣлаго ряда словесныхъ деликтовъ. Нассауская конституція 1849 г. (§ 62), съ своей стороны, защищаетъ де-

путатовъ лишь отъ преслѣдованій со стороны государственнаго обвинителя, предоставляя частнымъ лицамъ право привлекать ихъ обидчиковъ къ суду [1]). Другія конституціи, какъ напр. Ольденбургская 1849 г. (Art. 148), Шварцбургъ-Зондергаузенская 1849 г. (§ 97), Ганноверская 1848 г. (§ 53, 54), Саксенъ-Веймарская 1850 г. (§ 18), Кургессенская 1852 г. (§ 67), точно также содержатъ въ себѣ постановленія, такъ или иначе ограничивающія принципъ абсолютной свободы рѣчи.

§ 104. Въ 1866 г. въ Пруссіи возникло дѣло Twesten'a, получившее громкую извѣстность и вызвавшее въ свѣтъ цѣлую литературу [2]).

20 мая 1865 г., въ засѣданіи нижней палаты, Твестенъ произнесъ рѣчь, въ которой бросилъ прусскимъ судамъ въ лицо обвиненіе въ пристрастіи. Противъ него за это было возбуждено уголовное преслѣдованіе, но судъ первой инстанціи призналъ, что дѣяніе Твестена покрыто 84 ст. конституціи. Иначе посмотрѣлъ на дѣло оберъ-трибуналъ, признавшій въ опредѣленіи отъ 29 января 1866 г., что ст. 84 не запрещаетъ привлеченія депутатовъ къ отвѣтственности за клевету.

Рѣшеніе оберъ-трибунала [3]) было основано на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Ст. 84, какъ содержащая въ себѣ исключеніе изъ общаго правила, должна быть толкуема ограничительно. Между

1) „Kein Mitglied des Landtags darf zu irgend einer Zeit wegen seiner Abstimmung oder wegen der in Ausübung seines Berufes gethanen Aeusserungen von Staatswegen gerichtlich verfolgt oder sonst ausserhalb der Ständeversammlung zur Verantwortung gezogen werden". Hubrich, op. cit., 192.

2) Лучшими работами по этому вопросу являются: H. A. Zachariae, Ueber Art. 84 der preussischen Verfassungsurkunde, Heidelb. 1866; v. Bar, Die Redefreiheit der Mitglieder gesetzgebender Versammlungen, Lpz. 1868; John, Kritiken Strafrechtlicher Entscheidungen des preussischen Obertribunals, 1866; Baehr, Die Redefreiheit der Volksvertretung und der Process Twesten, въ Preussische Jahrbücher, B. XXI (1868), S. 313 ff.; Подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла у v. Rönne, op. cit., I, 371 ff., и въ особенности у Hubrich, op. cit., § 11. Въ русской литературѣ см. Ренненкампфъ, Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка, Кіевъ 1890. стр. 374.

3) 26 іюня 1867 г. оберъ-трибуналъ отмѣнилъ приговоръ суда первой инстанціи, оправдавшаго Твестена и въ своемъ опредѣленіи далъ подробнѣе толкованіе ст. 84. Текстъ рѣшенія оберъ-трибунала см. въ Archiv für Strafrecht, B. XIV и XV.

тѣмъ, она вовсе не установляетъ безнаказанности за всѣ дѣлаемыя депутатомъ заявленія ex cathedra: она упоминаетъ только о мнѣніяхъ (Meinungen), подъ которыми обычное словоупотребленіе подразумѣваетъ результаты мышленія, но не утвержденія и сообщеніе тѣхъ или другихъ фактовъ [1]).

Это толкованіе подтверждается и исторіей возникновенія 84 ст. Такъ, правительственный проектъ 1848 г. говорилъ о „мнѣніяхъ“; законъ 23 іюня 1848 г. намѣренно расширилъ содержаніе постановленія и распространилъ привилегію на „Worte und Meinungen“. Октроированная же конституція 1848 г. вернулась къ системѣ правительственнаго проекта. Къ тому же времени относится и оффиціальное разъясненіе значенія термина „Meinungen“, а именно 1 марта 1849 г. Пруссія и 23 другихъ государствъ обратились съ коллективной нотой къ засѣдавшему въ Франкфуртѣ парламенту, предлагая замѣнить въ соотвѣтственной статьѣ проекта конституціи для всей имперіи выраженіе „gethane Aeusserungen“ выраженіемъ „ausgesprochene Meinungen“, дабы не узаконять безнаказанности за оскорбленіе и клевету. Наконецъ, при обсужденіи конституціи 5 декабря 1848 г. въ коммисіи нижней палаты было предложено слово „Meinungen“ замѣнить словамъ „Aeusserungen“, но эта поправка была отклонена. Такимъ образомъ, по мнѣнію суда, прусское правительство неоднократно и категорически разъясняло, что подъ Meinungen оно понимаетъ не всѣ вообще Aeusserungen, а только нѣкоторыя изъ нихъ, именно тѣ, которыя собой представляютъ результатъ мыслительнаго процесса.

Но въ пользу ограничительнаго толкованія 84 ст. говорятъ и соображенія общаго характера. Членамъ палатъ, какъ и всѣмъ должностнымъ лицамъ вообще, часто приходится высказывать такія сужденія, которыя могутъ оказаться неугодными правительству и частнымъ лицамъ, и даже для нихъ оскорбительными. Но при этомъ предполагается, что у оратора не было злого умысла. Если же будетъ доказано обратное, то безотвѣтственность отпадаетъ, такъ какъ привилегія свободы слова не можетъ означать безнаказанность за

1) „Erzeugnisse von Gedankenoperationen im Gegensatz zu dem rechtlichen Begriffe von Thatsachen“.

всѣ безъ исключенія заявленія, дѣлаемыя съ парламентской трибуны.

Рѣшеніе оберъ-трибунала крайне встревожило общественное мнѣніе[1]) и въ самомъ ландтагѣ вызвало страстныя пренія 10 февраля 1866 г.[2]). Нижняя палата признала его противоконституціоннымъ. Судъ, однако, настоялъ на своемъ, и 18 февраля 1867 г. дисциплинарный сенатъ его призналъ, что за клевету депутаты могутъ быть преслѣдуемы не только въ уголовномъ, но и въ дисциплинарномъ порядкѣ.

Рѣшеніе по дѣлу Твестена въ настоящее время, послѣ изданія германской имперской конституціи 1871 г. и уголовнаго уложенія (см. ниже), имѣетъ исключительно историческое значеніе. Теоретическая часть аргументаціи оберъ-трибунала была, несомнѣнно, чрезвычайно слаба. Ссылка на обычное словоупотребленіе рѣшительно ничего не доказывала; она, сама по себѣ, была сомнительна и, во всякомъ случаѣ, не предрѣшала вопроса о содержаніи понятія „Meinung“ по Прусской конституціи. Равнымъ образомъ и доказательство, почерпнутое судомъ изъ общаго характера привилегіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что оберъ-трибуналъ себѣ отчета въ политическомъ значеніи института свободы слова не отдавалъ. Несомнѣнно, что безотвѣтственность тамъ, гдѣ она признана закономъ, установлена не для того, чтобы депутатъ могъ безнаказанно клеветать и злословить съ парламентской трибуны: но законодатель мирится съ этими возможными нежелательными послѣдствіями ради самого принципа. Изъ двухъ золъ онъ выбираетъ меньшее и предоставляетъ самимъ палатамъ реагировать противъ словесныхъ эксцессовъ ихъ членовъ. Центромъ тяжести всей аргументаціи суда является, такимъ образомъ, ссылка на историческое

---

1) Слѣдуетъ замѣтить, что въ 1863 и 1865 гг. оберъ-трибуналъ высказалъ діаметрально противоположное мнѣніе и призналъ, что выраженіе „Meinungen“ обнимаетъ собой всѣ „Aeusserungen“, Rönne, op. cit., I, 371.

2) На точку зрѣнія оберъ-трибунала, однако, стала коммисія верхней палаты, Hubrich, op. cit., 244, 385.

3) Позволительно сомнѣваться, чтобъ разговорный нѣмецкій языкъ проводилъ строгую грань между Meinungen и Aeusserungen и притомъ именно ту, которую устанавливаетъ оберъ-трибуналъ.

происхожденіе ст. 84. Дѣйствительно, до окончательнаго принятія этой статьи въ правительственныхъ сферахъ нѣсколько разъ высказывалось мнѣніе, что подъ понятіе „Meinung“ подходитъ не всякое „Aeusserung“; но въ одномъ только случаѣ было указано, въ чемъ заключается разница между обоими терминами, а именно въ нотѣ отъ 1 марта 1849. Однако, этотъ прецедентъ для толкованія ст. 84 лишенъ всякого значенія, такъ какъ нота была адресована не въ прусское Національное Собраніе а въ Франкфуртскій парламентъ, причемъ нельзя даже опредѣлить, стало ли содержаніе ноты извѣстнымъ берлинскому собранію[1]) или нѣтъ. Такимъ образомъ, какъ бы прусское или иное правительство въ концѣ сороковыхъ годовъ ни смотрѣло на желательный объемъ привилегіи и, въ частности, на значеніе выраженія „Meinung“, этимъ еще ни въ коемъ случаѣ не предрѣшался вопросъ о томъ, какой смыслъ придавалъ прусскій парламентъ, выработавшій конституцію 1850 г., ст. 84, узаконяющей иммунитетъ. Истиннымъ источникомъ этой статьи, какъ это въ настоящее время общепризнано, является ст. 44 бельгійской конституціи. Послѣдняя оказалась образцомъ для проекта 1848 г.[2]) и для всѣхъ послѣдующихъ конституціонныхъ актовъ Пруссіи[3]). Между тѣмъ, въ Бельгіи подъ „opinions“, безъ всякаго сомнѣнія, подразумѣвались и подразумѣваются не только „мнѣнія“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а всякія вообще сужденія и заявленія[4]).

Такимъ образомъ, мотивы, приведенные оберъ-трибуналомъ въ защиту своего толкованія 84 ст., при ближайшемъ анализѣ оказались явно несостоятельными[5]). Тѣмъ не менѣе, рѣшеніе его принесло свою пользу; оно дало толчокъ къ пересмотру вопроса о безотвѣтственности вообще и содѣйствовало установленію болѣе точной и опредѣленной формулировки вопроса въ изданныхъ вскорѣ затѣмъ общегерманскихъ конституціонныхъ актахъ.

1) Hubrich, op. cit., 291.

2) См. выше, стр. 292, прим. 2.

3) Подробности см. у Hubrich, op. cit., 297.

4) См. выше, § 78.

5) Ср., однако, Bornhak, Grundriss des deutschen Staatsrecht, Lpz. 1907, S. 76: „Die Streitfrage ist jetzt erledigt . . . trotzdem sind nicht alle Zweifel beseitigt.“

§ 105. Послѣ окончанія войны съ Австріей Пруссія вошла въ переговоры съ сѣверными германскими государствами относительно новаго союза и выработки новой союзной конституціи. Для этой цѣли предложено было созвать учредительное собраніе, и въ августѣ 1866 г. прусское правительство представило въ ландтагъ проектъ избирательнаго закона. Коммисія нижней палаты признала желательнымъ включить въ законъ особую статью, гарантирующую членамъ рейхстага полную свободу слова, дабы исключить возможность тѣхъ недоразумѣній, которыя возникли по поводу ст. 84 Прусской конституціи; коммисія при этомъ признала нежелательнымъ сдѣлать какое-либо исключеніе для оскорбленій, наносимымъ частнымъ лицамъ, „такъ какъ болѣзненное стремленіе къ процессамъ объ оскорбленныхъ не должно быть поощряемо“ [1]). Коммисія остановилась на редакціи § 120 конституціи 28 марта 1849 г. (см. выше, стр. 300), съ чѣмъ согласились какъ ландтагъ, такъ и правительство.

Статья 17 избирательнаго закона перешла затѣмъ въ проектъ конституціи, представленный прусскимъ правительствомъ учредительному рейхстагу, принята была послѣднимъ безъ преній [2]) и составила ст. 30 союзной конституціи 17 апрѣля 1867 г. Безъ всякихъ измѣненій она была воспроизведена имперской конституціей 16 апрѣля 1871 года.

Вскорѣ послѣ заключенія сѣверо-германскаго союза возникаетъ мысль о распространеніи принципа полной депутатской безотвѣтственности на всѣ германскія государства. Законодательство этихъ послѣднихъ, въ данномъ отношеніи, представляло, какъ мы видѣли, большое разнообразіе. И только что вспыхнувшій конфликтъ между прусскимъ оберъ-трибуналомъ и ландтагомъ служилъ достаточнымъ мотивомъ и оправданіемъ для такого начинанія. Въ апрѣлѣ 1868 г., по предложенію Ласкера, рейхстагомъ принятъ былъ соотвѣтственной законопроектъ, но союзный совѣтъ отказалъ въ своей санкціи. Подобная же неудача постигла въ 1869 г. вторичное предложеніе Ласкера. И лишь при изданіи уголовнаго

1) Hubrich, op. cit., 235.

2) Bezold, Materialien der deutschen Reichs-Verfassung, Berl. 1873, B. II, S. 132.

уложенія 15 мая 1871 г. было принято соотвѣтственное постановленіе, распространившее принципъ абсолютной свободы слова на всѣ германскія государства[1])[2]).

II.

Неприкосновенность.

§ 106. Что касается неприкосновенности, то бельгійско-французская формула, восторжествовавшая какъ въ имперской конституціи 1849 г., такъ и въ конституціи Прусской, безъ всякаго почти сопротивленія воспринимается большинствомъ партикулярныхъ законодательствъ второй половины XIX в. Такъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенская конституція 1849 г. почти буквально повторяетъ постановленія § 117—119 имперской конституціи[3]), и ея примѣру слѣ-

1) § 11. „Kein Mitglied eines Landtags oder einer Kammer eines zum Reich gehörigen Staats darf ausserhalb der Versammlung, zu welcher das Mitglied gehört, wegen seiner Abstimmung oder wegen der in Ausübung seines Berufes gethanen Aeusserungen zur Verantwortung gezogen werden."

2) Спорнымъ, однако, представляется вопросъ, о томъ, не допускаетъ ли законъ нѣкоторыхъ исключеній. Такъ, § 11, повидимому, не распространяется на мекленбургскіе ландтаги, представляющіе собой не парламенты въ современномъ значеніи слова, а собраніе представителей сословій, см. Büsing, Das Staatsrecht der Grossherzogthümer Mecklenburg-Schwerin und Mecklenb.-Strelitz, 1884, S. 33, 39, 40; Wallich, Die durch § 11 des deutschen Reichsstrafgesetzbuche . . . gewährleistete Immunität, Lpz. 1907, S. 26. Спорно положеніе т. наз. Bürgerschaften Гамбурга, Бремена и Любека, Wallich, loc. cit., Hubrich, op. cit., 354. Хотя § 11 говоритъ о членахъ „Landtag'a" и о „Kammer", однако, названіе представительнаго органа никакой роли не играетъ. Съ этимъ согласны всѣ изслѣдователи.

3) § 98. „Kein Abgeordneter darf während der Dauer eines Landtags ohne Zustimmung desselben verhaftet oder in strafrechtliche Untersuchung gezogen werden, mit alleiniger Ausnahme der Ergreifung auf frischer That. In diesem letzteren Falle ist dem Landtage von der erfolgten Verhaftung oder Untersuchung unter Angabe des Grundes sofort Kenntnis zu geben. Dieser ist befugt, die Aufhebung der Haft oder Untersuchung bis zum Schlusse der Zusammenkunft zu beschliessen. Dieselbe Befugniss steht ihm in Betreff einer Verhaftung oder Untersuchung zu, welche über einen Abgeordneten vor Eröffnung des Landtags bereits verhängt gewesen ist. Das Ministerium hat die desfallsigen Beschlüsse, welche von den Behörden befolgt werden müssen, sofort auszuführen". H. A. Zachariae, Die deutschen Verfassungsgesetze der Gegenwart, Gött. 1855, S. 995. Въ конст. 1857 г. эти постановленія отпали.

дуютъ конституціи Рейса мл. лин. 1852 г. (§ 94) [1]), Ангальтъ-Бернбурга 1850 г. [2]), Саксенъ-Веймара 1850 г. [3]) и нѣк. др. Старая формула, требовавшая согласія палаты только для ареста депутата, сохранилась, напротивъ того, въ конституціяхъ Кургессена 1852 г. [4]), Саксенъ-Кобургъ и Гота [6]) 1852 г., а также Ольденбурга 1852 г. [5]) [6]).

Конституція сѣверо-германскаго союза также восприняла новую точку зрѣнія и узаконила формулировку, буквально почти совпадающую съ прусской редакціей [7]). Статья безъ всякихъ измѣненій перешла въ имперскую конституцію 1871 г. [8]).

---

1) Zachariae, 1049.

2) Ibid., 968.

3) Ibid., 506.

4) Въ отступленіе отъ другихъ конституцій, Кургессенскій основной законъ ввелъ, въ данномъ случаѣ, цѣлый рядъ ограниченій, крайне сузившихъ привилегію. Согласно § 68, „zu der Verhaftung der Mitglieder der Kammern während der Dauer des Landtags ist die Zustimmung der betreffenden Kammer in den Fällen erforderlich, in denen die Verhaftung von einer Civilgerichts- oder Polizeibehörde begehrt wird, sowie für Vollziehung von Freiheitsstrafen, welche die Dauer von drei Monate nicht überschreiten". Ibid., 370. Ср. § 86, ibid., 663.

5) Art. 132, ibid., 924.

6) Въ настоящее время слѣдующія конституціи признаютъ начало неприкосновенности: А) Пруссія 31. I. 50, ст. 84; Вюртембергъ 25. IX. 19, § 124 (видоизмѣненный закономъ 23. VI. 74); Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахъ 15. X. 50, § 19; Рейсъ мл. лин. 14. IV. 52, § 94; Шаумбургъ-Липпе 17. XI. 68. ст. 18. Конституціи этой группы слѣдуютъ французскому образу и требуютъ согласія палатъ не только для ареста виновнаго, но и для возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Б) Баварія 26. V. 18, Tit. VII. § 26; Саксонія 4. IX. 31, § 84; Баденъ 22. III. 18, § 49; Гессенъ 17. XII. 20, ст. 84; Ольденбургъ 22. XI. 52, ст. 132; Брауншвейгъ 12. X. 32, § 135; Кобургъ-Гота 3. V. 52, § 86; Рейсъ ст. лин. 28. V. 67, § 65. Всѣ эти акты стоятъ на прежней точкѣ зрѣнія и предусматриваютъ лишь арестъ депутата. Относительно Саксоніи и Рейса ст. лин. существуетъ споръ, нѣкоторые писатели полагаютъ, что они должны быть относимы къ первой группѣ, см., напр., Seidler, op. cit., 59, Sontag, Der besondere Schutz der Mitglieder, etc., Bresl. 1895, S. 73, Koppenhagen, Die Immunität der deutschen Reichstags- und Landtagsabgeordneten, Bresl. 1899, S. 15. Другого мнѣнія Weissmann, Die strafprocessuale Privilegierung gesetzgebenden Versammlungen, въ Zeitsch. f. d. ges. Strafrechtswissenschaft, IX, 390, повидимому также Otto Mayer, Das Staatsrecht des Königr. Sachsen, 1909, S. 154. Въ особомъ положеніи находится Саксенъ-Мейнингенъ, см. выше, стр. 281.

7) По предложенію депутата Lette, см. Bezold, op. cit., II, 133.

8) Art. 31: „Ohne Genehmigung des Reichstages kann kein Mitglied

На основаніи ея, во время сессіи согласіе Рейхстага необходимо какъ для начатія уголовнаго преслѣдованія, такъ и для ареста депутата, за исключеніемъ поимки на мѣстѣ преступленія или въ теченіе слѣдующаго дня; таковое же согласіе необходимо и для задержанія за долги. Засимъ, по требованію Рейхстага, производство дѣла и предварительное заключеніе или арестъ по гражданскимъ дѣламъ могутъ быть пріостановлены на тотъ же періодъ времени.

Ближайшій анализъ этой статьи, равно какъ и соотвѣтственныхъ постановленій конституцій отдѣльныхъ германскихъ государствъ, найдетъ себѣ мѣсто во второмъ томѣ настоящаго изслѣдованія. Здѣсь же намъ необходимо лишь остановиться на двухъ вопросахъ общаго характера, вызванныхъ въ жизнь изданіемъ обще-имперскихъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства.

§ 107. Согласно § 6, абз. 5, № 1 вводнаго закона къ уставу уголовнаго судопроизводства 1 февраля 1877 г., „сохраняютъ свою силу постановленія партикулярныхъ законодательствъ: 1. объ условіяхъ, при которыхъ можетъ быть начато или можетъ получить дальнѣйшее движеніе уголовное преслѣдованіе противъ членовъ законодательнаго собранія во время сессіи“ [1]).

Согласованіе этой статьи съ дѣйствующими въ отдѣльныхъ государствахъ конституціонными постановленіями относительно неприкосновенности представляетъ значительныя трудности.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: измѣняетъ ли § 6 въ какомъ либо отношеніи мѣстное (партикулярное) законодательство или нѣтъ? Впервые вопросъ былъ выдвинутъ и поставленъ ребромъ въ 1886 г. въ вел.-герц. Гессен-

---

desselben während der Sitzungsperiode wegen einer mit Strafe bedrohten Handlung zur Untersuchung gezogen oder verhaftet werden, ausser wenn er bei Ausübung der That oder im Laufe des nächstfolgenden Tages ergriffen wird. Gleiche Genehmigung ist bei einer Verhaftung wegen Schulden erforderlich. Auf Verlangen des Reichstages wird jedes Strafverfahren gegen ein Mitglied desselben und jede Untersuchungs- oder Civilhaft für die Dauer der Sitzungsperiode aufgehoben“.

1) Einführungsgesetz zur Strafprozessordnung, § 6, Abs. 2, № 1. „Unberührt bleiben die landesgesetzlichen Bestimmungen: 1. über die Voraussetzungen, unter welchen gegen Mitglieder einer gesetzgebenden Versammlung während der Dauer einer Sitzungsperiode eine Strafverfolgung eingeleitet oder fortgesetzt werden kann“.

скомъ. Одинъ изъ членовъ нижней палаты получилъ предложеніе отъ прокуратуры королевства Саксоніи явиться для отбытія тюремнаго заключенія, къ коему онъ былъ принужденъ франкфуртскимъ (саксонскимъ) судомъ. По этому поводу въ обѣихъ палатахъ произошли весьма оживленные дебаты[1]). Особый интересъ представляетъ докладъ, составленный коммисіей верхней палаты, такъ какъ въ немъ вопросъ былъ всесторонне разобранъ профессоромъ гиссенскаго университета Gareis'омъ[2]).

По мнѣнію Гарейса, изъ буквальнаго смысла § 6 вытекаетъ, что тѣ постановленія мѣстныхъ конституцій, касающіяся неприкосновенности, которыя идутъ дальше предѣла, установленнаго § 6, т. е. „возбужденія преслѣдованія“ (Strafverfolgung), отмѣнены съ момента вступленія въ дѣйствіе Strafprozessordnung[3]). Другими словами, если, напр., какая-нибудь конституція допускаетъ отсрочку самаго наказанія до окончанія сессіи, то, такъ какъ подобная отсрочка не подходитъ подъ понятіе „Strafverfolgungen“, въ этой своей части постановленіе данной конституціи должно считаться отмѣненнымъ[4]).

При обратной комбинаціи, т. е. когда мѣстное законодательство установляетъ болѣе узкія рамки для неприкосновенности, чѣмъ тѣ, которыя предусмотрѣны § 6 — въ томъ случаѣ, напр., когда оно ставитъ въ зависимость отъ согласія палаты только арестъ виновнаго, а не возбужденіе уголов-

1) Объ этомъ инцидентѣ см. Zeller, Die Immunität der Landtagsabgeordneten nach der Grossh.-hessischen Verfassungsurkunde, въ Arch. für öffent. Recht, B. XI (1896), S. 420 ff.

2) Докладъ цѣликомъ приведенъ у Zeller'a, loc. cit., 425—431. Гарейсъ вернулся къ вопросу въ статьѣ подъ заглавіемъ „Die Strafprozessuale Privilegierung von Mitgliedern einer gesetzgebenden Versammlung“ въ Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswissenschaft, B. VII (1887), S. 633 ff.

3) Т. е. съ 1 октября 1879 г.

4) „Wenn Landesgesetze die Voraussetzungen, unter denen ein Einschreiten gegen Abgeordnete zulässig ist, oder den Privilegienschutz der letzteren überhaupt weiter fassen, als Ziff. 1 des § 6 des E.-G. thut, so tritt der Teil der landesgesetzgeberischen Disposition, welcher sich nicht deckt mit dem Reichsrecht, ausser Kraft; dies wäre z. B. der Fall, wenn Landesgesetze auch die Strafvollzugshaft gegen Abgeordnete ausschliessen oder nur bedingt zulassen würden, denn gewahrt bleiben die landesgesetzlichen Bestimmungen nur, soweit sie sich auf Einleitung oder Fortsetzung der Strafverfolgungen, nicht aber des Strafvollzuges beziehen“. Zeitschr. f. Strafr., VII, 634, 636.

наго преслѣдованія, — измѣненія дѣйствующаго права не происходитъ, такъ какъ цѣль § 6 заключается не въ расширеніи привилегіи, а въ сохраненіи ея въ данныхъ предѣлахъ[1]).

Докладъ Гарейса былъ единогласно принятъ верхней палатой, и его теорія о соотношеніи между мѣстнымъ и общеимперскимъ правомъ получила полное право гражданства въ германской литературѣ. Къ ней присоединились Fuld[2]), Koppenhagen[3]), Wolter[4]), Rochlitz[5]) и др. Мы имѣемъ дѣло, такимъ образомъ, съ communis opinio doctorum.

Отправнымъ пунктомъ всей аргументаціи Гарейса является конструкція неприкосновенности какъ чисто-процессуальнаго института. Съ этой точки зрѣнія, весьма распространенной въ Германіи, постановленія, относящіяся къ иммунитету, суть нормы судопроизводственныя, не создающія на сторонѣ народныхъ представителей никакихъ субъективныхъ правъ. Насколько эта точка зрѣнія, сама по себѣ, состоятельна — вопросъ, на которомъ мы впослѣдствіи остановимся[6]). Теперь же мы должны ограничиться указаніемъ на тѣсную зависимость отъ нея вопроса о соотношеніи § 6 E.-G. съ постановленіями партикулярныхъ конституцій.

§ 108. Возникаютъ, однако, дальнѣйшія сомнѣнія, а именно: распространяются ли постановленія практикулярныхъ законодательствъ о неприкосновенности на всю территорію имперіи, или же дѣйствіе ихъ ограничено мѣстными

---

1) „Wenn Landesgesetze engere Rahmen für die Privilegierung der Parlamentarier ziehen, als die in den Thatbestandsmomenten von Ziff. 1 des angeführten § 6, wenn sie z. B. nur die Verhaftung oder nur die Einleitung des Verfahrens, nicht auch die Fortsetzung desselben von der Genehmigung der Kammer abhängig machen, so würde es hierbei sein Bewenden haben, denn die erwähnte reichsrechtliche Bestimmung hat nicht die Absicht, die Absicht, die landesgesetzlichen Privilegien der Abgeordneten zu erweitern, sondern will nur die vorhandenen innerhalb bestimmter Grenzen erhalten". Ibid., 635.

2) Arch. f. öffentl. Recht, IV (1889), 372.

3) Op. cit., 18.

4) Ausserberufliche Immunität der Volksvertretungen nach deutschem Rechte, Gött. 1902, S. 16 ff.

5) Wesen und Umfang der den Abgeordneten nach deutschem Reichs- und Landesrecht zustehenden Immunität, Halle 1870. S. 70.

6) Въ догматической части нашего изслѣдованія.

территоріальными предѣлами? Возьмемъ конкретный примѣръ: въ случаѣ совершенія членомъ прусскаго ландтага преступленія въ Баваріи, подлежитъ ли виновный задержанію и, вообще, уголовному преслѣдованію безъ предварительнаго испрошенія баварскими властями соотвѣтственнаго разрѣшенія у ландтага или нѣтъ?

Непосредственнаго отвѣта на вопросъ § 6 E.-G. не даетъ; приходится поэтому обратиться къ теоретическимъ соображеніямъ и изъ общаго смысла законодательныхъ постановленій вывести соотвѣтственное рѣшеніе.

Въ 1887 г. Гарейсомъ сдѣлана была попытка доказать, что депутаты пользуются гарантіей, предоставляемой ихъ отечественной конституціей, во всѣхъ государствахъ, входящихъ въ составъ имперіи [1]). Въ пользу этого мнѣнія имъ приведено было три аргумента.

Прежде всего, по мнѣнію Гарейса, конституціонныя нормы, касающіяся иммунитета, составляютъ какъ бы личный статутъ депутата, который повсюду въ Германіи опредѣляется по lex domicilii. Затѣмъ, „международное“ дѣйствіе иммунитета вытекаетъ изъ того, что нормы, его регулирующія, относятся къ праву уголовному и процессуальному и установлены не въ интересахъ частныхъ отдѣльныхъ депутатовъ, а въ интересѣ общемъ. Между тѣмъ, съ 1 октября 1879 г. на всемъ пространствѣ имперіи дѣйствуетъ одно процессуальное право — уставъ уголовнаго судопроизводства; — при этомъ, требуемое конституціями согласіе парламента на начатіе уголовнаго преслѣдованія есть какъ разъ такое процессуальное предположеніе или условіе, безъ выполненія котораго ни одно судебное мѣсто имперіи не можетъ принять дѣло къ своему производству. Наконецъ, къ тому же выводу приводитъ и ratio legis. На самомъ дѣлѣ, цѣль, которую преслѣдуетъ институтъ неприкосновенности, а именно безпрепятственное исполненіе депутатами ихъ обязанностей, можетъ быть достигнута только въ томъ случаѣ, если всѣ германскія судебныя инстанціи будутъ въ одинаковой мѣрѣ уважать и охранять иммунитетъ.

Теорія Гарейса, однако, не встрѣтила сочувствія. Прежде всего было указано, и совершенно справедливо, что

1) Zeitschrift f. Strafr., loc. cit.

постановленія объ опредѣленіи личнаго статута по lex domicilii относятся исключительно къ частно-правовымъ отношеніямъ[1]). Къ тому же, съ точки зрѣнія самого Гарейса, парламентскія привилегіи суть не личное право депутата, а привилегія палатъ въ ихъ въ цѣломъ, почему о личномъ статутѣ и говорить не приходится.

Столь же несостоятеленъ и второй аргументъ гиссенскаго профессора. Уставъ 1877 г. отнюдь не унифицировалъ всего судопроизводства въ Германіи: въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ партикулярныя процессуальныя нормы сохранили свое значеніе, и это относится именно къ тѣмъ изъ нихъ, которыя регулируютъ иммунитетъ. То обстоятельство, что о разрѣшеніи со стороны парламента упоминается не въ самомъ уставѣ, а во вводномъ законѣ, показываетъ, что уставъ не сдѣлалъ этого разрѣшенія общеимперскимъ условіемъ возбужденія предслѣдованія, — другими словами, не узаконилъ для всѣхъ государствъ требованія испрошенія разрѣшенія у соотвѣтственной палаты. Отсюда слѣдуетъ, что уставъ не могъ придать иммунитету „международный“ характеръ[2]).

Наконецъ, ссылка Гарейса на ratio legis точно также мало убѣдительна; приводимыя имъ соображенія, въ лучшемъ случаѣ, говорятъ въ пользу желательности установленія соотвѣтственной нормы, но не доказываютъ наличности таковой. Такимъ образомъ, вопросъ и по нынѣ долженъ считаться спорнымъ. При этомъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что большинство германскихъ государствовѣдовъ и криминалистовъ, отвергая теорію Гарейса, признаетъ, что иммунитетъ дѣйствуетъ только въ предѣлахъ каждаго даннаго государства, не нося экстерриторіальнаго характера[3]). Нужно сказать, что, исторически, эти писатели несомнѣнно правы.

1) См. Weismann, loc. cit., 401; Sontag, op. cit., 79, и др.

2) Fuld, loc. cit., 373; Sontag, loc. cit.; Koppenhagen, op. cit., 18.

3) Löwe, Die Strafprozessordnung f. d. Deutsche Reich, 12. Ausg., Berl. 1907, S. 197, прямо выставляетъ въ качествѣ общаго тезиса, что „die bezüglichen Vorschriften haben, da etwas Entgegenstehendes reichsgesetzlich nicht ausgesprochen ist, nur für denjenigen Bundesstaat Geltung, in welchem sie erlassen sind“. Ср. Seidler, op. cit., 115. На противоположной точкѣ зрѣнія стоятъ v. Kries, Das persönliche Herrschaftsgebiet der Strafprozessgesetze, въ Archiv f. öffentl. Recht, V, 371, и Wolter, op. cit., 18.

Въ то время, когда издавались партикулярныя конституціи, Германія представляла собой не одно государство (союзное), а союзъ государствъ, отношенія коихъ между собой регулировались международнымъ правомъ, по скольку таковыя не подпадали подъ дѣйствіе союзнаго акта 1815 г. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ то время постановленія объ иммунитетѣ экстерриторіальнаго дѣйствія не имѣли. Но уставъ уголовнаго судопроизводства 1877 г. ничего въ данномъ отношеніи не измѣнилъ; напротивъ того, § 6 E.-G. подтвердилъ, что условія осуществленія депутатской привилегіи въ отдѣльныхъ государствахъ остаются прежними: поэтому, въ виду отсутствія какихъ либо спеціальныхъ указаній въ законѣ, слѣдуетъ признать, что новое процессуальное законодательство сохранило status quo ante.

§ 109. Иначе обстоитъ дѣло въ арестомъ по гражданскимъ дѣламъ. Civilprozessordnung 1877 г., унифицировавшее гражданское судопроизводство всей имперіи, содержитъ въ себѣ двѣ спеціальныя нормы, касающіяся иммунитета. Согласно § 785 № 1 (= § 904 № 1 по редакціи 1898 г.), личное задержаніе непримѣнимо по отношенію къ членамъ германскихъ законодательныхъ собраній въ теченіе сессіи, если не послѣдуетъ на то согласія собранія, а на основаніи § 786 № 1 (= § 905 № 1) арестъ пріостановливается на время сессіи, буде собраніе того потребуетъ. Слѣдуетъ замѣстить, что эти постановленія касаются не всѣхъ формъ и видовъ арестовъ, предусмотрѣнныхъ уставомъ. Послѣдній предписываетъ арестъ либо какъ наказаніе (напр. за неявку въ качествѣ свидѣтеля), либо какъ процессуальную мѣру личнаго понужденія. §§ 785 и 786, по господствующему въ германской литературѣ мнѣнію[1]), относятся исключительно къ послѣднему случаю. Арестъ-наказаніе, напротивъ того, регулируется нормами уголовнаго судопроизводства.

III.

Постановка вопроса въ литературѣ.

§ 110. Въ заключеніе настоящей главы мы позволимъ себѣ вкратцѣ остановиться на развитіи доктрины по интере-

1) См., напр., Koppenhagen, op. cit. 22; Wolter, op. cit., 20; Rochlitz, op. cit., 68.

сующему насъ вопросу въ теченіе второй половины XIX в. Современное положеніе теоріи при этомъ нами здѣсь будетъ оставлено всторонѣ: къ нему мы вернемся во второмъ томѣ настоящаго изслѣдованія, гдѣ мы ученіе объ иммунитетѣ подвернемъ догматическому анализу. Пока намъ лишь важно прослѣдить постепенную эволюцію взглядовъ германскихъ публицистовъ, въ зависимости отъ конкретныхъ явленій политической жизни, и ознакомиться съ тѣми теченіями, которыя въ данной области поочередно овладѣвали юридическою мыслію въ Германіи.

Изображенная нами выше попытка К. С. Цахаріэ обосновать безотвѣтственность на принципѣ народнаго суверенитета потерпѣла полное крушеніе. Критика Герау выяснила всю несостоятельность этой конструкціи, по крайней мѣрѣ для германскихъ монархій. Литературный споръ обоихъ ученыхъ выяснилъ безповоротно, что привилегія не презумируется, а всегда основана на законѣ [1]). Но результатъ этотъ былъ чисто-отрицательный. Вопросъ о природѣ привилегій и ихъ юридической структурѣ оставался по прежнему совершенно открытымъ.

Въ 1853 г., въ Archiv des Criminalrechts (Neue Folge), появилась работа Herrmann'a подъ заглавіемъ „Ueber die

1) Въ этомъ смыслѣ высказались какъ геттингенскій, такъ и гейдельбергскій юридическіе факультеты по дѣлу о привлеченіи кургессенскаго „Постояннаго Комитета" къ отвѣтственности передъ военнымъ судомъ. См. брошюру: „Der permanente landständische Ausschuss in Kurhessen vor dem Kriegsgerichte, Cassel 1851". Ср. H. A. Zachariae, Deutsches Staats- und Bundesrecht, 2. Auf., 1853, B. I, 579: „Auch lässt sich, ohne eine positivrechtliche, in neuern Verfassungen sich freilich zur Sicherung der Freiheit und Unverletzlichkeit der Stände häufig findende Bestimmung, nicht annehmen, dass Mitglieder der Stände-Versammlung resp. ständischer Ausschüsse, wegen ihrer, in der Versammlung selbst gemachten Aeusserungen, wenn sie unter den Begriff eines Verbrechens fallen, insbesondere z. B. wegen Hochverraths, wegen Majestätsbeleidigung, Injurie und Verleumdung, dem Staat oder Privatpersonen gegenüber nicht verantwortlich seien". На той же точкѣ зрѣнія стоитъ анонимный авторъ брошюры „Die sogenannte Unverletzlichkeit des Landtagsabgeordneten", Giessen 1853 (объ ней Hubrich, Redefreiheit, 206). Уже въ 1849 г. извѣстный историкъ Англіи Lappenberg выступилъ въ (анонимной) брошюрѣ подъ заглавіемъ „Die Privilegien der Parlaments-Mitglieder" вообще противъ привилегій членовъ законодательныхъ собраній (см. Mohl, Geschichte und Literatur, I, 310).

strafrechtliche Verantwortlichkeit der Mitglieder der Ständeversammlungen", — изслѣдованіе, по справедливости названное Биндингомъ классическимъ[1]) и легшее въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ построеній по данному вопросу. Впервые Германомъ было обращено вниманіе на юридическую сторону иммунитета, и политическій моментъ былъ строго отдѣленъ отъ правового.

Въ виду выдающагося значенія этой работы, мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе на ней остановиться.

Безотвѣтственность депутатовъ, говоритъ Германъ, можетъ имѣть двоякое юридическое основаніе.

Либо правовое положеніе парламента заключаетъ въ себѣ такой моментъ, который дѣлаетъ невозможнымъ совершеніе его членами преступленія. Или же эта возможность сохраняется, но законъ отмѣняетъ уголовно-правовыя послѣдствія, имѣющія наступить за совершеніемъ дѣянія[2]).

Разница между той и другой постановкой вопроса крайне существенна.

Въ первомъ случаѣ, уголовная отвѣтственность отпадаетъ потому, что дѣяніе не составляетъ преступленія; во второмъ — вслѣдствіе того, что оно не наказуемо (хотя и преступно). Тамъ, — безотвѣтственность есть послѣдовательный выводъ изъ общаго принципа, нормальное право; здѣсь, — оно исключеніе изъ общаго правила и освобожденіе отъ наказанія, т. е. аномалія. Въ первомъ случаѣ, безотвѣтственность есть юридическое правило, извлекаемое путемъ толкованія изъ существующихъ правовыхъ положеній; во второмъ, оно покоится на соображеніяхъ общей пользы и политической цѣлесообразности, коими законодатель побужденъ былъ установить правовую аномалію. Тамъ, наконецъ, привилегія существуетъ безъ всякой законодательной санкціи, здѣсь — лишь въ томъ случаѣ, если она категорически установлена закономъ.

Констатировавъ наличность двухъ возможныхъ точекъ зрѣнія, Германъ переходитъ къ анализу каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

---

1) Privilegien der Straflosigkeit, Lpz. 1885, S. 17, № 19.

2) Loc. cit., III. Stück, S. 361: „Entweder die rechtliche Stellung der Stände entzieht ihren Personen oder Handlungen ein Moment, von welchem die Möglichkeit des Verbrechens abhängt; oder die letztere bleibt bestehen, allein das Gesetz hat die strafrechtlichen Folgen

Отпаденіе элемента преступности можетъ быть послѣдствіемъ либо: a) субъективной неспособности къ совершенію преступленія со стороны депутатовъ, какъ таковыхъ, либо, b) отпаденія объективнаго элемента преступности въ дѣйствіяхъ этихъ лицъ.

Ad a). Общее признаніе членовъ парламента неспособными къ совершенію преступленій покоится на ученіи о народномъ суверенитетѣ [1]). Теорія эта, по мнѣнію Германа, сама по себѣ не нуждается въ опроверженіи, такъ какъ она стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствующимъ государственнымъ правомъ. О какой либо „Sakrosanctität“ депутатовъ говорить не приходится. Но столь же мало вытекаетъ принципъ безотвѣтственности изъ того обстоятельства, что члены палатъ суть представители народа, коимъ предоставлена законодательная функція [2]). Противоположную точку зрѣнія Германъ считаетъ — онъ могъ бы добавить послѣ статьи Герау — „ein überwundener Standpunkt“ [3]). Въ прежнихъ сословныхъ сеймахъ отдѣльные депутаты не были изъяты отъ дѣйствія уголовныхъ законовъ; нѣтъ никакого юридическаго основанія утверждать, что въ новыхъ представительныхъ учрежденіяхъ дѣло обстоитъ иначе [4]).

---

ausgeschlossen, die nach der rechtlichen Natur der Handlung consequent eintreten müssten“.

1) Г., правда, не выражается столь категорически, но мысль его, тѣмъ не менѣе, вполнѣ ясна: „..... doch werden wir nicht irren, wenn wir sie (т. е. эту теорію) als eine Frucht der Volkssouverenitätslehre ansehen, welche für die Abgeordneten des Volkes das gleiche Prädicat persönlicher Unverletzlichkeit und Sacrosanctität verlangt, welches das entwickelte Staatsrecht der Erbmonarchie dem Monarchen zugesprochen hat“. Loc. cit., 363. Авторъ совершенно правильно уловилъ ту связь, которая существуетъ между ученіемъ о народномъ суверенитетѣ и теоріей абсолютизма. См. мою Безотвѣтственность и Неприкосновенность депутатовъ во Франціи, Ю. 1910, стр. 5, 77 и слѣд.

2) См. цитату, приведенную выше на стр. 165, прим. 5.

3) Ibid., 366.

4) Ibid., 367, 368: „Sodann aber ist ein Rechtsgrund nicht abzusehen, weshalb die aus den neuen Repräsentativverfassungen folgende Modification des Ständebegriffs die Fortdauer dieses Rechtssatzes ausschliessen sollte .... Nur dann würde seine Fortdauer angezweifelt werden müssen, wenn in den neueren Repräsentativverfassungen den Landesrechten selbst der Gedanke der Theilung der Staatsgewalt zwischen Fürst und Ständen, die Mitsouverenität der letztern, zu Grunde läge, ein Gedanke, der in Deutsch-

Ad b). Разъ нельзя говорить о субъективной неспособности къ совершенію преступленія, то слѣдуетъ разсмотрѣть, не заключается ли основаніе безотвѣтственности въ томъ, что званіе депутата уничтожаетъ тотъ или иной объективный элементъ понятія преступленія, требуя или разрѣшая совершеніе дѣяній, которыя сами по себѣ запрещены. Другими словами, не превращаетъ ли званіе лица совершаемое имъ преступленіе въ дѣяніе правомѣрное, какъ, напр., исполненіе со стороны закономъ на то уполномоченныхъ лицъ судебныхъ приговоровъ и т. п.

На этотъ общій вопросъ Германъ отвѣчаетъ утвердительно. Характеръ лежащихъ на народныхъ представителяхъ обязанностей таковъ, что онъ можетъ сообщать ихъ дѣйствіямъ свойства законномѣрности, хотя бы эти дѣйствія, сами по себѣ, были преступны. Но при этомъ необходимо наличность трехъ условій, а именно дѣяніе должно быть учинено, во первыхъ, въ предѣлахъ предоставленной парламенту компетенціи, во вторыхъ, съ соблюдѣніемъ соотвѣтственныхъ формъ, и въ третьихъ, лицомъ, пользующимся правами депутата.

Примѣняя эти общія соображенія къ свободѣ слова, Германъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ званіи депутата отсутствуетъ моментъ, могущій расширить свободу его сужденій за предѣлы, установленные законодателемъ для всѣхъ вообще гражданъ. Предоставленная народнымъ представителямъ свобода есть поэтому свобода въ предѣлахъ общаго права[1]). Также, какъ и любой гражданинъ, депутатъ не имѣетъ права оскорблять, клеветать, призывать къ насилію или государственной измѣнѣ и т. п. Освобожденіе отъ отвѣтственности за подобнаго рода дѣянія не вытекаетъ изъ какихъ либо правовыхъ принциповъ. Все, на что можетъ претендовать депутатъ, это — чтобы его дѣйствія въ каче-

land nach bekannten bundesrechtlichen Bestimmungen (Wiener Schlussacte Art. LVII) in keinem Falle ein Moment in dem Rechtsbegriff der Stände bildet". Этотъ passus заслуживаетъ особаго вниманія: по мнѣнію Г. оспариваемое обоснованіе иммунитета непріемлемо въ Германіи потому именно, что здѣсь неизвѣстно раздѣленіе властей. Ср. выше, стр. 360 и слѣд.

1) „Die Freiheit der Meinungsäusserung des Abgeordneten ist daher nur eine Freiheit innerhalb der Schranken des allgemeinen Rechts". Ibid., 379.

ствѣ такового получали-бы наиболѣе благопріятное толкованіе[1]); другими словами, презумпція законом ѣрности всегда на сторонѣ народнаго представителя, противное же обязательно должно быть доказано[2]).

Второе условіе, при наличности котораго вообще возможно говорить о привилегированномъ положеніи членовъ законодательныхъ собраній, относится къ формѣ, въ которой совершается то или другое дѣйствіе. Форма эта опредѣляется различными законодательствами различно. Незаконом ѣрность поступка отпадаетъ или можетъ отпасть лишь тогда, когда поступокъ совершенъ при соблюденіи установленныхъ закономъ внѣшнихъ реквизитовъ (во время засѣданій и т. п.). Внѣ этихъ условій, поведеніе депутата подпадаетъ подъ общее право страны.

Наконецъ, о какой либо привилегированности можетъ итти рѣчь только въ томъ случаѣ, когда дѣйствіе учинено непосредственно самимъ депутатомъ: — третьи лица (напр. издатели газетъ и т. п.) иммунитетомъ ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть покрыты.

Таково то право, которое Германъ называетъ „das consequente Recht“, т. е. правила, которыя непосредственно вытекаютъ изъ существа депутатскихъ полномочій и должны считаться дѣйствующими во всякомъ государствѣ съ представительнымъ строемъ, безотносительно къ тому, содержитъ ли въ себѣ конституція какія-либо спеціальныя постановленія на этотъ счетъ, или нѣтъ. Вопросу же о тѣхъ основаніяхъ, по которымъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ подавляющее большинство современныхъ конституцій все же значительно расширяетъ предѣлы безотвѣтственности, сравнительно съ „консеквентнымъ“ правомъ, Германъ удѣляетъ весьма мало вниманія. По его мнѣнію, германскія государства поступили бы правильнѣе всего, если бы, оставаясь на почвѣ

1) Едва ли Г., когда онъ писалъ эти строки, не находился подъ вліяніемъ англійскаго права: въ Англіи и по нынѣ спикеръ палаты общинъ ежегодно проситъ короля, чтобы „the most favourable construction schould be put upon all their proceedings“, см. выше, стр. 37.

2) На этомъ основаніи Г. находитъ абсолютно корректной формулировку § 101 Ганноверской конституціи 1840 г. — „jede Aeusserung eines Mitgliedes in der Versammlung über ständische Angelegenheiten soll immer die günstigste Auslegung erhalten“, Pölitz, IV, 1, 173.

„послѣдовательности“, удержали въ своихъ новыхъ конституціяхъ тѣ принципы, которыми, въ данномъ отношеніи, руководились при старомъ режимѣ, въ прежнихъ сословныхъ сеймахъ[1]).

Изслѣдованіе Германа оказало весьма значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе ученія объ иммунитетѣ. Вопросъ оно подвергло дѣйствительно-научному юридическому анализу. Важнѣйшій результатъ, добытый Германомъ, было установленіе того положенія, что безотвѣтственность **не** вытекаетъ, по крайней мѣрѣ непосредственно, изъ какой либо предпосылки того конституціоннаго строя, который установился въ Германіи, а всецѣло зиждится на политическомъ фундаментѣ. Одно за другимъ, были разбиты Германомъ тѣ соображенія, на коихъ основывали противоположный взглядъ. Въ частности, твердо было установлено, что догматъ народнаго суверенитета — самъ по себѣ для Германіи непріемлемый — отнюдь не ведетъ къ признанію иммунитета[2]). Съ юридической точки зрѣнія, безотвѣтственность, въ смыслѣ абсолютной свободы слова, была признана институтомъ „неконсеквентнымъ“, т. е. лишеннымъ принципіальнаго правового основанія. Mutatis mutandis, все это могло быть отнесено и къ неприкосновенности.

1) „Sowohl den allgemeinen Gesetzen gesunder Rechtsbildung als der Individualität unserer deutschen Verhältnisse würde es unseres Erachtens am entsprechendsten gewesen sein, wenn die Gesetzgebung sich zunächst ganz auf dem Boden des consequenten Rechts gehalten, und dessen unverkümmerte Anwendung die Anklagen gegen ständische Personen durch Bewahrung des aus dem älteren Staatsrecht überlieferten Satzes befestigt hätte, welcher alle Bestellung ausserordentlicher Gerichte zur processualischen Erledigung derselben unbedingt ausschliesst.“ Ibid., 398. Здѣсь ясно сказалась политическая физіономія Г.: лучшее право — это старое, дореформенное право, оно же и наиболѣе „консеквентно“. Для К. С. Цахаріэ юридическая послѣдовательность заключалась въ признаніи абсолютной свободы слова, для Г. — въ ея отрицаніи. Соціально-политическая сторона института для обоихъ была неясна: оба считали ея маловажной и непринципіальной. Между тѣмъ оба, демонстративно придерживаясь исключительно юридической точки зрѣнія, одинаково приносили дань богу политики и личныхъ убѣжденій, притомъ Ц. всецѣло примыкалъ къ лѣвому крылу, Г. — къ правому.

2) Подъ сомнѣніемъ, однако, Г. оставленъ былъ принципъ раздѣленія властей.

§ 111. Разсужденія Германа легли въ основаніе воззрѣній тѣхъ германскихъ ученыхъ, которые въ иммунитетѣ усматриваютъ чисто-политическій институтъ, вызванный въ жизнь исключительно соображеніями цѣлесообразности. Вся почти германская литература второй половины XIX ст. стоитъ именно на этой точкѣ зрѣнія; поэтому юридическое обоснованіе привилегій въ ней отсутствуетъ вовсе. Толкователи германскаго права либо ограничиваются передачей содержанія соотвѣтственныхъ нормъ, либо указаніемъ на практическія соображенія, оправдывающія институты безотвѣтственности и неприкосновенности. Такъ, напр., v. Rönne довольствуется ссылкой на то, что выполненіе задачи представительства въ значительной степени обусловлено гарантіей неограниченной свободы слова, а цѣль неприкосновенности онъ усматриваетъ въ огражденіи независимости парламента [1]). На той же точкѣ зрѣнія, въ общемъ, стоитъ и Р. фонъ Моль, въ статьѣ „Die Geschäftsordnung der Ständeversammlungen“, помѣщенной въ сборникѣ „Staatsrecht, Völkerrecht und Politik“. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что безотвѣтственность онъ отнюдь не отождествляетъ съ полной и неограниченной свободой слова: у народнаго представителя нѣтъ права на совершеніе преступленія путемъ слова, ибо парламентъ есть учрежденіе, имѣющее своей цѣлью охрану права, а не безнаказанное надъ нимъ издѣвательство. Но если есть вѣсскія основанія не подчинять депутатовъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ, то слѣдуетъ озаботиться пріисканіемъ другого форума для наказанія подобныхъ правонарушеній: такимъ форумомъ должно быть само собраніе [2]). Моль, такимъ образомъ, воспроизводитъ традиціонную англійскую точку зрѣнія: дѣяніе, совершенное депутатомъ, преступно и наказуемо, но подсудно не общимъ судамъ, а самому парламенту; дисциплинарная власть этого послѣдняго всецѣло приравнивается къ карательной власти государства.

Изъ писателей разсматриваемой эпохи болѣе или менѣе подробно на иммунитетѣ останавливаются Zöpfl [3]) и

1) Op. cit., I, 370, 380. Первое изданіе книги v. R. вышло въ 1856 г.

2) B. I, 317.

3) Grundsätze des allgemeinen und deutschen Staatsrechts, 4. Aufl. Lpz. 1856, §§ 376, 387.

Held[1]), но новаго ни тотъ ни другой ничего не вносятъ. Оба они принимаютъ безотвѣтственность съ извѣстными ограниченіями, а на анализѣ неприкосновенности не останавливаются вовсе[2]).

Подобное отношеніе къ вопросу объясняется невыясненностью самихъ первооснов привилегій. Заимствованныя изъ Франціи, гдѣ онѣ появились подъ эгидой ученій о народномъ суверенитетѣ и раздѣленія властей, въ Германіи онѣ оказались, теоретически, висящими въ воздухѣ. Изслѣдованія Герау и Германа доказали несостоятельность французской точки зрѣнія — по крайней мѣрѣ для Германіи. Но у иммунитета здѣсь, благодаря этому, отнятъ былъ принципіальный фундаментъ. Подвести новый оказалось возможнымъ лишь послѣ того, какъ было пересмотрѣно само ученіе о народномъ представительствѣ, и отъ традиціонной доктрины, строившей его на идеѣ мандата, перешли къ господствующему нынѣ взгляду на парламентъ, какъ на органъ государства. Новая постановка вопроса не могла не отразиться на конструкціи юридическаго положенія депутатовъ и, въ частности, на структурѣ присвоенныхъ имъ привилегій. Этотъ переворотъ во взглядахъ совпалъ съ окончательнымъ торжествомъ въ Германіи принципа полной свободы слова и рецепціей французской формулы неприкосновенности.

1) System des Verfassungsrechts der monarchischen Staaten Deutschlands, Würzb. 1857, Th. II, § 429.

2) Нѣсколько подробнѣе анализъ привилегій у Thudichum, Verfassungsrecht des Norddeutschen Bundes, Tüb. 1870, S. 198 ff. Но и у него принципіальная сторона вопроса остается въ тѣни.

Глава двѣнадцатая.

Гласность засѣданій и парламентскіе отчеты въ Германіи.

§ 112. Одновременно съ представительнымъ строемъ начинаетъ прокладывать себѣ въ Германіи дорогу и принципъ публичности засѣданій палатъ.. Всѣ почти тогдашніе теоретики конституціонализма считали гласность необходимой принадлежностью новой государственности [1]). Глава радикальной школы, Роттекъ, писалъ въ 1828 г., что „первая и необходимѣйшая форма дебатовъ въ ландтагѣ — если только можно называть формой то, что по своему значенію и вліянію относится къ самой сущности дѣла — есть гласность. Ландтагъ при закрытыхъ дверяхъ — есть уничтоженіе представительства. Народъ, дающій ему полномочія, не въ состояніи и не вправѣ снабжать инструкціями своихъ довѣренныхъ лицъ и требовать отчетности отъ нихъ предъ судомъ; онъ долженъ потому, по крайней мѣрѣ, имѣть возможность удостовѣряться самолично въ вѣрности или предательствѣ своихъ представителей, равно какъ и право своимъ присутствіемъ усиливать то чувство долга, отъ котораго зависитъ его право и его благосостояніе“ [2]). Для Роттека, такимъ образомъ, публичность засѣданій вытекаетъ изъ необходимости контроля народа — довѣрителя надъ депутатами

---

1) Hubrich, Die Immunität der parlamentarischen Berichterstattung, въ Annalen des Deutschen Reichs, 1897, S. 21 ff.; Joh. Müller, Die Immunität etc., S. 10 ff.

2) Staatsrecht der konstitutionellen Monarchie Aretin'a (продолж. Роттека), 1828, B. II, 204.

— его повѣренными; она находится въ тѣсной связи съ самой конструкціей и сущностью представительства [1]).

Точка зрѣнія Роттека раздѣлялась не только его политическими единомышленниками, но и болѣе умѣренными конституціоналистами [2]). Такъ, Клюберъ училъ, что гласность преній земскихъ чиновъ, т. е. допущеніе публики на засѣданія и распространеніе печатныхъ или литографированныхъ сообщеній о дебатахъ, по общему правилу цѣлесообразно, отчасти для поощренія депутатовъ, отчасти въ качествѣ напоминанія и воспитательнаго средства какъ для чиновниковъ, такъ и для самихъ депутатовъ, отчасти также и для того, чтобы нація могла знакомиться съ публичной дѣятельностью своихъ государственныхъ людей и представителей, отчасти, наконецъ, для оживленія конституціонной жизни страны [3]). О публичности засѣданій говорилъ и Дальманъ [4]), и необходимость ея отстаивалъ даже Шталь [5]).

Въ правительственныхъ сферахъ, однако, къ гласности дебатовъ относились далеко не столь сочувственно, и это настроеніе нашло себѣ отголосокъ и въ извѣстной части

---

1) Р. находился подъ несомнѣннымъ вліяніемъ взглядовъ, господствовавшихъ во время революціи во Франціи. Ср. рѣчь Робеспьера въ Конвентѣ, приведенную нами на стр. 249.

2) Подробности см. у Hubrich, loc. cit.

3) Oeffentliches Recht, 417.

4) Politik, 168.

5) Philosophie des Rechts, Heidelb. 1837, B. II, Abth. 2, S. 204 ff. Аргументація Шталя весьма любопытна. Гласность, которую онъ понимаетъ, главнымъ образомъ, какъ немедленное и полное воспроизведеніе въ печати парламентскихъ дебатовъ, должна быть обезпечена, дабы народъ зналъ, какимъ образомъ, съ помощію какихъ средствъ и съ какими намѣреніями онъ представленъ, а также, какъ ведутъ себя отдѣльные представители. „Das letzte ist doppelt nothwendig bey der Kammer der Gewählten, weil es wenig hilft, die Wahl zu gestatten, wenn man die Kenntnis entzieht, nach welcher die Wahl sich richtet. Auch sollen sowohl zur Kunde der Regierung als des Volkes nicht bloss die Beschlüsse der Majorität, sondern eben so sehr die oft nicht minder nachdrückliche Meinung der Minorität, die nicht minder belehrenden Auseinandersetzungen Einzelner gelangen. Als die Vertretung Sondergut der Stände in Curien war, da entsprach die heimliche Berathung". Въ второмъ изданіи (1847) этого мѣста уже больше нѣтъ. Въ то время Ш. уже занималъ каѳедру въ Берлинѣ и находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Фридриху-Вильгельму IV.

публицистической литературы[1]). Какъ замѣчаетъ Hubrich, правительства особенно опасались скопленія постороннихъ въ залахъ парламента: имъ памятны были эксцессы французской революціи, и они боялись повторенія у себя тѣхъ сценъ, свидѣтелями коихъ были Конвентъ и Законодательный Корпусъ[2]). Поэтому, большинство германскихъ конституцій съ самаго начала либо вовсе отказалось отъ принципа публичности, либо признало его лишь съ значительными ограниченіями. Такъ, Нассаускій патентъ 1814 г. объявилъ засѣданія земскихъ членовъ непубличными и призналъ допустимымъ лишь изданіе протоколовъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Конституціи Вальдека, Саксенъ-Веймара[3]) и др. мелкихъ государствъ точно также отвергли принципъ гласности дебатовъ. На иную точку зрѣнія стали лишь немногія государства. Такъ, по Баденской конституціи 1818 г. (§ 78) засѣданія обѣихъ палатъ публичны, но по требованію коммисаровъ правительства или трехъ членовъ, съ которыми согласится четверть состава палаты, постороннія лица могутъ быть удалены[4]). Точно также, согласно баварскому эдикту 1818 г., изданному одновременно съ конституціей, была признана допустимость постороннихъ лицъ въ открытыхъ засѣданіяхъ нижней палаты[5]). По Вюртембергской конституціи (§ 167, дѣйствующій и нынѣ) засѣданія обѣихъ камеръ публичны, причемъ дебаты должны дѣлаться достояніемъ гласности путемъ печати.

Послѣ Карлсбадскихъ совѣщаній[6]) и изданія Вѣнскаго Заключительнаго Акта 1820 г. отрицательное отношеніе къ принципу гласности повсюду почти находитъ себѣ особо

1) Hubrich, loc. cit., 23.

2) Loc. cit., 31.

3) Въ Веймарѣ гласность была введена въ 1819 г., но опять упразднена въ 1823 г.

4) Статья эта дѣйствуетъ и нынѣ.

5) I и II, § 7, Pölitz, I, 169.

6) Въ своей „Denkschrift“ Гентцъ проводилъ мысль, что публичность засѣданій есть шагъ къ приниженію достоинства всякой власти и къ уничтоженію всякаго общественнаго порядка: „die Oeffentlichkeit der Verhandlungen der Volkskammer ist, wenn sie bis auf den Punkt täglicher Bekanntmachung des Gesammtinhalts der Debatten getrieben wird, ein unmittelbarer Schritt zur Herabwürdigung aller Autorität und zum Untergang aller öffentlichen Ordnung“. Цит. у Hubrich, loc. cit., 33.

благопріятную почву. Такъ, въ Баваріи новымъ эдиктомъ о дѣлопроизводствѣ палатъ отъ 28 февраля 1825 (см. выше) былъ введенъ рядъ ограниченій для лицъ, желающихъ присутствовать на засѣданіяхъ палатъ. Въ Саксенъ-Веймарѣ гласность дебатовъ была вовсе отмѣнена въ 1823 г. Союзный сеймъ, который еще въ 1816 г. призналъ изданіе протоколовъ желательнымъ, отмѣнилъ эту практику въ 1824 г.[1]).

§ 113. Послѣ 1830 г. снова возрождается въ Германіи конституціонное движеніе. Ганноверъ, Саксонія и нѣкт. др. государства переходятъ къ представительному строю, но по отношенію къ гласности дебатовъ сохраняютъ свое прежнее отрицательное отношеніе. Правда, Ганноверскій основной законъ 1833 г. (§ 115), Саксонская (1831 г., § 135) и Кургессенская (1831 г., § 77) конституціи признали присутствіе публики на засѣданіяхъ палатъ допустимымъ; но т. наз. свобода парламентскихъ отчетовъ для неоффиціальной прессы ими не была декретирована[2]).

Въ маленькихъ же германскихъ государствахъ конституціи разсматриваемой эпохи, по общему правилу, допускаютъ лишь печатаніе протоколовъ засѣданій — in extenso или въ извлеченіи[3]).

Такимъ образомъ, вопроса объ иммунизаціи парламентскихъ отчетовъ, при дѣйствіи указанныхъ правилъ, вовсе и быть не могло — всѣ печатавшіеся протоколы носили оффиціальный характеръ, и частныя изданія свѣдѣнія о происходившемъ въ ландтагахъ могли черпать только изъ нихъ. Къ тому же, 28 апрѣля 1836 г. союзнымъ сеймомъ издано было постановленіе, согласно которому всякаго рода сообщенія о дебатахъ земскихъ чиновъ, появляющіяся въ газе-

1) Въ Саксоніи въ 1820 и 1821 г. чины выразили желаніе, чтобы печатался весь матеріалъ in extenso; король, однако, согласился лишь на то, чтобы послѣ закрытія ландтага выпускались въ свѣтъ извлеченія изъ протоколовъ, составленныя тайнымъ совѣтомъ. Klueber, op. cit., 419.

2) Hubrich, loc cit., 31; „Die Forderung der konstitutionellen Doktrin, dass es Jedermann und insbesondere den Zeitungsredaktionen rechtlich freistehen müsse, über die öffentlichen Sitzungen der Landtage selbständig abgefasste Berichte frei von jeglicher Verantwortlichkeit zu veröffentlichen, ward nirgends durch positive Rechtsvorschrift anerkannt".

3) Альтенбургъ, осн. зак. 1831 г., § 247; Липпе, конст. 1836 г., § 33; Люксембургъ, конст 1841 г., ст. 24 и слѣд. Исключеніе представляетъ собой только Гогенцоллернъ-Зигмаринемъ, конст. 1833 г., §§ 153—155 и 178.

тахъ и пріодической печати, имѣли быть почерпаемы исключительно изъ предназначенныхъ для гласности оффиціальныхъ изданій союзныхъ государствъ, по принадлежности; на редакторовъ и издателей, при этомъ, была возложена обязанность во всякое время сообщать властямъ, по ихъ требованію, откуда взяты тѣ или другіе отчеты и свѣдѣнія[1]).

Иную постановку вопросъ получилъ лишь послѣ 1848 г.

На новый путь первой вступила Пруссія. Предложенный на обсужденіе Національнаго Собранія правительственный проекъ конституціи заключалъ въ себѣ статью (50), которая въ весьма категорической формѣ провозглашала начало публичности засѣданій парламента, и тотъ же принципъ былъ усвоенъ какъ октроированной конституціей 5 декабря 1848 г., такъ и нынѣ дѣйствующей 31 января 1850 г.[2]). Равнымъ образомъ и имперская конституція 28 марта 1849 г. признала засѣданія обѣихъ палатъ публичными, предоставивъ наказу каждой изъ нихъ опредѣлить, при какихъ условіяхъ засѣданіе можетъ быть объявлено закрытымъ[3]).

Несмотря на наступившую послѣ революціоннаго движенія 1848 г. реакцію, всѣ изданныя послѣ 50-го года конституціи рѣшительно стали на ту же точку зрѣнія[4]).

§ 114. Признаніемъ принципа публичности дебатовъ еще не предрѣшался вопросъ о юридическомъ положеніи отчетовъ о парламентскихъ засѣданіяхъ. Подъ вліяніемъ французскаго права, многіе представители германской конституціонной доктрины склонны были признавать, что гласность уже сама по себѣ влечетъ иммунизацію отчетовъ о дебатахъ, буде таковые отчеты соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такого мнѣнія, напр., держался Zöpfl[5]). Другіе, однако

1) Hubrich., loc. cit.

2) Art. 79: „die Sitzungen beider Kammern sind öffentlich. Jede Kammer tritt auf den Antrag ihres Präsidenten oder von zehn Mitgliedern zu einer geheimen Sitzung zusammen, in welcher dann zunächsten über diesen Antrag zu beschliessen ist".

3) § 111. Какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Франкфуртѣ принципъ гласности былъ принятъ безъ всякихъ преній.

4) Перечень соотвѣтственныхъ постановленій см. у Hubrich, loc. cit., 37—39.

5) Op. cit., II. 470: „Wo Oeffentlichkeit der Ständeverhandlungen eingeführt ist, kann den Zeitungsredaktionen aus einer getreuen Berichterstattung über Vorgänge, Reden und Aeusserungen von Ständemitgliedern in

сомнѣваясь въ томъ, чтобы простого упоминанія въ законѣ о публичности засѣданій было достаточно для обезпеченія безотвѣтственности редакторовъ и издателей, полагали, что иммунитетъ распространяется только на непреступныя рѣчи депутатовъ[1]). По мнѣнію третьихъ, наконецъ, рѣшеніе вопроса зависѣло отъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ издана была конституція и, въ частности, выработано было постановленіе о публичности засѣданій[2]).

Какъ бы то ни было, но законодательнымъ путемъ вопросъ впервые разрѣшенъ былъ въ Пруссіи. Въ 1851 г. правительствомъ внесенъ былъ въ ландтагъ проектъ закона о печати. Коммисія нижней палаты, которой онъ переданъ былъ на разсмотрѣніе, немедленно былъ возбужденъ вопросъ объ иммунизаціи парламентскихъ отчетовъ. При этомъ, однако, нѣкоторыми членами коммисіи высказано было мнѣніе, что безотвѣтственность, въ данномъ случаѣ, само собою разумѣется. Однако, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, было рѣшено включить въ законъ соотвѣтственное постановленіе. Послѣднее было принято и палатой, и оно составило § 38 закона 12 мая 1851 г.[3])[4]).

Примѣръ Пруссіи, однако, не скоро нашелъ подражателей. Дѣло нѣсколько измѣнилось лишь послѣ изданія конституціи сѣверо-германскаго союза (1867 г.), признавшей въ ст. 22, что отчеты о засѣданіяхъ, соотвѣтствующіе дѣйствительности, покрыты иммунитетомъ. Нѣкоторыя государства не замедлили вступить на тотъ же путь; сюда относится, напр., Баденъ, гдѣ 21 октября 1867 г. изданъ былъ соотвѣтственный законъ[5]). Но теоретическая сторона вопроса все еще оставалась невыясненной. Это особенно ясно сказалось при

---

den öffentlichen Sitzungen keine persönliche Verantwortlichkeit erwachsen selbst da nicht, wo etwa der Redner oder Sprecher selbst als straffällig vor Gerichten in Anspruch genommen werden kann.“ По мнѣнію Ц., такимъ образомъ иммунитетъ покрываетъ автора или издателя отчета даже въ томъ случаѣ, когда ораторъ подлежалъ привлеченію къ отвѣтственности.

1) См. Müller, op. cit., 15.

2) См. напр., Herrmann, loc. cit., 385.

3) Статья защищаетъ „die Berichte von öffentlichen Sitzungen beider Kammern, insofern sie wahrheitsgetreu erstattet worden“.

4) Hubrich, loc. cit., 41.

5) Текстъ у Störk'a, 217.

обсужденіи конституціи 1867 г. Предложеніе объ обезпеченіи иммунитета для достовѣрныхъ отчетовъ было внесено Ласкеромъ отъ имени либеральной партіи. Оно нашло себѣ горячаго противника въ лицѣ гр. Бисмарка, который, сославшись на англо-американское право и, въ частности, на дѣло Stockdale v. Hansard, сталъ доказывать, что опубликованіе рѣчей депутатовъ, заключающихъ въ себѣ оскорбленія частныхъ лицъ, недопустимо вовсе [1]).

Соображенія Бисмарка, однако, собранія не убѣдили, и предложеніе Ласкера было принято. Зато отклонена была поправка, внесенная Аусфельдомъ, согласно коей иммунитетомъ имѣли быть покрытыми и отдѣльныя части отчетовъ [2]).

Такимъ образомъ выяснилось, что по данному вопросу существуютъ двѣ принципіальныя точки зрѣнія; одна, отождествляющая публичность засѣданій съ правомъ на безпрепятственное распростаненіе отчетовъ и выводящая иммунитетъ этихъ послѣднихъ изъ самого принципа свободы слова; другая — усматривающая здѣсь два отдѣльныхъ правовыхъ института, связанныхъ между собой лишь внѣшнимъ образомъ и исходящихъ изъ различныхъ правовыхъ и политическихъ предпосылокъ.

Практически, однако, вопросъ былъ категорически разрѣшемъ ст. 22 акта 1867 г., цѣликомъ перешедшей въ Имперскую конституцію 16 апрѣля 1871 г. Равнымъ образомъ,

---

1) Текстъ этой рѣчи см. у Bezold, Materialien, II, 80 ff. Ссылка Б. на англійское право была явно невѣрна, см. выше, стр. 113 и слѣд. Аналогичные соображенія были высказаны въ томъ-же году Б. въ прусскомъ ландтагѣ, по поводу предложенія Ласкера измѣнить редакцію ст. 84 конституціи. „Я допускаю, заявилъ онъ, что у кого-нибудь изъ представителей въ порывѣ политической страсти можетъ вырваться лишнее слово, въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды, хотя оно и сказано въ присутствіи 400 человѣкъ. Но дѣло принимаетъ другой оборотъ, если это слово печатается въ милліонахъ экземпляровъ, если любой газетчикъ вправѣ бросить его мнѣ въ лицо, причемъ относительно послѣдняго я также беззащитенъ, какъ и здѣсь въ палатѣ, гдѣ я по крайней мѣрѣ знаю, что приношу себя въ жертву крупныхъ интересовъ общественной жизни, конституціоннаго существованія“. Цит. у Ренненкампфа, назв. соч., 376.

2) Bezold, loc. cit., 72.

имперскимъ уголовнымъ уложеніемъ 15 мая 1871 г.[1]) провозглашенъ былъ принципъ иммунитета достовѣрныхъ парламентскихъ отчетовъ, чѣмъ создано было единообразное право для всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ имперіи.

---

1) § 12: „Wahrheitstreue Berichte über Verhandlungen eines Landtags oder einer Kammer eines zum Reich gehörigen Staats bleiben von jeder Verantwortlichkeit frei".

Глава тринадцатая.

Законодательство прочихъ странъ.

§ 115. Революціонное движеніе 1848 г. нашло себѣ живой отголосокъ и въ Австріи. 25 апрѣля, при патентѣ отъ того же числа, издана была конституція[1]), § 42 коей обезпечивалъ членамъ рейхстага неприкосновенность по французскому образцу[2]). Актъ этотъ, не успѣвъ вступить въ дѣйствіе, тутъ же взятъ былъ обратно; 1 іюля правительствомъ созванъ былъ учредительный рейхстагъ, который съ 15 ноября былъ переведенъ въ Кремзиръ.

Конституціоннымъ комитетомъ рейхстага былъ выработанъ проектъ основного закона, который вопросу о юридическомъ положеніи депутатовъ удѣлилъ двѣ статьи. Одна изъ нихъ касалась свободы слова, другая неприкосновенности, причемъ въ томъ и другомъ случаѣ за образецъ принята была бельгійская конституція 1831 г.

По вопросу о безотвѣтственности представленный рейхстагу правительственный проектъ давалъ наиболѣе широкую изъ возможныхъ формулировокъ, буквально повторяя соотвѣтственное постановленіе бельгійскаго права[3]). Послѣ довольно оживленныхъ преній, коснувшихся, однако, главнымъ образомъ, редакціи статьи[4]), была принята слѣдующая фор-

---

1) Т. наз. „Пиллерсдорфская конституція".

2) Spiegel въ Zeitschrift f. d. Privat- und öffentliche Recht, B. XXIV (1897), S. 176 (рецензія на книгу Зейдлера объ иммунитетѣ).

3) „Kein Mitglied des Reichstages kann gerichtlich verfolgt oder zur Rechenschaft gezogen werden für Aeusserungen, die er in der Ausübung seiner Dienstverrichtungen ausgesprochen hat". Ср. конст. 1831 г., ст. 44.

4) См. A. Springer, Protokolle des Verfassungsausschusses im österreichischen Reichstage 1848—1849, Lpz. 1885, S. 171 ff.

мула: „никто изъ депутатовъ не можетъ за свою дѣятельность въ качествѣ такового (für seine Wirksamkeit als solches) быть преслѣдуемъ судебнымъ порядкомъ или привлеченъ къ отвѣтственности“. Такимъ образомъ, былъ узаконенъ принципъ полной свободы слова, при самой широкой постановкѣ самого вопроса. Что же касается неприкосновенности, то рѣшено было ограничить ее продолжительностью сессіи [1]).

Вскорѣ, однако, кремзирскій рейхстагъ былъ распущенъ, и 4 марта 1849 г. была издана „октроированная“ конституція. Хотя конституція эта исходила изъ совершенно иныхъ предпосылокъ, чѣмъ кремзирскій проектъ, тѣмъ не менѣе по вопросу объ иммунитетѣ она сохранила позицію проекта и узаконила французско-бельгійскую формулу. — Впрочемъ, актъ 4 марта опредѣлялъ юридическое положеніе однихъ только членовъ рейхстага; относительно же членовъ національныхъ ландтаговъ вопросъ обходился полнымъ молчаніемъ: предполагалось, что мѣстныя законодательства сами позаботятся изданіемъ соотвѣтственныхъ правилъ, чего, однако, они не сдѣлали [2]).

Конституція 1849 г., какъ извѣстно, въ дѣйствіе не вступила. 31 декабря 1851 г., подъ вліяніемъ наступившихъ событій, она формально была отмѣнена.

Вновь охватившее въ концѣ 50-хъ годовъ страну конституціонное движеніе заставило имперское правительство измѣнить политическій курсъ. Патентомъ отъ 5 марта 1860 г. созванъ былъ т. наз. „усиленный рейхсратъ“ (verstärkter Reichsrath), а октябрьскимъ дипломомъ того же года Австрія вторично введена была въ сонмъ конституціонныхъ державъ. 26 февраля 1861 г., въ развитіе основныхъ началъ этого акта, былъ обнародованъ особый патентъ, опредѣлившій какъ составъ рейхсрата, такъ и устройство мѣстныхъ ландтаговъ. О депутатскихъ привилегіяхъ, однако, патентъ не упоминалъ вовсе. Поэтому, не успѣли ландтаги собраться, какъ тотчасъ былъ поднятъ вопросъ объ изданіи соотвѣтственныхъ постановленій. Дебаты сеймовъ, по свидѣтельству Kolmer'a

1) О кремзирскомъ проектѣ см. Kolmer, Parlament und Verfassung in Oesterreich, B. I, W. 1902, S. 3 ff.; также v. Herrnritt, Handbuch des österreichischen Verfassungsrechtes, Tüb. 1909, S. 46.

2) Spiegel, loc. cit., 177.

во многихъ случаяхъ показали политическую неопытность ихъ членовъ[1]). Такъ, напр., въ Черновицахъ одинъ депутатъ горячо возсталъ противъ иммунитета, усматривая въ немъ privilegium odiosum и т. п.

Въ маѣ того же года имперскимъ правительствомъ внесенъ былъ въ рейхсратъ проектъ соотвѣтственнаго закона[2]). Согласно проекту, безотвѣтственностью должны были быть покрыты всѣ „Abstimmungen“ и „Meinungen“. Нижняя палата рейхсрата, однако, предпочла второе выраженіе замѣнить для бо̀льшей ясности терминомъ „Aeusserungen“. Въ верхней палатѣ противникомъ свободы слова выступилъ Лихтенфельсъ, который предложилъ предоставить палатамъ право предавать своихъ провинившихся членовъ суду на общемъ основаніи[3]). Благодаря встрѣченной оппозиціи, законопроектъ принятъ былъ лишь послѣ довольно упорной борьбы и вступилъ въ дѣйствіе только 3 октября 1861 г. Установленныя имъ правила должны были имѣть силу не только для членовъ рейхсрата, но и для членовъ мѣстныхъ ландтаговъ.

§ 116. Въ 1867 г. послѣдовалъ пересмотръ конституціоннаго законодательства. Результатомъ явилось изданіе 21 декабря тѣхъ актовъ, которые въ настоящее регулируютъ государственный строй Австріи. § 16 „закона, измѣняющаго основной законъ 26 февраля 1861 г. объ имперскомъ представительствѣ“ повторяетъ постановленія закона 1861 г. Согласно этому параграфу[4]) „члены рейхсрата не могутъ никогда подвергаться отвѣтственности за поданный ими при исполненіи ихъ функцій голосъ, а за слова, произнесенныя ими при этомъ, могутъ привлекаться къ отвѣтственности только палатою, которой они принадлежатъ. Ни одинъ членъ рейхстага, за исключеніемъ захвата на мѣстѣ преступленія, не можетъ быть во время сессіи арестованъ или

1) Op. cit., I, 54

2) Сдѣлано это было исключительно подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія; тогдашній премьеръ-министръ Шперлингъ считалъ подобный законъ совершенно излишнимъ, такъ какъ онъ полагалъ, что депутаты будутъ всегда объективны и своими рѣчами и поведеніемъ въ палатѣ не станутъ нарушать закона. Kolmer, loc. cit., 77.

3) Ibid.

4) Переводъ Гессена и Нольде, назв. соч., I, 13, 14.

преслѣдуемъ судебнымъ порядкомъ, по уголовному дѣлу, безъ разрѣшенія палаты.

Даже и въ случаѣ захвата на мѣстѣ преступленія судъ долженъ немедленно о состоявшемся арестѣ увѣдомить президента палаты. При требованіи о томъ палаты, арестъ долженъ быть снятъ, и преслѣдованіе пріостановлено на все время продолженія сессіи. Тѣмъ же правомъ палата можетъ воспользоваться относительно всякаго произведеннаго ареста или всякаго слѣдствія, возбужденнаго противъ одного изъ своихъ членовъ въ промежуточное между сессіями время."

Приведенное постановленіе, такимъ образомъ касается исключительно центральнаго имперскаго законодательнаго органа — рейхсрата. Для національныхъ же ландтаговъ продолжаетъ дѣйствовать законъ 1861 г.[1])[2]).

§ 117. Нидерландская конституція, какъ нами было уже упомянуто, не знаетъ вовсе института неприкосновенности[3]) и узаконяетъ одну только свободу рѣчи депутатовъ.

Начиная съ конца XVIII в., до 1815 г. въ Нидерландахъ происходитъ непрекращающаяся смѣна режимовъ. Семь конституцій издано было за этотъ короткій промежутокъ времени[4]) и въ каждой изъ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась

---

1) Spiegel, loc. cit., 178.

2) Относительно Венгріи намъ, за недоступностью, по незнакомству съ венгерскимъ языкомъ, источниковъ и литературы, не удалось выяснить современнаго положенія вещей. Изъ нѣмецкихъ авторовъ вопроса касается только Ulbrich, въ первомъ изданіи своего Staatsrecht der oesterreichisch-ungarischen Monarchie, Tüb. 1884, S. 158. Онъ ограничивается указаніемъ, что „die Abgeordneten geniessen das Recht der Immunität und können daher während der dreijährigen Mandatsdauer nicht gerichtlich gelangt werden." Fuld, въ Arch. f. öffentl. Recht, IV, 506, дѣлаетъ изъ этого замѣчанія Ульбриха вывода что депутаты въ Венгріи пользуются привилегіями, обыкновенно присущими лишь внѣземельнымъ лицамъ. Nagy, въ статьѣ „Ungarn" въ Oesterreichisches Staatswörterbuch Mischler'a и Ulbrich'a, 2. Aufl., B. IV, S. 595, просто констатируетъ что „die Verhandlungen sind immer öffentlich und die Mitglieder des Reichstages stehen unter dem Schutze der Immunität". Наказы палатъ содержатъ въ себѣ довольно подробныя постановленія относительно образованія особыхъ комитетовъ объ иммунитетахъ, см. наказъ палаты магнатовъ ст. 23 и палаты депутатовъ ст. 126 и 188—191, Moreau et Delpech, op. cit., I, 492, 559, 579.

3) См. выше, стр. 16.

4) См. De Hartog Das Staatsrecht des Königreichs der Niederlande, Freib. i. B. 1886, S. 6.

смѣна въ политическихъ настроеніяхъ Франціи, судьбу коей тѣснѣе всѣхъ другихъ государствъ Европы суждено было въ ту пору раздѣлить именно Голландіи.

23 апрѣля 1798 г. провозглашена была Батавская республика и издана была первая конституція по новому образцу. Она тѣсно примыкала къ акту 5 фруктидора III года и заключала въ себѣ рядъ положеній относительно привилегій депутатовъ[1]), которыя весьма близко подходили къ соотвѣтственнымъ постановленіямъ французскаго ея прообраза.

Вторая нидерландская конституція — 16 октября 1801 г.[2]) — явилась сколкомъ съ французской VIII г.; какихъ-либо постановленій относительно иммунитета въ ней не заключалось, равно какъ и въ послѣдующихъ конституціяхъ отъ 15 марта 1805[3]) и 7 августа 1806 гг.[4]).

9 іюля 1810 г. Голландія была присоединена къ Франціи. Однако, не надолго. Послѣ лейпцигской битвы вспыхло возстаніе, и временное правительство тотчасъ же провозгласило Вильгельма Оранскаго „Принцемъ-сувереномъ“ Нидерландовъ[5]).

Въ 1814 г. собраніемъ нотаблей былъ выработанъ проектъ конституціи[6]), которой, однако, не суждено было вступить дѣйствіе: побѣдоносными державами рѣшено было, соединивъ во едино Голландію и Бельгію, создать такое государство, которое могло бы на сѣверо-востокѣ оказывать противодѣйствіе возможнымъ завоевательнымъ стремленіямъ Франціи. Заключительнымъ Вѣнскимъ актомъ были опредѣлены границы новаго политическаго организма, который 24 августа 1815 г. получилъ свою особую конституцію, составленную, до извѣстной степени, по образцу хартіи 1814 г.[7]).

Какъ и свои предшественницы, актъ 1815 г. вопросъ о депутатскихъ привилегіяхъ обходилъ полнымъ молчаніемъ.

1) Ст. 11 и слѣд., см. Pölitz, II, 131.

2) Текстъ у Pölitz, II, 161—172.

3) Ibid., 173—179.

4) Ibid., 185—190.

5) Lavisse et Rambaud, Histoire générale du IV-me siècle à nos jours, IX, 496.

6) Pölitz, II, 192—204. Объ иммунитетѣ не упоминалось вовсе.

7) Исторію составленія конституціи см. у Lavisse et Rambaud, op. cit., X, 338 et suiv. Текстъ у Pölitz, II, 205—229.

Лишь при пересмотрѣ конституціи въ 1848 г. была включена статья (92-ая), согласно коей члены палатъ не подлежали преслѣдованію судебнымъ порядкомъ за свои голосованія [1]). Это постановленіе перешло въ нынѣ дѣйствующую конституцію 1887 г., гдѣ составляетъ ст. 97.

Какъ замѣчаетъ де Гартогъ, законъ даетъ привилегіи весьма узкую формулировку [2]), говоря лишь о вотумахъ депутатовъ и покрывая только ихъ однихъ безотвѣтственностью. Однако, практика пошла по пути болѣе широкаго толкованія статьи 97 и признаетъ защищеннымъ отъ преслѣдованія все, вообще, совершаемое депутатомъ при исполненіи имъ своихъ обязанностей [3]). Такая интерпретація, повидимому, вполнѣ соотвѣтствуетъ намѣренію законодателя. По крайней мѣрѣ изъ объяснительной записки къ проекту пересмотра конституціи (въ 1848 г.) видно [4]), что авторы новаго постановленія имѣли въ виду создать для депутатовъ положеніе, совершенно сходное съ тѣмъ, которымъ они въ данномъ отношеніи пользу-

---

1) „De leden der Kamers zijn niet gerektelijk vervolgbaar wegens de advijzen, door hen in de vergadering uitgebragt". Schubert, Die Verfassungsurkunden und Grundgesetze der Staaten Europa's, etc., B. II, Königsb. 1850, S. 250.

2) Op. cit., 31: „Dieser Schutz des freien Wortes ist im Verfassungstext nicht zum vollkommenen Ausdruck gelangt, da er dem Wortlaute nach nur den in der Versammlung geäusserten Voten (adviezen) verliehen ist; buchstäblich also nur, solange der Abgeordnete regelmässig von dem ihm verliehenen Worte Gebrauch macht".

3) De Hartog, ibid.

4) „A l'art. 16 du projet (ст. 92 конст.) figure une disposition nouvelle consacrant une sorte d'inviolabilité non pour le député, mais pour les paroles qu'il a prononcées à l'assemblée. Cette disposition ne signifie pas qu'il serait permis de tout dire sans crainte de censure, elle n'a d'autre portée que d'abandonner à la Chambre, s'appuyant sur le règlement d'ordre, le droit de réprimer les écarts de ses membres, à l'exclusion des tribunaux". Цит. у Reynaert, op. cit., I, 329. Статья была принята безъ преній. Слѣдуетъ замѣтить, что de Hartog, быть можетъ, слишкомъ узко понимаетъ терминъ advijzen, переводя его черезъ „Voten". Schubert, op. cit., II, 251, и Sell (у Posener, 714) переводятъ — первый „Meinungen", второй „Meinungsäusserung". Reynaert, loc. cit., говоритъ о „opinions". У Dareste, Les constitutions modernes, 2-me éd., Par. 1891, t. I, p. 110, advijzen переведено: „pour ce qu'ils ont dit ... ou pour ce qu'ils leur ont adressé par écrit. (Этотъ описательный оборотъ ввелъ въ заблужденіе гг. Гессена и Нольде, назв. соч., I, 298, у которыхъ статья приняла слѣдующій видъ: „члены ген'-шт. не могутъ быть преслѣдуемы въ су-

ются во всѣхъ странахъ, воспринявшихъ французско-бельгійскую систему.

Любопытной особенностью нидерландскаго права является то, что безотвѣтственностью пользуются также и члены провинціальныхъ и коммунальныхъ совѣтовъ[1]).

§ 118. Вплоть до самаго конца XVIII в. Швейцарія представляла собой союзъ 13 кантоновъ, основанный на взаимныхъ между ними соглашеніяхъ. Центральный органъ союза — сеймъ (Tagsatzung) — обладалъ лишь весьма ограниченной компетенціей и состоялъ не изъ представителей народа, а изъ делегатовъ отдѣльныхъ кантоновъ и мѣстностей[2]). Положеніе ихъ регулировалось нормами международнаго права, и въ мѣстѣ, гдѣ засѣдалъ сеймъ, они пользовались экстерриторіальностью[3]).

Въ 1798 г. союзъ превращается въ унитарное государство, „Гельветическую республику“, и 12 апрѣля получаетъ конституцію по новому образцу[4]). И дѣйствительно, основной законъ Гельветической республики, какъ конституціи тѣхъ новыхъ государствъ, которыя кольцомъ окружили со всѣхъ сторонъ Францію, былъ сколкомъ съ акта 5 фруктидора III г. Однако, членамъ законодательнаго собранія (Сенатъ и Большой Совѣтъ) не были предоставлены тѣ гарантіи, которыя французская конституція установляла для народныхъ представителей Франціи[5]). Иммунитетъ въ обѣихъ своихъ формахъ — неприкосновенности и безотвѣтственности — остался чуждъ швейцарской политической жизни вплоть до второй половины XIX в.

дебномъ порядкѣ ни за рѣчи, произнесенныя ими на засѣданіяхъ, ни за адресованныя штатамъ письменныя заявленія“). Olinger, Nouveau dictionnaire hollandais-français, Brux. 1830, advijs переводитъ „avis“, „conseil“.

1) Reynaert, loc. cit.; de Hartog, loc. cit.

2) См. Schollenberger, Das Bundesstaatsrecht der Schweiz, Berl. 1902, S. 80 ff.

3) v. Muralt, Die parlamentarische Immunität, 32.

4) См. Hilty, Les constitutions fédérales de la Confédération Suisse. Neuchâtel 1891, p. 331 et suiv.; Боржо, Учрежденіе и пересмотръ конституцій, II, 85 и слѣд.; Schollenberger, op. cit., 113 ff. Текстъ акта 1798 г., равно какъ и проекта, выработаннаго Оксомъ, у Pölitz, III, 117 ff.

5) Ст. 51 и слѣд., являвшіяся дословнымъ повтореніемъ ст. 116 и слѣд. конст. III г., регулировали условія преданія депутатовъ суду, ср. выше, стр. 207, 208.

На самомъ дѣлѣ, ни одна изъ федеральныхъ конституцій, изданныхъ за этотъ періодъ времени, ни единымъ словомъ не касается депутатскихъ привилегій [1]). Не знаетъ иммунитета и конституція 1848 г., пересмотрѣнная въ 1874 г. Лишь въ 1850 и 1851 гг. изданы были особые законы объ отвѣтственности федеральныхъ властей и должностныхъ лицъ, установившіе для членовъ союзныхъ законодательныхъ палатъ какъ безотвѣтственность, такъ и неприкосновенность.

Согласно ст. 1 закона 9 декабря 1850 г., члены Національнаго и Кантональнаго Совѣтовъ не отвѣчаютъ за свои голосованія, причемъ по этому поводу никогда не можетъ быть вчинено иска. Хотя законъ говоритъ только о вотумахъ, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ гарантируетъ полную безотвѣтственность депутатовъ [2]).

Сложнѣе постановленія, касающіяся неприкосновенности. Прежде всего, въ данномъ отношеніи, должны быть различаемы преступленія должностныя отъ общихъ.

Для возбужденія преслѣдованія противъ депутата, виновнаго въ одномъ изъ дѣяній первой категоріи, необходимо постановленіе Союзнаго Собранія, которое можетъ быть вынесено только послѣ того какъ обѣ палаты, выслушавъ обвиняемаго, согласятся дать дѣлу дальнѣйшій ходъ. Въ этомъ случаѣ назначается, путемъ жребія, особая коммисія, которая, разслѣдовавъ обвиненіе, представляетъ Собранію докладъ. Буде обѣ палаты признаютъ обвиненіе обоснованнымъ, депутатъ предается суду. Компетентнымъ въ этихъ случаяхъ является Союзный Судъ [3]).

Если же рѣчь идетъ о преступленіи не должностномъ, то, согласно закону 23 декабря 1851 г., возбужденіе преслѣдованія можетъ послѣдовать лишь съ согласія той палаты, въ составъ которой входитъ виновный. Равнымъ образомъ недопустимо, безъ такового же согласія, и арестованіе депутата. Въ случаѣ flagrant délit, полицейскія власти могутъ

1) v. Muralt, op. cit., 33.

2) Schollenberger, op. cit., 269.

3) Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ v. Muralt, op. cit., 34, эти постановленія весьма близко подходятъ къ ст. 51 и слѣд. конституціи 1798 г.

захватить виновнаго, но отъ палаты зависитъ продлить задержаніе или выпустить депутата на свободу.

§ 119. Что касается отдѣльныхъ кантоновъ, то конституція Гельветической республики низвела ихъ до роли простыхъ административныхъ подраздѣленій унитарнаго государства. Въ своемъ значеніи самостоятельныхъ государствъ они были возстановлены „Актомъ медіаціи“ 19 февраля 1803 г.[1]), вернувшимъ Швейцарію къ федеральному строю. Актъ, помимо постановленій, касавшихся союзнаго устройства, заключалъ въ себѣ также и нормы, регулировавшія государственный строй отдѣльныхъ кантоновъ. Ни въ одной изъ этихъ кантональныхъ конституцій иммунитетъ членовъ законодательныхъ совѣтовъ не былъ предусмотрѣнъ[2]). Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно тѣхъ конституціонныхъ актовъ, которые изданы были въ 1814—1815 г.г.[3]), послѣ упраздненія Акта медіаціи. Дѣло измѣнилось лишь въ 30-ыхъ годахъ. Съ этого момента либерально-демократическія тенденціи одерживаютъ верхъ, и въ отдѣльныхъ кантонахъ начинается пересмотръ конституцій[4]).

Изъ изданныхъ за періодъ времени 1830—1831 гг. актовъ иммунитета коснулись лишь весьма немногіе. Правда, большинство новыхъ конституцій признавало членовъ законодательныхъ собраній представителями всего народа, не связанными инструкціями избирателей, голосующими свободно и по внутреннему убѣжденію и т. п.[5]), но о депутатскихъ привилегіяхъ говорили только С. Галленская и Ваадская конституціи, обѣ 1831 г. Первая изъ нихъ впервые

---

1) Текстъ у Pölitz, III, 162 ff.

2) v. Muralt, op. cit., 36, объясняетъ это тѣмъ, что эти „большіе совѣты“, какъ весьма аристократическіе по своему составу, не нуждались въ особой защитѣ отъ покушеній частныхъ лицъ; правительства же имъ не приходилось опасаться, такъ какъ власть не была раздѣлена, а сосредоточивалась въ однѣхъ рукахъ („малые“, т. е. исполнительные совѣты избирались по большей части большими).

3) Pölitz, III, 214 ff.

4) Ср. Orelli, Das Staatsrecht der Schweizerischen Eidgenossenschaft, Freib. i. B. 1885, S. 21; Lavisse et Rambaud, op. cit., X, 602 et suiv.; Воржо, назв. соч., II, 91 и слѣд.

5) См., напр., конст. Цюриха 1831 г., § 50, у Snell, Handbuch des schweizerischen Staatsrechts, B. II, Zür. 1844, S. 13; Pölitz, III, 357.

узаконяла безотвѣтственность [1]), вторая — неприкосновенность [2]) (въ германской формулировкѣ).

Примѣру С. Галлена вскорѣ послѣдовалъ Базель-сельскій, который въ конституцію 1832 г. включилъ также постановленіе относительно свободы слова [3]). Затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ кантоновъ наказами законодательныхъ палатъ установлено было начало безотвѣтственности. Сюда относятся, напр. кантоны Невшательскій (регламентъ 25 октября 1831 г.), Тесенскій (11 декабря 1845 г., 6 мая 1893 г.) и др. [4]).

Съ теченіемъ времени принципъ иммунитета сталъ дѣлать успѣхи. Усвоенъ онъ былъ въ цѣломъ рядѣ конституцій и спеціальныхъ законовъ и въ настоящее время принятъ большинствомъ швейцарскихъ кантоновъ. Федеральные законы 1850 и 1851 г.г. оказали при этомъ несомнѣнное вліяніе. Не входя въ подробности, которыя завлекли бы насъ слишкомъ далеко, остановимся вкратцѣ на современномъ положеніи вопроса по мѣстнымъ кантональнымъ законодательствамъ [5]).

§ 120. Въ настоящее время не знаютъ вовсе иммунитета кантоны Швицъ, Нидервальденъ, Цугъ, Гларусъ, оба Аппенцеля, Базель-сельскій и Граубюнденъ [6]).

Безотвѣтственность конституціей признана въ слѣдующихъ шести кантонахъ: Фрейбургъ (7. V. 57 г., ст. 47), Солотурнъ (23. X. 07 г., ст. 7, абз. 1)[7]), С.-Галленъ (16. XI. 91 г.,

---

1) Ст. 69: „sie (i. e. die Mitglieder des Grossen Rathes) sind für ihre in den Berathungen geäusserten Meinungen und Ansichten nur dem Grossen Rathe selbst verantwortlich", Snell, II, 502, Pölitz, III, 443.

2) Ст. 30: „hors le cas du flagrant délit, un membre du Grand Conseil ne peut être arrêté, sous aucun prétexte, durant les sessions, sans la permission du corps". Snell, II, 726.

3) § 41, Pölitz, III, 417.

4) v. Muralt, op. cit., 38, 40, 41.

5) Подробную историческую справку для каждаго кантона въ отдѣльности даетъ v. Muralt, op. cit., 37—45.

6) См. Schollenberger, Das schweizerische öffentliche Recht, Hann. 1909, S. 144; v. Muralt, loc. cit. Тексты дѣйствующихъ конституцій см. въ оффиціальномъ сборникѣ Recueil des constitutions fédérale et cantonales publié sur l'ordre du conseil fédéral suisse, Berne 1891, и Suppléments къ нему.

7) Привилегія имѣетъ здѣсь ту особенность, что она распространяется также на членовъ правительственнаго совѣта и на судей.

ст. 56, абз. 2), Бернъ (4. VI. 93 г., ст. 30, абз. 3), Тургау (28. II. 69 г., § 34, абз. 2) и Невшатель (21. XI. 58 г., ст. 28). Въ трехъ кантоновъ она обезпечена особыми законами. Сюда относится Люцернъ (зак. 10. IX. 42), Унтервальденъ ob dem Wald (зак. 13. XI. 69 г.) и Шаффгаузенъ (зак. 30. V. 43 г.).

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ кантонахъ свобода рѣчи основана исключительно на наказѣ законодательной палаты. Прежде такая постановка вопроса встрѣчалась довольно часто. Теперь этотъ титулъ для привилегіи сохранился въ Ааргау (регл. 22. XI. 85 г.), Тессинѣ (регл. 6. V. 93 г.), Женевѣ (регл. 22. X. 47 г.), Базель-городъ (регл. 23. XI. 91 г.), Ури (регл. 17. VI. 89 г.) и Цюрихѣ (регл. 24. IV. 70 г.). Съ юридической точки зрѣнія это основаніе привилегіи, несомнѣнно, весьма шатко. Наказы палатъ нигдѣ не носятъ характера закона; ихъ обязательность распространяется повсюду только на самыя палаты и ихъ членовъ, но не на другіе государственные органы, въ частности на суды. Поэтому гарантія, основанная на палатскомъ наказѣ, довольно иллюзорна: — ее, въ подлежащемъ случаѣ, можетъ отказаться признать любая судебная инстанція. Такъ оно и было въ Базельскомъ (сельскомъ) кантонѣ. Наказъ отъ 11 декабря 1865 г. гласилъ, что членъ ландрата отвѣчаетъ за свои сужденія только передъ этимъ послѣднимъ. Однако, высшій судъ призналъ, что это постановленіе можетъ относиться только къ взаимнымъ отношеніямъ членовъ палаты, но не къ третьимъ лицамъ, которыя дѣйствію наказа не подчинены [1]). Это, между прочимъ, побудило базельскій ландратъ опустить соотвѣтвѣтственный параграфъ въ новѣйшемъ своемъ регламентѣ отъ 26 ноября 1894 г.

Что касается объема привилегіи, то, по большей части, узаконяется полная безотвѣтственность, по французскому образцу. Однако, не повсюду. Такъ, женевскій наказъ допускаетъ принесеніе жалобъ со стороны частныхъ лицъ за оскорбленія и клевету. Точно также регламентъ Ури дѣлаетъ исключеніе для „Privatinjurien“. Въ Цюрихѣ же судебное преслѣдованіе депутата возможно, но лишь съ разрѣшенія кантональнаго совѣта.

---

1) v. Muralt, op. cit., 39.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что со введеніемъ въ дѣйствіе общаго для всей Швейцаріи уголовнаго уложенія дѣло, по всѣмъ вѣроятіямъ, измѣнится. По крайней мѣрѣ во всѣхъ проектахъ содержится статья, согласно коей безотвѣтственность гарантируется не только членамъ Союзнаго Собранія, но и членамъ кантональныхъ совѣтовъ [1]).

Привилегія неприкосновенности нашла себѣ въ швейцарскомъ законодательствѣ еще меньшее признаніе. Объ ней упоминаютъ лишь четыре конституціи, а именно Бернская (ст. 30, абз. 3), Невшательская (ст. 30), Ваадтская (1885 г., ст. 38) и Валлійская (1875 г., ст. 38); иммунитетъ здѣсь конструируется по французскому образцу, т. е. согласіе законодательнаго собранія требуется не только для ареста депутата — за исключеніемъ flagrant délit, — но и для начатія преслѣдованія. Иная формула усвоена Тургаускимъ закономъ 1851 объ отвѣтственности должностныхъ лицъ: здѣсь согласіе палаты требуется только для арестованія депутата. Наконецъ, въ Люцернѣ, согласно закону 1842 г., въ случаѣ выдачи приказа объ арестѣ депутата, члена правительственнаго совѣта или высшаго суда, немедленно долженъ быть созванъ большой совѣтъ для разрѣшенія вопроса о томъ, долженъ ли арестъ быть снятъ или нѣтъ.

Какъ видно изъ приведеннаго обзора законодательныхъ постановленій, регулирующихъ вопросъ о депутатскихъ привилегіяхъ, иммунитетъ играетъ въ Швейцаріи довольно незначительную роль. Многіе кантоны вовсе безъ него обходятся, причемъ нѣкоторые за послѣднее время сочли даже возможнымъ отъ него отказаться. Такъ, въ Базелѣ-сельскомъ конституція 1832 г. § 41 установляла оба вида иммунитета. При пересмотрѣ конституціи въ 1863 г. отпала безотвѣтственность, а новый основной законъ 1892 г. выбросилъ за бортъ и неприкосновенность. Точно также и въ Швицѣ наказъ кантональнаго совѣта 1848 г. заключалъ въ себѣ статью, обезпечивавшую свободу слова. Въ 1889 году, при изданіи новаго регламента, постановленіе это было исключено.

Такое положеніе вещей, какъ совершенно вѣрно замѣ-

1) См. Vorentwurf zu einem schweizerischen Strafgesetzbuch 1903, § 12; 1908, Art. 4.

чаетъ v. Muralt[1]), объясняется отсутствіемъ антагонизма между законодательною и исполнительною властями, благодаря чему палатамъ не грозитъ опасность неосновательныхъ и тенденціозныхъ преслѣдованій. На самомъ дѣлѣ, повсюду исполнительные совѣты избираются самой палатой и всецѣло отъ нея зависятъ. Съ другой стороны, вѣра въ безпристрастіе судей и магистратуры въ Швейцаріи чрезвычайно велика; народные представители, по общему убѣжденію, не рискуютъ сдѣлаться жертвой пристрастныхъ приговоровъ, на почвѣ партійныхъ разногласій. Ибо и партійная рознь здѣсь менѣе остра, чѣмъ въ другихъ странахъ[2]), и мѣра свободы индивида болѣе широка, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

§ 121. Въ Испаніи первая попытка ввести конституціонно-представительный строй относится къ 1808 г. Въ іюлѣ этого года Наполеономъ предложенъ былъ собранію нотаблей въ Байоннѣ проектъ основнаго закона, во многомъ напоминавшій французскую конституцію VIII г. Законодательная власть вручалась кортесамъ, подраздѣленнымъ на три куріи; засѣданія ихъ объявлялись негласными и непубличными, причемъ всякое сообщеніе принятыхъ имъ рѣшеній и резолюцій со стороны кого либо изъ депутатовъ, разсматривалось какъ государственное преступленіе[3]). Какихъ либо постановленій относительно иммунитета въ конституціи не содержалось.

Актъ 1808 г. былъ встрѣченъ испанскими патріотами съ крайнимъ негодованіемъ. Немедленно вспыхло повсемѣстно возстаніе, и въ Кадиксѣ были созваны чрезвычайные генеральные кортесы, съ учредительными полномочіями[4]). Выработанная ими конституція была опубликована 19 марта

---

1) Op. cit., 37.

2) См. интересныя замѣчанія Лоуэлля, Правительства и политическія партіи въ государствахъ западной Европы, пер. Полторацкой, М. 1905, стр. 445 и слѣд. Быть можетъ не послѣднюю роль играетъ въ данномъ отношеніи принятая во многихъ кантонахъ система пропорціональнаго представительства, а также институты референдума и народной инціативы.

3) Pölitz, II, 257.

4) Baumgarten, Geschichte Spaniens, I. Th., Lpz. 1865, S. 450 ff.

1812 г.[1]). Новый основной законъ, составленный подъ явнымъ вліяніемъ французской конституціи 1791 г., провозглашалъ начала народнаго суверенитета и раздѣленія властей, установлялъ однопалатную систему и тщательно регламентировалъ юридическое положеніе депутатовъ. Вопросу была посвящена ст. 128[2]). Здѣсь, прежде всего, гарантировалась абсолютная свобода слова — депутаты за свои мнѣнія не подлежали преслѣдованію ни въ какое время, ни въ какомъ случаѣ и ни со стороны какого-бы то ни было государственнаго органа.

Далѣе, по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, депутаты были признаны подсудными самимъ кортесамъ, по правиламъ, установленнымъ наказами. Такимъ образомъ, по второму пункту конституція 1812 г. значительно отступала отъ своего французскаго образца. Она, строго говоря, узаконяла не неприкосновенность депутатовъ, а ихъ исключительную подсудность собранію корсесовъ по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ. И нужно сказать, что съ точки зрѣнія послѣдовательнаго и неуклоннаго проведенія принципа раздѣленія властей такая постановка вопроса была болѣе логична, чѣмъ принятая въ актѣ 1791 г. система[3]).

Конституція 1812 г. недолго оставалась въ силѣ. Немедленно послѣ изгнанія французовъ былъ возстановленъ на престолѣ Фердинандъ VII (1814—1833), причемъ реставрація сопровождалась самой мрачный реакціей. Лишь послѣ его смерти, въ регенство Маріи-Христины была снова сдѣлана попытка вернуться къ представительному строю. Провозглашенный 10 іюля 1834 г. „королевскій Статутъ“, представлявшій собой смѣсь довольно разнообразныхъ

1) Нѣмецкій переводъ текста конституціи у Pölitz, II, 263—293.

2) „Man kann den Deputierten wegen ihrer Meinungen nichts anhaben, und sie können derenthalben zu keiner Zeit, in keinem Falle, und von keiner Behörde in Untersuchung gerathen. In Criminalprocessen, die gegen sie anhängig gemacht werden, können sie blos durch das Tribunal des Cortes, auf die im Reglement über die innere Regierung derselben vorgeschriebene Art und Weise, gerichtet werden. Während der Sitzungen der Cortes, und einen Monat darnach, können die Deputierten weder wegen Civilsachen belangt, noch Schulden halber exequirt werden.

3) Ср. выше, стр. 164.

политическихъ принциповъ [1]), въ общемъ все же довольно близко подходилъ къ хартіи 1814 г. Онъ установлялъ палату пэровъ (Estamendo de proceres) и палату депутатовъ (Estamendo de procuradores) и членовъ той и другой объявлялъ неприкосновенными, понимая подъ этимъ понятіемъ установившуюся во французскомъ правѣ уголовно-процессуальную привилегію [2]).

§ 122. Въ 1837 г. издана была новая конституція, выработанная учредительнымъ собраніемъ кортесовъ [3]). Образцомъ, въ данномъ случаѣ, послужила хартія 1830 г. При этомъ, принципъ народнаго суверенитета нашелъ себѣ выраженіе во вступительной части конституціи, но начало раздѣленія властей было категорически отвергнуто [4]). Въ отношеніи же привилегій, свобода рѣчи, также какъ и во французской хартіи, была обойдена молчаніемъ, неприкосновенности же была посвящена статья (42-ая), согласно которой отъ разрѣшенія кортесовъ были поставлены въ зависимость какъ арестъ сенатора или депутата, такъ и возбужденіе преслѣдованія, за исключеніемъ поимки на мѣстѣ преступленія. Но и въ этомъ случаѣ, равно такъ и тогда, когда кортесы не засѣдали, палатамъ по принадлежности должно было быть немедленно сообщено о случившемся [5]). Пересмотръ конституціи, послѣдовавшій въ 1845 г., статьи этой не коснулся, и она перешла и въ нынѣ дѣйствующій основной законъ 8 іюня 1879 г.

Иммунитету послѣдній посвящаетъ двѣ статьи: 46 и 47. Первая изъ нихъ санкціонируетъ безотвѣтственность, вторая же даетъ неприкосновенности слѣдующую формулировку:

1) Авторъ его, премьеръ-министръ Martinez de la Rosa, получилъ даже прозвище, „pastelero“ (пирожника), см. Lavisse et Rambaud, op. cit., X, 240; ср. Baumgarten, op. cit., III, 232 ff.

2) Ср. Stern, Geschichte Europas, IV, 440. Также и какъ и конституція 1812, „Статутъ“ провозглашалъ принципъ публичности засѣданій парламента.

3) Переговоры съ кортесами, созванными на основаніи статута 1834 г., ни къ какимъ результатамъ не привели, и, въ виду непрекращавшихся мятежей, регентшѣ Маріи-Христинѣ пришлось возстановить конституцію 1812 г. Эту послѣднюю, на основаніи декрета 15 августа 1836 г., предписано было подвергнуть пересмотру кортесовъ.

4) Г. Мейеръ, Избирательное право, I, 111.

5) Schubert, op. cit., II, 108.

„Сенаторы не могутъ подвергнуться безъ согласія сената ни судебному преслѣдованію, ни задержанію, за исключеніемъ случаевъ, когда они были застигнуты на мѣстѣ преступленія, или когда сенатъ не собранъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ о преслѣдованіи должно быть возможно скорѣе доведено до свѣдѣнія сената, дабы онъ могъ принять соотвѣтственное рѣшеніе. Равнымъ образомъ не могутъ, безъ дозволенія конгресса, подвергнуться преслѣдованію или задержанію во все время сессіи и депутаты, развѣ только они были застигнуты на мѣстѣ преступленія. Но въ этомъ случаѣ, а также и тогда, когда они подверглись преслѣдованію или аресту не во время сессіи, объ этомъ должно быть въ возможно короткій срокъ сообщено конгрессу, дабы онъ могъ разслѣдовать дѣло и принять рѣшеніе. Высшій судъ будетъ въ случаяхъ и порядкѣ, указанныхъ закономъ, вѣдать преступленія, въ коихъ обвиняются сенаторы и депутаты“ [1]).

Статьи эти, какъ видно, примыкаютъ къ бельгійской системѣ, хотя редактированы нѣсколько иначе, чѣмъ соотвѣтственныя постановленія конституціи 1831 г. [2]).

§ 123. Въ Португаліи введеніе представительнаго строя относится къ 1822 г. Въ 1820 г., подъ вліяніемъ всеобщаго въ Европѣ революціоннаго движенія, возникло возстаніе въ Порто, вскорѣ распространившееся по всей странѣ. 9 сентября регентство [3]) созвало кортесовъ, которые приступили къ выработкѣ конституціи. 23 сентября 1822 г. провозглашенъ былъ первый основной законъ Португаліи, во многомъ напоминавшій испанскую конституцію 1812 г. Также какъ и эта послѣдняя, она исходила изъ народнаго суверенитета и принципа раздѣленія власти, установляла систему одной палаты и въ депутатахъ усматривала представителей всего народа. Согласно ст. 93, они за мнѣнія, высказанныя въ кортесахъ, не подлежали никакой отвѣтственности. Въ случаѣ же совершенія депутатомъ преступленія, судья имѣлъ представить палатѣ докладъ объ его арестѣ, и отъ кортесовъ зависѣло пріостановить дѣло и вернуть обвиняемаго къ его дѣятельности въ парламентѣ [4]).

1) Гессенъ и Нольде, назв. соч., I, 253.
2) См. выше, стр. 229.
3) Король донъ Жуанъ находился въ то время въ Бразиліи.
4) Pölitz, II, 309.

По второму пункту, какъ видно, актъ 1822 г. отступалъ отъ своего испанскаго образца и приближался къ системѣ французскихъ конституцій.

Конституція 1822 г. просуществовала всего одинъ годъ: въ 1823 году возстановленъ былъ абсолютный образъ правленія и возвратъ къ конституціонализму совершился только три года спустя. 29 апрѣля 1826 король донъ Петро утвердилъ ту конституцію, которая въ основныхъ своихъ чертахъ является дѣйствующей и по сіе время [1] [2]).

Относительно иммунитета актъ 1826 г. содержалъ въ себѣ слѣдующія постановленія [3]).

Согласно ст. 25, члены каждой палаты неприкосновенны по поводу мнѣній, высказываемыхъ ими при исполненіи своихъ обязанностей. Постановленіе это сохранилось и въ нынѣ дѣйствующей редакціи конституціи.

На основаніи ст. 26 ни пэръ, ни депутатъ не могли подвергнуться аресту со стороны какого бы то ни было государственнаго органа, за исключеніемъ захвата его на мѣстѣ преступленія, влекущаго за собой смертную казнь. Наконецъ, ст. 27 постановляла, что, въ случаѣ возбужденія преслѣдованія противъ пэра или депутата, судья долженъ пріостановить всѣ процессуальныя дѣйствія и представить докладъ палатѣ. Отъ послѣдней должно было зависѣть, имѣетъ ли дѣлу быть данъ дальнѣйшій ходъ, а представитель устраненъ отъ своихъ обязанностей.

Закономъ 1885 г. постановленія ст. 25 и 26 подверглись незначительному измѣненію; самая же структура неприкосновенности осталась прежней [4]).

---

1) Tavares de Medeiros, Portugiesisches Staatsrecht, Freib. i. B., 1892, S. 21.

2) Въ промежутокъ времени между 1838 и 1842 гг. дѣйствовала конституція, опубликованная 4 апр. 1838. Въ 1852 и 1885 гг. конституція подверглась пересмотру. Новѣйшихъ событій и превращенія Португаліи въ республику мы здѣсь не касаемся.

3) Pölitz, II, 326.

4) Приводимъ текстъ по переводу Grabowski (у Posener, 764), Art. 25: „Die Pairs auf Lebenzeit und diejenigen Abgeordneten, deren Wahl von Stimmzählkommission proklamiert ist, können von keiner Behörde verhaftet werden; es sei denn, dass es auf Anordnung ihrer Kammer im Falle der handhaften Tat geschieht, insofern sie nach der Hierarchie des Strafgesetzes

§ 124. Начиная съ конца XVIII в. до 1849 г., государствами, расположенными на Апеннинскомъ полуостровѣ издано было 23 конституціи[1]). Лишь одной изъ нихъ, а именно сардинскому основному закону 4 мая 1848 г., суждено было пережить всѣ остальныя и сохранить и понынѣ значеніе дѣйствующаго права[1]).

Первымъ по времени конституціоннымъ актомъ, изданнымъ въ предѣлахъ Италіи, является конституція Циспаданской республики, провозглашенная въ Моденѣ 27 марта 1797 г. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, а именно 9 іюля того же года, объявлена была конституція Цисальпинской республики[2]), а 2 декабря — конституція республики Лигуріи. Въ 1798 г. изданъ былъ основной законъ Римской республики.

Всѣ эти акты были явно инспированы французской конституціей III года. Неудивительно, что и постановленія объ юридическомъ положеніи членовъ вновь созданныхъ законодательныхъ палатъ оказались, въ большей или меньшей мѣрѣ, сколкомъ съ французскаго образца. Строго говоря, здѣсь даже не приходится говорить о рецепціи чужого права: акты были выработаны французскимъ правительствомъ и навязаны покоренному народу.

Такъ, ст. 108—121 Цисальпинской конституціи были буквальнымъ воспроизведеніемъ ст. 110—123 конституціи III года[3]). Тоже самое относится и къ соотвѣтственнымъ постановленіямъ прочихъ конституцій той же эпохи.

28 января 1802 г. Цисальпинская республика превращается въ республику Италійскую, съ Наполеономъ въ качествѣ президента во главѣ[4]). Вновь изданная конститу-

---

die schärfste Strafe verwirkt. Diese Vorschrift ist anwendbar auf die auf Zeit ernannten Pairs vom Tage ihrer Wahl für die Dauer ihres Mandats.“ Art. 27: „Wird ein Pair oder ein Abgeordneter angeklagt oder beschuldigt, so muss der mit diesem Vorfall betraute Strafrichter der Kammer Mitteilung machen und sie entscheidet darüber, ob der Pair oder Abgeordnete im Amte bleiben und ob der Process während der Sitzungperiode oder erst nach der Amtsenthebung des Angeklagten oder Beschuldigten weitergeführt werden soll.“

1) Перечень ихъ см. у Posener, 638.

2) Пересмотрѣна въ 1798 г.

3) См. выше, стр. 206 и слѣд. Текстъ конст. 1798 г. см. у Pölitz, II, 353 ff.

4) См. Lavisse et Rambaud, op. cit., IX, 422 et suiv.

ція во многомъ напоминала конституцію VIII года, хотя по нѣкоторымъ вопросамъ отъ нея отступала, придерживаясь болѣе либеральныхъ и прогрессивныхъ принциповъ. Законодательная власть вручена была четыремъ коллегіямъ — Консультѣ, Цензурѣ, Совѣту и Законодательному Корпусу[1]). Юридическое же положеніе членовъ этихъ учрежденій опредѣлялось ст. ст. 105 и 106, которыя представляли собой буквальное повтореніе ст. ст. 69 и 70 конституціи VIII г.[2]).

Конституція Италійскаго королевства, въ составъ котораго вошло болѣе $^1/_3$ всей территоріи полуострова, дѣйствовала до сверженія Наполеона[3]). Въ 1815 г. повсемѣстно возстановляется прежній строй, полупредставительныя французскія учрежденія упраздняются, и воцаряется режимъ полнаго абсолютизма.

§ 125. Конституціонная жизнь возрождается въ Италіи лишь въ 1848 г. Подъ вліяніемъ общаго въ Европѣ революціоннаго движенія, одновременно издаются конституціи, вводящія представительный строй, въ Сициліи (10 февраля и 10 марта), Тосканѣ (15 февраля), Сардиніи (4 марта) и Папской области (14 марта). 9 февраля 1849 г. владѣнія папы секуляризуются, и провозглашается конституція Римской республики.

Изъ всѣхъ этихъ актовъ, лишь сардинскому „фундаментальному Статуту“, октроированному королемъ Альбертомъ, суждено было пережить эпоху реакціи, наступившей послѣ 1850 г., и сдѣлаться общимъ для всей Италіи правомъ. Начиная съ 1859 г., онъ рядомъ декретовъ распространяется на присоединенныя области и государства и въ настоящее время является основнымъ закономъ всего объединеннаго королевства.

---

1) Consulte завѣдывало внѣшними дѣлами, Censure — надзоромъ за правильностью примѣненія конституціи (соотвѣтствовало Sénat conservateur конст. VIII г.); Conseil и Corps législatif вотировали законы, не обсуждая ихъ. Текстъ конст. см. у Pölitz, II, 377 ff.

2) См. выше, стр. 215. Послѣ того какъ Наполеонъ провозгласилъ себя королемъ Италіи, конституція, въ 1805 г., была пересмотрѣна, примѣнительно къ сенатусъ-консульту XII года.

3) Въ Сициліи, въ теченіе 4 лѣтъ (1812—1815) дѣйствовала конституція, провозглашенная Фердинандомъ IV по настоянію англійскаго коммисара лорда Bentinck'a и составленная по англійскому образцу. Pölitz, II, 437 ff.

Статутъ составленъ былъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ французской хартіи 1830 г., многія статьи которой онъ буквально повторяетъ. На немъ, до извѣстной степени, сказалось также вліяніе бельгійской конституціи 1831 г.[1]).

Что касается депутатскихъ привилегій, то, согласно ст. 51, сенаторы и члены палаты депутатовъ пользуются полной безотвѣтственностью за свои рѣчи и голосованія; равнымъ образомъ, въ силу закона о печати, покрыты иммунитетомъ и достовѣрные, bona fide составленные отчеты о засѣданіяхъ парламента[2]). Публичность засѣданій гарантирована ст. 52 статута.

Въ отношеніи неприкосновенности сенаторы поставлены въ иное положеніе, чѣмъ члены нижней палаты. Согласно ст. 37, близко подходящей по своему содержанію къ ст. 29 французской хартіи 1830 г.[3]), сенаторы, за исключеніемъ случая поимки на мѣстѣ преступленія, могутъ быть арестуемы только по приказу самой палаты. При этомъ сенатъ признается единственнымъ компетентнымъ органомъ для суда надъ своими членами. Относительно же депутатовъ статутъ (ст. 45) узаконяетъ привилегію въ ея обычной для романскихъ странъ формѣ, т. е. ставитъ, во время сессіи, какъ арестъ, такъ и начатіе уголовнаго преслѣдованія въ зависимость отъ разрѣшенія палаты, за исключеніемъ flagrant délit[4]).

Наконецъ, на основаніи ст. 46 статута, личное задержаніе депутата за долги непримѣнимо вовсе. Нынѣ, послѣ изданія закона 6 декабря 1877 г., отмѣнившаго арестъ по гражданскимъ взысканіямъ, эта статья утратила всякое практическое значеніе[5]).

§ 126. Изъ государствъ Балканскаго полуострова первымъ, перешедшимъ къ представительному образу правленія, является Грецiя.

Въ 1821 г. вспыхло возстаніе, и уже въ слѣдующемъ году національнымъ собраніемъ вотирована была т. наз. Эпи-

1) См. Brusa, Das Staatsrecht des Königreiches Italien, Freib. i. B. 1888, S. 11 ff.

2) Brusa, op. cit., 160.

3) См. выше, стр. 219.

4) О тѣхъ затрудненіяхъ, которыя на практикѣ вызываетъ примѣненіе этихъ статей, см. Brusa, loc. cit.

5) Орландо, Принципы конституціоннаго права, М. 1907, стр. 164.

даврская конституція (15 янв. 1822 г.). Актъ этотъ былъ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ французской революціонной доктрины и въ значительной степени воспроизводилъ постановленія конституцій 1793 и 1795 гг.[1]).

Эпидаврскій органическій законъ установлялъ республиканскую форму правленія и вручалъ законодательную власть одной палатѣ. Иммунитета для ея членовъ конституція не установляла, § 50 лишь требовалъ, чтобы, въ случаѣ совершенія депутатомъ государственнаго преступленія, дѣло было разсмотрѣно палатскимъ комитетомъ изъ 7 членовъ, которые имѣли представить соотвѣтственный докладъ собранію; отъ послѣдняго зависѣлъ дальнѣйшій ходъ дѣла, а именно, буде палата $^2/_3$ голосовъ признавала депутата виновнымъ, онъ лишался своего званія и „какъ простой гражданинъ“ предавался суду. Засимъ, § 51 постановлялъ, что никто изъ членовъ законодательной палаты не можетъ быть арестуемъ до утраты имъ своего званія[2]).

Въ 1827 г. изданъ былъ новый органическій законъ, основанный, въ общемъ, на тѣхъ же принципахъ, что актъ 1822 г. Члены законодательнаго собранія — сената — на этотъ разъ получали гарантію безотвѣтственности (ст. 67) и неприкосновенности, послѣднюю, однако, въ довольно узкихъ предѣлахъ. Члены сената, гласила ст. 65, не могутъ быть арестуемы во время засѣданій сената и въ теченіе четырехъ недѣль до начала и послѣ окончанія ихъ, но могутъ въ это время быть привлекаемы къ суду. При этомъ, какъ видно изъ сопоставленія съ слѣдующей статьей[3]), рѣчь шла не только о предварительномъ задержаніи, но и объ арестѣ въ качествѣ наказанія.

Конституція 1827 г. просуществовала всего нѣсколько мѣсяцевъ. Въ слѣдующемъ же году она, по предложенію главы исполнительной власти Ив. Каподистріа, была отмѣнена. Вплоть до 1844 г. Греціи приходится вовсе обходиться безъ конституціи: до 1831 г. страной диктаторски

---

1) Nik. N. Saripolos, Das Staatsrecht des Königreichs Griechenland, Tüb. 1909, S. 4.

2) Pölitz, III, 517.

3) Ст. 66: „bei Verurtheilungen für ein Capitalverbrechen wird die Strafe an ihnen vollzogen“. Pölitz, III, 524.

правилъ самъ Каподистріа, а послѣ его смерти на престолъ призванъ былъ Оттонъ баварскій, который также обходился безъ народнаго представительства.

Въ 1843 г. вновь вспыхла революція, созвано было въ Аѳинахъ учредительное собраніе, и въ слѣдующемъ году издана была конституція, во многомъ напоминавшая хартію 1830 г. и бельгійскій основной законъ 1831 г., но безъ демократическихъ предпосылокъ этого послѣдняго[1]): принципъ народнаго суверенитета воспринятъ не былъ, но зато тщательно проведенъ былъ догматъ раздѣленія властей[2]). Иммунитету посвящены были двѣ статьи. Согласно одной изъ нихъ (55-ой), сенаторы и депутаты за свои мнѣнія и голосованія во время исполненія ими своихъ обязанностей не подлежали ни суду, ни слѣдствію. На основаніи второй (56-ой), сенаторы и депутаты могли во время сессіи подвергнуться преслѣдованію, аресту или тюремному заключенію не иначе, какъ съ согласія палаты; это согласіе, однако, не было необходимо въ случаѣ поимки на мѣстѣ уголовнаго преступленія. Равнымъ образомъ, во время сессіи, а также четырехъ недѣль до начала и трехъ недѣль по окончаніи ея, къ упомянутымъ лицамъ признано было непримѣнимымъ личное задержаніе за долги[3]).

Статьи эти, не вызвавшія въ собраніи никакихъ преній[4]), перешли безъ особыхъ измѣненій въ конституцію 1864 г.[5]) и составляютъ и понынѣ дѣйствующее въ Греціи право.

§ 127. Въ Сербіи судьба иммунитета довольно своеобразна. Конституція 1864 г., хотя, въ общемъ, и примыкала къ бельгійской конституціи, однако признавала одну только неприкосновенность и отвергала свободу слова. Согласно ст. 71 этого акта, если въ рѣчи депутата заключался элементъ правонарушенія, то виновный предавался суду, при условіи предварительнаго испрошенія разрѣшенія палаты.

---

1) Saripolos, op. cit., 9.

2) См. докладъ Меласа отъ имени коммисіи, коей поручено было составленіе проекта конституціи, у A. C. Heinze, Der hellenische Nationalcongress zu Athen, Lpz. 1845, S. 137 ff.

3) Heinze, op. cit., 257.

4) Ibid., 196. Докладъ коммисіи ibid., 140.

5) Ст. 61 и 62. См. Posener, 595; Гессенъ и Нольде, назв. соч., I, 215.

Мало того, если депутатъ позволялъ себѣ выраженія, оскорбительныя для монарха, его семейства, регентовъ, палаты или ея членовъ, предсѣдатель имѣлъ закрыть данное засѣданіе, а въ слѣдующее сдѣлать палатѣ предложеніе объ исключеніи виновнаго на опредѣленный срокъ изъ своего состава [1]).

Въ 1888 г. издана была новая конституція, въ общемъ построенная на тѣхъ же принципахъ, что и предыдущая [2]). По вопросу о парламентскихъ привилегіяхъ, однако, она сдѣлала значительный шагъ впередъ и тщательно ихъ регламентировала. Прежде всего, свобода слова получила полное признаніе. Согласно ст. 124 новой конституціи „никто никогда не можетъ потребовать отъ депутата отчета въ томъ, какъ онъ голосовалъ съ качествѣ члена Скупщины. Что касается рѣчей произнесенныхъ въ Скупщинѣ, то депутаты отвѣчаютъ за нихъ только передъ самой Скупщиной, которая можетъ, по предложенію предсѣдателя, налагать на нихъ дисциплинарныя взысканія, предусмотрѣнныя наказомъ палаты."

Въ отношеніи же неприкосновенности усвоена была французская система, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что иммунитетъ распространенъ былъ не только на время сессій, но и на всю продолжительность депутатскихъ полномочій (ст. 125) [3]).

Въ 1901 г. королемъ Александромъ I изданъ былъ новый основной законъ, значительно менѣе демократическій, чѣмъ прежній. Постановленія относительно иммунитета были сохранены безъ измѣненій по существу и составили ст. 59 [4]). Черезъ два года, однако, послѣ кроваваго переворота, конституція 1888 г. была возстановлена съ незначительными измѣненіями [5]).

§ 128. Изъ остальныхъ государствъ Балканскаго полу-

1) Demombynes, Les constitutions européennes, 2-me éd., Par. 1883, t. II, p. 720; Péritch, Étude sur la nouvelle constitution du royaume de Serbie, въ Bulletin de la Société de législation comparée, 1903, t. XXXIV, p. 374.

2) См. Barlovac, Das serbische Parlament, Heidelb. 1895, S. 15 ff.

3) Dareste, op. cit., II, 256, 257. Ср. Péritch, loc. cit., 375.

4) Posener, 871.

5) Péritch, loc. cit., 437 et suiv. Текстъ конституціи у Гессена и Нольде, назв. соч., I, 487 и слѣд. Иммунитету посвящены §§ 123 и 124.

острова ранѣе другихъ перешла къ конституціонному строю Румынія. Уже въ 1864 г. княземъ Кузой изданъ былъ основной законъ („статутъ“), который имѣлъ быть предложенъ народу на утвержденіе путемъ плебисцита[1]). Этого, однако, не послѣдовало. Въ 1866 г. на престолъ избранъ князь Карлъ Гогенцоллернъ-Зигмариненскій, и въ томъ же году издана была конституція, въ основныхъ чертахъ дѣйствующая и понынѣ.

За образецъ при выработкѣ этого акта[2]) была принята конституція Бельгіи. Дословнымъ почти повтореніемъ ст. 44 и 45 этой послѣдней явились и ст. 51 и 52, регулирующія вопросъ объ иммунитетѣ.

Выработанная собраніемъ нотаблей въ Тырновѣ Болгарская конституція 1879 г. отразила въ себѣ вліяніе конституцій Греціи и Сербіи, а черезъ нихъ и бельгійскаго основного закона 1831 г.[3]).

Вопросу о юридическомъ положеніи членовъ народнаго собранія посвященъ отдѣлъ 2-ой гл. XIV (ст. 93—98). Свобода слова обезпечена полная; въ отношеніи же неприкосновенности болгарская конституція допускаетъ довольно значительное отступленіе отъ французской формулы. На основаніи ст. 96, „члены народнаго Собранія за пять дней до открытія и во все время продолженія засѣданій не могутъ быть арестуемы и судимы, за исключеніемъ случаевъ, когда они обвиняются въ преступленіяхъ, за кои налагаются по уголовному закону тягчайшія наказанія. Въ сихъ случаяхъ объ арестѣ слѣдуетъ немедленно увѣдомить народное Собраніе, а самое преслѣдованіе можетъ быть начато лишь съ его разрѣшенія“[4]). Такимъ образомъ, по менѣе тяжкимъ преступленіямъ возбужденіе преслѣдованія не допускается вовсе: таковое возможно, съ разрѣшенія палаты, лишь въ случаѣ преступленій тягчайшихъ. Далѣе, „за совершенныя въ засѣданіи Собранія членами его проступки и преступле-

1) Jorga, Geschichte des Rumänischen Volkes, Gotha 1905, B. II, S. 324 ff.

2) Текстъ см. у Posener, 784 ff., и у Гессена и Нольде, назв. соч., I, 422 и слѣд.

3) П. Милюковъ, Болгарская конституція, въ сборникѣ „Политическій строй современныхъ государствъ“, I, 552.

4) Гессенъ и Нольде, назв. соч., I, 156.

нія, предусмотрѣнные уголовными законами, виновные въ томъ могутъ быть привлекаемы къ суду не иначе, какъ по опредѣленію Собранія“ [1]).

Наконецъ, по ст. 97, личное задержаніе депутатовъ за долги, за пять дней до открытія и во все время продолженія засѣданій Собранія, ни въ коемъ случаѣ не допускается.

Новѣйшая изъ балканскихъ конституцій, а именно Черногорская отъ 19 декабря 1905 г., по вопросу объ иммунитетѣ весьма напоминаетъ сербскій основной законъ 1869 г. На самомъ дѣлѣ, ст. 97 начинаетъ съ провозглашенія безотвѣтственности: за голосъ, поданный членомъ народной Скупщины въ качествѣ депутата, онъ никогда не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности. Однако, тутъ же дѣлаются два весьма существенныхъ исключенія. Во-первыхъ, въ случаѣ нападокъ со стороны депутата на Скупщину и отдѣльныхъ ея членовъ, предсѣдатель долженъ закрыть засѣданіе на полдня, а въ слѣдующемъ засѣданіи представить собранію объ исключеніи виновнаго изъ Скупщины на нѣкоторое время. Во-вторыхъ, если депутатъ позволитъ себѣ по отношенію къ кому бы то ни было выраженія, представляющія собою уголовно-наказуемое оскорбленіе, то онъ, съ разрѣшенія палаты, можетъ быть преданъ суду на общемъ основаніи.

Неприкосновенности посвящены въ Черногорской конституціи три статьи. По ст. 98 народные представители за пять дней до открытія сессіи и во время ея занятій не могутъ быть арестованы или преданы суду. Въ теченіе сессіи, продолжаетъ ст. 99, никакая власть, безъ разрѣшенія народной Скупщины не можетъ арестовать или привлечь къ отвѣтственности народнаго представителя, кромѣ захвата на мѣстѣ преступленія. Засимъ (ст. 100), если въ теченіе сессіи представитель будетъ захваченъ на мѣстѣ преступленія, то онъ можетъ быть арестованъ, но объ этомъ немедленно должно быть сообщено народной Скупщинѣ, причемъ до рѣшенія ея дѣлу не можетъ быть данъ дальнѣйшій ходъ [2]).

1) Ibid., Gericke (у Posener, 24) и Dareste (въ Annuaire de législation étrangère, IX, 783) даютъ иной переводъ начальныхъ словъ статьи: „... während der Dauer des Session“, „Si pendant le cours de la session“.

2) Posener, 694; ср. Гессенъ и Нольде, назв. соч., II, 621.

Привилегія, такимъ образомъ, въ общемъ соотвѣтствуетъ французскому образцу.

Что же касается, наконецъ, самой Турціи, то въ 1908 г. возстановлена конституція 23 декабря 1876 г. Согласно ст. 47, членамъ парламента обезпечена полная свобода мнѣній. Неприкосновенность зато конституціей не признается вовсе.

§ 129. Французская формула иммунитета, начиная съ 20-ыхъ годовъ XIX ст., распространяется и на государства Америки, образовавшіяся изъ отпавшихъ испанскихъ и португальскихъ колоній. Конституціи, которыми они себя немедленно снабдили, отразили, въ значительной степени, вліяніе испанской конституціи 1812 г. и узаконили обѣ привилегіи — неприкосновенность и безотвѣтственность. Такъ, напр., уже Бразильская конституція 1824 г.[1]) признаетъ членовъ обѣихъ палатъ неприкосновенными за выраженныя ими при исполненіи своихъ обязанностей мнѣнія и не разрѣшаетъ ареста депутата или сенатора, за исключеніемъ поимки на мѣстѣ преступленія, влекущаго за собой смертную казнь, иначе, какъ по распоряженію палаты. Если же, гласитъ ст. 28, сенаторъ или депутатъ окажется привлеченнымъ къ уголовному суду, то судья обязанъ пріостановить процедуру и сообщить о семъ палатѣ, отъ которой будетъ зависѣть дальнѣйшее движеніе дѣла.

Аналогичныя постановленія встрѣчаются въ нынѣ дѣйствующихъ конституціяхъ Аргентинской республики (25, X. 60 г., ст. 60—62)[2]), Боливіи (17. X. 80 г., ст. 46, 47)[3]), Бразиліи (24. II. 91 г., ст. 19, 20)[4]), Чили (26. VI. 93 г., ст. 12, 13)[5]), Колумбіи (4. VIII. 86 г., ст. 106, 107)[6]), Коста-

1) Текстъ у Dareste, op. cit., 1-re éd., Par. 1883, t. II, p. 557 et suiv.

2) Posener, 993. Въ случаѣ возникновенія уголовнаго дѣла противъ депутата палата можетъ, большинствомъ $^2/_3$, по разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла въ публичномъ засѣданіи, пріостановить полномочія обвиняемаго и предать его суду.

3) Ibid., 1008.

4) Ibid., 1006.

5) Ibid., 1048.

6) Ibid., 1083. Неприкосновенность имѣетъ здѣсь ту особенность, что она распространяется не только на уголовныя, но и на гражданскія и начинается за 40 дней до начала сессіи. Art. 107: „Cuarenta

Рики (7. XII. 71 г., ст. 67)[1]), Кубы (21. II. 01 г., ст. 53)[2]), Эквадора (23. XII. 06 г., ст. 36)[3]), Гватемалы (11. XII. 79 г., ст. 44)[4]), Панамы (13. II. 04 г., ст. 57, 60)[5]), Парагвая (25. XI. 70 г., ст. 63—65)[6]), Перу (10. XI. 60 г., ст. 54, 55)[7]), Уругвая (10. IX. 29 г., ст. 49—50)[8]) и Венецуэлы (27. IV. 04 г., ст. 46, 49)[9]).

Во всѣхъ перечисленныхъ государствахъ постановленія, касающіяся положенія народныхъ представителей, въ общемъ, примыкаютъ къ французской системѣ, въ той разновидности ея, которая въ началѣ XIX в. была усвоена въ Испаніи и Португаліи (см. выше). Безотвѣтственность гарантирована полная, что же касается неприкосновенности, то она распространяется не только на арестъ депутата, но и на самое возбужденіе уголовнаго преслѣдованія. Нѣкоторыя конституціи, однако, отразили на себѣ вліяніе также и англо-американскаго права: это тѣ, которыя свободу отъ ареста распространяютъ и на гражданскія дѣла.

По общему правилу, конституціи предусматриваютъ обѣ привилегіи. Въ Мексикѣ, однако, конституція (5. II. 58 г., ст. 59 въ редакціи закона 13. XI. 74 г.)[10]) знаетъ только безотвѣтственность. Наоборотъ, въ Никарагуѣ (19. VIII. 58 г., ст. 59)[11]) узаконена только неприкосновенность, да и то въ

---

días antes de principiar las sesiones y durante ellas, ningún miembro del Congreso podrá ser llamado á juicio civil ó criminal, sin permiso de la Cámara a que pertenezca. En caso de flagrante delito, podrá ser detenido el delincuente y será puesto immediatemente á disposición de la Cámara respectiva".

1) Ibid., 1101. Иммунитетъ здѣсь точно также распространяется на гражданскія дѣла.

2) Ibid., 1119.

3) Ibib., 1157.

4) Ibid., 1177.

5) Ibid., 1255, 1256. Иммунитетъ здѣсь также распространяется на гражданскія дѣла и длится въ теченіе 20 дней до начала и такого же срока послѣ окончанія сессіи.

6) Ibid., 1274.

7) Ibid., 1287.

8) Ibid., 1319.

9) Ibid., 1338, 1339. Иммунитетъ касается и гражданскихъ дѣлъ. Длится 30 дней до начала и 30 дней по окончаніи сессіи.

10) Ibid., 1211, 1222.

11) Ibid., 1239: „Los diputados desde que estén electos, gozaran de

формѣ неподсудности депутатовъ судамъ безъ согласія палаты [1]).

§ 130. Изъ расположенныхъ на Азіатскомъ континентѣ государствъ лишь два до настоящаго времени ввели у себя представительный образъ правленія, а именно Японія и Персія.

Японская конституція провозглашена была 11 февраля 1889 г. Будучи октропированнымъ основнымъ закономъ [2]), она ярко подчеркнула монархическій принципъ и многое позаимствовала изъ конституцій наименѣе либеральныхъ германскихъ государствъ, въ частности Пруссіи.

Въ области депутатскихъ привилегій актъ 1889 г. примкнулъ къ той системѣ, которая усвоена была болѣе ранними германскими конституціями. Правда, относительно безотвѣтственности японскій законъ стоитъ на точкѣ зрѣнія обезпеченія членамъ парламента — какъ пэрамъ, такъ и депутатамъ — полной свободы мнѣній: „никто изъ членовъ обѣихъ палатъ, гласитъ ст. 52, не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности внѣ парламента за высказанное имъ въ палатѣ мнѣніе и за голосъ, имъ поданный“, „членъ палаты, продолжаетъ статья, разрѣшая спорный нѣкогда въ Германіи вопросъ, отвѣчаетъ, однако, на общемъ основаніи за публично высказанное имъ внѣ парламента мнѣніе, а также за рукописное или печатное оглашеніе его“ [3]). Но иначе обстоитъ дѣло съ неприкосновенностью. Ст. 53 предусматриваетъ только арестъ народнаго представителя, который не можетъ имѣть мѣста безъ согласія палаты, за исключеніемъ случая flagrant délit, а также покушенія къ возбужденію внутренняго возстанія или внѣшней смуты — постановленіе, могущее, при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ, имѣть

---

las siguientes prerrogativas: 1. Inmunidad personal para no ser juzgados por los tribunales, si la Asamblea no los declara previamente con lugar á formación de causa“.

1) Своеобразныя постановленія относительно неприкосновенности содержатся также въ конституціяхъ Доминиканской республики (20. VI. 96 г., ст. 24, ibid., 1134) и Сальвадора (13. VIII. 86 г., ст. 65, ibid., 1301).

2) Ср. Шрейдеръ, Государственный строй современной Японіи, въ сборникѣ „Политическій строй“, II, 273 и слѣд.

3) Гессенъ и Нольде, назв. соч., I, 593; Rosenet, 929.

весьма значительное практическое значеніе и дать въ руки правительству сильное оружіе для борьбы съ народнымъ представительствомъ.

Что касается, наконецъ, персидскаго „Устава національнаго Собранія и Сената“ 1905 г., то онъ въ своей 12-ой статьѣ категорически запрещаетъ кому бы то ни было и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ преслѣдовать членовъ Меджлиса, безъ разрѣшенія и постановленія національнаго совѣщательнаго собранія. Однако, въ случаѣ, если одинъ изъ его членовъ явно совершитъ преступленіе и въ моментъ совершенія такового будетъ захваченъ, онъ долженъ будетъ подвергнуться наказанію съ вѣдома Меджлиса [1]).

1) Гессенъ и Нольде, назв. соч., II, 594.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Того-же автора:

Das Prinzip der Minoritätenvertretung und die Proportionalwahl. St.-Pet. 1894.

Принципъ невыдачи собственныхъ подданныхъ. Спб. 1896.

Каботажное судоходство въ Россіи и законъ 29 мая 1897 г. Спб. 1898 г.

Международно-правовое отношеніе. Къ вопросу о конструкціи международнаго права. Спб. 1900.

О формѣ актовъ и сдѣлокъ, совершенныхъ заграницей, по русскому законодательству и судебной практикѣ. Спб. 1902.

Юридическая природа территоріальнаго верховенства. Историко-догматическое изслѣдованіе. Т. I. Спб. 1903.

Вопросы избирательнаго права. Вып. I. Тайная подача голосовъ. Вып. II. Прямое и равное голосованіе. Спб. 1905.

Безотвѣтственность и неприкосновенность депутатовъ во Франціи. Ю. 1910.

Свобода слова въ англійскомъ парламентѣ. Ю. 1910.

Безотвѣтственность депутатовъ по русскому праву. М. 1911.

Цѣна 2 р. 50 к.